Роман

ТРАХТЕНБЕРГ

Лучшее

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

…Однажды спросила у Ромы, а какую бы он хотел эпитафию для себя? Многие ведь еще при жизни думают об этом. Рома ответил, что ему все равно, что напишут, лишь бы не как у Баркова: «И жил грешно, и умер смешно». По слухам, Барков по пьяни утонул в сортире. «Хотя лучше написать что-нибудь практичное! – он тут же взялся шутить. – Знаешь, как в том анекдоте, надпись на надгробии: «Здесь лежит известный портной Зяма Гольдштейн», – а внизу приписка: «А его жена до сих пор держит магазинчик готового платья по адресу.»

Елена Черданцева, журналист, друг и литературный редактор Романа Трахтенберга.

- Роман Трахтенберг
  - Елена Черданцева. Роман Трахтенберг: от «А» до «Я»

Роман Трахтенберг
Лучшее

Если бы на одно мгновение Бог забыл, что я всего лишь тряпичная марионетка, и подарил бы мне кусочек жизни, я бы тогда, наверно, не говорил все, что думаю, но точно бы думал, что говорю. Я бы ценил вещи, не за то, сколько они стоят, но за то, сколько они значат. Я бы спал меньше, больше бы мечтал, понимая, что каждую минуту, когда мы закрываем глаза, мы теряем шестьдесят секунд света. Я бы шел, пока все остальные стоят, не спал, пока другие спят…

…Господь, если бы у меня еще оставался кусочек жизни, я бы не провел ни одного дня, не сказав людям, которых я люблю, что я их люблю. Я бы убедил каждого дорогого мне человека в моей любви и жил бы влюбленный в любовь…

…Сегодня, может быть последний раз, когда ты видишь тех, кого любишь. Поэтому не жди чего-то, сделай это сегодня, так как если завтра не придет никогда, ты будешь сожалеть о том дне, когда у тебя не нашлось времени для одной улыбки, одного объятия, одного поцелуя, и когда ты был слишком занят, чтобы выполнить последнее желание.

Поддерживай близких тебе людей, шепчи им на ухо, как они тебе нужны, люби их и обращайся с ними бережно, найди время для того, чтобы сказать: «мне жаль», «прости меня», «пожалуйста» и «спасибо», и все те слова любви, которые ты знаешь. Никто не запомнит тебя за

твои мысли.

Габриэль Гарсия Маркес. Прощальное письмо

Елена Черданцева. Роман Трахтенберг: от «А» до «Я»

Анекдоты

«…Создал Бог Небо и Землю. И посмотрел на них, и Ему понравилось. И создал Бог Женщину. И посмотрел Он на Нее… И посмотрел… И посмотрел… И подумал: „А, фигня! Накрасится!“ – таким анекдотом Рома прокомментировал мое опоздание на нашу первую встречу в ночном клубе, который он только что открыл в Москве. – Бабы вечно опаздывают, им надо намазаться!»

«Подготовился!» – решила я.

Для всей страны тогда (как, впрочем, и сейчас) было загадкой, правда ли он знает столько анекдотов или здесь скрыт какой-то секрет? В тот вечер я осталась на его программе и увидела человека, который три часа говорил со сцены о жизни; о любви и дружбе; об изменах; об удачах и неудачах, – иллюстрируя свои мысли анекдотами вперемежку с цитатами из классики, например Беранже: «Жизнь подобна собачьей упряжке. Если ты не лидер, картина никогда не меняется». Зрителей было немного, клуб открыли почему-то безо всякой рекламы, и Москва просто не успела разобраться, что за явление из Питера прибыло. Или не спешила. Как прокомментировал ситуацию сам Роман: «Если бы понты могли светиться, в Москве тоже были бы белые ночи».

Вскоре я перестала сомневаться в том, что он действительно помнит кучу анекдотов, афоризмов, цитат, стихотворений и поэм… Не только приличных, но и не очень. Роман не пропускал матерные слова, однако они всегда были настолько к месту, что усиливали мысль и не резали слух. Роман говорил: «Я не матерюсь. Я называю вещи своими именами! – и добавлял: – Юмор бывает блестящий и матовый. Последний доходчивее».

Трахтенберг работал в двух параллельных Вселенных. Одна – это маленькое кабаре: зал на полсотни человек открывался в десять вечера. Здесь звучали и старинный матерный фольклор, и самые свежие анекдоты. Здесь был стриптиз, и еще здесь был дорогой входной билет. В кабаре Роман ждал только взрослых, состоявшихся, образованных и немного циничных гостей. Парадоксально, но этот его клуб-кабаре – где стены были оклеены газетами, где над унитазом в туалете красовалась надпись «Подойди поближе. Он не такой длинный, как тебе кажется», а на зеркале: «Другие не лучше», – вот именно этот клуб оставался элитарным заведением. Здесь побывали немногие.

Вторая Вселенная, где работал Трахтенберг и по которой его знала вся страна, – это радио и ТВ. Он вел самые разнообразные передачи, играл на анекдоты: то есть зритель начинал

рассказывать анекдот, а Рома его заканчивал. Жители этой Вселенной подозревали, что их обманывают: что у Ромы есть редакторы, которые в наушник подсказывают ему окончания.

– Сама подумай, – сказал он однажды. – Если бы такие редакторы существовали да если бы технически можно было в Интернете с такой скоростью анекдоты находить – разве стали бы меня держать на ТВ?! У меня прокуренный голос, сложный характер и внешность далеко не как у Алена Делона! Меня бы сразу заменили красивым высоким мальчиком с хорошим голосом.

Но такие мальчики до сих пор не появились.

Вера

«Бог у всех один – провайдеры разные», – шутил он, но все же интерес к иудаизму возник в его жизни. Вышло так, что не Роман пришел к вере, а она к нему. Это почти мистическая история… Случилось все после его переезда в Москву. Им с первой женой Леной пришлось продать большую питерскую квартиру. Рома искал жилье в Москве, Лена в Питере. Одна бывшая коммуналка приглянулась ей сразу; очень уютная, там не было затхлого запаха старого жилья, и Лена решила купить ее, даже не осмотрев двор.

Начала ремонт… Вскоре раздался звонок: «Можно мы к вам приедем? Тридцать девять раввинов со всего мира хотели бы помолиться в этих стенах. Там жил 6-й Любавический Ребе.

„Розыгрыш!“ – решила она. Но влезла в Интернет и нашла, что правда был такой Ребе – духовный лидер тысяч религиозных евреев. И жил он на их улице с 1924-го по 1927-й год! Потом Ребе перебрался в США, его квартира в Нью-Йорке – центр всемирного иудаизма, ее посещают миллионы людей.

…Вскоре к Лене пришел раввин Санкт-Петербургской синагоги Ифрах Абрамов, он и объяснил, что их квартира как маленькая синагога, здесь молились, проводили праздники, евреи отовсюду приходили на аудиенцию, и из этой квартиры 6-го Ребе Любавического забрали в Шпалерную тюрьму. Там его приговорили к смертной казни, но заменили ее ссылкой… И хотя обычно они не разыскивают такие квартиры, потому что в Питере в годы социализма возникло много маленьких частных синагог, но именно сейчас – юбилей выхода Ребе из Шпалерной тюрьмы. Этот праздник имеет для хасидов большое духовное значение. Раввины из разных стран едут посмотреть Шпалерную тюрьму и, по возможности, квартиру…»

Лена позвонила Роме с вопросом, что делать. Он примчался из Москвы. Тогда она впервые увидела его со шваброй. Он летал по дому, как электровеник, отмывая известь. Паломники – 39 раввинов – произвели неизгладимое впечатление на всех. Еще через полгода помолиться приехали их сыновья, потом еще кто-то… Рома предложил им выкупить квартиру: «Если бы я был богатый, я бы подарил, – сказал он. – Но я бедный человек, могу только продать». Вскоре пришел ответ: «Вы знаете, уже хорошо, что она в руках еврея».

С тех пор Рому как подменили. Он начал ходить в синагогу. Но даже его друзья не знали о том, что он жертвует крупные суммы на интернат для детей при Петербургской синагоге. Он

видел, что деньги, заработанные им главным образом на пьянках, идут во благо. О том, что Роман занимался благотворительностью, стало известно, когда он умер. Об этом рассказал раввин Ифрах Абрамов. Он стал другом семьи после истории с квартирой. Именно ему пришлось провести последний похоронный обряд: «Рома не афишировал благотворительность. При своей эпатажности в этом отношении он был очень скромный. На его деньги в общежитии интерната мы сделали ремонт, заменили панели отопления, поставили стеклопакеты. За всю зиму никто из детей не заболел…»

Ифрах говорит, что Роман поменял свое лицо. Что постепенно ушла развязность, что он подумывал о смене репертуара, хотя зрители хотели видеть его прежним. Я спросила Ифраха, насколько этично говорить о святых людях в такой книге, как эта, и он ответил, что «любая информация, показывающая, что человек под влиянием веры меняется, полезна в моральном отношении».

…И все же, и все же… Все же Рома оставался верен себе. Ну, не мог он не шутить над теми, не лучшими чертами «еврейского характера», которые известны всему миру. Когда кто-либо из зрителей пытался сыграть с ним в анекдоты, он говорил: «Рассказывать Трахтенбергу еврейские анекдоты все равно что плеваться с верблюдом». Говорят, умение посмеяться над собой свойственно только умным людям. И едва начинался вечер, как в своем кабаре Трахтенберг с удовольствием шутил на скользкие темы.

Сара причитает:

– Абрам, ну как ты мог сломать новый стул?! Как ты мог испортить новую люстру?! Нет, мое сердце не выдержит! Ты что, не мог повеситься в другом месте?!!

Был еще анекдот, который он очень любил и рассказывал в каждой программе.

Поскользнулся еврей, падает в пропасть, успел ухватиться за корень дерева и кричит: «Господи-и-и, спаси меня!» И тут голос сверху: «Абрам, веришь ли ты в меня?!» – «Верю-у-у-у, Господи!» – «Тогда отпусти руки». – «Так! Я понял!.. Ээээй!!! Есть там кто-нибудь еще?!!»

Взаимовыручка

«Некоторые наши звезды говорят, что „артист должен стоять на сцене“ и отказываются от халтур. Я таких не понимаю!» – заявлял Роман.

Сам он никогда не отказывался от работы, и тех артистов, которые умеют работать вне сцены – то есть на корпоративах, на юбилеях, в ресторанах, на пляжах и в прочих малопригодных для выступления местах, он уважал. Говорил, что в таких условиях может не потерять лицо только супер профессионал!!! Ведь там ведущего могут перебить, там люди отвлекаются на «поесть и выпить», там среди гостей свои сложные отношения и приоритеты, и над кем-то подшутить можно, а над кем-то нельзя. Артист, не зная всей подноготной, может потеряться; может не понять, почему его шутка вызвала в зале гробовое молчание, а не смех. В книге «Вы хотите стать звездой?» много написано о том, как в такой сложной обстановке создать людям праздник. А ему было очень важно, чтобы праздник состоялся, и потому Рома ценил, когда коллеги по цеху, другие артисты, подсказывали что-то или помогали.

В той же книге есть глава, где Роман вспоминает, как на дне рождения одного бизнесмена познакомился с Владимиром Винокуром. Ситуация тогда для Ромы была ужасная. Полный зал народа, и почти одни мужчины. Женщин только две – жена именинника и жена его сына. Из уважения к дамам все гости сидели чинно и давили в себе смех. Роман понял, что его ждет полный провал, и тут руку помощи ему протянул Винокур, сидевший среди гостей.

– Рома, а вот ты знаешь такой анекдот? – начал он.

– Знаю.

Завязавшийся диалог двух юмористов вызвал оживление. Вот что написано об этом в книге: «Как мне кажется, он (Винокур) первый в тот вечер произнес слово „жопа“, но поскольку неприличное слово произнес приличный человек, имеющий на себе печать столпа шоу-бизнеса, все отнеслись к этому с юмором. Ведь он был звездой, когда еще и понятия такого не было, и потому „свой человек“ почти для каждой компании. Что он ни сделает – все рады. Вот и сегодня гости расслабились и развеселились. После чего я понял, что моя программа спасена. Мне оставалось только подхватить начатое им веселье как олимпийский огонь, что намного проще, чем зажечь».

После этого они начали общаться, Владимир Винокур приходил к нему в эфир и на «Русское радио», и на «Маяк».

«У меня был пароль „Рома Трахтенберг“! – рассказал Владимир Натанович. – Мне с ним было удобно, комфортно, мы перешучивались, атмосфера создавалась дружелюбная. В эфире на радио он был большой импровизатор, свободный, отвязный, но в жизни Рома был очень трогательный, наивный, в чем-то одинокий, как мне казалось. Как будто не хватало ему рядом близкого человека и некому было доверить самое сокровенное… И еще у меня создалось впечатление, что он умеет ценить человеческие отношения, хотя многие ревностно относились к нему, к его популярности. А он умел держать себя в любой обстановке и умел держать публику. Мало кто знает, но он приходил ко мне на спектакль, причем не в самый центр Москвы, а после спектакля говорил интересные вещи, тепло отзывался о моих молодых артистах. Предлагал мне в мюзикле участвовать, но у меня много работы, свой театр, и я сказал, что сложно от большого коллектива отвернуться. Он меня понял, мы перезванивались, если он звал на радиопрограммы, я откликался.

Трагедия неожиданная и не про Рому как-то, он очень жизнелюбивый, энергичный, и столько в нем было много всего. Казалось, что он не может замолчать и уйти навсегда. Мы при жизни стесняемся говорить друг другу хорошие слова, есть традиция делать это в грустные минуты на панихидах. А я ему при жизни сказал все хорошее, что о нем думаю. Он не поверил, спросил: вы издеваетесь? Он выделялся из всей тусовки, из шоу-бизнеса. У него были точные оценки, будь то передача или чье-либо выступление. Потеряли суперпрофессионала. Все о нем по-разному судили. Он был явлением, неординарным человеком. То, что он мат использовал в работе, ну так и я не рассказываю анекдот, заменяя слова…»

Диета

…Почему-то все вдруг стали говорить, что он заморил себя голодом, что резкое похудение сказалось на здоровье. На телевидение вызвали даже самого модного диетолога Москвы и заставили оправдываться. Но ведь и полнота далеко не залог здоровья. Роман был счастлив и горд собою, когда похудел. Когда показал, что и у него есть сила воли и характер. Да он и не голодал особо, по часам постоянно что-то съедал.

А голодал всерьез он только однажды, когда мы работали над книгой «Путь самца-2. Лифчик для героя». Там же и описали голодовку. Началась она с того, что я застряла в лифте, а он звонил мне на мобильный и «развлекал беседой»: «Я тебе сто раз говорил, лифты не рассчитаны на вес слонов! Ходи по лестнице». – «На себя посмотри!» – огрызалась я. Вышла я злая, а вечером мы поспорили на тысячу долларов, кто сильнее похудеет за месяц: так в книгу вошла глава «Пари».

«…Мы влезли на весы и записали вес на бумажке, под которой поставили автографы. И началась комедия. То есть я-то ничего не делал, кроме того, что закрыл рот, а Черданцева пошла обходным путем – купила ролики и поехала на ВДНХ. Я для этих мытарств даже название придумал – „Катание по мукам“. Однажды в парке ее внимание привлек гигантский верблюд, жующий траву за высоким забором. Она угостила его яблоком… Потом угостила снова… Когда пошла на третий круг, верблюд тянул морду и радовался ей как родной. Скормив все яблоки, она купила ему булочки… И только при заходе на седьмой круг она осознала ошибку. Лохматый красавец стоял уже не за решеткой, а прямо посреди тротуара у вывески „Фото на вИрблюде—150 руб. Их уже не разделял высокий забор… И тут верблюд увидел Черданцеву. Она тоже его увидела и резко начала разворачиваться, что в принципе было бессмысленно: он заметил кормилицу и радостно рванул ей навстречу, волоча за собой и стул, и сидевшую на нем, матерящуюся тетку-фотографа…“»

Еврей…

«В доисторические времена люди не знали о существовании евреев и во всех своих бедах винили темные силы природы», – Рома где-то это услышал и внес в записную книжку. Я пользовалась его записями, когда искала эпиграфы. Ему нравилось, чтобы над каждой главой был эпиграф, отражающий суть происходящего.

Однажды он мне скинул на почту кучу начатых рассказов. Обрывки мыслей. Начинал и бросал. В одном я и прочла о том, что в школе на какой-то момент он стал изгоем из-за национальности. Тогда я принесла ему книгу Вен. Ерофеева «Бесполезное ископаемое», где есть лозунг восставших негров: «Белые убили Христа! Давайте убьем всех белых!» Он даже захрюкал от смеха: «Красиво!»

Известность не спасает от страха перед разного рода нацистами. Не так давно Рома вместе с женой и водителем отправились осмотреть Троице-Сергиеву Лавру. Там среди церквей прогуливалась толпа бритоголовых юношей. Появление Романа вызвало оживление среди них. «Ну, все! Скинхеды, будут бить!» – решил он. Втроем они зашли в храм, где для них провели экскурсию. Она уже закончилась, а бритоголовые ребята все стояли неподалеку, поглядывая на двери. Рома понял, выбора нет, ждут его, и вышел. Один из молодцев направился к нему.

– Роман Львович, а мы это… Мы курсанты….Хотели у вас автограф попросить…

Жадность

«Доктор, выпишите мне таблетки от жадности. И побольше, побольше…» – Рома не скрывал, что любит деньги. Говорил, лучше пусть завидуют, чем сочувствуют. И всячески поддерживал имидж богатого человека. Он и общаться стремился с успешными людьми, к их мнению прислушивался. Он один из немногих артистов, кто в кризис не опустил гонорар, опасался, что потом на прежний уровень не вернется (что, кстати, и случилось со многими). Сидел без работы долго, переживал, но вскоре заказы пошли. Причем вся осень 2009 года у него была плотно расписана.

Рома всегда делал прогноз ситуации. Знакомых артистов учил, что зарабатывать надо, пока ты «на волне», успех может завтра уйти. Ведь столько «звезд» поверили, что будут сиять вечно, и исчезли, не успев даже квартиру купить. Он с недоумением смотрел на таких – почему у них крышу снесло? Сам он твердо стоял на земле и трезво оценивал все, что может дать шоу-бизнес.

Он вообще был хороший коммерсант. В юности одним из первых в стране начал работать «челноком». Причем успешно. Но бросил все на пике материального успеха, потому что задумался – зачем-то ведь он пришел в этот мир? Зачем-то Бог наградил его таким странным талантом – веселить людей. Он понимал, что сцена никогда не даст столько денег, сколько бизнес, и все же пошел в артисты. Так можно ли говорить, что он жил ради денег?

Впрочем, талант коммерсанта он проявил и в шоу-бизнесе. У него никогда не было продюсеров и директоров. Рома себя продавал лучше, чем все они. Успевал и другим артистам подкидывать работу. Продюсировал музыкальную группу со смешным названием «Стоматолог и Фисун». Причем «Стоматолог» – реальный врач Алексей Мусиюк, у которого Рома сам же зубы и лечил. Но раскручивал их не ради лечения зубов, а потому что нравились, близки по духу. Они создали странный жанр, я бы назвала его современной частушкой: танцевальная музыка и текст, где высмеиваются какие-либо «деятели» шоу-бизнеса. Дохода особого это не приносило, но зато всем весело!..

…Был ли Роман жадным? Если бы только кто знал, сколько денег он раздал в долг и сколько человек были ему должны! Я знала, случись что, можно побежать к Роме, и он выручит.

Правда, на своем последнем дне рождения в сентябре он сказал, что хотел бы собрать долги. Как-то горько и обидно, ты выручаешь – а тебя кидают, жаловался он гостям. «А зачем ты

раздаешь?» – спрашивала Татьяна Витько, бизнес-леди, с которой он дружил. «Ну, как зачем? Они же просят!»

…Рома говорил, что жадность порождает бедность. Поэтому он и относился так к героям передачи «Деньги не пахнут». Их желание продать душу за сто долларов осуждал. Один раз продашь за сто – и большей суммы НИКТО НИКОГДА тебе не даст! Передача эта родилась в Питере, и смысл ее был поучительный: показать, куда может завести человека жажда быстрых денег. Так, например, в Древнем Риме напаивали рабов до скотского состояния, чтобы граждане видели, как это плохо. Но передача обрела иной смысл. Он сам испугался того, что столько подростков готовы за три копейки опозориться на всю страну. Он ушел, как только закончился контракт: переживал, что теперь не знает, как отмыться. А он всего лишь поставил перед обществом зеркало…

Зеркало

За время общения он сам стал для меня как зеркало, в котором я по-новому увидела людей. Например, ведущие различных клубных вечеринок, тамады всех мастей и «Деды Морозы» – неудавшиеся артисты, узнав, что я работаю с Трахтенбергом, считали нужным высказать мне свое «компетентное» мнение о нем. И начинали все ту же старую песню, рассказывая, что «у него есть наушник, и все анекдоты ему подсказывают», что «ведущий он плохой, они не раз об этом слышали от кого-то там…» и т. д. А в глазах их светились зависть: «Ведь он такой же, как мы, ну почему же ему так много платят?!»

Журналисты и артисты считали его похабником. Но он НИ РАЗУ не произнес матерного слова ни на радио, ни тем более на ТВ. Да просто потому, что радиостанцию за это могут лишить лицензии. Рома однажды даже заявил, что заплатит сто тысяч тому, кто пришлет ему запись, как он матерился в эфире. Такого не было. Но дураков, каких мало, оказывается, много, и его все продолжали мучить вопросами: «А почему вы материтесь?!» Недавно он дал в морду какому-то журналисту на ТВ. Ролик попал в Сеть, я увидела и поняла, как дико он устал оправдываться.

Люди видят только то, что хотят видеть.

Маска

И чаще всего они хотят видеть маску. Трагедия почти всех комедийных актеров, что их перестают воспринимать всерьез. Так было и с Ромой. От него ждали веселых анекдотов, отвязного поведения, и не все готовы были воспринять другие его качества. Вот что сказал об этом Юрий Ровеиский, советник генерального директора группы ОНЭКСИМ:

«Многие из публичных людей становятся заложниками своего образа. Именно образа, когда нас запоминают такими, какими мы себя сделали, да и мы сами привыкаем к своему стилю и не находим времени, чтоб его изменить и подумать о том, кто мы такие на самом деле. Когда я слышал Романа в многочисленных передачах, ток-шоу на радио, он казался мне ярким остряком, балагуром и мастером эпатажа. Но все, как всегда, меняет случай – в 2006 г. Роман принимал участие в международной конференции РБК в Токио. И каково же было мое удивление, когда он пришел рано утром на первое пленарное заседание в костюме, галстуке и белоснежной сорочке. Более того, он как заправский работник финансового сектора стал задавать чиновникам и бизнесменам, выступавшим на конференции, массу вопросов об инновационном развитии экономики и возможности применения японских технологий. Удивление участников конференции было безграничным. Это был не тот Трахтенберг, который буквально вчера сыпал анекдотами и по-доброму подкалывал гостей на вечернем приеме. Мы очень много говорили с Ромой после этого – почему, зачем, откуда эта многогранность в нем? Он ответил очень просто: „Так удобнее, старик, за шутками меня слышат больше, чем если бы я что-то пытался донести с серьезным лицом“.

Наверное, он был прав».

Отчаяние

«Сидит на улице мужик и плачет. К нему подходит прохожий. „Ты чего?“ – „Понимаешь, я двадцать лет строил дома в этом городе, но никто не зовет меня домостроителем! Я десять лет строил мосты, но никто не зовет меня мостостроителем!.. Но стоило мне один раз по пьяни трахнуть козу…»

Рома любил этот анекдот, он хорошо иллюстрирует отношение людей к ближнему своему. Споткнуться достаточно один раз…

«Меня никуда никогда не позовут, – сказал он еще в самом первом интервью. – Ни в Кремле, ни на центральных каналах мне не быть. Они меня считают матерщинником. Почему? Если я знаю кучу матерных анекдотов, почему они думают, что я не запоминаю те, что без мата?!»

В свое время он выбрал фольклорный жанр, потому что с этим никто не работал; потому что тема была ему интересна; интересна она была и публике. Но, как я написала в самом начале, такие шоу происходили только в ночных клубах и на закрытых вечеринках, где посетители были предупреждены. Сейчас же подобный юмор есть даже на ТВ! Но Роман, как первопроходец, пострадал за всех. Ему приклеили ярлык и не хотели видеть его другим. От отчаяния в какой-то момент его спасла вера. Он пожаловался Ифраху, что в жизни у него клоунская роль, в нем видят только шута и похабника. И, может, на самом деле он такой ужасный грешник? В ответ он услышал, что никакого греха в его ремесле нет. На человеческую жизнь выпадает много печали, горя, проблем и бед. А Рома своим искусством дарит людям веселье, смех, возможность ненадолго забыться или через призму анекдота посмеяться над собственными страхами и бедами. Ифрах сказал, что у шутов и клоунов есть доля в грядущем мире. Есть старинная история, как один очень большой праведник и раввин увидел пророка Элиягу, и спросил его, кто достоин доли в грядущем мире? Пророк осмотрел площадь и сказал: «Никто». Потом увидел двух клоунов-бродяг и сказал: «Вот только эти достойны». – «Но почему? Ведь на площади много знающих и праведных граждан». Пророк сказал: «Эти двое веселят людей…»

Путешествия

– Мама-а! – опять начинает Роман, развалившись в кресле самолета.

– …Купи мне мишку!!! – весело подхватывают двести пятьдесят пассажиров самолета.

…Татьяна Витько, бизнес-леди, к которой обращен этот хор голосов, в панике хватается за голову. Вместе с Трахтенбергом они возвращаются из поездки в Японию. Отдыхали большой компанией, Рома увидел, как один из мужчин купил своей девушке в подарок игрушку-медведя, и заявил, что хочет такого же.

– Мама, купи мне мишку, – шутливо потребовал он. – Когда купишь?

Шутка неожиданно прижилась, и всю поездку он доставал Таню с покупкой медвежонка. Он звал ее мамой, хотя был старше. Может, потому, что она была еще и его работодателем: Таня – хозяйка фестиваля «Валенки на снегу», проводимого на Рублевке. Рома там ежегодно работал Дедом Морозом, а в итоге… оказался другом семьи. Не просто другом: вместе они объехали много стран. Рома жаждал увидеть как можно больше, еще в молодости путешествовал автостопом, а уж когда появились деньги, желание посмотреть мир только усилилось… Обычно Таня брала своих детей, Рома брал сына Льва– Давида, и большой компанией они отправлялись на отдых.

«С ним очень удобно было, – вспоминает Таня. – Он всю поездку заранее продумывал, где и что мы должны посмотреть. Гиды чувствовали себя двоечниками рядом с ним. Может, поэтому они старались удивить, чем могли. Однажды в Дамаске гид нам заявил, что у них на рынке можно трюфеля купить по сто долларов за килограмм, а если поторговаться, то и за тридцать! Трюфеля стоят тысячи долларов за килограмм, и потому муж мой, который в той поездке был с нами, заявил, что это полная чушь. Однако мы его уломали. И вот на жаре, спустя два часа шатаний по какому-то грязному цыганскому рынку, мы набрели на что-то, похожее на трюфеля. «Ты, мать, их попробуй, а то я вкуса не помню», – предложил Рома.

Я кусаю, их можно есть сырыми, но вкус непонятный. Все же мы их купили. А вскоре мне стало плохо. Может, грибы и настоящие, да рынок был очень грязный. Рома наливает мне стакан виски и говорит, чтобы выпила залпом. Вечер для меня был окончен, однако виски вылечило. С утра трюфеля стали скользкие, но мы их помыли и… забрали с собой в Москву, где я

бросила грибы в морозилку и забыла про них. Рома вспомнил о трюфелях спустя год, позвонил и предложил… выбросить. «Все твоя еврейская жадность! – сказала я. – Это же надо было обойти весь рынок, купить, отравиться, привезти их в Москву, а через год решиться наконец выкинуть!»

…Мы обычно дружили с гидами, обменивались телефонами, приглашали в гости, но никто не предполагал всерьез, что какой-нибудь бедный араб приедет в Москву. И все же однажды Роме позвонил один гид-сириец, сказал, что год назад показывал нам достопримечательности и мы его приглашали к себе. Так вот он в Москве, у него день свободен, и он готов прийти в гости. Рома в изумлении позвонил мне: что делать? Мой муж сказал, что ни в коем случае нельзя пускать домой совершенно незнакомого человека. Однако Рома все же пригласил того гида, накормил его…

Еще из каждого путешествия Рома привозил уникальный сувенир. Он специально оставлял время, чтобы разыскать что-нибудь такое, что только в данной стране делают. И любил поесть местную еду в каждой стране. Как правило, в красивом респектабельном месте, но мог изменить себе. Однажды мы вдвоем ушли с официального приема и отправились гулять по ночному Берлину. Во втором часу ночи нам захотелось есть, мы нашли какую-то забегаловку, типа привокзальной столовой для бомжей. Нам дали одну салфетку на двоих, кетчуп вываливался из булочки, а окружающие глазели на нас, как на инопланетян. Он тогда был в строгом костюме, я в вечернем платье, бриллиантах… «Теперь осталось еще заночевать в трубе, – предложил Рома. – Я в юности так спал. Там тепло и сухо».

Тогда родилась идея вспомнить молодость и отправиться по Германии автостопом. Деньги с собой взять, но не тратить их. Решили попробовать снова стать студентами, есть в супермаркетах незаметно от охраны, ночевать под мостом. Супруг мой покатывался от смеха над нашими планами, но нам даже представлять, как сложится подобное путешествие, доставляло удовольствие. Жаль, что идея не осуществилась, как и идея съездить в Антарктиду…»

Театр

– Я хочу умереть на сцене! – твердил Роман во время своего последнего эфира на радио, еще не зная, что жить ему остается пару часов…

– Ну, хватит уже, что ты все о смерти заладил, – просила Лена Батинова, которая вела с ним передачу.

– У меня завтра спектакль! – повторял он. – Красиво было бы выйти на сцену и умереть…

В тот вечер он должен был ехать в Санкт-Петербург, где участвовал в спектакле «Уикенд по-французски». Ради театра Рома мотался между двумя городами. Возможно, именно ради театра он в тот вечер отказывался уезжать на «скорой». Его повезли в больницу, когда ему стало совсем плохо, на свой субботний спектакль Роман так и не попал… Тот был посвящен его памяти.

«Мне в пятницу позвонил продюсер, сообщил, что все билеты проданы, – вспоминает партнерша Романа по спектаклю народная артистка России Ирина Мазуркевич. – Сказал, что с Романом созвонился, тот приедет, хотя голос у Ромы какой-то печальный… Сейчас странным кажется, но вначале я была против того, чтобы Рома играл. Наш спектакль шел уже почти три года, и тут режиссер сказал, что решил ввести нового артиста и что это будет Трахтенберг. Но он ведь не драматический актер, он эстрадник, а они все самодостаточны – принимайте меня таким, какой я есть!…И вот он начал приезжать на репетиции, летал из Москвы, но всегда появлялся вовремя. Сначала репетировал с другими артистами, а я сидела в зале, смотрела на происходящее и думала, что ничем хорошим это не кончится. Он видел мое скорбное лицо, я видела, что партнеры ему помочь не могут и мои худшие подозрения оправдываются. Потом поняла: деваться некуда, и пошла знакомиться. „А давай на „ты“!“ – сразу предложил он. „Я не обещаю сразу. Не потому что меня нельзя на „ты“, я сама не могу сразу на „ты““….После репетиции Рома у девочек спросил, сколько мне лет, удивился и стал звать по имени-отчеству. А меня удивило, что он оказался очень умным человеком. Среди артистов такое встречается очень редко. Оказалось, что он много ходит по театрам, много видит, в Питере ходит даже по студенческим и молодежным театрам. Сказал, что видел одного коллегу в спектакле, в который тот ввелся. Все вокруг были нормальные, а тот совершенно беспомощный. Рома сказал: „Я не хочу позориться. Пока не будет все хорошо, не выйду на сцену!“ Поэтому он слушал советы, ему можно было

делать замечания. Он говорил: „Так ты, барин, покажи, а мы переймем!“ И у него все начало получаться, и было видно, что работа доставляет ему удовольствие.

Если бы еще немножко, мы бы с ним подружились. С ним было очень легко, как обычно бывает при общении с умными интеллигентными людьми. Что его развязность – всего лишь маска, стало видно практически сразу.

…Однажды само его присутствие в моей жизни спасло меня от неприятностей. Я тогда ехала на дачу, впереди идущий грузовик долго пыхтел газами в мою сторону, и в итоге я решила обогнать его. Впереди никого не было, но, как бывает в таких случаях, откуда ни возьмись, нарисовались гаишники. Меня остановили. Я прошла в их машину, и они стали говорить, что ждет меня лишение прав. „Может быть, я штраф заплачу?“ – умоляла я. „Мы даже не знаем, какая сумма штрафа тут может быть“, – тянули они, вымогая деньги. „Может, я позвоню кому-нибудь и спрошу?“ – продолжала я, хотя знала, что стоит это тридцать тысяч рублей. „И кому мы позвоним? Роману Трахтенбергу, что ли?“ – спросил гаишник. Оказывается, в мои права как-то попала Ромина визитка. Я уже думала, что потеряла ее.

– Не стоит ему звонить, он за границей отдыхает.

– А откуда вы его знаете?

– Мы с ним в одном спектакле участвуем.

– Вы артистка, что ли? – тут он в первый раз посмотрел на меня. – А, это вы. Ну тогда… Тогда поезжайте, только осторожно.

Я так и не успела Роме рассказать эту историю».

Эпитафия

Этой осенью по тусовке ходила идея, что Бог, наверное, собрался снимать кино: он забирает для себя самых лучших, умирают артисты, писатели. «Давай напишем про это пьесу», – предложил он мне. И ушел участвовать.

Однажды спросила у Ромы, а какую бы он хотел эпитафию для себя? Многие ведь при жизни думают об этом. Так, писательница Тэффи просила, чтобы на ее могиле написали: «Здесь лежит Тэффи. ВПЕРВЫЕ ОДНА».

Рома ответил, что ему все равно, что напишут, лишь бы не как у Баркова: «„И жил грешно, и умер смешно“. По слухам, Барков по пьяни утонул в сортире. „Хотя лучше написать что-нибудь практичное, – продолжил он. – Как в анекдоте, надпись на надгробии: „Здесь лежит известный портной Зяма Гольдштейн“, – и внизу приписка: „А его жена до сих пор держит магазинчик готового платья по адресу…“»

Наверное, в этом обаяние еврейского народа: на любую беду можно придумать повод улыбнуться. Уныние – самый большой грех. После смерти Ромы о нем стали говорить много хорошего. А при жизни он сам любил рассказывать о себе небылицы. Когда его спрашивали, зачем портит себе имидж, отвечал: «Плохая реклама – только некролог».

Елена Черданцева, журналист, литературный редактор

Путь самца

Вступление

– Любимая!

– Какая «любимая», если ты мне изменяешь?!

– Если бы не изменял – то была бы единственная, а так – любимая…

Я начал работать над этой книгой потому, что внезапно впервые в жизни остался совсем один.

Жены не было. Потому что я от нее ушел к любовнице.

Но и любовницы не стало. Потому что ее я выгнал.

Каких-то других постоянных партнерш на горизонте также не наблюдалось. Потому как с незамужними я держу дистанцию: подружил чуть-чуть – и до свиданья, пока-пока. Ведь они опасны, ибо, в силу своего коварства или ввиду многочисленности популяции, стремятся попасть в «Красную книгу», то есть в твой паспорт. А мои замужние любовницы, с которыми мне было бы удобно, живут по тому же циничному принципу, что и я. То есть приезжают ко мне, когда этого хотят они, а совсем не тогда, когда я подыхаю от тоски в голоде и холоде. Когда некому сварить суп и залечить сердечную рану. Им твои проблемы до фонаря.

Желая убежать от такого неожиданного кошмара, я подался туда, куда нормальному человеку пойти и в голову не стукнет: в писатели. И решил посвятить свое творчество тому, чего в моей жизни было навалом, как мусора на помойке, и что однажды вдруг исчезло, как снег в период оттепели. А именно, бабам!

Я, правда, не знаю, как бабцы отреагируют на мой труд. Будет ли им интересно узнать, что мы, мужики, часто невооруженным глазом видим все их приемы, ужимки и прыжки. И что иногда точно знаем, где у них кнопочка, на которую нужно нажать, чтобы все срослось.

А мы знаем, потому что изучаем их всю жизнь и следим за ними внимательнее, чем они думают. Начинаем исследования уже в подростковый период, а заканчиваем… Да никогда конца этому не будет.

Вначале, по малолетству, в голове роится только одна мысль: кого бы, кого бы?!! Потом мы слегка взрослеем, у нас появляется юношеское эстетство, и хочется уже чего-нибудь эдакого. Например, девственной чистоты. И ты изучаешь именно эту горную породу. Проходит какое-то время, появляется цинизм, и тянет на проституток, олицетворяющих мегаполисную грязь. С теми приятней, зато с этими гораздо проще! Не надо кривляться,

уговаривать, они вынуждены принимать нас такими, какие мы есть….Потом приходит осознание того, что вообще не интересен секс как таковой, а хочется любви: чистой и светлой. Сначала с женой, но потом и с ней неинтересно – потому что она уже есть, – и тогда находишь любовницу. Причем талантливую и перспективную, чтобы ее общение с тобой не прошло даром. Ты ведь уже известен и богат и можешь ей помочь. Тебе кажется, что девица, которая строит себе карьеру, по гроб жизни должна быть благодарна тому, кто поможет ей выйти в люди. Ты думаешь именно так потому, что сам был бы благодарен подобной помощи – в свое время. Но ты и тут просчитываешься. На поверку эта вулканическая порода: любовница и начинающий талант в одном лице оказываются одной, да притом еще и самой заурядной бл… ю…

И пытаешься воссоединиться с женой. Но не факт, что тебя теперь примут. Поэтому приходится постоянно просить у нее прощения только мысленно, удивляясь самому себе. Надо же, думаешь ты, с ней жизнь началась, к ней же и возвращается. А ты все искал-искал, все выбирал-выбирал. Все думал, что, может, повезет, что, может, найдешь лучше. Но лучшее, оказывается, всегда было рядом.

То есть ты, подобно экскаватору, зарываешься все глубже и глубже, вынимаешь пласт за пластом до тех пор, пока не оказываешься на самом дне самого глубокого ущелья. Теперь уже некуда двигаться: вниз – невозможно, наверх – не вернуться. Говорят, что люди не летают. Нужно только уточнить – не летают вверх.

И ты теперь – как Колобок: «И от бабушки ушел, и от дедушки ушел…»

Почему-то, только когда тебя хочет съесть Лиса, ты понимаешь, что самое главное в жизни – это семья.

Правда, некоторые видят главное сразу. Есть такие уникумы. Я, к сожалению, не такой – я ОБЫКНОВЕННЫЙ. И мне придется не раз еще покаяться за свои ошибки.

О семье пишу немного. Самое важное пусть останется за кадром.

Я же расскажу о… проблемах.

Главная – это выбор: мы никак не можем его сделать и на что-то решиться. Ведь нам кажется, что чем дальше и глубже, тем лучше и моложе. Нам – это большинству мужчин, которые в книге обозначаются термином «самцы».

Иногда мы до старости, как дети в магазине сладостей: одну конфету держишь в руке, две во рту, а при этом еще и пожираешь глазами прилавок. И пока все здесь не перепробуешь, боишься,

что самую вкусную все-таки упустил.

Перепробуешь все – получишь дикую изжогу.

Вылечишься, придешь в себя – подумаешь, а почему бы не поделиться опытом с другими? Причем предельно честно и местами цинично. Пусть я кому-то покажусь самоуверенным, ну извините. Я все-таки артист и поэтому должен всегда быть уверенным в себе и в своей правоте.

…А кстати: у баб те же проблемы. Они точно такие же дети в кондитерском отделе. Честное слово.

Девочка плачет,
Что делать – не знает:
Одного члена мало,
А два не влезает.

У меня свой клуб, где есть стриптиз. По долгу службы и из чисто мужского любопытства я ежедневно общаюсь с танцовщицами. Так что эту общечеловеческую драму я вижу и с женской стороны. И даже регулярно пытаюсь предостеречь девиц, предупреждаю, где они могут проколоться: «Самое главное – это семья, дуры!»…Без толку. Ведь они уверены, что с этим парнем заводить детей не стоит; ведь, может быть, именно сегодня появится настоящий принц, завтра – второй, послезавтра – третий. Потом на нее позарится миллиардер, и она, наконец-то, выйдет замуж. Не тут-то было. Послепослезавтра мне приходится говорить: «Все, Деточка. Ты уже старуха. То, что ты не замужем, – проблема твоя, а вот то, что при взгляде на тебя, танцующую, создается впечатление, что ты разлагаешься прямо на сцене, и от тебя отваливаются куски мяса, – моя. Ты уволена. Прощай!»

Баба, у которой отнимают последний шанс, – странное создание: она и беззащитна, как ребенок, которого почему-то выставляют из магазина, и опасна, как пожилая ядовитая кобра.

…Кстати, почему бы мне не начать непосредственно с женского вероломства?

Хочу! Хочу! Хочу!.

Учитель кладет на стол кирпич и спрашивает:

– Дети, о чем вы думаете, глядя на этот кирпич?

– Как много больниц можно построить из этого кирпича!

– Как много школ и детских садов!

– О бабах!

– Вовочка, ну какая же связь между кирпичом и бабами?!

– Никакой! Я всегда о них думаю.

То, что бабы могут быть коварными и кого-то подставлять вместо себя, я понял в четырнадцатилетием возрасте.

«Ну Ромка, ну че ты к нам пристаешь!» – жеманно вопили одноклассницы, отбиваясь от моих нахальных приставаний. Хотя, прошу заметить, приставания эти происходили всегда в доме моих родителей, куда девочки сами же и напрашивались. Привлекал их, правда, не столько я, сколько наш холодильник, где стояли разные деликатесы, приносимые моей матушкой-стоматологом с работы. Девчонки пожирали сгущенку и конфеты, которые в те времена были жутким дефицитом (о чем я по наивности даже не подозревал), и за это терпели то, что я, пользуясь случаем, хватал их за грудь. А может, им это и нравилось? По крайней мере они не выказывали особого неудовольствия. Даже напротив: разгоряченной толпой мы носились по комнатам, сбивая с кроватей покрывала и скатерти со столов.

«Ну Ромка, а знаешь, че мы тебе скажем? – однажды хитро сообщили девочки. – Приставал бы к Наташке. Это которая в соседнем подъезде живет. Она на год нас старше. Наташка же всем дает».

…Сейчас я понимаю, что девчонкам просто не хотелось упускать возможность безнаказанно являться в гости ко мне и холодильнику. Потому что им, подрастающим женщинам, хотелось, чтобы сгущенка у них была, а им бы за это ничего не было! Наташку они, не сговариваясь, подставили. Девочка эта была глупенькая, хоть и старше нас. Она уже подрабатывала кассиршей в магазине и училась в вечерней школе, так как семья у нее была небогатая. И вряд ли Наташка всем давала в силу

возрастных причин… Время тогда было другое.

Но заявление своих одноклассниц я принял за чистую монету.

Тем более что вообще фраза «Наташка всем дает» может любого четырнадцатилетнего мальчика выбить из колеи! Ясно, что вскоре ни о чем другом я думать не мог. И разрабатывал план, чем завлечь Наташку. То обещал ей хорошую музыку, но музыкой она не особо интересовалась.

– А у меня концерт Райкина на кассете есть, – сообщил я, следя за реакцией.

Это ее заинтриговало. Концерт Аркадия Исааковича я записал на спектакле. Но переписывать его на другие носители при тогдашней технике был сущий геморрой. Впрочем, этот подвиг я совершил. Чего только не сделаешь, раз «Наташка всем дает!». Да-ааа, все-таки это магическая формула.

…Но и после этого Наташка заявила, что ей со мной все равно некогда общаться. Ей надо реферат писать. По «Малой земле» Брежнева.

– Я помогу! – завопил я.

Писать его я, конечно, не собирался, сославшись на то, что все должно быть написано ее почерком. Но я свершил «огромный труд», подчеркнув в книге все важные места, которые «всего лишь надо было тупо перенести на бумагу».

И снова примчался к Наташке.

– Вот смотри, все сделал! Тебе только переписать. Ну а давай ты мне за это…

И неожиданно для себя я с ужасом понял, что попросить главное не успеваю. Через час начиналось собеседование в техникуме.

В училища и разного рода техникумы тогда собрались поступать многие ребята после восьмого класса. И я в том числе. Ведь, во-первых, там платили стипендию. А деньги в кармане прибавляли возраст и «вес». Да и при знакомствах на улице с бабами говорить, что ты школьник, было беспонтово. То ли дело студент!

Но именно сейчас две мечты: сбежать из школы в техникум и переспать с Наташкой – жестоко совпали по времени. Надо было что-то делать, и я решил ограничиться тем, чтобы попросить у нее мзду – «в виде раздеться».

– Наташ, а хоть покажи свою… Ну, между ног, а? Только быстро, а то у меня собеседование сейчас.

– Ты с ума сошел, родители дома!

В этот момент я понял, что Бог есть: входная дверь хлопнула! Они ушли! Значит, ее отмазка уже не годится.

– Ну, Наташ, видишь, их уже нет! Показывай. Только быстро, а то у меня собеседование.

– Не знаю-ююю даже.

– Ну, Наташ. Я же спешу. Ну давай.

Она уже томно вздохнула, задумавшись о своей девичьей судьбе, как… в дверь позвонили! Как нельзя некстати приперся мой одноклассник. По фамилии

Пышкин, которого мы называли Залупышкин. Впрочем, несмотря на фамилию, он был кучеряв и мускулист, а также высок. Серьезный конкурент мне, ведь у меня рост в то время был метр сорок девять.

А Залупышкин, надо сказать, тоже сильно запал на фразу «всем дает». И, как и я, принялся ухлестывать за Наташкой. При этом он полагал, что у него прав больше. Ибо он нравился Наташке чуть больше.

– Откройте! – стал орать он под дверью. – Я знаю, что вы дома!

– Ну, вот видишь, – облегченно прошептала она. – Теперь ничего не получится.

– Все получится. Мы же тихо сидим. Он поймет, что никого нет дома, и уйдет!

– Не похоже, – шептала она.

И, кажется, была права. Гад Залупышкин все названивал и настукивал. Как раненый вепрь, он бился в истерике и в дверь: «Я знаю, что вы дома-а!»

«Тоже мне экстрасенс», – думал я, вовсе не собираясь отступать от своей цели. Все же я полдня трудился над «Малой землей»! Так я теперь все брошу и пойду открывать! И я продолжал настойчиво шептать Наташке: «Показывай. Только быстрее, собеседование же сегодня!»

И вот, с тяжелым вздохом, словно расставаясь с кошельком, она потянула вниз трусы. Я увидел только край лобка, покрытый волосами, и… ничего больше. Ноги она сжала так, словно ее туда могла укусить змея. Но мне же было четырнадцать! И только от этого зрелища многие мальчики моего возраста, выросшие в советской стране, были бы счастливы!

…Сильно опаздывая на собеседование, я выбегал из подъезда. Мысль о Залупышкине вылетела из головы. Он не издавал звуков вот уже пять минут, наверняка свалил домой. Оказалось, не тут-то было! Он сидел на соседней лавочке. И, увидев меня, озверел: «Ах, это ты! Я тебя сейчас… я тебя… Вообще убью!»

– Давай вечером убьешь, – взмолился я. – У меня собеседование. Я опаздываю.

– Нет сейчас, – завопил он, бросаясь в погоню.

– Да некогда же, давай вечером.

– Нет сейчас! – орал он. – Вечером у меня другие дела. И вообще, может, настроения не будет уже такого.

Но я уже втиснулся в автобус.

…Больше я не встречался с Наташкой. Мне было неловко.

А трахаться, тем не менее, очень хотелось.

Потому не меньше раза или двух в неделю мы совершали вылазки по городу или в ЦПКиО для «знакомства с бабами». Я при этом был заводилой, потому что, несмотря на маленький рост, у меня все ж таки был очень хорошо подвешен язык. Да и выглядел к тому же взрослее «коллег». Представители Востока очень часто выглядят старше своих лет. Чтобы казаться солиднее, я обычно надевал шляпу, перчатки и брал зонт. Сейчас понимаю, как это все смешно. А тогда было совсем не до смеха.

«Телки» – которым, понятно, было не больше, чем нам, – ходили всегда по двое, по трое. Причем, обычно одна была слегка симпатичная, а вторая намного страшнее. Красивые девочки всегда ходят в паре с отвратительными жабами. Я слышал даже высказывание на эту тему, что у «настоящей женщины подруги должны быть старые, страшные и лысые».

Поэтому для начала мы их немного обгоняли, бросали «случайный» взгляд на мордочки и, если решали, что тетки, в принципе, ничего, начинали знакомство. Я пристраивался с одной стороны, приятель – с другой.

– Здравствуйте, а давайте познакомимся. Меня зовут Роман, а моего друга Андрей, – начинал я.

– И что?

– Может, в кино сходим.

– А зачем?

– Посмотрим.

– А мы в кино не ходим.

– Ну давайте в музей.

– В музеи тоже.

Тогда мы могли спросить, а куда идут они? И затем сказать, что и нам туда же. Иногда сразу чувствовалось, что тут ничего не выйдет. Иногда знакомства удавались. Но как бы там ни было, дальше обниманий дело все равно никогда не шло. Помню, как-то одна из новых знакомых даже позвала к себе, – я весь замер от предвкушения – и решил, что вот сейчас ей засажу! Сейчас-сейчас!.. Правда, не знал как. Знал только одно страшное и манящее слово. Но был уверен, что мать-природа поможет. Куда там. Юная крошка уселась мне на колени, обхватила меня ногами, и три часа бедный член стоял навытяжку, как караульный у Мавзолея, но так ничего и не получил.

Девчонки с удовольствием принимали от меня приглашения на дискотеку, ведь я платил за вход, за еду и выпивку. Только после – они всегда нахально уходили с другими. Я винил во всем свой рост, проклинал его. Меня тогда ведь даже в кино не пускали. К тому же то, что я не мог сходить на фильмы «детям до 16», еще куда ни шло. Но однажды билетерша не пустила меня на фильм «детям до 14», куда мы пришли всем классом! Все сели смотреть, а мне пришлось бежать домой за свидетельством о рождении.

Однажды я нашел дома старый полевой бинокль. Нетрудно догадаться, что все соседи из дома напротив стали мне как родные. Пару раз я видел, как из душа выходит голая баба. Но еще больше потрясла меня сцена, подсмотренная мною во дворе. Две девочки-первоклашки, забравшись в самую чащу деревьев, играли в семейную пару. Одна изображала маму, вторая папу. Придя с работы, «папа» деловито поцеловал «маму» в щечку. Потом отужинал песочными кренделями и занялся с «мамой» сексом. Почти вдавив в песок свою подругу, вторая девочка старательно вертела над ней попкой в растянутых колготках, засаживая ей несуществующий орган. От этой сцены в мозгу у меня все поплыло. Успокоиться я не мог и дрочил до офонарения.

Надо сказать, подсматриваемые картины жизни давали мне понять, что не только я и мои приятели озабочены сексуальными желаниями. Ведь тогда в советской стране было такое ощущение, что никто не трахается. Все святые. И потому каждый подросток, оставаясь один на один с собой, мучился чувством испорченности. Я поначалу даже не знал, как получать обыкновенную разрядку. И не знал, у кого спросить! Уже и искривлял член, и бил им себя по животу, и ничего не мог добиться. Как же это делается, подскажи, мать-природа! Кончил первый раз, когда крутился на нем. Ужасно тогда испугался. Думал, там что-то лопнуло.

И все-таки ощущение было незабываемое!

…Так длилось пару лет: невинные поцелуи со старшеклассницами, подглядывания, тихий онанизм. И вот однажды приятель, который был постарше, позвал меня на пьянку в честь своего ухода в армию.

– Кстати, – сообщил он. – Могу познакомить с проституткой. Она берет 25 рублей.

– А че так дорого? – протянул я.

На самом деле, предложение было более чем интересным. Ведь для первого раза, конечно, лучше проститутка. Потренироваться. Чтобы потом, когда начнутся серьезные отношения с какой-нибудь мадамой, не опозориться… Но все же

двадцать пять рублей – немаленькие деньги. Это почти все мои сбережения.

– А ты поторгуйся, – цинично брякнул он.

Я стал торговаться, зная, что в итоге все равно отдам столько, сколько она просит. Выбора тогда было крайне мало, а хотелось чрезвычайно многого. И практически – все равно кого. И самое неприятное, что все друг другу рассказывали, какие они суперсамцы, и ты в это верил.

Поэтому – оставаться дальше девственником и жить в глухом неведении о самом главном деле жизни было мучительно.

К моей радости, проститутка согласилась скинуть цену до пятнадцати рублей и бутылки коньяка. Из этой бутылки мы еще немножко для храбрости выпили.

…И я стал мужчиной!

Потом еще раз! И еще!..

Точно не помню, кажется, это произошло раз шесть.

Я, конечно, скрыл, что впервые дорвался до женского тела. Наврал девушке, что тертый, опытный кобель. Она сделала вид, что поверила, и, как ни в чем не бывало, попросила принести ей воды. Я помчался на кухню. Кретин! И мысли не допустил, что она и сама может сходить за водой. Пока я бегал, она спокойненько сперла золотое обручальное кольцо моей матери.

Вечером пропажу обнаружили. Пришлось врать, что ко мне приходил друг. Но сейчас уже невозможно предъявить ему претензии: не пойман – не вор.

– Ромочка, – вздыхала мама. – Не надо дружить с такими людьми. Кто же так поступает? Может, все-таки позвонить его родителям?

– Нет! Нет! – умолял я. – А вдруг это не он? Ну мало ли что.

…Кольцо я купил матери через несколько лет, как только стал зарабатывать самостоятельно. Того приятеля, которого так некрасиво оболгал, пришлось больше не пускать в дом: родители бы не поняли.

Но все-таки!.. Все-таки, самое главное событие в жизни питерского шестнадцатилетнего школьника свершилось! И даже это неприятное происшествие с кольцом не омрачало радости. Я стал мужчиной, настоящим самцом!

Мне, как и многим моим ровесникам, наконец-то покончившим со своей девственностью, казалось, что вот теперь-то «мы круты». Вот теперь-то все самое трудное позади. Теперь-то жизнь наладится.

Ну, где же вы, девчонки?!

– Давай потрахаемся?
– Не могу, у меня месячные.
– Тогда в попу.
– Не могу, у меня геморрой.
– Тогда в рот.
– Не могу, у меня кариес.
– Тогда в нос.
– А это как?
– А ВОТ КАК!!! (кулаком в нос).

Итак, я стал мужчиной.

Стал мужчиной и теперь четко представлял, как и что делать в постели с бабой. Был, так сказать, горд за себя и всегда «готов к бою».

Но только бабы почему-то по-прежнему не давали!

Они, наверное, вообще не особо дающие в этом возрасте. Их еще не тянет в постель к своим ровесникам. Что последних доводит просто до исступления.

Почему все так несправедливо?

Я в те времена только слышал замечательные истории о женщинах, которые выбирают себе в партнеров молодых сексуальных мальчиков. Я был именно таким, но не видел этих женщин. «О, где же ты, моя прекрасная блудница, – хотелось кричать мне, – я тоже буду сильно и много тебя любить. Ау!..»

А в ответ – тишина.

Утешало одно. Не я первый, не я последний, кто прошел через это. И сколько бы нам ни говорили тогда, что нужно совсем чуть-чуть подождать, лет примерно до двадцати, и девчонок станет навалом, слушать этот бред больше не хотелось. Потому что до двадцати лет не доживают. Хотелось сейчас, сразу, немедленно. Но, как ни крути, дело с этим обстояло туго.

Правда, в жизни всегда находится место чуду.

– Мы тут хотим где-нибудь с бабами посидеть, – как-то сообщил по телефону товарищ. – Нас двое, а их трое. Мы к тебе придем. Ладно?.. У тебя же дома никого?

Вот он – шанс.

– Приходите! – сразу выпалил я, ожидая чего-то необыкновенного.

Вскоре ко мне завалилась компания. Два парня, девчонки… Я уже стал прикидывать, которая моя, но и девчонок оказалось двое. Как?! Заметив разочарование на моем лице, приятель

шепнул.

– Она заболела, понимаешь. Не смогла прийти. Ну не отменять же нам все.

– А мне отменять? – набычился я. – Пьянки не будет!

– Да погоди, – сказал приятель. – На, возьми телефон телки, позвони, скажи, что в автобусе с ней познакомился. Вообще-то это я с ней познакомился, но какая разница.

Сейчас, конечно, понимаешь, что эта афера шита белыми нитками. Но тогда… Вера в чудеса двигала нами. И я, будучи прирожденным артистом разговорного жанра (на тот момент уговорного), матерел на глазах.

– Але, Марина, а это Роман. Как дела?

– Какой Роман?

– Ничего себе! Сама дала мне телефон, а теперь не помнит. В сто седьмом автобусе. Давай приезжай в гости, мы тут веселимся.

– Да? Но я тебя не помню.

– Приедешь, вспомнишь. Мы ждем.

– А куда ехать?

– Ты что, и адрес мой потеряла? Ну ты даешь! Записывай…

Я был настолько убедителен, насколько мне хотелось трахаться, то есть очень. И девочка поверила. Мы уже выпивали, когда она появилась на пороге. На меня, разумеется, уставилась удивленными глазами: «Я же, кажется, с другим знакомилась. Вот с этим».

– Ты что?! Он же эстонец из Нарвы. Вчера только приехал, – заверил я.

Приятель «включил эстонца». Что-что, а «эстонский» мы умели подделывать… Нарва ведь недалеко от Питера, так что эстонцы здесь не вызывали удивления. А вот уважение – да. Чем мы, умело изображая их, пользовались.

Когда двое что-то чрезвычайно убедительно доказывают, третий поневоле начинает верить: и девочка купилась. Иногда, правда, в течение нашей вечеринки в ее глазах мелькало сомнение, но мы его тут же рассеивали.

В тот день мне повезло больше других. Бабы-то, естественно, им не дали, так что в конце концов все разошлись, а моя тетка осталась.

– Я тебя довезу до дома, – пообещал я и полез к ней обниматься. – Вот сейчас, через минуточку пойдем…

И буквально через пару минут мы пошли… в спальню.

Чуть после, лежа в кровати, она задумчиво глядела в потолок и говорила, что никак не может меня вспомнить.

– Слушай, как раз, давай еще разочек и вспомним, – предлагал я, так как мне думалось о своем. Нужно было из нее

выжать все по максимуму. Чудеса – такая редкость. А пустая болтовня в постели – непозволительная роскошь. Вот сейчас она все вспомнит, наденет трусы и уйдет. И мы начали по второму кругу.

Примерно в середине круга третьего моя фея сказала, что все равно не помнит, чтобы давала мне телефон.

– Давала, давала, – еще раз, насколько мог правдиво, заверил я.

Еще через минуту она сообщила, что кончила, а меня так и не вспомнила. А еще секунд через двадцать девять-тридцать заявила, что вообще уходит.

– Куда?! – изумился я. – В ночь?!!

– Дебил! Сейчас всего пять часов!

– Правда?!

И тут я вспомнил, что вот-вот вернется мать. Нужно было действовать быстро: «Если хочешь – можешь идти. Я тебя провожу».

…В подобном обмане девочек не было подлости. Это была ложь во спасение: вынужденная производственная необходимость. Поиск БОЕВЫХ ПОДРУГ являлся слишком трудным делом для одного не слишком опытного самца. Потому мы сбивались в стаи и помогали друг другу, как могли. Каждый приносил посильную помощь. Я умел уговаривать, у другого водилась «капуста», а у третьего вся стена на кухне была исписана телефонами БАБ, которыми он легко делился. Делал это с видом знатока, важно сообщая, что вот эта ничего в постели, вот эта… Типа, всех переимел. Конечно, ему не верили. Но всегда оставалась маленькая надежда, что вдруг он не все наврал, а кое-что просто приукрасил, ну не перетрахал, а перецеловал; ну не перецеловал, а перещупал…

Тогда все врали понемногу. Чего-нибудь и как-нибудь.

В несколько тысяч раз преувеличивать победы и «слегка» приукрашать ситуации считалось нормой. Как, собственно, и знакомиться в автобусах, ходить в гости, дрочить в туалете, обмениваться телефонами девчонок… А как же не обмениваться? Не вышло у тебя с ней, передай другому… пускай и он облажается. В шестнадцать лет каждая неудача тяжела. И поэтому тогда каждый должен был четко понимать, что таких, как ты, миллионы. И понимать – понимали, но легче от этого не было.

При этом я считал, что мне особенно тяжело. У меня маленький рост, я очень умный, а эти твари любят красивых, высоких и кудрявых. Однозначно. Так что же мне остается?!

До сих пор не забуду, как однажды ко мне пришли ребята с девчонками. Две парочки разбрелись по комнатам, а я остался на

кухне с какой-то буренкой. Чудо, которое взяли для ровного счета и на которое я надеялся, – жирненький трогательный колобок – всхлипывало у меня на плече и рассказывало, как сильно нравится ему мой товарищ. Я пытался ее успокоить и, главное, убедить, что я тоже на что-то гожусь. Но ничего не помогало.

«Она ушла, любви не понимая», и я остался один. Подсчитал убытки… Да, я забыл сказать, что у меня был, да и сейчас еще, к сожалению, есть младший брат. Когда ко мне приходили приятели с девочками, братца приходилось выставлять из дома. Каждый час его «гуляний» мне стоил рубль. Рубли я давал ему железные юбилейные из своей коллекции (позже, правда, все отнял). А вечером того отвратительного дня еще и пришедшая с работы мама некстати поинтересовалась, почему у нас стоят в ряд лишние пять пар тапочек. У нас были гости?

– Нет, нет, – с ходу пришлось сочинить какую-то нелепую ложь. – Тапочки все упали с верхней полки, я расставил. Убрать наверх забыл.

Мама тактично сказала, что я могу приводить домой друзей и девочек, но чтобы папа не замечал… Угу, приводить. А деньги откуда?! Да и не дают они, девочки эти…

Правда, и в те пуританские времена существовали такие места, где все способствовало возникновению интимности: пионерские лагеря, например. Вот где сам Бог велел отрываться. В лагерях я отдыхал до упора, до самой крайней возрастной отметки – шестнадцати лет. Мой отец, хотя и был директором клуба и имел высшее гуманитарное образование, обычно устраивался кочегаром в лагерь на все лето, чтобы присматривать за мной и младшим братом. А матушке, практикующему дипломированному стоматологу, приходилось служить там же сестрой-хозяйкой, чтобы держать нас с братом под железным колпаком. Но и здесь происходило немало интересного.

В последний год своего пребывания в лагере я сдружился с шестнадцатилетней девицей, сестрой старшей пионервожатой, толстой девочкой с большими сиськами. Настоящая казачка, единственная моя ровесница на весь лагерь, всем своим видом и поведением подбивала меня на то, чтобы гулять по-взрослому. Мы частенько обнимались. Я ее хватал за грудь, что было очень волнующе; и развязывал ей тесемки на сарафане, что было очень романтично, так как она ходила без лифчика. Я даже пытался дать ей в руку «колбаску», но «хот-дог» все равно не получался. Она не понимала моих желаний, я – ее упорства. Ей очень хотелось целоваться, а мне… Короче, я ее не догонял. Думаю, если бы мы начали целоваться, минут через пять или шесть ее можно было бы трахнуть. Но тогда эта умная мысль не приходила

в мою светлую голову.

Однако некое подобие любви у нас все же развилось.

То, что это именно она (имеется в виду ЛЮБОВЬ), стало понятным, когда казачка не явилась на свидание. Я весь изнервничался, издергался. Но оказалось, что мы просто-напросто перепутали лужайки и ждали друг друга полтора часа в разных местах. Оба сильно переживали и злились. Потом все выяснили и помирились. На радостях я снова попытался ее раздеть. Но она, зараза, опять не дала! И очередной вечер в пионерском лагере перестал быть томным.

А наутро она сообщила, что через час они с сестрой идут мыться в баню. После чего она снова пойдет со мной гулять. «Ну, хоть что-то!» – решил я и… полез на черепичную крышу парилки.

Там, вывалявшись, как следует, в пыли и найдя возможность проковырять дырочку, замер в засаде.

Проторчав на ней пару-тройку часов, – вот бабы! за временем следить не умеют! – я притомился и начал разминать усталые члены. Тело, понимаешь, затекло. И в этот самый момент они заявились. Я – замер. Сейчас начнется! Вот они сели на скамейку. Вот они сняли платья. Вот они… Но что-то, видимо, вызвало их подозрения. Видимо, от моих трудов с потолка посыпалась пыль. Они истерично позвали истопника. Тот вычислил меня на раз-два-три.

Этот доморощенный альпинист полез на крышу и за ухо, самым нахальным образом, стянул вниз. Я понял – теперь меня с позором выгонят из лагеря и эта история станет достоянием гласности. Но, что самое ужасное, – моя прекрасная толстая девочка все узнает и, как следствие, точно не даст. Но истопник, добрый самаритянин, вероятно, из чувства солидарности, так никому ничего и не сказал.

Сейчас я, конечно, понимаю, что если бы за такую ерунду выгоняли из лагеря, то мальчиков там и вовсе бы не осталось! Это же просто мелкое хулиганство, ну, как, например, вымазать ночью спящих товарищей зубной пастой. Кто этого не делал, скажите?

Именно так, держа в руках фонарик и пасту, я повстречался с очередным чудом. Она приехала с актерским отрядом. Эти девчонки занимались в разных театральных студиях и в лагере жили бесплатно. От них требовалось только показать какой-нибудь спектакль перед закрытием. А мы, артисты-любители, решили показать им спектакль пораньше и ночью полезли к ним в палату с банальной пионерской целью – измазать их зубной пастой. Продвигаясь с маленьким пластмассовым фонариком между железными кроватями, я заметил, что одна из них спит в

прозрачных трусах, ну, или полупрозрачных. Причем, одеяло сбилось на сторону. Вот это удача! Подкравшись ближе и подсвечивая бесформенное тело фонариком, мы с приятелем пытались рассмотреть все как можно подробнее: искали нужные ракурсы. А девочка крутилась и вертелась, словно специально демонстрируя все, чем богата. По-моему, эта юная нахалка даже и не спала, и, по-моему, ей самой нравилось происходящее. Правда, до определенного момента, ибо, когда я протянул руку, решив ее потрогать, она что-то невнятное буркнула и накрылась одеялом. Ну точно не спала!

Мазать мы ее не стали, зачем себя обнаруживать. А наутро я «случайно» с ней познакомился.

Девочку звали Настей. Мы подружились и продолжили общение после лагерной смены. Она частенько приглашала меня в гости, когда собирались друзья. Дома у нее было интересно. Ее папа, капитан дальнего плавания, привозил из-за границы разные эротические журналы, которые мы засматривали до дыр. Я был на пару лет старше их компании. Им всем – еще по четырнадцать, мне – шестнадцать.

Вспоминая это – думаю, может, и не был я таким уж уродом, каким сам себе казался. Пусть не супермен, но, в принципе, нормальный отрок. Мы продружили с ней целый год. Не знаю, может, на самом деле она уже и была готова к сексу и даже его жаждала, но я на это не особо рассчитывал и поэтому присматривался только к своим ровесницам. Переспать с ними шансов больше.

Так или иначе, я вскоре потерял к ней интерес, и мы практически перестали общаться. И вдруг после длительного перерыва Настя проклюнулась. Мне было уже семнадцать, а ей, значит, пятнадцать.

– Я тебе должна сказать кое-что важное, – она чувственно запыхтела в трубку.

– Чего?

– Я лишилась девственности.

– Чего-чего? – Я не был готов к такому разговору с ней.

– Ну, трахнули меня!

– А-а? Да ты что?!

Видимо, это событие для особей женского пола так же важно и значимо, как и для нас. Им тоже непременно нужно донести его до всей планеты, всем рассказать и со всеми обсудить… А может, и повторить его? Поэтому, на всякий случай, я спросил: «А у тебя кто-нибудь дома есть?»

– Нет.

– Хорошо. Давай приеду, все обсудим.

И я помчался. Дома Настя принялась долго с подробностями рассказывать, «как пришла к мальчику, как он ее повалил, но как у них ничего не получилось. А потом как она пришла снова, и как тогда у них получилось…» Я заинтересованно кивал, раздумывая, что пора бы потихоньку начать на нее залезать. Процесс пошел. Со стороны я, наверное, напоминал Винни Пуха, неуклюже пытавшегося взгромоздиться на Сову… Но тут, откуда ни возьмись, заявилась ее бабушка, которая, видите ли, выгуливала на улице их собаку.

Обломавшись и поняв, что что-то надо делать, – так как за тот час, что ее бабушка выгуляет пса, успеть девочку и уломать, и трахнуть сложно, – я решил пригласить ее к себе. Точнее, к своим предкам, то есть бабке с дедкой. С некоторых пор я решил, что БАБ лучше водить к ним. Там было вольготно, трехкомнатно и точно известно, что раньше пяти вечера они не нагрянут.

Приехали мы часов в одиннадцать утра, и времени до вечера было навалом. Но я все же форсировал ситуацию. Чего время-то зря терять.

– Коньячку! – по-детски радостно, перейдя в наступление, с ходу предложил я (коньячок был дедовский, бутылка стояла открытой).

– Давай, – не по-детски согласилась Настя.

И мы выпили! Немного разобрало. Но надо было срочно выпить еще. Однако я понимал, что больше из этой бутылки пить нельзя. Заметят убыток, и сразу начнутся вопросы.

– А давай теперь вот этого выпьем… Этого, э-э, – я даже не мог определенно сказать, что это стоит в бутылке с импортной этикеткой. Но точно алкоголь и, главное, бутылка тоже открыта.

– Давай! – бодро поддержала она и вдруг заявила. – Чего ты так мало наливаешь?!

Эх, была не была! Ну не убьет же меня дед из-за… непонятно чего. И я бухнул ей граммов триста, которые она бодро, по-взрослому, не замедлила выпить.

– А может, в постельку? – ненавязчиво, в манере поручика Ржевского предложил я.

– П-ппошли!

Настя сломалась на короткой дистанции, перехода из одной комнаты в другую. Она стала падать, и я впервые увидел, как человек, засыпая мертвецким сном, громко распевает при этом песни.

Но мне казалось, что алкогольное опьянение вовсе не преграда для секса, а наоборот – помощь. И, простите, пришла девочка сама, сама попросила налить побольше. Кстати, пила она тоже сама, без всякого насилия с моей стороны. В чем я виноват?

Раз ни в чем, так чего ж теперь от главного отказываться?!

Настино показательное выступление, однако, длилось недолго. Вскоре девочка неожиданно начала долго и продолжительно блевать. Вначале она уделала ковер на диване. Тогда я стянул ее на пол и притащил какой-то тазик, в который она все равно не попадала, потому что не могла даже держать голову. А пока я старательно затирал покрытие на диване, она гробила ковер на полу.

Но, по сравнению с дальнейшим, отвратительная уборка могла показаться приятными хлопотами перед балом. Настя закатила глаза и начала в голос стонать: «О-оааа-аооо…»

Мне стало страшно. Всерьез. До озноба.

Мне семнадцать, ей пятнадцать.

Тюрьма.

«Что мне делать?! Делать мне что?! Что же, твою мать, мне делать, – в отчаянии метался я по комнате. – Надо позвонить мамочке, она все-таки врач. Пусть лучше на меня наорут, чем посадят».

И я стал звонить мамаше на работу, чтобы сообщить, что сижу с девочкой, а она зачем-то напилась и почему-то умирает.

– А че делать-то?

– Ромочка, ты ее не трогал? – сразу же с волнением спросила она.

– Нет-нет, – уверил я.

– Точно? – с признаками легкого недоверия в голосе переспросила любящая родительница.

– Точно-точно. А что ты имеешь в виду?

– Ничего. Ее надо под холодную воду.

И я потащил моего «маленького тюленя» к воде. Никогда до сих пор я не мог даже подумать, как сложно нести человека, который почти без сознания. С меня сошло семь потов. Так как Настя была девочкой мясистенькой и крупненькой, чтобы сдвинуть ее, нужны были мускулы Геракла. Как в фильмах про войну, я тащил умирающего товарища через коридор, который, собака, как назло, не кончался. Пару раз ее рука, вся, простите, в блевотных массах, выскальзывала, и девочка падала, звонко ударяясь головой о стену. Не дай Бог, соседи услышат. Но, наконец, кое-как, с трудностями коридор был пройден. Я закинул полуживое тело в ванну и врубил холодную воду. Эффект получился обратным! Настя принялась стонать еще громче, еще ужаснее, а в придачу еще и посинела, покрывшись страшными пупырышками.

Призрак тюрьмы с новой силой замаячил передо мной.

Теперь точно посадят, нервничал я. Поймут ли родные,

простят ли? Будут ли носить передачи?.. И я решил звонить бабушке. У бабки были в роду пьющие люди и даже один настоящий алкоголик. Как никто другой, она наверняка знала, что делать в таких случаях. Ситуацию я сформулировал предельно точно: «Бабка, приезжай. У тебя дома умирает человек. Ты приедешь и найдешь одинокий охладевший труп, так как меня к тому времени уже увезут в тюрягу».

Она приехала через два часа, нахлестала Настю по щекам, дала выпить нашатыря и чаю, сделала холодный компресс и, убедившись, что та уже может ходить, хоть и шатаясь, вытолкала нас за дверь. И даже дала денег на такси. В машине Настюха снова предприняла попытку постонать, но, наученный горьким опытом, я хлестанул ее по щеке, чем снова привел в порядок.

Вечером был семейный «разбор полетов». Мама ахала и причитала: «А что же сказали ее родители?» – «Не знаю. Я ее к двери прислонил, позвонил и убежал. Зачем слушать, что они скажут? Заранее понятно – ничего интересного». Бабушка отнеслась к произошедшему с цинизмом, сказав только, что так нажираться мальчику из приличной еврейской семьи неприлично, а также посоветовала с этой алкоголичкой больше не встречаться.

История наших с Настей отношений на этом еще не закончилась. Так как на следующий день она позвонила и сообщила: «Я поняла. Я совсем не умею трахаться».

– Да ну? Своим умом дошла или подсказал кто?!

– Ага. Ты не мог бы меня поучить?

– Ну-у… А когда и где? – уже более заинтересованно спросил я, справедливо опасаясь приводить ее к себе.

– Ну, вот у меня бабушка гуляет с собакой каждый день с 4 до 5, может, будешь приезжать?

И я приехал. Но все опять было как-то неправильно, она кобенилась, а я, уже разочарованный и уставший, вежливо решил послать ее по факсу. То есть познакомить со своим приятелем.

Он ее также пару раз трахнул и забыл.

Но, видимо, то, что она не заинтересовала никого из нас, не давало ей покоя. И в голове ее роились разнообразные варианты мелкой бабской мести.

Как-то однажды она звонит и говорит: «Рома, привет. Как дела? Может, приедешь? А то сижу одна, скучаю…» Намек был ясен. Я поехал. Оделся, как на свидание. Надел кожаный дедовский плащ. Его шляпу. И вот, весь такой красавец-раскрасавец, стою перед ее дверью и жму на кнопку. Но… почему-то никто не открывает. Тупо жму снова. Звонок трезвонит. Дверь остается запертой. Зато сзади на лестничной площадке зачем-то появляются три неизвестных малолетних рыла: «Ну, че приехал?»

– А вы кто такие?

– Сейчас, бля, узнаешь! Сейчас, бля, тебе, бля, будет плохо, нах!

Я смотрю, что ребята меня младше, но здоровее. И понимаю, что самое главное – прорваться. Не показать, что боишься. Иначе тебя зароют и убьют или наоборот – сначала убьют, а потом съедят. Малолетки бьют до победного, пока не превратят живого интеллигентного человека в неаппетитный труп, ибо тупы, твердолобы и не думают о последствиях. А я думал.

Решил – троих сразу мне не убрать. Значит, надо хорошо дать в рыло хотя бы одному. Тогда избивать меня будут только двое. И, взяв за грудки самого мясистого, я впечатал его в дверь. Звук удара отозвался эхом по всему подъезду. Они явно растерялись, не ожидая такой прыти от «коня в кожаном пальто», и быстро слиняли. Я постоял еще минуту, приходя в себя. Неужели обошлось? Такого я не ожидал, и тем более от собственной персоны.

…У девочки хватило наглости еще и позвонить мне. Сообщить, какой я все-таки герой.

– А зачем ты, сволочь, это сделала? Объясни.

Она что-то замямлила на тему того, как она обижена тем, что я воспользовался ею, а потом перестал замечать… По всей видимости, кто-то из этих малолеток ухлестывал за ней и развел ее на жалость, дескать, ну почему же она грустная, почему она плачет, кто ее обидел, кто ее расстроил… Вот девочка и поплакалась, как жестоко ее бросили, как цинично воспользовались ее беспомощным положением и т. д. и т. п.

А в детстве модно вступаться за девок, бить кому-то морду. Наверное, и в тюрьму немало людей попадают по такой же нелепой причине.

Я в своей жизни не видел ситуаций, когда за женщину следует вступаться. По крайней мере во времена моей юности и в той среде, где я рос, девочки не попадали в действительно обидные положения. Почти всегда оказывалась права народная мудрость, утверждавшая: «Сука не захочет, кобель не вскочит». Поэтому до сих пор опасаюсь дур с инфантильным образом мышления, которые умеют ведь убедить нынешнего мужика дать в рыло предыдущему. Мне кажется, на такое ведутся только малолетние идиоты с кучей комплексов или лицемеры, пускающие дамам пыль в глаза. И часто оба эти определения неразрывны.

Но что делать. Даже я в том славном возрасте был недалек в каких-то простых и примитивных ситуациях. Так, например, умудрился проморгать одно чудо.

Познакомились мы в детском санатории. По сути он не очень-то отличался от пионерского лагеря. Но в лагерь меня тогда однозначно бы не пустили. Мне уже стукнуло восемнадцать. А для санатория это был предельно допустимый возраст.

Сказать по правде, там было неплохо. Я завел чудесный роман с одной юной феей. Звали ее Вика. Мимо спящих воспитателей пробирался я по ночам в комнату, где спали она и еще две девочки. И укладывался к ней в кровать. А она… ну естественно, не давала! Говорила, что каждая девушка хочет выйти замуж. А если у нее уже кто-то был – эта мечта становится неосуществимой.

Мысль предложить ей выйти за меня в мою голову как-то не залетала. Если бы пришла или если бы девушка поставила такое условие – грамотно развела – наверное, я бы женился. Но в санатории у нас так ничего и не вышло, несмотря на то что я Вике явно нравился. И она даже в какой-то момент была готова это подтвердить.

Однажды под вечер по дороге на дискотеку мне встретилась ее соседка по комнате и загадочно сообщила, что Вика заболела и хотела бы меня увидеть. Я отправился навещать больную. Она лежала в комнате одна, да и во всем здании тоже никого не было; все, в том числе и воспитатели, ушли на дискотеку.

– Вика, ты чего? Болеешь, что ли? – И тут я заметил, что на ней только трусы и лифчик. С другой стороны, что же здесь удивительного: болеет – вот и разделась.

– Угу, – томно ответила она. – Посиди со мною рядом.

Сидеть мне чего-то не хотелось. Чего сидеть, с больной-то?! Дискотека, между прочим, начинается. А если там какая девочка подвернется? Как такое пропустить? А? Конечно, я об этом не говорил вслух. Я об этом думал, и только об этом; а совсем не о том, что меня ждет, если останусь.

– Ну посиди, – все просила Вика. – Или приляг. Мне же будет скучно одной.

Я присел, потом прилег, раздумывая, что надо с ней немного пообниматься, да и бежать на дискотеку. И мы пообнимались! Она позволила многое. Но я, в свою очередь, помнил, что «каждая девушка хочет выйти замуж», и не позволил себе лишнего. Как настоящий джентльмен пытался держать себя в руках. Кончил в штаны. В ужасе понял, что надо бежать переодеваться, не идти же теперь с мокрым пятном на дискотеку.

– Ну, ладно, Вика, пока, – прикрываясь руками, начал прощаться.

– Пока, – вероятно, проклиная мою тупость, ответила она.

И я ушел, оставив ее «болеть дальше».

Осел… или лучше – ИШАК!!!

Эта девушка тоже могла стать моей судьбой, сложись все тогда по-другому. Только где же в том возрасте взять опыт? А что касается чувств – ими руководит только сексуальное желание. Оно подталкивает на поиски той, которая даст, так что самцам совсем не до эстетства. Впрочем, и бабы-то в этом возрасте еще не очень сильно отличаются одна от другой. Все только начинают жить. И лишь спустя время мы можем объективно оценить женщину. А пока – лови все, что готово попасться!

Так что параллельно моему роману с Викой я в том же санатории и в то же лето подцепил еще одну девчонку. Точнее, наш роман возник уже после того, как она уехала и оставила мне под подушкой письмо на восьми страницах, где писала, что я – ее кумир. Решиться сказать об этом лично она не смогла и поэтому пишет об этом сейчас.

Такое признание способно потрясти неокрепшее сознание любого восемнадцатилетнего дауна! Я сразу же ответил. Она – мне. Я – ей. Она – мне. Мы переписывались ежедневно. Пять раз в день я бегал проверять почту. И это было очень похоже на любовь. Чистую, прекрасную, платоническую. Платоническую – потому что девочка была из Красноярска. Какие же еще у нас могли быть отношения?!

…Надо заметить, что все мои передряги и трудности – переписки и нечаянные проколы с алкоголем – не оставались незамеченными моей семьей: родители и бабушка с дедушкой принимали в них живое участие. Ведь тот факт, что мальчику пора жениться, был, прямо сказать, налицо. И однажды дедушка сообщил мне, что есть у него на примете одна замечательная еврейская девочка. Из богатой семьи. Папа человек очень известный, мама тоже. Сходи, пожалуйста, туда.

Ну… Почему бы не сходить?

Надев лучший костюм – финский за двести рублей, – и все то же дедовское кожаное пальто с бобровым воротником и дедовские же ботинки со шляпой, я пошел на смотрины.

Приняли меня торжественно. С накрытым столом. Но, увы, девочка оказалась квадратной и глуповатой. При этом себя она считала безусловной звездой. Она недавно выиграла какую-то школьную олимпиаду по какому-то предмету, за что ее наградили поездкой в Израиль. А год был восемьдесят седьмой, и еще никто нигде не бывал. Так что девочка среди своих подруг козыряла.

На меня же в те годы впечатление производили совсем иные вещи. Но как интеллигентный человек я не мог уйти сразу. Умничать тоже не собирался, но родители девочки завели вдруг разговор о Ницше. Я его поддержал, потом перевел тему на

Достоевского, оттуда съехал на антисемитизм. Потом еще сыграл на фортепьяно и спел какую-то смешную песенку. И вдруг заметил эту женскую, якобы неуловимую уловку: мама спрашивала взглядом у дочки: «Ну, как он тебе?»

Одним движением бровей и жадно блеснувшими глазками на заплывшем личике дочка так же моментально дала маме понять – то, что надо!

…И тут Винни Пух вспомнил об одном неотложном деле…

…Ну, если у вас больше ничего не осталось…

Пришлось интеллигентно давать деру. Я всегда боюсь этих ситуаций, когда видишь, что на тебя положили глаз. Для интриги лучше – если бы она вообще была там возможна – не знать, понравился ты или нет.

Что хочу сказать напоследок об этом возрасте? Если вы, дорогие читатели, подумали после этой главы, что я был озабоченный маньяк, вы ошиблись. Помимо соблазнения девочек, я уже два года учился на филологическом факультете ЛГУ и даже писал потрясшую всех преподавателей курсовую на тему «Ненормативная лексика в творчестве русских поэтов и прозаиков Серебряного века». Русский фольклор был мне интересен.

Я занимался им профессионально. И он «кормит» меня до сих пор, будучи широко используемым в шоу-программах моего клуба. Однако у меня не сложились отношения с одним из преподавателей. Он сделал все, чтобы меня отчислили. Я автоматически попал в список новобранцев и загремел в армию, в доблестные войска связи, где и получил в полной мере возможность изучать ненормативную лексику в творчестве солдат и офицеров Советской армии конца двадцатого века.

Про армию можно писать книги и стихи. Но лучше писать про любовь. Любовь к женщине в армии носит характер, пожирающий душу солдата, но, увы, абсолютно платонический.

Слава Богу, у меня это длилось только до первого отпуска.

Девственность как проблема

Перед первой брачной ночью сидит мужик и красит себе яйца зеленкой.

Друзья спрашивают: «Зачем?»

А он: «Завтра сниму штаны, жена увидит, спросит, почему яйца зеленые?

А я ей – раз сразу в морду, бац: „Где ты другие видела?"»

Долго думал, что главное в следующем периоде жизни человека: от восемнадцати до двадцати– двадцати двух? И понял. Люди взрослеют, и помимо обычной подростковой озабоченности их жизнь наполняют разные социальные установки. А также страхи, что ты не справишься с ними. Причем страхи преследуют в равной степени как мужчин, так и женщин.

Что касается парней, то самой страшной их проблемой становится затянувшаяся девственность, особенно если вдруг над твоей головой, как волосатая засасывающая вагина, нависла армия. «Это что же?! – в спермо-токсикозной панике мечется душа будущего воина. – Если я не стану мужиком сейчас, то шанс выпадет только в двадцать! Если доживешь!!! Но это же позор и ужас до преклонных двадцати лет оставаться валдайской целкой. Как на это отреагирует телка, которую сниму после армии?! И вообще – вдруг к тому времени все мои жениховские способности сойдут на нет?» и т. д. и т. п. Дух бунтует, самец мечется и не знает, куда бежать и кого иметь. Он не смеет уговаривать ровесниц, ибо все одно не снизойдут, а где обрести жрицу любви, ведать не ведает. Особливо если это тварь дрожащая, обитающая в Ленинграде в конце восьмидесятых и имеющая от роду неполных кврнадцать лет.

…Именно тогда мы с моим приятелем оказались на тропе воинственного поиска приключений перед армией. Но если у меня с бабами уже «все было», то у него – пока нет.

– Я тебе помогу! – геройски заявил я, представляя внутренний ужас своего товарища (ведь я на его месте бился бы в истерике). Хотя моя уверенность и строилась тогда из редких удач, которые смело можно приравнять к чуду, все же у меня было «намного» больше опыта, сына ошибок трудных и гения, друга парадокса.

И мы отправились в ЦПКиО им. Кирова, где, взяв напрокат

лодочку, ненавязчиво гонялись за телочками с более-менее сформировавшимся желанием хоть кому-нибудь, хоть на полшишечки… Удача в тот день решила улыбнуться только одному из нас. Мы, то бишь я, подцепили двух девок. Но только одна из них была не похожа на горгулью, а вторая – вылитый Квазимодо. Но что делать.

– Ладно. Тебе нужнее, так что «Эсмеральда» твоя, – шепнул я на ухо приятелю.

– Не даст! – обреченно пробурчал он.

– Куда денется. Тебе не даст, достанется мне. А вторая тогда твоя (ха-ха-ха). Так что старайся.

И мы взялись уговаривать баб пойти ко мне домой, на палочку чая.

…Если бы только знать, что моя жертва в тот день пропадет даром. Пока я мучился в комнате с доставшимся мне бегемотиком с крокодильим личиком, у которого внезапно оказались критические дни и внезапно вдруг возникшая любовь ко мне (девушка настойчиво предлагала встречаться, а я отмахивался повесткой), мой приятель все два часа, проведенные с девкой наедине, базарил с ней за жизнь.

– Как же так?! – обиженно вопил я после того, как девчонки ушли. – Я же как Матросов бросился на этого лемура. Уступил тебе царевну, а ты, как кот Баюн, – трындишь, трындишь и…

– Но она сказала, что еще девственница. Что мне было делать? – со сказочной дуростью возмущался он в ответ.

Что, что?! Меня позвать.

А может – он влюбился с первого слова? И по глупости надеялся, что так ему точно будет известно, ждала его «Эсмеральда» из армии или нет. В этом возрасте абсолютно не понятны мотивы, движущие людьми. У всех куча страхов. У парней – дождется девушка или нет. А бабы опасаются и прикидывают, женишься ты на ней после армии или нет. Или ей лучше что-нибудь сейчас подыскивать…

Женщины коварны уже с юности, они тоже не хотят упускать удачу. Ну, или мне так кажется. По крайней мере та в меру симпатичная «Эсмеральда», с которой мы красиво познакомились в парке и трогательно простились, уходя, пообещала ждать моего приятеля и писать ему письма в армию. А писала она их не только ему… По крайней мере и мне она тоже писала.

Впрочем, на ней свет клином не сошелся: мне писали шестеро девушек, хотя многие бойцы и сослуживцы не верили в мои способности. Потому что в армии, как ни крути, не только мой приятель, а практически большинство были еще девственниками. Помню, как ко мне подошли азербайджанцы и

спросили: «Ром ты из города?» – «Да». – «А ты когда-нибудь трахал женщину?» – «Да. Неоднократно». – «Ой, не надо, не заливай». – «А вы нет? Неужели только ослиц?!»

Но как им было поверить в мои способности, если ситуация с сексом в деревнях или небольших городках была еще хуже. А я… Я за первые месяцы в армии сбросил восемнадцать килограммов и был похож на пятиклассника. Даже заболел тогда, о чем и сообщал в письмах к любимым. Одна из них, моя «санаторная» любовь Вика, даже примчалась в госпиталь. Благо служил я недалеко от ее родного Минска (каких-то полторы тысячи километров). За тот год, что мы не виделись, она сильно изменилась. Неожиданно расцвела: может, недавно лишилась девственности, может, обо мне много думала, а думы о возвышенном облагораживают!

Когда ее увидели кавказские «деды», они просто опешили.

– Это твой девушка? – с недоверием спрашивали они, пристально оглядывая мою исхудавшую персону.

– Мой. А что такого? – ответил я с видом бывалого и тертого джигита. И тут же понял, что я – орел.

Она оставила пару апельсинов, банку сгущенки, посидела и уехала. А я осознал, что в санатории прошлым летом лечился не от того. Нужно было зрение и мозги вправлять. То есть я не только не трахнул готовую к этому телку, но даже и не разглядел ее как следует. Типа, девочка как девочка. И только сейчас, посмотрев на нее глазами других людей, изменил свое мнение. Стал писать ей, предлагая в письмах выйти за меня замуж. Но у нее уже были другие… планы. Она сообщила, что, к сожалению, уезжает с папой в Америку… И уехала с каким-то парнем в Израиль.

…Несколько лет спустя я оказался у них в гостях. Там не было даже свободной кровати, и мне дали спальный мешок. Зато утром ее парень ушел на работу, а я перебрался в кровать, и у нас все, наконец, спустя столько лет случилось. Едва мы кончили и я сел перекурить, как ее парень зачем-то вернулся. К счастью, он нас не застукал, хотя, может, и заподозрил что-то…

Ну да ладно. Это уже другая история.

А тогда в армии, поняв, что эта звезда исчезла с моего небосклона, я продолжал строчить другим девушкам. И, как только меня отправляли в командировку в Питер, не упускал случая встретиться со всеми ними (кстати, забыл сказать, что в командировках я был семь раз. Потому что у меня какой-то дальний родственник оказался генералом в Генштабе округа). Приезжая домой, встречался сначала со знакомыми девушками, потом с малознакомыми, и даже совсем с незнакомыми.

Разумеется, цель, которую преследуешь в таких отпусках, – чтобы бесценное время не было потрачено зря. Сразу прикидываешь, даст – не даст. Глаз выбирает баб, готовых переспать: ведь уламывать тебе некогда, мозг анализирует это.

И вот как-то в этой череде дошла очередь и до «Эсмеральды» из парка. Той, слегка симпатичной, что писала и мне, и моему товарищу, и… ее уламывать я бы тоже не стал, – чего терять время и делать подлянку другу – но я все же с ней встретился. И увидел, что… произошли необратимые перемены: она вполне подходила под то, что мне сейчас нужно, – под секс-тренажер.

И я позвал ее к себе.

А она, не будь дурой, пришла.

Конечно, мне захотелось ее раздеть. В девичьих глазах при этом не появилось ни страха, ни упрека, какой бывает у девушки в торжественный момент дефлорации. В глазах подруги только суетились раздумья о правильном выборе жеребца. Она даже сказала двусмысленную фразу: «Вот если бы ты не был другом Андрея…»

Что имелось в виду? Что тогда она бы отдалась, не переживая насчет сплетен? Или, если бы я не был его другом, она бы сейчас разбила мне морду, а так как дружба – это святое, она готова практически на все? Что тоже странно, ведь она не обязана спать с другом. Но раз уж она сама пришла, мне задумываться о причинах и лейтмотивах фраз было совсем недосуг. Тем более что она уже разделась, улеглась и даже раздвинула ноги.

…Вернувшись в часть, я выкинул ее из головы и, ожидая следующей командировки, продолжал писать длинные страстные письма. Теперь на первый план выдвинулась моя вторая «санаторная любовь». Красноярская скромница. С ней я, наверное, даже связывал какие-то надежды. Она сообщала в письмах, что очень ждет и очень любит. Из ее писем я узнал, что она приехала в Питер, что поступала в институт, что провалилась и что сейчас учится в ПТУ на маляршу-штукатур-шу и живет в общежитии. Однажды она вдруг сообщила неприятную новость: что до последнего времени была девственницей, ждала только меня, но… ее изнасиловали. С одной стороны, я огорчился, а с другой – путь, простите за цинизм, был открыт. Едва мне снова дали отпуск, как я рванул к ней.

В этот раз мы гуляли вместе с товарищем по батальону. Ему тоже дали отпуск. Так вдвоем мы и пошли по бабам. Ему после приличного промежутка времени, проведенного в армии, не меньше моего хотелось заглянуть, хоть на часок, в женское общежитие. И он держался моего общества, считая, что со мной у него больше шансов на удачное знакомство, а ему это крайне

важно.

Может, это даже было написано на наших жеребячьих мордах? Ибо вахтеры общежития быстро нас раскусили и решили не пускать. Меня?! Не пустить к девушке, которой пишу уже два года! Наивные, они думали, что нас остановят двери. Но мы в душе были не кочегарами или там плотниками, а настоящими монтажниками-высотниками и пошли в обход. Точнее, полезли по водосточной трубе. На третий этаж, как нечего делать.

И вот она – любимая!..

Мы, конечно, посидели для приличия. Поговорили. Еще посидели. Еще поговорили. Прошло два часа. И тут я ненавязчиво и непринужденно выключил свет. Подруга моей любимой, жившая в этой же комнате, не издала протестующих воплей, за что я ей очень благодарен. Правда, мой товарищ и в темноте продолжал тупо и прилично сидеть, держа красотку за руку.

После первого же акта любви я вызвал его в коридор покурить и спросил: «Ты чего? Вали ее, она ж не против». – «Не, она не хочет. Она же не стала раздеваться».

«Вот болван, – уверенно думал я. – Ничего про баб не знает».

Но оказалось, что, несмотря на свою самоуверенность, болваном в ту ночь остался я. Но кто же мог подумать, что так выйдет. Я еще не попадал в такие ситуации!..

Этот отпуск был последним. Уже через три месяца я вернулся из армии. До сих пор помню этот день – двадцать шестое апреля. Семья обрадовала меня тем, что всего четыре дня назад, двадцать второго апреля, к ним приходил папа одной незнакомой им девочки сообщить, что она ждет от меня ребенка. Черт возьми! Как?! Я же спрашивал у нее, можно ли в нее кончать. Она же сама разрешила! Кто же мог предположить, что девушка не знала о том, что после этого случаются дети. Кто угодно, но только не я.

Мама сказала: «Рома, помоги ей. Денег дадим. У нас среди знакомых хорошие врачи. Тебе только нужно узнать, какой у девочки срок».

Мысль о том, что будет ребенок, вызывает у мужчин разные чувства. Обычно ты хочешь ребенка от той женщины, с которой планируешь жить, и тогда, когда уже можешь ребенка прокормить. Но эту девушку я, простите, знаю очень относительно: только по нашим детским письмам (в которых она, между прочим, клялась, что любит, но даже не дождалась), а постель еще не место для знакомства. И ребенка я решил не заводить. Живя с родителями и не работая, не мог же посадить им на шею случайно свалившуюся на меня бабу, да еще и с ребенком. А самое главное, я уже решил поступать в институт. Окончательно определившись к этому моменту, кем я хочу стать в

своей жизни.

…Ну а пока я просто ехал к беременной девушке, понимая, что жизнь-то моя накрывается медным тазом, который еще и гудит, как набат. Но при этом все равно у меня были сомнения в том, правильно ли отталкивать девушку и ребенка. Виноваты ли они в чем-то? Сомнения мучили меня до тех пор, пока я – как велела мама – не спросил у «ясеня», на каком она месяце. И тут она выдала фразу, сразу настроившую меня на саркастический лад: «Ну давай посчитаем, когда ты у меня был?» – «Что?! Ты беременна, и даже не знаешь срок?! И не помнишь день, когда я был, хотя писала, что считаешь минуты до моего возвращения?»

Тут я окончательно и бесповоротно понял, что ребенка мне точно не хочется, тем более уверенности в моем отцовстве у меня совсем не было. Правда, несмотря на все это, я собрался поступить по-джентльменски: оставить деньги на аборт и записать на обоях телефон врача. Все произошло меньше трех месяцев назад, а, значит, сроки еще не вышли.

Но девушка неожиданно уперлась, что хочет ребенка именно от меня.

– Я понимаю, но жениться сейчас не могу. Не хочу жениться, хочу учиться.

– А я хочу и рожу. Как ты не понимаешь: я хочу ребенка именно от тебя…

– Тогда это твой выбор и только твой ребенок.

– Да! Он мой! И я своего ребенка не брошу, как некоторые!

– Я и не бросаю. Я предлагаю от него просто избавиться.

И т. д.

Сложно все это слышать, но еще сложнее ломать себе жизнь, связывая себя с человеком, которого не любишь, и что еще страшнее – которому не веришь. Больше мы не встречались. Она звонила еще пару раз. Разговаривала с моим дедом: «Передайте Роме, что у него родился сын». Потом позвонила снова, сказала, что ей трудно и нужны триста долларов. Я мог тогда помочь. Но поскольку я не был уверен, что это мой ребенок, не хотел открывать кормушку. Сказал, что она разговаривает с моим братом Александром, а Роман женился и уехал в Америку.

Где-то живет ребенок. Я с содроганием жду, что скоро он нарисуется и даст мне п… просраться. Что ж, пускай. Если будет на меня похож, куплю ему квартиру и помогу с работой. Правда, это ничего не изменит, но сниму камень с души. Это не совсем правильно – бросать своих детей. Он же не виноват, что мама у него дура.

Ситуация, прямо сказать, некрасивая. Зато с тех пор я понял, что в таких вопросах нельзя доверять женщине полностью, чтобы

на эти грабли не наступить еще раз. Женщины, особенно молодые, не особенно умны. К тому же они верят своим не особенно умным подружкам, которые могут наговорить чего-нибудь особенного: типа, «если вы в третий раз за ночь это делаете, то кончать туда можно» или «если женщина не кончила, то она не залетит», и прочую лабуду. Самец, помни: даже если ты идешь у нее на поводу, ее проблемы решать все равно придется тебе.

Возможно, такие ситуации – временное явление жизни. Просто девочки в этом возрасте дозрели телом, а с мозгами у них по-прежнему засада. Им страшно хочется секса, но страшно в этом признаться даже самим себе, а тем более подругам и, уж конечно, следующему парню. Хорошо врать они еще не умеют, но говорить правду им уже не хочется. Страхов и предубеждений у них не меньше, чем у ровесников, просто они иные: «он обязательно бросит меня, узнав, что я уже попробовала»; или «а если я нужна ему только для того, чтобы после армии было с кем перекантоваться, пока не найдет другую, а я два года потеряла зря»; или «а вдруг он не женится, если я не залечу с первого же раза; ведь все мои подруги только так и выходили замуж» и т. д. Что стукнет в голову молодой бабе, не ясно никогда. Поэтому самцу нужно думать своей головой и надеяться только на себя. И верить своим ощущениям. Потому как бабы, мучимые всеми своими страхами, жутко лживы и способны на любые чудовищные наговоры.

Я это понял, когда через месяц-два после дембеля зашел в свой подъезд и встретил того самого приятеля, с которым нас вместе забирали в армию.

– Андрюха! – обрадовался я. – Ты вернулся? А чего здесь стоишь, позвонил бы в дверь, тебе бы открыли. Ну заходи, отметим.

– Нет! – Он стоял как каменный. И в глазах этого каменного гостя горел нехороший огонь. – Ты с моей девушкой спал!

«Во, дает девица, – офонарел я. – Зачем она ему про всех любовников-то рассказывает?»

– Ну спал, и чего? Она сама пришла. Позвонила и пришла.

– Она сказала другое: что ты позвонил, обманом завлек ее к себе на хату и изнасиловал, – произнесло могильным голосом зомбированное существо.

Я понял, что меня сейчас, наверное, будут немножко убивать. Мне стало жаль себя. И его тоже. Ее я не жалел. Скорее, даже восхищался. Вот тварь!

– Где, как? – Я пытался встряхнуть его, привести в нормальное человеческое состояние. – Как завлек? Как ишака –

морковкой? Тогда скажи, что была за наживка! Изнасиловал?! Но как? Ты можешь трахнуть бабу, если она не хочет?! Даун! Приди в себя! – Я тряс его, клялся, что не был у девушки первым. Что не стал бы ломать целку, раз это девушка товарища.

Постепенно в его глазах появились искры разума и проблески понимания.

– Правда? – в сотый раз переспрашивал он. – Ты не был первым?

– Даже не вторым. Там уже батальон прошел. Клянусь, чем хочешь. Ты же видел, мне своих баб хватало.

Он ушел от меня окрыленный. Сказал, что все выяснил и прогонит ее к какой-то (по-моему, даже ее) матери. Но он, по всей видимости, в душе был исследователем и хотел знать все от корки до корки. Будь на его месте человек более разумный, он бы не стал ничего выяснять, а просто пошел искать другую. Но откуда разум, если ты два года писал девушке и мечтал о ней… свободной рукой.

На следующий день они заявились оба. За ночь красотка совсем прополоскала ему мозги и сейчас собиралась подтвердить это громким спектаклем. Она кричала мне, что я не мужчина, а дерьмо в штанах и не могу нести ответственность за случившееся. Ей явно до зарезу нужно было доказать ему, что я был первый. И что изнасиловал ее. Как не было мне жаль друга, он тонул во всей этой чудовищной лжи, а я совсем не планировал его в этом поддерживать. Я сказал: «Если ты хочешь довести эту ситуацию до полного кретинизма, то можешь дать мне в рожу, только делай это побыстрее, потому как рядом с этой стервой я долго стоять не могу!» И демонстративно убрал руки за спину.

Честно говоря, я от него такого не ожидал!

Размахнувшись как следует, он двинул мне пару раз! Теперь искры полетели из моих глаз. А он, взяв за руку своего оракула, исчез из моей жизни навсегда.

Вскоре через кого-то я узнал, что он на ней женился и уехал в другой город. Бог им судья, но женщина начала совместную жизнь с обмана. А ведь мужчина повзрослеет, наберется ума. Ему не всегда будет двадцать. Что он ей скажет после окончания периода спермотоксикоза, когда спокойненько обдумает ситуацию и когда познакомится с еще какими-нибудь представителями «слабого полу» и изучит их психологию получше?

Я вот уже тогда, вскоре после всех этих случаев, стал задумываться над тем, что женщины коварны. Они играют нами, а мы им верим. И меня стали посещать серьезные опасения: вдруг мне вообще девственницы не достанется?! Тем более что, будучи

идеалистом, я тогда полагал, что если женюсь, то конечно уже не буду трахаться с другими. А если жена окажется не девственницей, значит, так и останется пробел в истории моей половой жизни?! Ну нет! Надо успеть до свадьбы попробовать хотя бы одну девочку.

И я стал искать.

Правда, поиски мои были без отрыва от производства. Ибо как раз в это время у меня начались экзамены в Институт культуры на отделение режиссуры шоу и массовых праздников. За годы бесполезной службы в рядах СА я забыл все, что знал, и даже то, о чем никогда не задумывался. Поэтому готовился я тщательно, собираясь в дальнейшем работать по выбранной профессии, будучи уверенным, что после института непременно стану знаменитым и, как следствие, богатым. Что любопытно, далеко не все из моих «коллег» были такими же, как я. Абитуриенты Института культуры в те годы, да и сейчас, делились на три основные категории. Примерно десятая часть думали так же, как я. Они шли учиться, точно зная, чего хотят. Остальные делились на две примерно равные группы: одна из них – это те, кто не поступил в театральные вузы; а вторая, прости Господи, просто случайные дуры. Те самые, которых упомянули в афоризме: «Если ума нет – иди в пед; если стыда нет – иди в мед; если совсем дура – иди в культуру».

Вот абитуриентка из последней категории и была первой девственницей в моей биографии. Хотя от нее никто такого сюрприза и не ожидал. Она же была старше меня на три года. Ну какие целки могут быть в двадцать четыре?

Эту невинность я приметил, так как она была практически легендой абитуры (наравне с одним грузином, который сделал в сочинении восемьдесят ошибок!). Девочка никак не могла понять, что все делает неправильно. Мне стало искренне ее жаль и, учитывая, что она, будучи человечицей, не была для меня конкуренткой, я пригласил ее к себе домой, собираясь подготовить ее к экзамену по специальности. Где-то в середине процесса этого помогания мне совершенно случайно как-то вдруг подумалось, а почему бы не пригласить ее еще и в спальню. Что в том плохого?!

– А может, давай этого… то есть того? – невинно спросил я, словно предлагая попить чаю.

– Ой, нет-нет, – стала ломаться она.

Пытаясь взять в толк, чего она ломается, если я ей явно нравлюсь, я тихонечко подталкивал ее к двери в спальню. Оказавшись окончательно припертой, она выдала: «Да я сегодня не могу».

«Это мужчина не всегда может, а женщина готова всегда», – подумал я ехидно.

– Пойдем… пожалуйста.

– Я завтра сама приду! – вдруг с необычайно честными интонациями объявила она.

– Да? Но раз уж ты, в принципе, согласна, то какая разница, сегодня или завтра? Давай лучше сегодня, знаем мы эти ваши завтраки.

И она сдалась.

Я подложил ей под задницу небольшую подушку, думочку, ну… чтобы ей удобней было лежать. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что она была невинна! И что самое неприятное, крови оказалось много. Мне пришлось ее долго смывать с ковра. Хороший и дорогой был ковер. А эта зараза мне даже не помогала. Она премерзко хихикала, типа, ты сам хотел, вот и получил.

Да уж, спасибо!

Сюрприз был неожиданный, но все равно приятный. Я ведь и вправду хотел. За время экзаменов мы с ней успели многое. Не только в постели, я слово держал и готовил ее к экзаменам. И, между прочим, хотя в тот год она не поступила, на следующий ее взяли.

Ну а я планомерно продолжал искать возможность трахнуть девственницу… Как я их находил? Конечно, спросить девушку напрямую об этом очень сложно. Но бывало по-разному. Например, мы гуляем компанией, и кто-нибудь говорит одной из девчонок: «Катька, поцелуй его. Ему понравится, ты же нецелованная». Ух ты! И я начинал ухлестывание за Катькой. Недели две так гуляешь. Чуть-чуть обнимешь, поцелуешь. Потом разденешь по пояс. Она говорит, что дальше нельзя. На следующий день можно и немного дальше. Так и идет продвижение по нелегкому и интересному пути. С ними интересно. Они без комплексов; потому что не в курсе, что плохо, что хорошо. Их можно обучать, они подчиняются. Ведь они уверены, что ты бывалый мужчина, пробовал все. И в дальнейшем они будут настроены на твою волну, «заточены» под тебя. А если перед тобой было два мужлана, которые просто тупо трахали, то она все делает уже по шаблону. И перевернуть ее в другую позу невозможно. У меня была девочка, которая полагала, что сексом можно заниматься лишь лежа на спине. Все остальное – жуткий разврат!

Надеюсь, нет, практически уверен, что моя охота и мои действия тогда не нанесли ущерб ни одной из юных особ. Наоборот, я, знаете ли, романтик. Мне нравилось все красиво

обставлять. Чтобы этот день запомнился девушке – подарить цветы, духи. Одна из баб, которых я лишил невинности, однажды позвонила мне из Германии, где удачно вышла замуж: «Ромочка, я тебя поздравляю!» – услышал я в трубке торжественный голос, словно мне вручали Нобелевскую премию. «С чем, дорогая?» – безуспешно пытался я вспомнить хоть какую-нибудь дату. «Как? В этот день четыре года назад мы впервые сделали это… А ты что, не помнишь?» – «Ну разумеется, помню…»

То есть девушку помню, а вот дату подзабыл. Даты я в календаре не отмечаю. А то, что она это помнит, – клево. Услышать такое поздравление всегда приятно. Значит, я все-таки мастер своего дела. Целку, на мой взгляд, вообще должны ломать профессионалы, чтобы все сделать правильно и не напугать девочку. Она же ожидает черт знает чего, ведь бабы насчет секса несут сплошную отсебятину. Подруги говорят, что трахаются с пяти лет. «Вначале больно, потом приятно». Поэтому для них этот момент всегда связан с адреналином.

А мужчине как раз адреналин и интересен. Помню, одна девочка-спортсменка лежала на постели и плакала. Спрашиваю: «Тебе больно, неприятно?» – «Нет, приятно». – «А чего плачешь?» – «Мне очень страшно».

В сексе существует куча разных факторов, которые могут все испортить. Помню, как однажды, когда я занимался этим с женой и уже кончал, вдруг резко зазвонил будильник. Мы закончили процесс, а потом хохотали, как ненормальные. Но ведь если в этот момент под твоим животом задыхается девственница, она может остаться старой девой до конца света. Если ты первый – ты просто обязан быть на высоте. Мой опыт мне подсказывает, что я, наверное, делаю все не плохо. Ведь женщины, переспав со мной, никуда не уходили. А раз остаются, значит, во мне что-то их привлекает.

Всего в моей жизни было восемнадцать девственниц. Одна стала моей женой. А семнадцати гражданам девочек не досталось. Ну не повезло.

Вообще же девственницы – если мы говорим о невинности – понятие сложное и совсем не ограничивается физической целостностью организма. Не это самое главное. Тем более сейчас, когда хирурги восстанавливают эту штуку столько раз, сколько хочешь. У меня были девочки, способные на разные фокусы в постели, но туда не давали: «А это – для мужа». И кто они такие после подобных заявлений, если не лицемерные монстры? Девственность все-таки хочется приравнять к целомудрию. Есть хороший анекдот на эту тему.

Парень из приличной семьи приходит свататься к девушке. Ее

мать расписывает перед будущим зятем достоинства своей дочери: «Посмотрите на нее. Она же невинна, как бутон розы. Образование получила в монастыре. Фривольных книг не читала, телевизор не смотрела. Мы с мужем ее воспитывали в духе полнейшего аскетизма. Вот, например, посмотрите на ее спальню».

Заходят в спальню. Там только кровать, тумбочка, на ней Библия. Ничего лишнего. И клетка с сонным попугаем. Парень споткнулся. Попугай в клетке проснулся и закричал: «Осторожней, придурок, мать разбудишь!»

Немая сцена. А попугай продолжает: «Не туда, козел. В жопу давай. Мне еще замуж выходить».

Никакой мужчина не хочет подобного. Он хочет быть первым. Потому что если до тебя кто-то здесь уже побывал, она начинает сравнивать. И ты превращаешься в «одного из…»

Хотя кто-то скажет, а не все ли равно? Главное, чтобы, когда вы уже вместе, быть уверенным, что не «один из…» А девственность, потеря которой вызывала жуткие страхи у девушек моего поколения, сейчас вообще не рассматривается как серьезная категория.

Сейчас, когда до твоего слуха доносится отголосок чужих юношеских страхов, сомнений и неврозов, ты, вспоминая себя прежнего, пытаешься понять: а чего эти дети сходят с ума? Например, вчера у меня за стенкой в половине четвертого утра начала долбить по клавишам пианино соседка. Я знаю о ней лишь то, что она молода и что где-то там учится. По уровню игры чувствуется, что учится в консерватории. А по манере игры – ну точно девственница. И ее, бедную, то колбасит, то штормит, то накрывает, и мысли-то все у нее путаются, и думает-то она совсем не о музыке. Грязно ругаясь про себя, пришлось долбить в стену, проклиная ее целомудрие. Господи, деточка, лучше бы ты в подъезде с мальчиком до утра целовалась, а потом пришла бы домой и рухнула в койку. Так нет, она об этом, зараза, только мечтает, а в реальности не дает спать соседям!

«Как все изменилось», – лежал и думал я, утихомирив девочку громкими стуками пепельницей по батарее и головой по стене. Сейчас, встречая целочку, уже поневоле думаешь, что с нею не так, раз она до сих пор девственница, а? Должна же быть веская причина.

…Ведь это только в те времена, когда я поступил в свой второй институт, почти все студентки были невинны. Как вспомнишь это…

Хорошо в деревне летом!

Как на речке, намели,
Парни девушек… встречали
Их цветами привечали
После все ж таки е…ли.

– Слушай, Паша, а у тебя были худые-прехудые бабы? – Этот интимный разговор я специально начал очень громко. – Ну, как они в сексе? Расскажи.

– По-разному! – не менее громко отвечал он. – Ведь это же смотря насколько худые. Вот если такие, как Ирка, то… Хотя она не очень худая. Ирка, ну-ка встань, мы на тебя посмотрим!

Одна из двух девочек, сидящих на грядке моркови чуть впереди нас, обиженно дернула плечом. Вторая еще ниже наклонила голову к грядке и хмыкнула.

– Хотя нет, знаешь, Ирка не очень худая, – цинично прокомментировал он. – Жопа вон какая толстая! А как тебе, кстати, бабы с большими жопами?..

Девчонки нервничали, явно раздумывая – отползти от нас подальше или пока подождать. А мы продолжали наши «мужские беседы», начатые, собственно, только ради того, чтобы над бабами же и поиздеваться. Развлекаться в то жаркое лето 89-го года – когда всех поступивших в институт имени культуры отправили в совхоз имени Тельмана полоть морковку – было больше нечем.

Я говорил, конечно, в прошлой главе, что девственницы меня очень интересовали – но они ведь, как приправа к основному блюду. С ними может выгореть, может – нет. А если и получится, то далеко не сразу. А где тот бурный, регулярный секс, которого жаждешь после армии? Мне тогда был уже двадцать один год; моему приятелю чуть больше. При этом почти все девочки нашего курса были малолетками, которых родители заставили поступать сразу после школы.

Итак, девчонки были молодые и поэтому – не давали!

Страна еще не перешла в эпоху сексуального разгула, но в чем-то это было нам на руку. Студентки к нашей дикой болтовне прислушивались, ведь никаких других сведений о сексе у них не было. Так что ужаса они не выказывали. Впрочем, радости в их

взглядах тоже не наблюдалось.

Вечером за нами приходил автобус, и мы в него залезали торопливой толпой, так как мест на всех не хватало. Самое главное было усесться на сиденье и потом как бы нехотя предложить какой-нибудь телке присесть тебе на колени. А по дороге я, конечно, успевал облапать все, что меня интересовало. Но, увы, на этом эротические игры и заканчивались.

А по вечерам в совхозе начиналась культурная жизнь. Студенты Института культуры, как никак. Все пели, и все танцевали. И все выделывались, кто как мог. Молодые «звезды» зажигали с концертами. До сих пор помню одного замечательного еврейского мальчика, приехавшего из Казахстана. Прыщавого до невозможности и до боли похожего на огурец, который потерли на терке, что не мешало ему быть хорошим мальчиком. И главное, настоящим, подающим надежды комиком, который, правда, считал себя трагиком. Он еще не разобрался толком в себе, не понял, что за такими, как он, – будущее. Мы сразу выучили наизусть его песню «Наш неконвертируемый рубль». Он сам написал музыку и дебильные стихи, сам сыграл и сам спел. Редкость, когда человек может столько вещей сделать одновременно. Зал лежал от смеха, когда он на полном «серьезе» пел про наши российские рубли, подыгрывая себе на рояле.

А я выделялся тем, что был единственным человеком из потока, которому (уже тогда) «народ» посвящал песни. Про меня их было целых три. Бомжевая лирическая, бомжевая патетическая, бомжевая трагическая. Бомжевые, потому что у меня была кличка Бомж. Выглядел я так, помято и лохмато, зато, по-моему, очень колоритно.

А звучало это все ночью у костра под гитару просто шикарно. Лирическая: «Темная ночь, на манометрах стрелка молчит. Пригорюнившись возле печи. Молодая бомжиха сидит…» Патетическая: «Бомж живет, не знает ничего о том, что одна бомжиха думает о нем. Возле магазина пью одеколон. А любовь бомжачья крепче с каждым днем».

Все было чудесно. Кроме одного. Для активной сексуальной жизни мне звездности все еще явно не хватало. И наутро, неудовлетворенные, мы опять ехали на свежезеленые морковные поля.

– Танька! – начал приставать я в автобусе к одной девчонке (не дают, так хоть поговорить!). – Танька, скажи, а ты как больше любишь? Сзади, сверху или сбоку?

Она покраснела, глазоньки оквадратились, рот от изумления распахнулся. А я ее еще добил вопросом: «Скажи честно, в попу даешь?»

Танюха готова была рухнуть в обморок. Такой сильной реакции я, конечно, не ожидал, но девочка была, ясное дело, дура. Откуда-то с Кавказа. Русская, но воспитания сурового, восточного. Одевалась безвкусно и ходила с огромной накрученной и начесанной челкой, в куртке пузырем. Из-за этой гребаной куртки или из-за ее просто анекдотической глупости мы за глаза прозвали девушку Тыквой.

– Тань, че молчишь, вспоминаешь?

– Да я вообще еще девочка, – пробормотала растерявшаяся Тыква.

– Девочка?! Да ты что-о-о?! – Я даже подпрыгнул.

То, что здесь чуть ли не все девочки, и без сопливых

ясно. Но чтобы так публично признаться! Вот это уморила. Обычно ведь нам самим приходилось искать повод для веселья, а тут такой подарок… И начался реальный классический затопт. Мы доставали ее весь месяц во время этого дико скучного морковного подвига. Повод не повод – какая разница. Приходили вечером на дискотеку и тут же успевали отметиться: «Бабы, какие вы все красивые, нарядные! Но знайте – это все равно ерунда, потому что девочка у нас всего одна».

Утром, с трудом проснувшись и влезая в автобус, снова поминали Таньку:

– Слушай, а ты все еще девочка? Что, вчера вечером никому не дала? Никто тебя не трахает, наверное, потому, что ты страшная.

– Я не страшная, я молодая и красивая.

– Значит, потому, что глупая.

… И все-таки в этом сонном царстве мне иногда удавались победы! Так, я сумел уговорить одну девицу – из интеллигентной семьи, не очень симпатичная, но умненькая, что называется «белая кость», и очень интересная – прийти вечером «к нам на костер». Пообещал, что будет много народу, – песни, пляски – и даже пиво! А в то время за бутылку пива чуть ли не исключали из института. Вечером она появилась. Костер был, пиво тоже. Народ, разумеется, отсутствовал. Зачем нам зрители? Зато был я, ждал ее на принесенной из барака паре матрасов. Ну… «сидеть на чем-то надо».

Пиво мы выпили быстро. Ночь была прекрасна. И стал я потихоньку заваливать ее на матрасик.

– Вы что, Роман?! – громко возмутилась она.

Эротические мои мечты тут же рассеялись в прах.

Разбились о все ту же банальную причину! Разумеется, оказалось, что и она еще члена в глаза не видела. А поэтому и не даст.

– Но хоть минет сделаешь? – уже скрипя зубами, выдавил я.

– Что сделать?

– В рот возьми… пожалуйста.

Как ни странно, она согласилась. Неумело, но по-честному, как старательная отличница. Когда ей брызнуло в рот, девочка с недоумением отшатнулась. Вытерла рукой губы и, не понимая, что такое произошло, уставилась на то, что вытекло изо рта.

– Ой, извините! – смущенно прошептала она, поднесла руку ко рту, внимательно рассмотрела, слизнула и проглотила. После чего, задравши хвост, удрала в лагерь.

…Сейчас этот наивный минет навевает ностальгические воспоминания. А тогда… Тогда, собирая матрасы, я уже мысленно посылал ее ко всем морковным чертям. «Не хочешь трахаться, и не надо! И красившее, и сговорчивее тебя найду!» – зло думал я.

Хотя и этот маленький успех меня окрылил – ну хоть что-то! С паршивой овцы – хоть шерсти клок. И уже на следующий день, на крылах победы, пусть и небольшой, я стал строить планы, как склеить новую девочку. Мне уже приглянулась одна. Проблема была только в том, что ходила она – как это всегда у них бывает – со страшной толстой подругой. Приложив усилия, подругу я сумел отшить и спокойно взялся за убалтывание своей жертвы: «Кстати, отпуск скоро… Ты че думаешь делать? Можно на один день поехать в Питер. Остановиться у меня…»

И девочка – о чудо! – «на экскурсию по городу» согласилась. Мы дружной компанией – ПашаЕгоБабаЯиОна – поехали ко мне. Прямиком на квартиру к деду и бабке. Оба они оттопыривались в Ялте, совершенно не ожидая в своем доме юношеских оргий. Дверь квартиры, конечно же, оказалась заперта. Ключей от нее у меня, естественно, не было. Я боялся потерять их в морковном раю и оставил родителям. А они, услышав просьбу о ключах, вдруг уперлись рогом: «Зачем тебе ключи, приходи и спи у нас», – заявила мама.

Ага, сейчас, дождаться, что я откажусь от такой трудной победы?! Женщина, ты что?!

Я поднялся к соседям наверх, попросил у них фомку и совершенно цинично, рискуя получить нагоняй от «курортничков», вскрыл ворота.

После всех этих мытарств, после невыносимо долгого ужина с выпивкой я, наконец-то, очутился в комнате один на один со своей суженой. И только взялся за резинку ее трусов, как…

– А что ты хочешь делать? У меня месячные.

– !!???…мать!!! – Стон Тарзана, преданного Читой, огласил квартиру. – А почему ты не сказала раньше?!

– Я же не думала, что у нас что-то будет.

…В рот она брать тоже отказалась. Это, видите ли, оскорбляло ее целомудрие. Кое-как я уговорил ее помочь мне хотя бы руками. Вырвав из лап злодейки-судьбы не самый приятный оргазм в своей жизни, попытался отвернуться к стенке и уснуть, чтобы этот кошмарный, зря прожитый день поскорее закончился.

– Рома? – услышал я сквозь дремоту.

– Ну, чего еще?!

– А как у нас будет дальше?

– Что значит – дальше?

– Ну, мы с тобой поженимся?

– Спи, а? Мы еще даже не трахнулись, а ты всякую хрень говоришь, – я пытался уснуть, чтобы снова не думать о сексе. Но существо, лежащее за спиной, все строило какие-то воздушные замки из своих девственных фантазий и еще полночи донимало меня тупыми девичьими вопросами.

Проводив ее с утра и мысленно дав пинка под зад, я тут же про нее забыл.

…Жизнь на морковке вяло потекла дальше: хватал девок за многочисленные сиськи и разнокалиберные жопы, пил пиво, не хотел работать. Я даже в итоге нашел девочку, согласную трахаться, но вышло все это как-то неаппетитно. Неумелая, глупая, привязчивая…

И вдруг однажды я узнал интереснейшую вещь! Что по ночам кинофотчики – студенты кино-фото факультета – устраивают оргии в бане. Только попасть туда посторонним трудно. Мерзавцы закрываются на все замки и не открывают никому, даже родной матери. А кинофотчики были самые старые и тертые среди абитуриентов. На это отделение поступали люди, которые уже работали в кино, на телевидении, в журналах, газетах и которым, для продвижения в карьере, не хватало дополнительного образования.

Но и я уже не был школьником, так что закорефаниться с кем-то из этой компании мне труда не составило. Вечером я примчался на их гулянку. Мне открыли дверь, и я оказался уже не среди школьниц, а среди молодушек, лет этак двадцати пяти.

Довольно скоро я уединился с одной из них в темной парилке, на верхней полке. Это был быстрый секс на березовых жестких вениках, которые щекотали ей жопу и впивались мне в коленки. Секс без уговоров и прелюдий. Секс без вопросов о свадьбе. Девица получила удовольствие и исчезла, сказав: «Пока».

Я остался лежать, подложив шайку под голову.

После месяца уговоров неподдающихся девственниц, долгих пустых ухаживаний, пробивания стены головой тебя вдруг

затаскивают в темную комнату, трахают без вопросов и разговоров, а потом выкидывают из жизни, сказав «пока»?!!

Ничегосебесказалясебе!

Потом подумал, а чего переживать? Ведь я и сам такой?

Правда, через два дня я перестал воспринимать себя как циника, потому что сильно увлекся. Наконец-то я встретил девочку своей мечты. Мы познакомились, о чем-то поговорили, она сказала, что ее зовут Лена и что ей некогда. На следующий день я пошел ее искать, но не нашел, потому что забыл, как она выглядит.

– А где эта девушка, с которой вчера меня знакомили? – все интересовался я у приятелей.

– Да вот она! Не видишь, что ли?

Оказалось, она находилась рядом. Но так как я близорук, то просто не увидел ее тогда: девушку, которая в будущем и стала моей женой.

И Бог создал общежитие…

Два студента идут мимо общежития.

Один смотрит на вывешенные на веревочке трусы:

– Первокурсницы.

– А как ты догадался?

– Только первокурсницы стирают трусы. А начиная со второго курса, вообще все без трусов ходят.

Когда ты знакомишься с девушкой, она не может не нравиться. Дальше ею можно увлечься, потом ее бросить, а потом перезвонить и предложить выйти замуж. Бывает по-разному. Но очень редко случается, когда люди поняли все друг про друга с первого взгляда. И с первого же взгляда влюбились навеки, решили пожениться и умереть в один день и быть похороненными в одной могиле. Чаще при знакомстве с девушкой ты даже не можешь предположить, какое место она займет в твоей жизни. Но пока ты свободен, не можешь не видеть, что вокруг так много девушек хороших и так много ласковых имен. Особенно если ты еще очень молод и у тебя за пазухой есть тайна, имя которой гиперсексуальность.

Глупо мне сейчас каяться в том, что студенческие годы, уже живя с Леной, я все равно проводил в поисках новых увлечений. Ведь вокруг была дикая масса свободных женщин, они все были интересны и открыты… В том числе и для общения. И к тому же многие из них жили без родителей, в общежитии.

И вот я, в двадцать один год, понял совершенно чудесную вещь.

Человек, придумавший общежития, был гением! Общежитие – культурный и сексуальный эпицентр города; а для нас он – двигатель разврата в массы. Там все время что-то происходит. У кого-то обязательно – день рождения, у кого-то новая любовь или похороны, ну, то есть какой-нибудь хороший повод выпить… Постоянный и спонтанный праздник. Жизнь здесь кипит круглосуточно. А главное, тут водятся бабы!

Девочка, живущая в общежитии, и девочка, которой она была дома, – это уже две разные женщины. Хотя она еще не сбросила старую кожу и по-прежнему находится в зажиме, и по-прежнему никому не дает и в рот не берет: в смысле выпивку, но постепенно, день за днем она начинает убеждаться, что, наверное,

она несколько не права. Ей становится все понятней, что запреты на секс, курение и выпивку были в ее жизни лишь потому, что рядом всегда находились любящие родители, которые по какой-то необъяснимой причине были противниками всего этого наслаждения. Но предки росли в доисторические советские времена, когда было не модно пить, курить и давать до свадьбы. Сейчас же все поменялось десять раз. И на самом деле, парни вокруг умные. Они не дадут ей залететь, не причинят боли, а если и предложат наркотики, так только те, что употребляют сами. А они же не дураки, чтобы употреблять всякую дрянь и приближать свой конец. Они же понимают в этом. Массовый гипноз работает. И когда девочке протягивают в компании сигарету, она курит со всеми. Если все колются героином, то и она попробует. Она свято верит, что люди вокруг нормальные.

А теперь помножьте сию дивную ситуацию на то, что здесь были девочки из застойной эры. Я уже в предыдущих главах упоминал, что это такое, если кто забыл или не знает. Но, говоря про общежитие, данную тему можно подчеркнуть особо еще раз. Здесь дети, воспитанные в полном отсутствии элементарных знаний о половой жизни, оставались еще и без присмотра элементарных родаков, что как нельзя лучше усугубляло ситуацию. Ведь незнание многих доходило просто до маразма. В школе друг другу все рассказывали, что детей рожают из пупка. При этом показывали снимки беременных баб и пускались в объяснения, что «пупок развязывается, и оттуда вылезает эмбрионч ик». Нередко случалось, что какая-нибудь из целок, чтобы приобрести авторитет среди подружек, начинала корчить из себя прожженную блядь и учить их уму-разуму: например, что при занятиях сексом кончать можно, куда угодно, но главное – не целоваться. От этого появляются дети.

Неудивительно, что вчерашние школьницы в общежитии просто потерялись и окончательно запутались в вопросах морали и норм поведения. «Что можно? Что нельзя? Господи, ответь, как себя вести и что говорить этим мальчикам, а-ууу!»

Девушки часто перегибали палку. В смысле, можно было в коридоре общежития остановить какую-нибудь вопросом: «А скажикася, красотка, целка ты еще, аль нет?» Она, чтобы не выглядеть «лохушкой», могла заявить: «Малец, не нужно меня глазами трахать, а носом кончать. И, вообще, я была женщиной уже тогда, когда ты еще болтался в мутной капле на конце своего отца!» То же самое могли ляпнуть следующие две, три, четыре невинности, встретившиеся тебе на пути в туалет. Ведь у девушек лучшая защита – это нападение. И никто ни за что не признался бы в своей девственности. А ну как ее сочтут невостребованной и

никому неинтересной?!

Вспоминается анекдот: «Але, это прачечная?!» – «Х…чная! Министерство культуры слушает!» Приблизительно такой ответ следовал бы на вопрос о девственности от студентки института имени культуры. Там на краткий вопрос отвечали в трех сложных матерных фразах, после чего еще могли грязно выругаться. Но все это было напускное, фальшивое, а потому морочить головы этим «опытным» девочкам было проще простого! Чем некоторые «сволачные подонки», вроде нас, и пользовались.

К «подонкам» относились только старшие ребята. У болтать опытную обитательницу общежицкого кибуца тоже ведь не так просто. У каждого при этом была своя методика. Например, мой однокурсник Артур «работал» с удивительно наглой прямотой и просто врожденной артистичностью. Одним из любимых мест его производственной деятельности был душ. Артурчик безусловно знал, про мужские и женские дни, но принципиально приходил туда только в женский день и прятался в засаде. Нет, он совсем не собирался выскакивать из-за угла и пугать девочек громким криком и длинным хоботом. Он преследовал более важные цели. Как только в душевую заходила новенькая, этот Амурчик потихоньку проскальзывал следом, раздевался и лез под струю.

«Привет, потри мне спинку!» – Перед обнаженной девочкой, стоящей в пузырьках мыльной пены, возникало самое невинное, какое только могло быть, и добродушное татарское лицо. Девочка взвизгивала от неожиданности и, прикрывая мочалкой то одну, то другую… части своего тела, возмущенно вопрошала: «Что вы здесь делаете?! Что вы себе позволяете?!»

– А че такого? – косил под лоха Артур. – Я даже не понимаю, что тут такого. Ну, сложно вам, так не трите.

Играл он хорошо. Девочка даже терялась: «Но сегодня ведь женский день. Или… я что-то перепутала?»

– Какой день? – Артур смеялся минуты две с половиной, а потом, как маленькому ребенку, принимался ей все объяснять. – Девушка, вы с первого курса, что ли? Ну тогда ясно. Вы, наверное, читаете эти бумажки и верите во все, что там написано? Нет, девушка, это просто так написано. Здесь уже никто никого не стесняется. Все свои… Потрите мне спинку, пожалуйста. И вот здесь еще.

Так спинка за спинкой, и девочка оказывалась втянутой в сексуальные игры с продолжением. Порой ему удавалось проделывать этот номер даже с двумя или с тремя одновременно. Жаль только, работал Артур всегда в одиночку, и никого из нас не брал на эти водные процедуры.

Да и вообще, он являлся уникальным человеком. Ничего не

стоило, например, проверить, есть ли он в общежитии. Бралась бутылка водки, открывалась и ставилась на стол. Если через пять минут этот сексуальный террорист не появлялся, значит, его в общежитии не было. Можно смеяться, говорить, что это фантастика и просто совпадения, но факт есть факт. Артур шел на водку. На каком бы этаже вы ее ни открыли, пусть бы даже в самой дальней угловой комнате за туалетом, как совершенно случайно появлялся ОН и говорил: «Простите, а такой-то здесь живет?»

С Артуром мы подружились. Ведь его артистизм проявлялся не только под душем. Однажды, сидя на скамейке Летнего сада, мы придумывали, как нам заработать, и решили, раз мы артисты – будем зарабатывать на искусстве. Пусть хотя бы и на улице. Мы вспомнили все песни о траве, которых в репертуаре певцов прошедшего времени было до жути, и сделали из них «наркоманское попурри». Сшили себе костюмы, чтобы публика при одном взгляде на нас тормозила, видела, что это настоящие бродячие музыканты, и вышли в подземный переход. Он – с гитарой. Я – с бубном.

«Музыка Союза композиторов, слова Союза писателей!» – громко объявлял я. И мы начинали: «На дальней станции сойду/ Трава по пояс… Трава налево, трава – направо, трава – на счастье, трава – на славу…» Нам особенно нравилась одна песня, она совершенно всех потрясала: «Вот идет журавель-журавель. На бабушкину конопель-конопель. Анаша, анаша, до чего ж ты хороша! Травушка-муравушка зелененькая…»

Публика сбегалась моментально. Бывало, что за полчаса мы зарабатывали шестьдесят рублей, а стипендия была сорок пять.

Заработок позволял нам с Артуром чувствовать себя полноценными мужиками и спокойненько крутить романчики с теми, кто нам нравился. Правда, при этом у меня была Лена, которую я любил, и поэтому старался ходить по этажам общежития культуры так, чтобы не оказаться разоблаченным. Благо оно было для этого достаточно большим. У Артура тоже была девочка, с которой он не просто встречался, но даже жил вместе в одной комнате. Причем он плевать хотел на то, что о его выходках думает она. Или не плевать, но у него все равно существовала уверенность, что его простят. И вправду, хотя такого бабника и алкоголика было еще поискать, «любимая» его всегда прощала. И всем рассказывала, как его любит, и какая он сволочь, и как делала от него аборты, и все-все-все. Она называла его Луною. Я как-то спросил, почему Луной, а не Солнцем или звездой. И девица популярно объяснила, что ее «Солнышко» похоже только на Луну: вечером приходит, а утром уходит.

Но и это лунное расписание не являлось постоянным. Когда его начинало что-то раздражать, он вел себя еще более нагло и цинично. Например, говорил своей подруге, что сходит за спичками, а то они как-то неожиданно закончились. И исчезал дня на три. На четвертый день какие-нибудь студентки стучались к ней в дверь, держа под руки чуть теплого Артура.

– Это ваше?

– Мое.

– Ну так заберите.

– Вы оставьте пока в коридорчике. Пускай оно полежит, проблюется, а потом затащу к себе. Чтоб в комнате не воняло.

Когда музыкант счастливо облегчал желудок, его возлюбленная затаскивала тело в комнату, после чего затирала вонючие полы в коридоре. Был случай, когда Артур ушел к двум девчонкам, напился у них, натрахался, а потом облевал простыни. Обе девочки с утра пришли к подружке Артура и предъявили ей претензии: «Что это такое! Ну-ка убери за своим! И простыни постирай. Чего это он у нас в комнате нагадил». Она послушно забрала его, а утром они вдвоем пошли стирать белье.

Это была какая-то жертвенная любовь, всепрощающая. Она его даже кормила на свои скудные гроши, на стипендию. Хотя он сам умел зарабатывать и к тому же имел обеспеченных родителей. Они присылали ему одежду, деньги. Одежду он носил, деньги пропивал. А девочка одевалась непонятно во что.

Но поставить ему это на вид было невозможно. У него была практически патологическая жадность, лобовая хитрость и убежденность, что он всегда прав. Однако, в общем и целом, Артур был человек очень яркий, талантливый и веселый. Настоящая душа компании. И отказать ему не могла ни одна девочка. Повелась даже Тыква, которая тогда встречалась со мной. Я не простил ей этой измены с Артуром. Ведь у них не было даже мимолетного романа. Он просто заглянул к ней по дороге от одной девчонки к другой. Неужели бабам так нравятся врожденные юмористы?

Иногда, впрочем, он мог достать своей шуткой. Как-то я с Леной решил слиться в экстазе и попросил ключи от свободной комнаты. Мне дали. Только мы разделись, легли. Как… раздался стук в дверь.

– Кто там?

– Это я.

– Кто, твою мать, я?

– Твой друг, Артур.

– Че надо?

– Я спросить хотел. Это… У вас веник есть?

– Нет, – говорю, – Артур, у нас веника! И иди отсюда, пожалуйста, на х…!

Решив, что моя вежливая просьба не останется без внимания, я снова полез под одеяло к теплому девичьему телу. Мы почти приступили, как… снова раздался стук в дверь.

– Кто там?!…

Молчание.

– Да кто там?!…мать так… растак!..

Опять молчание.

Пришлось встать, натянуть трусы и, прикрывая рукой рвущуюся на волю сквозь ткань душу, идти открывать дверь.

За ней стоял Артур.

– Ты чего?

– Я вам веник принес.

– !!!

Веселый, короче, парень.

Но жена мне после этого естественно не дала. Все молодые, «необстрелянные», романтические: в слезах.

Кстати, о молодости и неопытности.

Самым показательным примером сексуального невежества и идиотизма стала у нас одна молдаванка. Спокойная, тихая, полноватая девушка. И вот однажды ночью она стучится в комнату к моей Лене и, удивляясь происходящему, говорит: «Вызови скорую помощь. Я, кажется, рожаю».

– Чего? – спросонья опешила Лена. – Ты напилась, что ли?

– Нет. Рожаю я.

Вызвали «скорую», хотя в роддом отвезти уже не успели. Родила девушка прямо в комнате.

Общежитие трясло, как негра в сугробе! Как могла она ходить беременной, и никто ничего не заметил?! Как? Да она и сама-то поздно поняла, что с ней. В институте, конечно, случился скандал и встал вопрос: «Кто виноват?» Виновных не нашли. Хотели ее выгнать, но потом смирились и оставили. А перед ней встал вопрос: «Что делать?» Вернуться домой – одинокой и с внезапным ребенком – она не могла. Семья ее была из Приднестровья, а там так не принято.

Потому родители девушки настойчиво предлагали ей авантюру: «Привези хоть какого-нибудь, самого завалящего мужика, – писали они в письмах. – Пройдешься с ним и с колясочкой по селу, чтоб все видели. Потом вы уедете. А мы скажем, что вы развелись. И все в порядке…»

Однако авантюру проиграть было не с кем. Настоящий отец ребенка предпочел оставаться инкогнито, а с другими девушка даже и не общалась. И снова она стала стучаться в дверь к Лене.

– Слушай, а может, дашь своего мужика-то. Я его только покажу, да и все. Родители могут денег дать немного. Ну и отдохнет хорошо. У нас природа, река, шашлыки.

– Даже не знаю, – честно удивилась Лена, – он не поедет, наверное.

Но все же она рассказала мне об этом, и я решил откликнуться. Дорогу обещали оплатить, так чего ж не съездить. Девочка взяла с собой для смелости подружку, и втроем мы поехали на село.

Ехали поездом. Не долго, не коротко. Но мне показалось скучно, и уже по дороге я, как неизвестный герой, влез на верхнюю полку к смуглянке-молдаванке, где под унылый стук колес она отдалась мне ритмично и спокойно.

Родственники встретили нас хорошо. Действительно были и природа, и шашлыки, но… постелили нам в разных комнатах. Мне досталась кровать в комнате ее брата, а она с подружкой спала в другой. Ночью я пролез к ним в комнату, наивно полагая, что подруга небольшая помеха для небольшого, но славного Романа, и мы здесь также сможем… как меня жестоко выставили за дверь.

Зато уже утром одна из ее младших сестер вдруг заявила: «Мама, а если они муж и жена, то почему они спят в разных комнатах?»

Хороший ребенок. Умненький.

И я тоже сказал: «Да! Почему?»

Обеспокоенные репутацией дочери, родители постелили нам в одной. Малина.

…Мешала жизни только сильная жара. По ночам я выходил в сад подышать воздухом и как-то увидел, что в летнем душе, закрытом лишь полупрозрачной клеенкой, кто-то моется. Оказалось, это наша подружка. Наличие «законной» жены мне, разумеется, не помешало запустить руку за занавес и схватить девицу за ягодицу.

– Рома! – строго и возмущенно зашептала она. – Прекрати немедленно и уйди. Я еще невинная девушка.

– Да ты что?! – восхитился я.

Буквально на следующий день мы, вместе с братом моей молдаванки, выпивали.

– Слушай, – заявил он в подпитии, – а че это ты мою сестру трахаешь?

– Интересно! – возмутился в ответ я. – А что мне с ней делать еще, когда она рядом лежит.

Но я понимал, что люди там суровые. И вытворять черт те что безнаказанно не очень правильно. Потому и направил энергию

брата в другую сторону: «А ты сам чего теряешься? У тебя вон под носом целка ходит, а тебе хоть бы что. Я тут ее пощупал слегка, так она совсем даже и не против».

Мне тут же стало ясно, что зерно упало на благодатную почву. Утром я поспешил заглянуть в комнату к еще спящей невинности и мимоходом, не удержавшись, просунул руку под одеяло. Грудь поправить. Оказалось – ОНА СПАЛА ГОЛАЯ! «Ага-а-а, – воскликнул я. – Поздравляю!»

Она ничего не ответила. Только брат потом признался, что поздравлять не с чем: «Я, – говорит, – выпил для храбрости. Прихожу к ней и командую: «Раздевайся!» – «Для чего?» – «Размножаться будем!»

И она начала раздеваться и плакать. Раздевается и плачет, плачет и раздевается. С недоумением и жалостью он наблюдал за этой трогательной картиной, после чего совесть взяла свое и вместе с ним ушла из комнаты.

Так у них ничего тем летом и не вышло. А вот меня чуть не женили. Поняв, что мужичонка я не самый завалящий, а, практически, орел, родители девушки начали под меня подбивать клинья. «Ты такой хороший парень, – пели мне по вечерам, – может, останешься? Мы тебе и дом построим, и машину подарим». И все подливали вина, и все подкладывали шашлыков. А на небе роились кустистые облака, в воздухе сгущались стаи крупных стрекоз и… чего там еще бывает в любовных романах? Короче, чуть не окрутили. Я даже не сразу понял, что все серьезно. А когда понял…

…И тут Винни Пух снова вспомнил об одном неотложном деле…

Моя циничная бабушка всегда учила меня: «Ромочка, ты же режиссер. Это слесари постоянно женятся. А режиссер подарит девушке цветочек, поцелует в щечку, и ауфвидерзеен». Быстро, оценив все величие народной мудрости, я отчалил в любимое питерское общежитие, где ждала Лена и… еще немало симпатичных девочек.

К тому времени я так примелькался в общежитии, что мои частые визиты даже не вызывали подозрений у его жителей. Меня считали своим, и я тоже старательно прикидывался приезжим. Сочинил себе красивую, на мой взгляд, легенду. Что раньше мы с родителями жили в Кзыл-Орде, а потом переехали в Барнаул. Там жили на улице Ленина, которая упиралась в горы, где по ночам орали козлы и мешали спать. Мне очень нравятся необычные названия, и, вообще, я хотел бы жить где-нибудь в Гондурасе, но, к сожалению, не знаю, где он находится. То, что это вранье, и я там даже не был, нисколько меня не мучило. У всех в институте

были легенды. Ведь люди собрались творческие. Особенно легендами славились студенты драмы. Так, одна красотка работала под эстонку. У нее был замечательный акцент и такое же потрясающее, никем кроме нее не выговариваемое название ее родного эстонского городка. Все ей верили, пока однажды не завалилась в гости с деревенскими сумками ее мама из русского городка Елец и не спалила дочь-«эстонку».

…Итак, баб, как я уже сказал, мы кадрили по-разному. Я часто делал это на общежитской кухне. К примеру, заходил и говорил, что очень хочется есть. Накормите, пожалуйста. Бабы могли дать кусок мяса и отправить восвояси. Но могли и пригласить к себе в комнату пообедать. Это было уже интересным предложением.

Иногда способы знакомства были и вовсе неординарными и нахальными. Например, как-то в один из дней мы с ребятами напились по-черному. Я остался у них ночевать, потому что уползти домой было просто невозможно. С утра, естественно, всем очень плохо. Болят бошки, ломит ножки. Хочется жрать, а денежек ни у кого нетути. Наверное, я мог поехать домой и поесть, но бросать приятелей не стал и принял волевое решение пойти по комнатам зарабатывать вокалом. Взял с собою товарища. У него, правда, не было ни слуха, ни голоса, но зато была страшная рожа, и он, один из немногих, мог сам передвигаться. И наш дуэт пошел по этажам.

– Мы бродячие музыканты и хотим заработать на кусок хлеба, – представлялся я каждому открывшему нам дверь. – Пустите нас, мы вам споем.

А в общежитии Института культуры почти в каждой комнате стоит ПИАНИНА. Хоть и раздолбанная, но звуки издающая. В некоторые комнаты нас из любопытства пускали. Интересно, все-таки. Не каждый день кунсткамера на дом выезжает. Если пускали – я играл и пел, а мой второй голос тоже что-то подвывал и протягивал всем шляпу. В которую нам из жалости кидали, кто что мог: мелкие деньги, огрызки сосисок, картошку, яйца и другие объедки.

Одну дверь нам открыли две девочки-припевочки. Они нас впустили, но, немного послушав, важно сказали:

– Ребята, вы что, не понимаете, что поете отвратительно, а играть вообще не умеете?

– Неужели? – изумились мы. – А вы умеете?

– Конечно. Это же наша специальность. Мы – хоровики-народники.

Мы выслушали это со вздохами извинения, за что нам дали таблетки от головной боли и накормили.

А вечером на собранную мелочь мы опять устроили пьянку. И я, задавшись вопросом, где мне сегодня даванут храпака, решил навестить добрых самаритянок. Они открыли дверь и по-доброму, в двух-трех матерных образных выражениях, объяснили, что женская комната вообще не место для ночевки грязных бездомных кобелей. После чего попытались меня вытолкать.

В неравной схватке – а, может, им и не очень хотелось почувствовать себя амазонками – я прорвался к кровати и завалился жопой кверху. Вынести меня они не смогли. Сказав волшебную фразу «Ну их… с тобой!», они легли вдвоем на одну кровать, которую я, проснувшись ночью, и взял на абордаж. Девочка, лежащая с краю, не супротивилась. Вторая, у стенки, вообще делала вид, что спит и к происходящему разврату отношения не имеет.

…Снова я появился там через неделю. Но той певички, с которой мы так удачно спелись, не было. В наличии имелась только ее соседка, которой я и стал петь серенады. А она начала странно ломаться, как голос парня во время мутации.

– Понимаешь, Рома, – стесняясь, сообщила она. – Я не могу с тобой быть. Я еще девица.

– А сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

– Скока-а? Нет, дай мне мою одежду – я уйду. Я не вынесу твоего позора! В таком возрасте. С таким чудным голосом.

– Позор, ты думаешь? – растерялась она.

– Конечно… Давай выпьем за то, чтобы никогда тень позора не легла на наши седины!

И мы с ней дерябнули. Потом хлопнули еще. Девушка все сильнее задумывалась, а может, девятнадцать – это действительно много? А может, и правда – пора. Я подливал масла в огонь, типа, разве же она не знает, что быть девственницей в двадцать – это вообще клеймо. Не нужна никому, что ли? Это не оценят. Она как-то быстро сломалась. Позже она призналась, что ее соседка уж очень хорошо отзывалась о моих фантастических способностях. У нее перебывало немало парней, и она в этом точно разбирается. А также посоветовала, что если уж лишаться невинности, то с грамотным парнем.

Это было приятно.

Наверное, слушок, что я умело лишаю невинности, пополз обо мне, и меня пригласила для этой цели еще одна девочка. Сказала, что до нее, как бы это сказать, дошли слухи о моей компетентности. А она знает, что первый раз важен, и хочет, чтобы все прошло хорошо. К несчастью, когда видишь такое циничное отношение к сексу, ты тоже начинаешь подыгрывать. К

тому же, когда она меня встретила, я был не совсем трезв. Чего она в некотором своем волнении не заметила.

– Ну ладно. Раз ты хочешь, давай, – снисходительно согласился я. А чего не согласиться? Идешь себе по коридору, а тебя зовут девственности лишить. – Девочка ты симпатичная, поэтому работать буду бесплатно. Ну, пошли к тебе.

В комнате я и вовсе заигрался настолько, что все свел к клоунаде: «Ну, раздевайся. Нет, не так. Медленно. Лучше раком встань…» Потом стал надевать на член очки. Типа, посмотри, кисанька, какого крокодила мы сейчас будем трахать. Так и не довел дело до конца. И все же, возвращаясь к вопросу о девственности и целомудрии, – разве можно ее считать невинной после такого моего визита?

…Все эти случаи, что естественно, делали меня увереннее и увереннее. Появился сытый цинизм. Так, однажды я заявился к очередной претендентке и, не считая, что нужно тратить время на долгие уговоры, сразу перешел к делу: «Ну, чего, будем сегодня трахаться?»

– Не, не, не. Посиди лучше, поешь.

Бедная девочка. Все-таки, я ей тоже нравился.

– Ну ладно. Поем… А трахаться будем?

– Нет.

– Ну ладно. Тогда я ухожу.

– Да подожди ты.

– А чего ждать-то? Пойду. А то так и не потрахаюсь сегодня.

В первый раз я ушел ни с чем, во второй. А в третий раз у нее сидели подружки.

– Так мы будем трахаться или нет? – снова настойчивым шепотом сразу возле двери осведомился я.

– А просто с нами посидеть не можешь?! У меня же подруги.

– Короче, жду пятнадцать минут, если четкого ответа не будет, – уйду. Че, актрисок мало, что ли?

Просидел пятнадцать минут. Поболтал с дурами. Посмотрел на нее. Глазами она показала: «Нет». Встал и пошел к двери. Возле двери меня догнали. Это было согласие.

С этой дамочкой мы встречались еще несколько лет. Потом у нее появился муж, но нам не было до него никакого дела. Надо заметить, она была очень раскованна в сексе. Просто класс. Но после секса ее сразу же хотелось куда-нибудь отправить. Говорить с ней было особо не о чем.

Опытность моя в общении со студентками объяснялась еще и тем, что этот институт не был моим первым учебным заведением. Как говорилось ранее, за спиной уже была пара лет отсидки на филфаке. Достоинством теток-филологов было то, что они

действительно хотели учиться; недостатком – что, насколько они были умны, – настолько же и страшны. Есть даже старый студенческий анекдот. Как выбирали королеву красоты филфака. Выбрали настоящую бабу Ягу. После конкурса девочки с физфака и матфака сказали ей: «Какая из тебя красавица, ты ведь такая же страшная, как и мы!» На что она ответила: «Зато на филфаке я самая красивая».

Еще я короткое время учился на стоматолога, решив идти по стопам матери. Вообще-то мне больше нравилась кардиология, но я тогда рассудил, что стоматология выгоднее. Сердце у человека одно, а зубов тридцать два. Значит, пациенты будут приходить чаще.

Однако быстро разобравшись, что медицина – это не мой конек, покинул этих юных Гиппократов, но успел познакомиться со студентками. Докторицы сильно отличались от студенток культуры. В «кульке» все были фифочки: главное для них – произвести впечатление. В «меде» более вдумчивые, серьезные. Их даже звали по имени-отчеству. Ту, с которой я там сдружился, звали Анна Сергеевна. Она была на две головы меня выше, сейчас из нее вышла бы модель, а тогда мне ужасно льстило, что такая восхитительная дылда общается со мной, презренным.

Правда, Анна Сергеевна, или А. С., без боя не далась мне ни разу. То есть она спокойно впускала меня в свою комнату, мы с ней выпивали, после чего я спрашивал: «Ну чего, будем трахаться?»

– Нет! – в ужасе кричала она и начинала карабкаться от меня по шкафам и по стенам. Залезала под кровать. Я имел ее там, где ловил: на шторах или в холодильнике. Для нее это, по-видимому, было как «веселые старты», и в итоге этого побоища она всегда давала. И, как мне кажется, получала удовольствие. Хотя лежала как корабельная сосна. По крайней мере это было необычно, и других таких девчонок, – которые бы дрались, кусались, катались по полу, – у меня никогда не было. Я только читал о таких, которые получают удовольствие от борьбы.

Наша связь закончилась внезапно. Однажды я ехал к ней и увидел, что она идет с другим молодым ковбоем-рецидивистом. И вот тогда я решил – все!

Но если почти все мои романы – за парой исключений – заканчивались без серьезных последствий – «подарил цветочек и все» – то в общежитии народ начинал потихоньку жениться. Так, самый первый мальчик в нашей группе женился на страшной как крокодил девочке (вскоре он пошел в загс и тихо развелся). Причина браков в общежитии была банальна. Часто мальчик женился на девочке только потому, что она согласилась ему дать,

если он женится. Он обещал ей это (в момент перевозбуждения), а потом приходилось расплачиваться. Что же ему делать, если очень хочется. Проституции в те времена почти не было. Точнее, нам она была недоступна. Вот и сходили с ума, совершали глупые поступки, то есть женились.

Еще сильнее потрясло всех известие, что композитор из Казахстана, прыщавый гений из параллельной группы, – тоже все. В смысле, вперед ногами… в ЗАГС. Причем женился на какой-то жуткой – то ли бурятке, то ли монголке – девушке с маленькими хитренькими глазками и с крайне неинтересной, похожей на пингвина внешностью.

Она, в отличие от симпатичных девочек, – уверенных, что они спокойно выйдут замуж, – относилась к девушкам противоположной категории; а эти всегда сомневаются в замужестве и начинают искать разные кривые пути, как бы и им добиться того же. И пингвиниха стала спать с молодым композитором. По всей видимости, это была его первая, если можно так выразиться, женщина. И единственная, кто не посмотрел с презрением на его невзрачное табло. Этим она его и купила. Они трахались по полной программе в ее комнате, только шум стоял и вой. Потом она сумела убедить поэта-песенника, что их бурный тупой секс – и есть настоящая любовь! На каникулах она пригласила его в гости в родной Свердловск. Едва мальчик переступил порог дома, как его пассия звонко и радостно объявила: «Дорогие родители, это мой жених. И у нас с ним будет свадьба!» Несчастный мальчик конечно же оторопел от такого поворота событий. Но на него смотрели возбужденные от волнения родители. К тому же он находился на «вражеской территории». И он сказал: «ДА».

Когда об этом узнали – институт встал на уши. У всех на глаза наворачивались слезы, особенно когда видели, как он, безумный, радуется. Когда они объявили о свадьбе, мы отговаривали: «Подумай, ты сейчас еще молодой и некрасивый. Но погоди немного, заматереешь, станешь известным, телок у тебя будет миллион. Ты же талантливый и сейчас сам себя губишь». Он отнекивался. Говорил, что раз он обещал, то слова не нарушит. Приличный человек. Наш однокурсник, ездивший к нему на свадьбу, рассказывал, что его мама там рыдала.

Через три года у него уже было двое детей и, соответственно, никаких путей для отхода. «Красавица-же-на», которая наверняка не смогла бы долго удерживать его у своих грудей, сумела популярно объяснить своему благоверному, что, если у него будет двое детей, в армию его не заберут. И он влип. Ему стало не до стихов и песен. Надо зарабатывать.

Девушка Артура тоже все серьезнее прибирала его к рукам. Она вцепилась в него, и он сам втягивался в их совместную жизнь. Она была удобна, прощала практически все: пьянство, загулы. Восхищалась его неслыханным талантом. Дело у них тоже шло к свадьбе.

У меня же в тот момент было несколько параллельных романов. Из них два серьезных. Один с Леной, а другой – с девушкой, которая появилась в моей жизни еще раньше Лены. Девица была одной из «моих» девственниц. Я лишил ее невинности и обнаружил чрезвычайно сексуального зверька. Она умела трахаться чуть ли не на потолке. Но при этом каждый раз, когда мы вылезали из постели или слезали с потолка, я испытывал непреодолимое желание умчаться подальше…

И потому я подумал-подумал и перевез Лену из общежития к себе. Жил я тогда у бабки с дедом. Они не особо возражали, но, заметив мне, что у нас все-таки «приличная семья», отвели ей отдельную от меня комнату. Дня два или три мы спали в разных спальнях, а потом я сказал: «Все. Хватит. Жить мы будем в одной комнате».

У меня с НЕЙ – серьезно.

Всё течет и всё изменяет…

Иду я вечером по улице и вижу – сидит парень и обнимается с девушкой.

На следующий день иду по той же улице и вижу того же самого парня, но девушка уже другая.

А сегодня парень опять сидит на лавочке, но уже с третьей девушкой.

Выпьем же за постоянство мужчин и непостоянство женщин.

Старинный
кавказский тост

– Жених! – кричу я в микрофон, стоя на сцене дорогого ресторана. Меня и еще двоих моих приятелей наняли для того, чтобы провести свадьбу. – Жених! У тебя ничего не пропало? Невесту собираешься выкупать?

Невеста, совсем юная идиотка, которую мы же сами и похитили (неплохой приработок для артиста), сидит у нас в гримерке, наивно и счастливо предвкушая, как сейчас все гости и суженый кинутся на ее поиски.

Как бы не так! Ее суженый поворачивается и цинично, ломая столетиями сложившуюся традицию, заявляет: «Пропала? Ну их… с ней!»

– Как это? Гости дорогие, ребята, надо выкупать невесту! – завопил я, обращаясь к гостям. Иначе может произойти самое страшное!

– Га, га, гы! – залились смехом друзья жениха. – А самое страшное уже произошло: он женился. И выкупать ее мы не будем. На фиг нам это надо?

В недоумении и растерянности – неплохой приработок обламывается – я захожу в гримерку. Невеста и мои коллеги смотрят на меня вопросительно.

– Как же это? А что же теперь будет?! – изумленно спрашивает она.

– Что будет, что будет! Ну трахнем тебя по разу и отпустим, – заявляю я. Люди, давно знакомые со мной, знают, что так я всего лишь невинно шучу.

– Да? – Глаза невесты на секунду вспыхнули. А потом она потупила взор. – Ну ладно. Только чтоб муж не знал.

И САМА сняла трусы.

Немая сцена.

…

Мы не знали, как прийти в себя. Перед нами стояло создание в белом, за стенкой гуляла ее свадьба, а она смотрела вопросительно на нас и ждала. Мы, конечно, циники. Но для нас это было чудовищно. И в ужасе понимая, что мы не можем ее разочаровать, решили… не разочаровывать. А что?! Неплохой приработок для артистов.

После чего невестушка надела трусики и спокойно отправилась догуливать. До сих пор не пойму, что все это значило. Некоторые мне говорят, что она обиделась на жениха и решила тут же, не сходя с места, отомстить. Не знаю. До сих пор. Тогда же был так шокирован, что мне было не до наблюдений за людьми и раздумий на эту тему. Мысли были только о том, как отсюда поскорее унести ноги.

А эта свадьба, свадьба, свадьба, все пела и плясала…

Только она одна и осталась для меня загадкой.

А всего я провел в своей жизни тридцать восемь свадеб. И, значит, такое же количество раз видел пары, решившие жить вместе. Почти всегда с первого взгляда становилось ясно, что один из супругов – человек неплохой, а второй – «конченая тварь». Даже случайные гости на свадьбе видят это. И звучит фраза, примерно как в чеховской «Анне на шее»: «И чего это милая, такая хорошая за такого-растакого идет?» Или наоборот: жених – человек замечательный, и все думают: «И как его эта стерва урвала?» Как складывается в дальнейшем их жизнь, я один раз видел, второй раз читал у Чехова. В этих двух случаях человек, бывший очень хорошим, скурвился; «Анна на шее» стала б…ю и стервой. А можно ли вывести тут мораль, что с волками жить – по-волчьи выть, даже не знаю. Все-таки работал только у богатых людей. Ну, или хотя бы один из супругов должен был быть богатым (как было у Чехова). Ведь бедные не заказывают «звезд». Наверное, среда, «подпорченная» деньгами, имеет свои особенности.

Ну да и Бог с ними.

…На тот момент, когда лично я обзавелся «второй половиной», денег ни у нее, ни у меня не было. Нам не снились ни балы, ни свадьбы в дорогих ресторанах с нанятыми музыкантами и тамадой. Нас не держала вместе какая-либо веская причина кроме любви: например, когда девочка беременеет, а парень ВЫНУЖДЕН жениться. Ничего подобного не было! Нас связывали только чувства.

Мы оба все еще учились в институте.

Оба придумывали, как заработать. Я пахал, где мог: выступал на пьянках; зажигал с песнями на улицах; несколько раз в неделю выступал в самом модном тогда андеграундном кабаре «Арт-клиника». Помимо этого делал все: торговал газетами, подрабатывал грузчиком и, кстати, одним из первых в этой стране, почувствовав «ветер перемен», стал мотаться в Турцию за шмотками, которые мы с Леной продавали на рынке, несмотря на мороз или жару и насрав на престиж нашего гуманитарного образования. На каникулах мы вместе ездили куда-нибудь отдыхать. Всю Европу проехали автостопом, и нам было наплевать, по большому счету, на отсутствие комфорта и элементарных удобств. К тому же я всегда был уверен, что когда-нибудь разбогатею. А сейчас – это временно; просто такой жизненный этап.

Казалось бы, идеальное сочетание для семьи: молодые люди, оба неизбалованные деньгами, оба равны. Любят друг друга бескорыстно, а значит, и вправду любят.

…Но почему тогда я начал изменять?

Наверное, потому что мужчина полигамен. Такими нас создала природа. Тут хоть тресни. В свою защиту я могу сказать одно: я не искал возможностей пойти налево. И не бегал за бабами. Уж тем более в первые годы нашей совместной жизни. Возможности сами находили меня. Как говорят: не вор ищет случая, а случай делает вора.

Моя главная профессия – конферанс. Конферанс – это пьянки. Пьянки – это красивые, алчущие удовольствий бабы. Бабы – это невесты, готовые снять трусы, и т. д. и т. п. Если честно, находясь в горячке работы и думая только о том, как сделать так, чтобы людям понравилось и чтобы позвали еще, я даже не всегда успевал осознать, что изменяю любимой.

Ну, например.

Как-то к нам в «Арт-клинику» заявляется центральное немецкое телевидение. Зная, что народ здесь работает самый свободный и отвязный, они говорят, что хотят снять сюжет «Ночь свободной любви в России». Обещают неплохо заплатить. Деньги – это хорошо. К тому же год на дворе девяносто третий, наша страна еще слыхом не слыхивала о таком виде любовных развлечений. То есть – мы в этом деле будем первые! Для людей творческих самое приятное – возглавить колонну. И мы взялись: пообещали людей собрать и на секс «развести». Кирка Миллер, художник и хозяин этого клуба, сделал из папье-маше огромный фаллос и пошел с ним наперевес по улицам. Прохожим, как в микрофон, просил дать в него интервью. Те, кто не шарахались и весело реагировали, получали пригласительные на нашу

вечеринку. На входе мы раздавали шампанское и водку. Едва собралось достаточно людей, вход в клуб закрыли…

Мы, если честно, тогда не знали, как публику к разврату подтолкнуть; конечно, были разбитной ведущий (то есть я), халявный алкоголь и веселый негритянский оркестр. Я видел со сцены, что люди зажимаются по углам, но пока до «Ночи свободной любви» мы недотягиваем. Проходит немного времени, я поворачиваюсь спиной к залу, чтобы дать очередные указания музыкантам. Разворачиваюсь и вижу… что мы уже почти приближаемся к цели. Люди стали раздеваться. Но пока все еще робко. Им нужен последний толчок.

И им стал я!

Вытащил из зала девчонку и прямо на сцене на глазах изумленных немцев мы с ней все и проделали. Публика, видя такое дело, наконец, осмелела и пошла вразнос. Свершилось.

Знаете, а стране-то, наверное, хотелось свободной любви…

Вот скажите, кто сейчас думает, что это была измена жене? Да это был подвиг! Прорыв сквозь совковую культуру. Попытка стать легендой. Пусть ценой собственной репутации. В сломе моральных устоев тогда и была норма жизни.

Мне вот даже до сих пор интересно, сколько немцы заработали на этом сюжете. Меня потом узнавали, когда приезжал в Мюнхен: «Вы из России. Мы вас видели по телевизору!» Многие из Германии приезжали в клуб, посмотреть на меня.

А я чего… Практически, честный семейный гражданин, герой, никогда больше не повторивший такого подвига: а на фиг надо?! Подвиг бывает один раз. И герой должен быть один, потому что если героев много – это уже банда.

И снова ходишь верный.

Ходишь и ходишь… Верный и верный.

Вот так однажды иду себе по клубу и иду. Программа закончилась, а за одним из столиков сидит такая грустная-прегрустная девочка. Все веселятся, а она чуть не плачет. Мне ее даже жалко стало. Подсел к ней и говорю: «Может, водочки?»

– Можно.

Надо же, согласна! Заказал – выпили.

– Может, еще?

…

– Нужно!

Заказал еще – выпили.

– А, может, пойдем куда-нибудь, ну и того?.. – предложил ей.

– Что, так сразу?

– Ну почему сразу?! Разве я похож на такого циника. Вначале

прогулка.

И мы пошли на прогулку: на другой этаж за ключами от чердака. На чердаке прогулка завершилась. Правда, неудачно. Там было очень грязно. Рассыпаны опилки. И мы, повалявшись в них, все ж таки решили пойти в гости к моему другу, который жил недалеко.

Встретил он нас приветливо.

…

Мне стыдно, конечно перед женой. Но такая бл…ская натура у самца: видит он, что можно телку получить, и ему пройти мимо трудно. Один раз себя можно пересилить, второй, а на третий… Ну невмоготу. Особенно, если свободных баб вокруг, как пчел на цветущем лугу.

И во второй раз притащил я к тому же приятелю еще одну куколку из клуба. Восемнадцатилетняя, гибкая, она танцевала, любуясь сама собою, и на лице ее читалось: ах, какая же я красавица.

– Ах, как же хорошо вы танцуете! – подпел я ее внутреннему настроению, случайно проходя мимо.

– Правда?

Купилась!

– Ну конечно! Ах, вам непременно необходим хороший педагог. Или вы погубите свой талант! – понес я околесицу. Все ж таки учился на режиссера, знал нужные термины и научно объяснил ей, до чего она хорошо танцует.

– У меня нет денег на учителя.

– Я вас познакомлю с одним. Он посмотрит, если понравится, возьмет бесплатно. Сделает из вас звезду.

Она меня слушала, раскрыв ротик и растопырив зубки. Господи, как же все самки одинаковы по своей природе. Уж сколько раз твердили миру… Я склеил ее точно так же, как и баб в институте. Она повелась на те же приемы, согласилась пойти к моему другу, которому по телефону – когда она не слышала – я вкратце объяснил суть. Он тут же все просек. Встретил нас в трико, типа, репетировал, и тут же «включил» учителя: «Ну-ка, девочка, станцуйте. А сейчас сымпровизируйте. Я включу вам музыку. Представьте, что вы колосок».

И она стала что-то изображать.

– Так-так, очень хорошо! Разденьтесь.

Она разделась по пояс.

– Нет, полностью раздеваемся. Быстренько. Девушка, времени нет, мне надо репетировать.

Наивная танцовщица, доставляя нам несказанное удовольствие, которое мы оба с трудом маскировали

деловитостью, полностью разделась. Он прибавил оборотов: «Что-то не то. Понял! Вам надо намочить волосы, вы не чувствуете своих волос».

И она пошла в ванную.

А мы, уже не удержавшись, заловили ее там.

Она была ошарашена. Но в итоге ей вроде понравилось.

На что еще она надеялась?

О, женщины!..

То они все время думают, как развести мужика; то массово попадаются на самые примитивные приемы. Впору писать главу «Удочки для дурочки», но что в ней скажешь нового? Если мужчина не ленив, он сам быстро изучает «предмет вожделения» и легко им пользуется. Причем, ему даже не надо быть великого ума. Надо всего лишь научиться нажимать на некоторые рычажочки. «Помни, Урри, у каждого есть кнопка!» И у баб они есть.

Случалось, например, так, что я приводил кого-нибудь к себе домой, заводил в детскую…

– О, у тебя есть ребенок? – разочарованно спрашивала девица.

– Да, – томно вздыхал я.

– И… жена есть?

– Уже нет. Она поехала с подругой на машине и разбилась.

Смерть – вызывала у них сочувствие к пострадавшим, ко мне и ребенку и радость обладания холостяком. Они начинали говорить, как любят детей и как хорошо, что малыш есть уже «готовый», под себя не ходит.

…Вообще-то, в доме были и женские вещи, и, будь девицы повнимательнее, они бы поняли, что их разводят. Но они видели лишь то, что хотели видеть. А я в этом не виноват. Почему же они утром так удивлялись, когда я будил и говорил: «Собирайся, жена сейчас приедет».

– Какая жена? – ошалело спросонья не понимали они.

– Моя.

– Ты же говорил, что она померла.

– Померла?! Да ты что! Пьяный, наверное, был. Ты больше слушай. Я когда напьюсь, вечно всякую херню несу.

Правда, мне это быстро надоело. Я предпочитаю, чтобы все было по-честному. Пускай она принимает и любит таким, какой есть.

…А я пока с интересом понаблюдаю за тем, как выходят на эту охоту другие самцы. Их тривиальные приемы сексуальных игр лично мне видны с первого хода, но бабам, представьте, нет! Я часто бываю потрясен до глубины души! Помню, отдыхал на

Красном море, и там инструктором по дайвингу работал араб по имени Али. Всех баб он клеил на одну и ту же удочку. Каждой рассказывал, что у него на протяжении восьми лет была девушка, с которой они любили друг другу. Но он никак не мог накопить денег, чтобы заплатить калым. Они страдали, но не могли даже убежать из дома. Девушка считалась опозоренной, если парень не может заплатить. И вот однажды он почти накопил деньги, на радостях спешил к ней на машине, чтобы и ее скорее обрадовать. А она как раз выходила из автобуса. И он ее сбил. Она погибла. Он себе места не находит вот уже пять лет, и у него еще никого не было… О-о-о, какая жуткая история…

Практически каждая туристка, выслушав ее, считала своим долгом утешить Али на своей груди. Это происходило примерно три-четыре раза на дню в разных отелях. Одну он трахнул даже под водой на глубине пятнадцати метров. Она в тот день вообще первый раз надела на себя водолазный костюм. Ничего себе нырнула! Но, Боже мой, чем же мог быть интересен этим состоятельным и образованным дамочкам бедный и полуграмотный араб? А поди ж ты! Причем многие телки приехали с мужиками.

Здесь уже можно переходить от темы мужских измен к теме женских. Мы друг друга стоим. Говорю ответственно. В силу профессии, мне пришлось не только самому оказываться в изменщиках, но невольно становиться и свидетелем большого количества супружеских измен.

…Пора бы уже спросить, а куда смотрят их мужья?

Иногда они, конечно, что-то подозревают.

Только что им делать-то? Что, если он ее любит и не может без нее жить? Наверное, просто бьет ее. Когда я раньше читал в газетах, что муж избивает жену, уверенно полагал, что он какое-то жуткое чудовище. Зверь! Бьет женщину! Да как он может поднять руку на это слабое существо?! Но сейчас я думаю: а что ему делать, если попалась такая вот баба? Если он приходит домой и видит, что она лежит с любовником. Убить ее?! Выгнать нереально, потому что без нее ему жизни нет. Самое забавное, что нередко и она без него не может.

Нам в институте объясняли, что не всегда, когда мужик бьет бабу, сторона, получившая увечья, потерпевшая. Наоборот, потерпевшим часто бывает мужчина, который бьет.

Мне рассказывал приятель, как гулял на одной свадьбе. Разумеется, все напились, стали друг к другу приставать. С ним рядом сидела девушка, которая под столом протянула холеную руку и положила руку ему на ширинку – давай? Они пошли в какую-то комнату, где была свалена верхняя одежда, и там, прямо

на шубах все и произошло.

Довольный, он вернулся в зал. Душа хотела продолжения праздника и поделиться с кем-то радостью. Первый гражданин, к которому он подсел с предложением выпить, не отказался. Но мина у гражданина была очень кислой.

– Ты чего такой грустный, случилось чего? – участливо спросил мой приятель.

– Нет.

– Но развлекись тогда, давай выпьем. Смотри, какие девчонки. Вон та так сосет классно. Только что мне на шубах дала.

– Я знаю. Это моя жена.

…

Хмель куда-то сразу испарился. Веселье тоже куда-то исчезло.

Жуткая ситуация. А что делать? Оставлять такую дома? Тогда будет как в анекдоте: старенький дедушка приходит в кинотеатр с молодой женой. Едва свет выключается, как она начинает целоваться с каким-то парнем. Зрители шепчут деду: «Смотрите, что они делают». – «Ой, да знаю я. Но такая история происходит каждый раз, когда мы идем в кино». – «Что же вы не оставите ее дома?» – «Дома еще хуже. Дома ее вообще е…т».

Ко мне после выступления в клубе часто клеятся бабы, причем пришедшие с мужьями. «Роман Львович, с вами можно встретиться?» – «Уйдите, – говорю, – к черту, пока нас не убили». – «Ну оставьте телефон, мы вам позвоним».

Прямо за спинами мужей. Что это, если не вероломство?! Кстати, знаете, почему у всех народов национальность ребенка определяют по отцу, а у евреев по матери? Я об этом спрашивал у раввина. Он сказал: «Кто мать ребенка, всегда ясно. А вот кто отец…» Мудро.

…Вроде бы во всей этой катавасии (которая началась случайно, а продлилась много лет) я не стал еще чьим-то отцом. По крайней мере звонков после той армейской истории не было. Хотя практически все мои незамужние бабы говорили, что беременны от меня. Но эта их беременность каждый раз сама по себе благополучно рассасывалась, едва они понимали, что прибрать меня к рукам не удастся. А тетки всегда хотят прибрать нас к рукам. Когда ты встретился с ней во второй раз, в третий, в четвертый, она думает, что у вас все серьезно. И она стразу начинает строить воздушные замки. И думать, как вы поженитесь, как детей назовете.

Ты тоже думаешь, что у вас все серьезно, и планируешь с ней время от времени серьезно трахаться. А если ваши отношения опасно затянулись, надо серьезно продумать, как их закруглить.

Когда-то я услышал выражение, показавшееся мне необычайно любопытным: «Если от вас ушла жена, точно запомните, как вам это удалось». От жены мне избавляться не приходилось. И я никогда не оставлю ее. Но вот с любовницами приходиться заучивать: ЧТО ее может оттолкнуть от тебя, когда тебе будет нужно, чтобы она из твоей жизни исчезла.

Исчезла до того, как станет опасна твоей семье. Я наблюдал такое у друзей. Когда любовница звонила жене и говорила: «Вася любит меня, а с вами, с женой, живет только по привычке». Мне таких звонков не хотелось. Я берег семью, хотя старался не обижать любовниц. Говорил честно: «Я на тебе никогда не женюсь… Давай просто позанимаемся любовью».

Женщина сразу не верит в то, что не женюсь. Она крутит, вертит, что-то выгадывает. Пытается преподнести себя как королеву и богиню. Пытается как можно дороже себя продать. Правда… соглашается заниматься любовью, но долго рассказывая, какая она порядочная. И что «такие, как она, сразу не отдаются». И к тому же «у нее был всего один парень». Или два. И обычно ее изнасиловали, когда ей было шестнадцать лет, на новогодней пьянке. «Очнулась вся в крови».

И только ты-то и сумел в ней разбудить женщину. И только с тобой секс доставляет ей удовольствие. И только поэтому… ты должен на ней жениться.

??????????????????

«Очень хорошо! – говоришь ты. – Но я же сразу сказал, что у меня семья. Давай просто любовью займемся».

«Значит, не женишься?» – ведет она свою линию. И, переспросив в последний раз, посылает тебя из своей постели к чертям собачьим.

«Ау-ууу, дорогая, – взываешь ты к ее логике, одеваясь. – Но ты сказала, что секс со мной тебе так приятен? Может, того?.. Еще разочек?..»

А в ответ тишина.

Поняв, что нет никаких перспектив, та, в которой «ты разбудил женщину», исчезает из твоей жизни.

Вот поэтому я, да и многие другие самцы, предпочитают ходить налево с замужними бабами. Они идеальны для семейного гражданина. Им не нужны подарки, они ведь не могут притащить их домой. Они не стремятся разрушить твой брак. И ты понимаешь, что она с тобой не ради денег или перспектив, а только ради удовольствия.

О, добрая женщина, как я тебя люблю!

Иногда, конечно, взбредет в голову мысль, что у нее ведь есть муж. И что мы (я и она) наставляем несчастному рога. Но тебя

греет мысль, что, может, он все-таки умный человек. И если застукает вас (тебя и ее), то, скорее всего, если он умный человек, пристрелит именно ее.

Как в анекдоте: «Подсудимый, за что вы убили жену?» – «Я застал ее с любовником!» – «Но вы застрелили ее, а не его». – «Лучше один раз замочить одну Б, чем каждую неделю убивать по человеку!»

Секс в чужой семье

– Почему вы хотите развестись со своей женой?

– А у нее, гражданин судья, волосы на голове черные, а на лобке рыжие.

– Ну и что?

– Мне лично все равно, а друзья смеются.

Глава предыдущая закончилась страшно.

И вообще, измена – для кого-то ужасное слово.

И для меня оно тоже было таковым. Потому что из-за неверности самцы бьют морды бабам, вешаются, стреляются на дуэлях. Сколько людей полегло из-за того, что посмотрели на чужую жену, и сколько – из-за того, что сунулись защищать ее честь и свое достоинство.

Но год идет за годом, век за веком, общество меняется.

И я со временем столкнулся с новой для меня и очень интересной формой супружеского существования…

– Рома! Ты куда?! А продолжение банкета?!

Конечно, эту фразу в тех или иных вариантах приходится часто слышать после программы в клубе. Я не брюзжу. Я, наоборот, надеюсь, что и в дальнейшем буду ее слышать. Это значит, что понравилось. Значит, не хотят отпускать. Значит, понесло их в загул и в веселье… Что и требовалось: цель достигнута, работа выполнена качественно.

Ну а я… А мне тоже весело, тоже нередко хочется с ними выпить еще по чуть-чуть, и вроде нет причин отказываться. Правда, порой составляя компанию «понесшимся», я не всегда, к сожалению, знаю, куда занесет меня.

Вот так однажды в Питере подваливают ко мне две явно семейные парочки с предложением поехать к ним, посидеть, выпить. Вроде неплохие ребята. Соглашаюсь. Приехали. Посидели. Выпили. Глаза у меня уже слипаются, делать, в принципе, больше нечего, поэтому я по давней традиции Винни Пуха «Ну, раз у вас больше ничего не осталось…» потихоньку начинаю собираться в сторону дома.

– Как?! – вдруг возмутились хозяева. – А как же с культурной программой?

– Какой еще программой? – не въехал я.

– Ну а трахаться, что, не хочешь?

Тут я, признаться, несколько напрягся. Двое мужиков, их жены. «Кого же тут трахать?! – пронеслось в моей стремительно начинающей трезветь голове. – По всей видимости – меня. Но жопу свою я продам очень дорого».

И рванул к дверям.

Там благородного искателя приключений уже ждал сюрприз в лице (морде) злобной псины, – кажется, это был шарпей, – зарычавшей и улегшейся у двери. Обложили!

Пришлось вернуться.

– Ну ладно. Только я не понял, кого же будем трахать-то?

– А че, тебе наши бабы не нравятся?

Ах вон оно в чем дело, с опозданием сообразил я.

И мы начали!

Трахаясь по всей квартире, то с одной, то с другой, я вроде и получал удовольствие, и все же порой напрягался. Потому что к моему уху все время прилипал чей-то муж и горячо нашептывал: «А ты любишь, чтобы тебе женщина в рот пописала?» – «Извини. Я пока и так шокирован и не готов ко всем подвигам сразу». – «А ты попробуй, попробуй, – прилипал он к другому уху, когда я пыхтел над другой бабой. – Это очень приятно. Тебе понравится. Мне, например, очень». – «Угу, в следующий раз…»

Выбравшись, наконец, мимо спящего шарпея на ночной воздух, я достал из кармана телефон этой гопкомпании, который они мне всунули на прощание, и без сожаления выбросил его. Нет, против пар, практикующих «стенка на стенку», я ничего не имею. Но тут уже чувствовалось: крыша отъехала капитально. В следующий раз они бы точно нассали мне в рот, насрали в уши. А ну их, такие приключения!..

Во второй раз в подобную – хотя более приятную и горячую переделку – я попал так же случайно. И тоже после программы. Только на этот раз я работал не у себя в клубе, а на яхте. Гуляли там семьями. Разумеется, в один прекрасный момент все перебрали. И я в том числе. Слово за слово, – детали уже не помню – как на автопилоте, я стащил трусы с подвернувшейся под руку бабы.

В принципе за это можно получить по морде.

Но тогда ничего подобного не произошло. Более того, другие бабы стали снимать трусы сами, и, оглянувшись, я с удивлением увидел, как вокруг начинается оргия. А раз начинается, то попробуй удержаться и не поучаствовать! Утром разберемся.

На следующий день, проснувшись к обеду с тяжелой головой, я стал прикидывать, во что влип? Конечно, именно я помог им дойти до невменяемого состояния и первым начал приставать к чужой бабе, но это же еще не сигнал для всех приступать к

разврату!…Так ничего для себя толком и не решив, вышел на палубу. Будь что будет. Но оказалось, что остальная публика на яхте, расположившись на палубе, спокойно себе загорала. И никто никому не бил морду за вчерашнее, никто ни с кем не разводился. Словно все в порядке вещей. Как будто так и должно быть.

Уже позже я узнал, что они свингеры. Мне стало любопытно, что это за явление такое и как же это может быть. Я все пытался выяснить у одного из мужиков на яхте: «Как же так? Жена у тебя красивая, молодая. Зачем же ты ее отдаешь?» Ответил он очень интересно: «Знаешь, Рома. Пусть лучше ее ебут мои друзья, чем мои враги!»

Я потом долго думал: может, он и прав? Может, сейчас он хочет просто получать удовольствие от жизни. Хочет, между прочим, чтобы и жена получала удовольствие. И смотреть на это. Тем более, если есть возможность устроить все органично.

По мнению свингеров, женщина – такой же человек, как мужчина. Она тоже любит трахаться и тоже получает от этого удовольствие. Она – человек, который точно так же любит разнообразие, как и мужчина. Любовь – понятие духовное, а секс, как никак, плотское. Как сказал поэт, все в семейной жизни притирается: еда приедается, жена прие…ывается. Женщина, не получая былого удовлетворения от секса, будет искать его на стороне. Ни один, даже самый потрясающий любовник не сможет быть до бесконечности разнообразным и не сможет тот же размах и качество держать на протяжении многолетней дистанции.

И тут он сворачивает на левую беговую дорожку.

Женщина, повторимся, такой же человек. И точно так же начнет искать другие пути. Если у супругов появляются различные интересы, рано или поздно, на первом, втором или третьем перекрестке, их дороги разойдутся. Чтобы этого не произошло, в какой-то момент супруги с беговой дорожки стадиона выходят на оживленную улицу. Хотя это тот же самый дуэт, но время от времени появляется рядом с ними то один человек, то второй. То мужчина, то женщина. Бегут супруги по-прежнему вместе, но уже в коллективе. И вроде делают они все то же самое, но бежать веселее.

– Рома! Ты куда?! А продолжение банкета?!

…Конечно, кто-то может спросить, а зачем я поехал, не знамо куда?!

Должен сказать, что с годами в моей жизни тоже наступили перемены. Я ушел из «Арт-клиники», где работал у своих друзей.

И однажды пришла пора начать работать по-взрослому. Нанятым сотрудником; на хозяина; в месте, где меня не знали,

где высокие цены, богатые гости, где я не имел права на ошибку. Если бы меня уволили, идти было бы уже некуда. А жена не работала, сидела с ребенком… Я все это рассказываю для того, чтобы показать, что и мое психологическое состояние тоже стало другим. Более напряженным и нервным.

Поэтому я не мог после программы спокойно ехать домой в тихую квартиру, ложиться в теплую постель и, наконец-то, уснуть в тот самый час, когда многие встают на работу. Это было бы бесчеловечно по отношению к себе любимому! Моя работа накрывает как наркотик и очень долго плющит.

Но такую серьезную работу – смешить людей – я выбрал сам. И не думаю менять, хотя теперь уже вижу, что сложно выходить на сцену перед сотней зрителей, зная, что каждый из них беспристрастно оценивает тебя. Ночной клуб – это вам не МХАТ, где зрители сидят чинно и молча. В клубе все, как правило, пьяны, громко разговаривают друг с другом, и овладеть их вниманием часто непросто. Зато, если они чем-то недовольны, громко это выскажут в ту же секунду. Клубная сцена – ежедневный экзамен. Перед программой меня всегда «колбасит». Не могу есть, так как артист должен быть злым и голодным. К тому же знаю, что, если поем, то начну засыпать (как засыпал однажды от усталости, стоя в солдатском туалете).

И этот нервяк – постоянен, хотя выхожу на сцену много лет. Изменилось только одно: сейчас спокойнее отношусь к редким провалам. Раньше себя казнил. Мне казалось, что я сам виноват, – не смог публику завести. Сейчас знаю наверняка, что публика бывает разная. И случаются такие вечера, когда в сумасшедших домах проводятся дни открытых дверей и все «дауны» могут собраться у тебя. Такое случается, но, слава Богу, редко.

Впрочем, даже если прошло на отлично, – все равно «бубенит»! Не могу ничего делать, не в силах ни на чем сосредоточиться. Ложиться спать бессмысленно: все равно не уснешь. Смотреть кино – нереально: ничего не соображаешь.

Самый простой способ снять это стрессовое состояние – алкоголь.

И, конечно же, бабы.

Только, вы меня извините, на нормальную бабу уже нет ни времени, ни сил. И, вообще, где их найти, нормальных, если работу заканчиваешь в два часа ночи? Да они давно спят и видят меня во сне в белых тапочках. Зато вдруг подворачиваются компании и…

– Рома! Ты куда?! А продолжение банкета?!

Конечно, кто-то спросит, а как же жена?

…Кстати, о жене.

Я точно не знаю, но, наверное, никто не обольщался насчет моей верности. Сама «тихая» профессия – жить на этом разгуле – подталкивает к омуту. Но что остается жене: если любишь человека – приходится прощать. Главное, что я никогда не делал ничего цинично у нее на глазах. А, может быть, в этом и заключается любовь. Как культура заключается не в том, чтобы не ругаться матом, а в том, чтобы знать, где это можно делать. И ночевать я всегда приходил домой. Нигде не заваливался спать, как бы мне ни хотелось.

Поэтому, что касается жен, – умная женщина всегда ставит перед собой вопрос: а готова ли она услышать правду? Когда ты вернулся поздно ночью домой, самое простое, что она может спросить: «Где был?»

– На пьянке.

– И бабы там были?

Я честный человек. Могу ведь ответить, что были.

Тогда ей придется спросить: «И ты с ними спал?»

Я, конечно, начну отпираться. Я – не я, кобыла не моя… Но ведь я буду пьяным, уставшим, как герой того анекдота, сказавший супруге: «Ты же такая умная. Придумай что-нибудь сама». А то и признаюсь, лишь бы дали уснуть.

И ей придется устраивать скандал.

А зачем?!

Лучше ведь просто сказать мужу, чтобы шел спать. Лишние вопросы рождают лишние ответы. Женщине не стоит их задавать, если она соображает, в каком мире живет супруг. Она должна вырулить на верную дорогу и суметь сохранить видимость того, что семья в порядке.

Главное – счастье. А счастье – это когда тебя понимают.

«Кто сегодня дежурит в постели?»

И шел Адам по райскому саду.
И выпало у него ребро.
И сказал Адам: «БЛ-Я-Я-Я-ДЬ!»
И стало так…

«Га-га-га! Ха-ха-ха! Ох, ых!» – слышу я у себя за спиной дикий бабский хохот, и на ярко освещенную сцену прямо во время моего монолога на железном подносе выезжает самая толстая и безобразная из моих танцовщиц, нанятая исключительно для гротеска, по имени Климакс.

– Уйди, чудовище! – пытаюсь я хоть как-то обыграть происходящее безумие. – Сейчас не твой выход.

– Га, га, га! – не успокаивается она и, заваливаясь на спину, потрясывает жирными ляжками. Ей хорошо. Она нахрюкалась в гримерке и уже совсем не понимает, где она и что она.

Чтобы как-то выйти из этого дурацкого положения, я задаю публике вопрос: «Что это такое: на свадьбе пьяное, в кружевах, по полу катается и хохочет?» Правильный ответ – «Невеста». Народ смеется. Климакс тоже угорает. Я пытаюсь пинками ее вытолкать за кулисы, при этом еще продолжая одну из долгоиграющих баек.

Но даже моего проверенного опытом многочисленных пьянок мастерства недостаточно, чтобы заткнуть незатыкаемое, и унять неунимаемое, и впихнуть за кулисы невпихиваемое. Ситуацию спасает только убеждение зрителей, что так оно и задумано. Правда, ненадолго. Климакс пьяна не по-бутафорски. И вскоре все с интересом наблюдают за неожиданным зрелищем: как Трахтенберг будет справляться с пьяной безумной бабой… Ничего, справлюсь. Может, и не сегодня. Ну так завтра она будет уволена.

Слава Богу, такой случай был у меня единственный. В основном же стриптизерки, при всем моем нежелании называть их артистками, все равно имеют отношение к нашему шоу-миру: к миру шоу-бизнеса, к сцене, к блеску, к мишуре. Собственно, они этой мишурой и являются. Но несмотря ни на что, они все равно более высокоорганизованны, чем человек со стороны, так сказать, из зала. Так, один наш гость перебрал и, выползая на сцену, видимо, почувствовал себя гимнастом и решил сделать стойку на руках. Акробат из него вышел херовый, и в итоге пришлось

вызывать «скорую». А стриптизерки – хоть и стоят в самом низу артистической иерархии, – такого не выкинут, и даже находясь в совсем свинском состоянии, очень редко падают в зал со сцены. Но и то – это уже не скотское опьянение, а стадия дымковской игрушки, то есть когда они могут пускать только дым изо рта. И за это я им благодарен. Они составляют часть моей программы и намного артистичнее и собраннее, чем какие-нибудь шлюшки-модельки (об том расскажу чуть позже)… Но это все, конечно, не самое главное.

Я взялся рассказывать о специфике своей службы, чтобы постепенно перейти к специфике служебных романов. Служебные романы ни в коем случае нельзя путать просто с романами на службе.

Время от времени я уезжаю на гастроли в другие города, меня приглашают провести корпоративные или семейные пьянки. Все это разовые заказы и левый приработок. Случайные халтуры, на которых возможны случайные связи. Потому что почти везде, конечно же, есть возможность склеить какую-нибудь бабу. А то она и сама приклеится, а то и целая компания. Такая уж работа – ты заказчиков не выбираешь. Только они тебя. Но все эти связи, как правило, – случайные, хаотичные, непостоянные. Понеслась душа в рай – и ты вслед за ней. Романтика.

Ну а теперь вернемся к повседневной рабочей жизни. Моя основная служба – сцена моего клуба. И у меня «на службе» есть целый штат «служебных единиц»: танцовщицы стриптиза. В их замечательном окружении мне приходится трудиться систематически и еженощно (я не виноват, график такой). И что касается их, – то с ними так нельзя: чтобы просто «выпили – погуляли – разбежались». С ними необходимо работать дальше. И если что-то вдруг произошло у тебя с теткой с работы, то потом придется придумывать дальнейший план совместного существования, в котором всем было бы хорошо. Некоторые самцы вообще предпочитают не заморачиваться и в «своем болоте» никого не ловят. Я не такой.

Ну конечно, для правильного ведения служебных романов надо вначале хорошо изучить соперника, не лениться, и полученный опыт много вам даст.

За что мне, по большому счету, нужно благодарить стриптизерш, так это за одну важную вещь. Они показали мне, что женщина – такое же животное, как и мужчина. Она, то есть человечица, точно так же хочет трахаться! И она, то есть баба, точно такое же сексуально-озабоченное создание, алчущее удовольствий.

Просто обычные тетки в обычной жизни обычно сей факт

тщательно скрывают и обычно лицемерят: «Это только вы, мужики, грязные скоты, думаете лишь о сексе. А нам он не нужен!» На самом деле – это просто пиар. Просто они так набивают себе цену, преследуя две банальные цели: либо развести тебя на деньги (типа, раз секс нужен тебе – платишь ты), либо, что еще хуже, выскочить за тебя замуж (вот тут они уже изо всех сил доказывают, что порядочные). Доказывают со слезами на глазах, с истериками, с заламываниями рук и ног, выкручиванием пальцев, дополненным грудными стенаниями. Сара Бернар, по сравнению с ними, актриса самодеятельного театра-студии при заборостроительном ПТУ.

Что касается стриптизерок, то в отношении меня эти цели разбивались о две железобетонные стены: я женат и не подаю, ибо сам сир и наг. Что же касается денег, то брать их с меня, человека, дающего им работу и решающего их проблемы, во-первых, грешно; во-вторых, нереально; в-третьих, самонадеянно и глупо. Наверное, поэтому – выгадывать все равно нечего – они и были честны со мной: откровенно говорили о своих желаниях, что у женщин бывает редко, спрашивали совета – давать этому или тому, и т. д. Не раз, кстати, случалось, что подходила ко мне девочка и шепотом просила: «Ромка, у меня три месяца парня не было. Хочу, понимаешь, секса. Я сегодня всю ночь не спала, все думала. Может, давай, а?» – «Ну давай, – соглашался я. – Ты, конечно, не королева красоты, зато я Бэтмэн и всем помогаю. Раздевайся».

А почему не помочь? Мы же друзья.

Сейчас я уверен, что стоит после программы сказать: «Бабы, пошли ко мне пить!» – и они пойдут. Они все равно пьют во время работы, почему бы не продолжить и после? Потом в разгар пьяного веселья можно спросить: «Ну, кто пойдет со мною в спальню?» Самая шустрая, находчивая и веселая скажет, что она. Уламывать ее не надо. Сама запрыгнет на тебя, кончит, слезет, скажет спасибо и предложит позвать кого-нибудь еще… Если, конечно, надо…

Ну разумеется, все это большой секрет нашего маленького коллектива. И, разумеется, такой прекрасный гарем создавался не сразу. Начало моей клубной карьеры вспоминается с ужасом. В тот трудный момент мне недоставало знания жизни и женской психологии, чтобы клеить танцовщиц. Да мне вообще было не до них. Я тогда тарахтел со сцены без умолку ровно четыре часа. С десяти до двух ночи. Микрофон был на шнуре, и его приходилось таскать в руке. Радиомикрофон стоил денег. И несчастные 800 долларов повергали хозяина то в уныние, то в ярость, хотя даже за одну программу он на мне зарабатывал намного больше.

Музыку ставила барменша, которой я кричал через весь зал. Бабы танцевали по три танца кряду, а потом отдыхали. Я не отдыхал совсем. Они зарабатывали деньги, а я отсасывал… Но все же, несмотря на ряд трудностей, думаю, именно эти годы были самыми зажигательными в моей карьере. У меня было желание выплеснуть все, что я знал, на зрителя, хотелось признания и любви (зрителя к артисту), творчества и совсем-совсем немного денег, чтобы случайно не умереть от голода. Каждый день тогда отличался от предыдущего, как брат от сестры. Иногда вся программа состояла только из шутовской поэзии, и не было ни одного анекдота за весь вечер. Иногда только из афоризмов. Или только из анекдотов.

В штате тогда состояли всего две танцовщицы, которые и исполняли самый тривиальный стриптиз, хотя выглядели обе крайне нетривиально. Одна вся в татуировках, как синяя птица, и в пирсинге, который у нее был даже на клиторе. Звали ее Коряга, и встречалась она с самыми настоящими индейцами, с которыми завсегда везде ништяк, а я – в очках и фраке – был совсем не в формате ее оттяга.

Вторая танцовщица, Оглобля, являлась миру в образе четко выраженной наркоманки. Ее квадратные глаза никогда не закрывались. Хотя никто ее ни разу не поймал на наркоте, и вены ее были непорочными, как воды Иордана, все равно ощущение создавалось такое, что она пользовала все, что можно. Из нее получилась бы хорошая иллюстрация к книге, которую я купил по случаю: «Как узнать, какие наркотики употребляют ваши дети».

Впрочем, обе красочные девицы вскоре уволились, так и не оставив мне на память о себе никаких интимных заболеваний, тьфу ты, воспоминаний. Зато на их место взяли уже четверых.

К этому моменту кипучая энергия нереализованного режиссера шоу дала о себе знать, и я стал усиленно предлагать наполнить программу драматургически выдержанными танцевальными, шутливыми номерами, более соответствующими стилю кабаре, нежели тупой, бездарный стриптиз. Голые бабы есть везде, и это банально. Хозяин клуба согласился со мной и сказал, что даже будет оплачивать мне и артисткам репетиции. Что, разумеется, всех обрадовало. И вот тогда одна из наших девочек сказала: «Где же здесь в клубе репетировать? Негде. Пойдем ко мне домой».

«Ага, – обрадовался я про себя. – Лед тронулся. Поплыли».

Там все и случилось. Прямо перед репетицией. Приятно и запоминаемо. Медленно и торжественно. Ведь тогда еще было далеко до известности, до нормальных заработков. Это пришло потом. Через пару лет. А тогда мы были просто друзья.

Первой появилась известность. И первую стриптизершу, которая повелась на модное имя, звали… не помню как. С ней у нас, кстати, не срослось.

Потом у меня появились деньги, а потом и авторитет в клубе. И я уже сам разбирался с девочками, нанимал, увольнял. Вот с этого времени уже можно говорить о каких-то служебных романах. Без которых – прости, любимая, – в цивилизованном мире шоу-бизнеса не обойтись. Ибо, какой же нормальный мужчина может спокойно переодеваться в одной гримерке с красивыми молодыми бабами и при этом не есте-ствовать?!

Скажите, как можно сидеть в малиннике и не съесть ни ягодки? Как может бармен не пить? Как может гаишник не брать денег? Или тот, кто крутит сигары, не курить? Это аномалия. Продавцу алкоголя надо пить в свободное от работы время, чтобы разбираться в ассортименте, иначе он не сможет его продавать. А когда тот, кто крутит сигары, сам не курит, ему нет доверия, как и лысому производителю шампуня.

В стриптиз-клубах начальники должны быть бабниками! Иначе как они поймут, хороша тетка или нет.

И вот здесь мы затронули глобальную проблему – девочка может быть очень хороша!

Только она вовсе не обязана тебе давать.

А что тогда делать?! Ведь хочется, как волку?!

Алгоритм мне подсказала сама жизнь…

Я ведь работаю в злачном месте и отдаю себе в этом отчет.

Я изначально допускаю тот факт, что девочки у меня не самые порядочные и уже далеко не девочки.

Женщина, которая может на людях раздеваться, в народе называется как? Правильно.

Поэтому, нанимая ее на работу, я ввел одно правило. Обычно я говорю: «Возможно, ты девушка порядочная (чего не может быть в принципе), и живешь с парнем (хотя я никак не могу понять, что это за парень такой, которого твоя работа устраивает). Но, в общем, если ты хранишь ему верность, я, конечно, не имею никакого морального права заставить тебя спать со мной.

Но! В том случае, если я увижу, что ты ездишь за деньги трахаться с клиентами, считаю себя вправе встать в эту очередь первым и бесплатным VIPом».

«Нет! Нет! Нет! Как вы можете так думать? Я не такая!» – возмущенно краснеют девочки.

И мы начинаем работать.

Жизнь обычно показывает, что прав именно я.

Девочки идут в стриптиз потому, что им нравится легкий заработок и б…ядская жизнь. Они легко получают деньги, быстро

находят кобелей и живут, совмещая приятное с полезным. Больше они ни черта делать не хотят, а если кто-то пытается их назвать по имени, они всегда говорят: «Да мы артистки, как вы могли вообще про нас такое подумать?!»

Да уж действительно, как?

Не скажу, конечно, что все такие, но абсолютное большинство.

Вначале я спал с каждой втихаря. Но постепенно мы сдружились. Все у нас стало происходить, как «здрасти». Тем более что дни рождения они обычно справляли в бане. Там всегда удавалось то с одной, то с другой потихоньку уединиться. Тем более что самцов-конкурентов в клубе у меня не было. Моего сменщика, другого ведущего, бабы не любили, а хозяин клуба предпочитал держать дистанцию.

Однажды, когда я понял, что уже всех трахнул (причем неоднократно), официально об этом заявил. «Чего вы кокетничаете и хихикаете, как целки? Я с вами со всеми уже спал!»

– Да ладно, Рома! Ты гонишь! – Они все хихикали.

– Ну-ка, построились в ряд! Так, с тобой спал?…Да. А с тобою?…Тоже да.

Когда расставлены все точки и секретов ни от кого нет, жить всегда проще. Тут как раз жена с ребенком отваливала отдыхать в Египет, а я оставался один. Один в пустой квартире.

Не, ну это неправильно, когда столько баб вокруг!

Явившись в клуб, я объявил той, что пришла первой: «Назначаю тебя старшей. Тебе надо составить график сексуальных дежурств! Возьми бумажку, расчерти на десять дней, чтоб каждый день кто-нибудь приходил. Можно по одной, можно по две. Трахтенберга напоить, накормить, отсосать. Боевой пост сдать и принять».

Она послушно начертила график и вывесила на видном месте. И посетители, и работники клуба видели его, но, разумеется, принимали за шутку. Но я такой человек – не шучу никогда, правда, все наивно полагают, что это просто игра. Может, оно и к лучшему, иногда.

В общем, все девочки аккуратно по графику приходили, все отмечались. Правда, одна – лысая и худая – не пришла.

– Ой, мне некогда было, – оправдывалась она. – Через три дня приду. В следующую смену.

И снова обманула. После чего я сразу дал ей громкоговорящее сценическое имя Залупа, а вскоре вовсе уволил.

Скажете, мое поведение – «сексуальное домогательство с использованием служебного положения»? Отвечу: «Нет».

И это не только моя точка зрения!

Каждый среднестатистический самец думает так же. Когда он видит, что в подчиненном ему коллективе помимо X, Y и Z работает еще и Б., он не в силах смотреть на нее равнодушно. «Тому дала, этому дала…»

«А МНЕ?!» – очень жестко спросит он.

И будет прав!

…Кстати, нужно, наверное, сделать еще одно отступление по профессиональным вопросам. Читатели, которые никогда не были в клубах, где я работал, могут не понять, почему моих танцовщиц зовут такими странными именами. Связано это со спецификой клуба, со стилем программы и текстами моих монологов.

Поговорим о стиле. «Мода уходит – стиль остается» (цитата не помню из кого).

Когда я только пришел работать в первый свой клуб, официантки там ходили в париках (красный, желтый, зеленый…), в фашистских касках и кожаных жилетках. Вдобавок у них были вымышленные, абстрактные имена. Меняй официанток, никто не заметит. Как их зовут на самом деле, и вовсе никого не волнует. Почему я должен помнить, как зовут мою официантку, если я не помню, как зовут мою бабу. Только сегодня с ней познакомился. Так что сама атмосфера нашептывала: живи сегодняшним днем.

И чтобы влиться в этот коллектив, стать с ним единым целым, хотя бы внешне, я выкрасил волосы. (Можно было, конечно, надеть парик. Но я подумал, на фиг это надо? Хотя сейчас понимаю, что мысль эта более прогрессивная. Снял его, и ты НИКТО. Надел – и снова ТРАХТЕНБЕРГ.)

Так вот, возвращаясь к стилю (и к стилю заведения, и к тому, что нам говорят о стиле классики). Если мы почитаем Синявского, то увидим, как он раскладывает образы на составляющие. «Что такое Чаплин? Это – усики, котелок и тросточка». «А что такое Пушкин? Это – цилиндр, трость и бакенбарды».

Исходя из его теории, чтобы чей-то образ запомнился, он должен быть прост и разложен на три пункта. И я для себя решил, что Трахтенберг – это рыжие волосы, живот и борода.

Стриптизерок я стал называть по аналогии с официантками: Гангрена, Дятел, Сыктым, Макака, Беломор. Первое, что приходило в голову при виде девочки и лепилось на нее. Как показал опыт, это самый правильный подход. Если даже кажется вначале, что имя ей не очень подходит, оно все равно очень даже подходит. И общаясь между собой, девочки уже не говорили Лена, Катя, а – Хабарик, Трихомонада, Термудатор.

Правда, они часто пытались лицемерить, как и все

полупрофессионалки. Когда приходили устраиваться, то говорили, что их зовут Эммануэль, Элеонора, Кармен. Ну хорошо, Эммануэль… А теперь представьте себе реальную историю. Камера установлена в женской гримерке и передает на большой экран, расположенный в зале, все, что в гримерке происходит. Камера наезжает крупным планом на одну из Эммануэлек, а она что-то жлухтит из огромного флакона с надписью «шампунь Хербена». Публика, сдерживая рвотные рефлексы, выпадает в осадок. Конечно, самым умным понятно, что бабам запрещено приносить на работу бухло и что они поэтому переливают алкоголь то в бутыль с «Кока-колой», то в баночку из-под «Клерасила» или «Фейри». Но подумайте, разве может Эммануэль херячить «Хербену». Конечно, нет! А какая-нибудь Сиракуза – может. К тому же им не всегда хочется, чтобы публика знала их реальные имена. Многие не афишируют свою профессию и еще и поэтому придумывают себе невероятные прозвища, «чтоб красиво было». Я знаю двоих транссексуалов. Одного зовут Хельга, другого Джульетта. В жизни, до операции, они были Сережей и Алексеем. Но им всем хочется романтики, чуда. Только я-то тут при чем, если для правильно ориентированной публики они, как ни крути, просто «педерасты»?!

– Ну-ка, заканчивайте с этим! – приказываю я всем, кто приходит ко мне работать.

– Почему? – недоумевают они.

– А помните «Утиную охоту»? Где баба, знакомясь с мужиком, говорит ему: «Я буду называть вас Алик. Я всех мужчин называю Аликами».

Так же и у меня в клубе. Есть шоу-программа, у нее есть стиль: ты подчеркиваешь, что бабы, которые у тебя танцуют на сцене, не являются личностями. Они только иллюстрация для монологов, которые я, как ведущий и как единственный здравомыслящий на сцене, произношу. А танцовщицы – просто объект для комментариев. Для честных, прошу заметить, комментариев. Ибо девушка, танцующая голой под взглядами пьяных мужиков, не может зваться Мадонной. Это бред и верх цинизма.

А в новом имени, которое я даю девочкам, есть даже уникальность. Мало ли среди стриптизерш Тань и Лен? Да жопой ешь. Неинтересно. А Кердык или Вибратор – одни. Вот, как раньше было? Каждому человеку давали только его имя. И это правильно. А сейчас лень и человеческая необразованность рождают обезьянничество и повторение. Мое поколение все Романы. Потом было поколение девочек по имени Арины. А я, как Пигмалион, раздавая имена, практически превращаю очередную

Наташу в личность. Пускай и таким, немножко извращенным способом. Но, например, в исламских странах, если человек пережил смертельную болезнь, ему дают другое имя. У евреев, когда мальчику делают обрезание на восьмой день, ему тоже дают второе имя. Попадая ко мне в лапы, бабы навсегда превращаются в Шпинделей, Батарей и Усралочек.

Девочка, пришедшая ко мне на работу, начинает новый этап своей жизни. Узнает, наконец, всю правду, которую самцы думают о ней на самом деле. Честно и жестко, зато не приукрашено. Ей же кроме меня никто этого не скажет. Ведь цель самца – завалить бабу в постель, а для этого все средства хороши. Поэтому он льстит и врет, говорит комплименты и дарит цветы.

…Итак, с именами понятно? Тогда переходим к личному. К вопросу, который всех интересует. Как же может проходить сексуальная жизнь такого большого коллектива?! Там же должны быть ссоры, раздоры, борьба за первенство?

Могу сказать, ничего этого в нашей славной труппе не было! Некоторые говорят, что нельзя трахаться там, где работаешь. Дескать, тогда баба сразу начинает гнуть пальцы, показывать всем, что она здесь королева. На самом деле, не все так однозначно: я считаю, что нужно спать либо со всеми, либо ни с кем (первый вариант интересней). И делать это открыто.

Мое правило – честность, и только честность. Никаких обещаний, которые не собираешься исполнять. Я именно так себя и веду. И потому спать с ними мне легко. Они мне верят, не строят насчет меня планов. Мы просто получаем удовольствие. Схемы в отношениях нет. Кого-то приходится уговаривать долго. А кого-то нет. Помню, одну «Лахудру» я трахнул прямо во время программы. Отошел со сцены на пять минут, пока там шел танцевальный номер, зашел в туалет, нагнул девицу и, считая минуты до окончания композиции, все сделал. Вернулся вовремя.

Вообще-то надо сказать, что, работая в эротической атмосфере, к ней притираешься очень быстро. Ну, ходит голая тетка. А вот вторая пошла. Пятая, десятая. Кажется, что может надоесть уже до чертиков. Но только потом сам удивляешься тому, что этого не происходит. Ты не застрахован даже от того, что желание возникнет внезапно и спонтанно, как у подростка. Помню, однажды во время программы ко мне подошла официантка и, очень волнуясь, сообщила, что гости просят ее станцевать голой на столе. Можно ли ей это сделать: они пообещали хорошо заплатить. Я видел, что у этих ребят полно денег и им хочется приколоться. Ведь не в каждом заведении такое реализуемо. И потому разрешил.

Через минуту поднял глаза и посмотрел на ее столик. Она

танцевала крайне неловко, просто не умела, видно было, как она стесняется и как хочется ей заработать деньги. Но от ее тощего тела шел такой адреналин, что я возбудился. Сутки я не мог избавиться от этой картинки в мозгах: халдейка танцевала, при этом боясь, возбуждая и возбуждаясь. Хотя сама девочка никогда не казалась мне интересной. На другой день я поймал ее в коридорчике и затянул в туалет. Она оказалась совсем не против. Я закрыл дверь на защелку, как обычно это делал, и быстренько ее трахнул. А потом эта шлындра всем рассказывала, что я ее изнасиловал. Как будто это можно сделать, когда в метре от нас за тонкой стенкой находилась толпа народа. Это не исключение. Это правило (постоянный бабский принцип выгораживания себя): «Не виноватая я. Он сам пришел!» Знаем, проходили.

…Как-то наняли на работу в качестве «девочки гоу-гоу» бабушку, прости Господи, сорока девяти лет. Придумали для нее очень смешной номер. Битый час я пытался объяснить ей, что от нее требуется, но после третьей попытки понял – она в этом не Копенгаген. И от усталости сказал: «Ну, пошли тогда трахаться». – «Пошли! А куда?!» – бодренько согласилась она. «Ого себе!» – подумал я.

И пришлось пойти…

В туалете попросил ее сначала сделать минет – оказалось, она не умеет! Предложил научить, но старушке хотелось секса жестокого и ненасытного. «На учебу времени нет, кто-то зайти может», – заметила она.

В общем, для возрастного рекорда, было забавно. Она всего на год младше моей мамы…

А однажды у нас работала девица из Белоруссии. Не очень аппетитная. Не знаю, то ли совсем там плохо живется, но девочку убедили делать порнономер. Получала она за это деньги меньшие, чем получали наши стриптизерки за рядовые танцы голышом, но ведь и танцевать она не умела. Чувствовалось, что деньги ей очень и очень нужны. И поэтому каждый вечер на сцене она «развлекалась» с бананом. А я каждый вечер все это внимательно разглядывал. И поэтому каждый вечер после программы я, естественно, подходил к ней и говорил: «Ну чего, коза, покувыркаемся?!» На что она каждый вечер обычно говорила: «Уйди, чудовище».

И тут появилась информация, что через три дня она возвращается домой. В ее услугах больше не нуждались. Расстроилась, конечно, сильно, но выбора ей не оставили. Времени устроиться куда-то еще нет, гостиничный номер, который снимал клуб, у нее отбирали.

– Ну что, уезжаешь? – Я тогда ничем не мог помочь ей в

карьере и подошел проститься. – Уезжаешь, а вот с Трахтенбергом так и не попробовала. Будешь жалеть.

– Рома, понимаешь, у меня полтора года не было мужика. Я очень хочу секса. Но не с тобой! – заявила она.

Отчего-то я обиделся. Не хочет, ну и мне не очень-то хотелось. Это было только ради прикола, поиметь бабу, которая естествует с бананом при народе. Но неужели банан (в целях экономии один и тот же) хуже меня?

И вот назавтра ей уезжать, а она вдруг дозрела: подходит ко мне и говорит, крепок ли я еще в своем желании? Но я уже нашел девочку на вечер, у меня другие планы.

– А ты точно завтра едешь? Или, может, послезавтра?

– Завтра днем поезд.

Прикинул, что, раз так, ну не отказываться же. Перенес свою встречу на другой вечер и пошел с ней в ее сраную гостиницу. В ее жуткий и грязный номер. Благо, что хотя бы рядом.

У входа сидел вахтер. Он уперся, что время два часа ночи, и он не хочет меня пускать. Пришлось дать сто рублей. Тогда это было как 20 долларов. Поднялись выше. На ее этаже сидела бабушка, которая нахально запросила 150. Это было уже слишком!

– Извини, красавица, я пойду домой, – заявил я.

– Стой! – сказала девочка. – Я заплачу.

И произошло то, что мне ужасно понравилось и было в моей жизни все лишь еще пару раз. ОНА ЗАПЛАТИЛА.

…Я тащусь, когда женщина платит за тебя. И большинство самцов тоже, хотя это против правил, и они редко такое себе позволяют. Но это приятно. Именно тогда и понимаешь, что она хочет тебя не меньше, чем ты ее!

…Второй раз в моей жизни за меня платила девушка, пригласившая пообедать. Мне тогда очень захотелось почувствовать себя женщиной, циничной, наглой, вульгарной, берущей все, что плохо лежит. Конечно, потом наступила моя очередь водить ее по ресторанам. Но это было потом.

А был еще случай, когда две девушки предлагали мне деньги. Такие холеные, в золоте, в брильянтах. Девочки подвалили после программы и сказали, что им очень понравилось. Они бы хотели еще. И готовы заплатить триста долларов, если я буду выступать только для них у них же дома.

Девочки, заметьте, очень симпатичные.

Но сумма меня покоробила.

Если бы они повели себя иначе, я поехал бы и бесплатно, и даже сам купил бы выпивку. Но брать триста долларов – себя не уважать.

– Пятьсот! – заявил я.

– Мы подумаем, – сказали они и исчезли.

«Девчонки, вернитесь!» – хотелось закричать в толпу. Но было неловко. А могла бы получиться глава «Как Трахтенберга купили бабы». Не получилось. М-да.

…С этих заказчиц можно перейти к теме гастролей. Меня, действительно, как и большинство современных артистов, можно вызвать на дом. Только, разумеется, это дороже, чем прийти в клуб. Но зовут часто. И нередко вместе со стриптизерками. Как всякий другой начальник, имея возможность дать своим подчиненным заработать, я беру только те «служебные единицы», которые мне дают. А что: частные вечеринки – неплохой приработок для них. У меня гастроли всегда «нажористые» – накормят, напоят, устроят экскурсии. И им хорошо, и мне: не приходится искать секс в чужом городе. Обычно вчетвером и кувыркаемся. Ну а на программах девчонки часто меня спасают. Ведь бабы, перевоспитанные Трахтенбергом, все же на порядок профессиональнее, чем другие. По-моему, это замечательные служебные отношения.

Так, однажды мне заказали устроить необычный праздник. Десяток наших олигархов хотели повеселиться, но не знали как. Они многое видели, везде были. Хотелось «чего-то эдакого, какого-то, знаете ли, космического секса»…

– Хотите школьные выпускные экзамены? – предложил им одну из своих идей.

– Хотим! – загорелись они.

Возможность погрузиться в детство – это почти всегда радость.

И я начал трудиться над программой. Придумал четыре урока, контрольные, лабораторные. Пришлось для реализации проекта снять на выходные обычную среднюю школу, в каких все когда-то учились. Вокруг нее по периметру выставили охрану. И начали!

У входа заказчиков встречали настоящие бабушки из родительского комитета. Посадили «мальчуганов» за настоящие исписанные парты. По порядку мальчик-девочка (вот эти девочки, целый автобус шлюшек-рецидивисток, все мне испортили).

Стоя у доски с указкой, я изображал строгого учителя биологии.

– Ответьте, дети, на вопрос. Если у тебя семь носов, пять рук и две жопы, то кто ты? Ага, не знаете! Правильный ответ – пи…н (врун).

– А теперь загадка. У «А» была «Б». Но потом «Б» ушла к «Ц». И что теперь делать «А»?

– Искать другую «Б»! – радостно подсказали мне из класса.

– Правильно, мальчик!

А в классе… Бабы гоготали незатыкаемо, как когда-то Климакс. Они напились, как гоблины, и обсуждали свои дела. При том, что сами мужики пили гораздо меньше. Они заплатили за шоу. Им хотелось вспомнить школу, и было интересно, что дальше.

А дальше шел урок анатомии; лабораторная работа. Раздал всем фаллоимитаторы и попросил на скорость надеть на них презервативы. Один «мальчик» надел быстрее всех и был тут же вызван к доске. Еще я вызвал «школьницу»: это была уже моя девочка, обученная и правильно себя ведущая.

– Скажи нам, мальчик, какие ты знаешь способы сексуального контакта? – попросил я.

– Ну вот, можно в рот.

– Показывай.

Он показал. Это не трудно.

– А еще какие?

– Во влагалище?

– Правильно! Ты показывай, а не рассказывай. У нас лабораторная работа.

А «школьница» уже стянула трусики и, усевшись на стол, раздвинула ноги.

Ох, мечта каждого старшеклассника! Может, хоть так, во время игры ее можно вспомнить? Обновить притупившиеся ощущения. Сейчас уже все привычно и скучно – бабы, сауны…

И «мальчик» показал на «однокласснице», как и что надо делать.

– А еще? – дожимал я. – Давай. У тебя решается вопрос, четыре или пять.

…А в классе нарастал непрекращающийся гам из пьяных бабских голосов. Остановить его было невозможно. Я бил указкой по столу, выбегал из класса, я сорвал голос. Все было бесполезно. Мы хотели принять их в пионеры, но и «на линейке» их с трудом удалось построить. Пьяные сучки испортили все.

Чего они орали, скажите мне, а?!

Их пригласили на эксклюзивное шоу, которое они никогда нигде не увидят. Нажраться ведь можно и чуть позже.

Вот таких я называю только одним словом – бл…ди.

Есть старый анекдот. «Английский лорд вызывает дворецкого и спрашивает: «А скажи, голубчик, что это за шум на улице?»

– Бл…ди, сэр. Они бастуют.

– А чего они хотят?

– Хотят, чтобы им больше платили.

– Скажи, голубчик, что неужели бл…ям мало платят?

– Много, сэр.

– А чего тогда они бастуют?

– Бл…ди, сэр.

Так же было и в школе. Чего они орали? «Бл…ди, сэр».

Программу, которую тщательно и профессионально готовили, удалось показать лишь на каком-то самодеятельном уровне. А заказчики-то ведь тоже готовились. Они почти не пили и были готовы написать диктант, чтоб я его проверил и выставил оценки.

Впрочем, мужички и так остались довольны. Но вот я был очень сильно расстроен. И тогда понял одну важную вещь. Если не буду превращать чужой праздник в свой собственный, то свихнусь рано или поздно. Мне наскучит эта работа. Она убьет все живое, что во мне было или еще может быть. Нельзя двадцать лет подряд произносить одни и те же тосты. Надо самому придумывать формы веселья. Делать то, что никто не делает. И я пытаюсь. А тут – «бл…ди, сэр»!

…За то, что мои девчонки никогда так не поведут себя на программе, я их уважаю. И даже терплю многое от своих танцовщиц. Сейчас уже я работаю в Москве и стараюсь именно их вызвать сюда на работу, хотя для меня это частенько геморрой. То сними им гостиницу, то накорми в ресторане, то трахни, а я уже, между прочим, не мальчик.

Как-то две моих воспитанницы жили неделю у меня дома, у них были проблемы с квартирой. Скажите, вы представляете себе «звезд нахального стриптиза» в приличном доме?! Одна из них в этот момент была «подсевшая» на садо-мазо. Всю ночь она, не ленясь, шастала по каким-то садистским клубам, где ее пороли. Пришла в девять и завалилась спать. В одиннадцать пришлось ее будить; ко мне должны прийти люди. Девушка встала, сходила в душ и, даже не одевшись, уселась пить кофе. Одеваться ей было лень, к тому же потом снова раздеваться. Ей это на фиг надоело, пояснила она.

То, что «звездища» была голой, а я ждал телевизионщиков, оказалось только половиной беды. Когда она встала, я понял, что вся жопа у нее фиолетовая!

– Е… твою мать! Ты как собираешься с таким задом работать?! – решил тактично поинтересоваться я.

Она лениво оглянулась и сказала, что через два дня все пройдет. У них существует «специальная техника порки», и даже «специальные плетки», а я просто ничего не догоняю потому, что темный.

В этот момент в дверь позвонили!

Вы думаете, стриптизерка побежала одеваться?!

Размечтались. Ей, видите ли, «надоело одеваться и раздеваться каждый день!» Она так и осталась сидеть в чем мать родила.

Как я понял, телевизионщики тоже оказались людьми темными. Глаза у них стали квадратными и нездорово косили на голую фиолетовую жопу.

«Не обращайте внимания, – я, как мог, пытался сгладить ситуацию, – это просто бл…и. Живут пока тут. Им, к сожалению, больше негде».

А что, вполне себе… удовлетворительное объяснение.

Хотел как лучше – вышло как всегда.

Помогаешь им, а потом вполне можешь услышать про себя слухи, что Трахтенберг – извращенец. Но зато, знаете, что… Я думаю, каждый мужчина время от времени перебирает в памяти самые яркие эпизоды своего общения с женщинами. У кого-то это секс в туалете авиалайнера. У кого-то воспоминание о том, как первый раз был сразу с двумя. Для меня, по крайней мере, за последние пять лет самым приятным из воспоминаний был день моего ухода из клуба «Хали-Гали». Все девочки-стриптизерши стояли в коридоре, выстроившись в ряд, держали букеты цветов и плакали. Они со мной прощались. Я бы никогда не поверил, что такое может быть. Но, оказывается, я был очень неплохим начальником.

Стоп – почему был? И сейчас пока есть. И продолжаю воспитывать в правильном ключе человечиц, проходящих через мои руки. А именно: когда здравомыслящего мужчину спросить, что бы он хотел улучшить в женщинах, что бы хотел положительное привнести в женский образ, – то каждый первый скажет: «Хочется, чтобы женщины меньше притворялись… Ну, по крайней мере, не больше, чем мы – мужчины». Чтобы не пришлось тратить лишнее время на срывание маски, преодоление искусственных и абсолютно «левых» барьеров, которые ставят женщины.

…Но женщины все равно будут их возводить. В противном случае им придется выступать наравне с мужчиной. Столько же работать, думать о том, на что купить квартиру, машину, дачу, и как, наконец, обеспечить старость. Но женщине хочется, чтобы все это делал мужчина.

И только стриптизерки показали мне, что кроется у бабы под маской. Они были честны. Они не заливали про то, что «с того времени как рассталась со своим парнем, полтора года назад, так ни с кем и не трахалась».

Ой, к чему эти монологи?

Думаю, женщина ходит в маске, так как часто бывает слишком безобразна без нее.

Сейчас вспомнил: с одной из танцовщиц у меня был продолжительный роман. Ее звали Срака. Я назвал ее так, потому что роскошная корма этого юного восемнадцатилетнего парусника жила своей отдельной жизнью. И несмотря на то, что тело ее было очень стройным, на нем крепилась отличная большая грудь. Срака признавалась мне в любви (хотя это не требовалось), кричала, что спит только со мной. Мы занимались сексом и в клубе, и в подъездах, как в ее, так и в моем. А однажды она просто взяла и втихаря поехала с одним моим приятелем за три сотни долларов. Причем мы с ним поспорили на такую же сумму, что она с ним не поедет. «Она же меня любит! Сама говорила», – как лох доказывал я. «Посмотрим!» – хмыкал он.

Верить на слово своим знакомым самцам я не собирался и поэтому поехал за его машиной на такси. Когда они вышли, тормознул и в окошко сообщил бывшей любовнице, что она уволена. На другой день отдал проигранные деньги. Он очень просил взять ее обратно. И я бы взял, если бы буквально за пару часов до этого она не клялась мне в любви. Не люблю вранье. Я бы еще понял, если бы она им увлеклась, чувства какие-то питала. Но ведь все намного банальней: ему надо было лишь достать бумажник, чтобы ее неземная любовь ко мне улетучилась.

Самое обидное, что этот мой приятель, пригревший на груди змею, очень скоро взял и выставил из дома свою подругу, с которой жил десять лет. Она была его ровесницей. Замечательная, умная, хорошая баба, которую сменили на б…дь. Я отговаривал его, но он уперся как баран и сказал, что эта молодая красивая женщина родит ему молодых красивых детей.

Прошло совсем немного времени, и моя обида на Сраку почти стерлась. Мне не хватало одной девочки, чтобы поехать на гастроли в «город-герой» Сочи, и я позвал изменчивую танцовщицу. В первую же ночь мы снова вдвоем влезли в постель, а потом, едва она с меня слезла, кинулась звонить своему парню и плакаться в трубку, как она по нему соскучилась! Как она его хочет! Как она «просто вся мокрая сидит!»

Ну да – только что слезла с мужика… вот и мокрая.

Мне было его жаль. Но не мог же я признаться тогда в том, что спал с ней. Хотя и стоило. Наверное, это гораздо быстрее помогло бы ему разобраться в том, что это за существо рядом с ним. Увы, он не сразу узнал правду о том, что там крылось под маской «Я так тебя люблю, я без тебя жить не смогу!»

А скрывалась там самая обычная б…ядь.

И если бы мы умели распознавать их сразу, как много ошибок было бы не совершено.

Роковая женщина

Тайфуны всегда носят женские имена,
потому что они, как женщины:
приходят влажные и извивающиеся,
а уходя, забирают у тебя все:
дом, машину…

«У-тю-тю, это кто такой у нас тут ходит?» – Примерно такая фраза родилась у меня в голове, когда впервые увидел на одной своей работе (у меня их всегда было несколько) эту овечку. Больше в моей голове на тот момент ничего и не шелохнулось. Ниже, впрочем, тоже.

Овечка как овечка, недавняя выпускница театрального института. Ничем особым не выделялась. Может быть, просто очень молода: как говорят, молоко на губах не обсохло. Кстати, именно это обстоятельство и вызывало интерес. Забавно же – пробегая мимо, ущипнешь ее за попку, вполне этак невинно, а она уже вся дергается в девственных конвульсиях: «Ой, ну что это вы делаете! Что вы вообще себе позволяете!» – «Ах, ну извините, мадам, не сдержался». – И с приподнятым настроением бежишь себе дальше по делам.

Другая, может, вскоре перестала бы дергаться и поворачиваться спиной, едва меня увидев, – и, возможно, эти щипки сразу бы мне наскучили. Но эта все дергалась, извивалась, деланно возмущалась, и в итоге получалась даже некая эротическая игра. Может, поэтому, однажды, остановившись возле этой парнокопытной, я невинно, словно предлагая мороженое, заметил: «А чего, может, потрахаемся как-нибудь?»

Как говорится, вы привлекательны, я чертовски привлекателен. А че время зря терять? Работаем вместе – почему бы не покувыркаться, как лошадки в стогу сена?

– Нет, нет! Вы что?! – взвизгнула она.

Ну нет, так нет. Хотя отказываться от своих целей я тоже не привык. А потому вскоре – «второй раз закинул он невод… и вышел невод лишь с тиной морского».

– Нет, нет, нет. Я не такая!

Поразмыслив над этим «нет», я неожиданно пришел к выводу, что веду себя неправильно. Зачем мне за ней охотиться, коли я сам уже давно являюсь «золотой рыбкой». Популярный, обеспеченный. Да они сами на меня должны охотиться. Я уже

звезда, а овца – начинающий молодой сотрудник. И судя по должности, которую получила честным путем, – даже не очень перспективный. А ломается, как будто она Маргарет Тетчер, а я негр-подметальщик.

– Знаешь что, – в третий раз я подошел без поэзии и без какого-либо трепета. – Предлагаю последний шанс. Откажешь – больше к тебе клеиться не буду и хватать за грудь тоже. Не царское это дело бегать за мокрощелками.

Цыпа, неожиданно быстро оценив ситуацию, сразу перешла к делу: «А где?»

«То-то!» – подумал я и, не собираясь изобретать велосипед, просто повел ее в близлежащий дешевый «хотел».

Произошедшее там напомнило мне пионерский лагерь. Раздевшись и вытянувшись, как солдат на медкомиссии, девушка спросила: «Ну как?»

– Ну ничего-о. Хорошо, – даже несколько оторопел я.

И мы приступили. В постели она тоже напоминала пионерку восьмидесятых, которые трахались только для того, чтобы казаться взрослыми, еще не понимая удовольствия. Я от таких глупостей давно отвык. Мне было неинтересно. Но тронуло и повеселило, когда деточка после секса еще и спросила: «Все? Можно одеваться?»

– Можно.

Короче, развлекся.

Про себя я назвал эту козочку Киской. Прозвище было не столько ласковым, сколько метким. У нее пробивались усики. Надо добавить к моим достоинствам, что я ни разу не проговорился при ней и не назвал ее так в глаза.

Отношения с Киской еще около полугода оставались вялотекущими. Они не угасали, но и не развивались. Мы просто рядом работали, а когда баба под боком, почему бы не трахнуться? Ну а поскольку я нередко заманивал ее обещаниями сводить в ресторан, то приходилось водить. Что и создавало подобие романа.

К сожалению, права народная мудрость, к которой мы не всегда прислушиваемся: чем дальше в лес, тем больше дров. Я неожиданно втянулся. Сексуальные отношения у нас понемногу стали налаживаться и даже нравиться мне. Собственно, ведь я немало трудился над этим вопросом. Подстраивал ее под себя, и она все лучше понимала меня и уже, привыкнув, не стеснялась и сама иногда бывала инициатором эротических новшеств. Поэтому я полагал, что и она получает удовольствие. Спустя полгода все пришло к тому, что мы трахались практически каждый день. Если не встречались на нашей общей работе, то Киска приезжала ко

мне в клуб. И там, закрыв свой кабинет на засов, я занимался с ней сексом. В один прекрасный день и вовсе снял ей квартиру неподалеку, чтобы встречаться было проще, и приезжал туда ежевечерне.

Глупо говорить, что я привязался к ней только из-за секса. В придачу к этому во мне проснулся продюсер. Мне хотелось сделать из Киски звезду. Ведь она – начинающая актриса. Без связей в этом мире очень трудно, я это знал и хотел ей помочь. Почему – нет? Мне никто не помогал в жизни; если бы помогали (ну хотя бы советами), уже давно бы торчал на первом канале ТВ. А без посторонней помощи слишком много сил тратится на пробивание стен головой, что неправильно, но логично. И потому тянул Киску на все тусовки и во все проекты, куда приглашали меня. Я практически ввел ее в свою жизнь: творческую и личную.

И вот оказалось, что это маленькое, с виду наивное создание неожиданно стало там занимать очень много места. Причем, прежде всего, в личной. «А ты встретишь меня после английского?» – щебетала она в трубку мобильного телефона в понедельник. «Может, подвезешь меня до работы?» – Это уже во вторник. «Пойдем со мной в магазин, ну, пожалуйста», – в среду. Если я говорил, что занят, то вынужден был выслушивать нудные обиды и такие долгие всхлипы, что казалось, слезы польются прямо из трубки мобильного телефона. Стоит ли говорить, что в итоге я сдавался. А в результате… в результате Киска вытесняла как имеющихся в наличии, так и потенциальных моих любовниц.

Говорят же, что все самое интересное в жизни мужчины происходит в промежутках между тем, когда он ушел с работы, и когда пришел домой. Мои промежутки стали очень короткими. И если я, положив глаз на новую танцовщицу, рассчитывал успеть перед тренингом задуть ей пару батманов, то теперь едва успевал честно провести репетицию.

Кроме того, Киска попала ко мне в дом, что и стало роковой ошибкой. А я даже не сразу в этом разобрался.

Мне всегда было удобнее приводить баб к себе, едва жена уезжала куда-нибудь с ребенком отдыхать. Дома гораздо уютнее. Тут тебе и джакузи, и холодильник с едой, и хорошая выпивка… Ия вам скажу! Любовницы уже должны мне только за то, что я превратился в домработницу. Меня не заставили взять в руки ни швабру, ни пылесос – ни родители, ни школа. Не смогла заставить жена (слава Богу, и не пыталась). Только армия и случайные связи могут сделать из мужчины уборщицу. После ухода любовницы из твоей квартиры ты берешь в руки веник, пылесос и делаешь «все красиво». Потому что домработнице тоже нельзя доверять на все сто.

Со временем я превратился в настоящего специалиста по уборке. Мне впору читать лекции мужьям на эту тему. Я вот даже знаю, что после секса постельное белье надо пылесосить. Волосы с тела сыплются во время этого дела гораздо интенсивней, чем во время обычного сна. И женщины, по каким-то неподвластным логике законам, догадываются о том, что делали на той или иной простыне. Поэтому прежде, чем кинуть ее в стирку, проходился по ней пылесосом. Ведь в стиральной машине – я и это узнал – волосы никуда не деваются.

Словом, уже поднаторел в деле сокрытия улик, и, в основном, все всегда было более-менее нормально. К тому же бабы, появлявшиеся у меня дома, чаще стриптизерки, старались не оставлять после себя следов. Все-таки я был еще и их начальником, чего ради им создавать мне проблемы?

Но с Киской я стал прокалываться. Она почему-то везде оставляла свои волосы… Сейчас, спустя время, почти уверен, что она делала это специально. Как будто метила квартиру. Причем с воображением, со знанием дела и далеко идущими целями. Едва я успевал осознать, что надо собрать ее длинные волосы с туалетного столика, как она меняла место их дислокации и оставляла на кухне. Но кто бы мог предположить, что они будут там?..

«Что ты делаешь? – мучил я Киску. – Мне устраиваются скандалы. Я доказываю жене, что это ее волосы. Хотя у нее стриженые и другого цвета, и она меня посылает с моими объяснениями!»

– Неужели ты думаешь, я специально?! – ахала Киска и смотрела на меня честными и мокрыми глазами. – Ну… у меня просто лезут волосы. Вот посмотри. Я не виновата.

Когда человек тебе нравится, ему хочется верить. И я каждый раз думал, что сейчас обойду всю квартиру, все проверю – ничего жена не найдет.

И к тому ее фатальному приезду из Египта в доме вообще все было идеально прибрано. Я даже зачем-то проверил холодильник.

– Ну что?! – изрек вернувшейся жене. – Довольна?! Никого здесь не было!

– Да? – ядовито поинтересовалась та. И полезла под кровать. – А это что?!

В ее руке был клок длинных волос.

В ту ночь она впервые ушла спать в соседнюю комнату.

…Почему бы уже тогда мне было не разгадать эти кошачьи маневры?! Увы. Потихоньку убирая с поля соперниц, Киска оставалась основным игроком. И вела игру, не жалея сил и времени. Мало того, что мы трахались так часто, что у меня уже

просто не хватало сил смотреть на других, так и возможности такой тоже не было. Она почти все время была рядом. Нередко оставалась на программе в клубе, но так как смотреть одно и то же наскучивает, она просто сидела у меня в кабинете и читала книжки. Просто. Сидела… Просто. Читала. Ненавязчиво лишив меня «сексодрома», да и, вообще, мешая. Я заходил в кабинет позвонить – то жене, узнать чей-нибудь телефон; то друзьям, договориться о встрече, – а она все слушала. «Ты своей Леночке звонишь? Ну-ну…»; «Ты поедешь к друзьям? Вы там будете пить и б…дей позовете, знаю я вас…»

И приходилось брать ее с собой к друзьям; и приходилось жить в постоянном нервном напряжении. А какая жизнь, когда заходишь в кабинет, где она сидит, а там уже истерика: «Зачем ты шлепнул по заднице стриптизершу? Ты меня не любишь, так я и знала-а-а. МЯЯ-У-У-У-у-ууу…»

И когда она успела увидеть, что я это сделал?! Черт! Что интересно, я сам вытирал ей слезы и сопли, потому как верил, что ее это действительно обижает. А разве ты хочешь обидеть близкого человека? Нет. И мои рефлексы начинали работать, как у собаки Павлова. Тебя «бьют» постоянно, ты не хочешь, чтобы это было, и ведешь себя соответственно: лишь бы не было истерик у любимой. Потому что они тебя просто зае…ва-ют. О занудах говорят, что им проще дать, чем объяснить, почему не хочешь этого делать. С женщинами, склонными к истерии, такая же история: проще вести себя так, как им нравится, чем терпеть их слезы. Женская истерика – сродни цунами. Она накатывает, ты не можешь убежать от нее, остановить ее. Ты можешь только предотвратить ее. Все остальные люди постепенно отходят от тебя, видя, что тебя сейчас накроет. Зачем же стоять рядом.

Неудивительно, что слухи о наличии у меня постоянной любовницы, с которой я появляюсь на людях, дошли до Лены. Но, может, один этот факт – появление на людях – еще никак не скомпрометировал бы меня перед ней окончательно. Я мог бы отмазаться, сказав, что это моя коллега, секретарша, журналистка, да мало ли… Но, увы, то, что жена находила дома следы пребывания одной и той же чужой женщины, помноженное на то, что с одной и той же чужой женщиной меня многократно видели на людях, неизбежно вело к катастрофе.

– Я поняла, – однажды заявила Лена, – ты вытираешь об меня ноги. Я не хочу с тобою больше спать.

Что я мог ответить? Ничего! Только повернуться на бок и сделать вид, что сплю.

И мы стали спать… в соседних комнатах.

С виду наша жизнь как будто не изменилась. Я приходил

после работы домой, свет выключен, все спят. Когда просыпался поздним утром, дома уже никого. Это значило, что она уже увезла ребенка в школу и ездит по своим делам. Я вставал, умывался, брился, ел и уезжал на радио. Как раз тогда, когда жена, забрав ребенка, возвращалась домой. Вечером после радио сразу ехал в клуб. Пришел домой ночью – свет выключен, все спят. С утра встаю – никого.

Так прошел целый год.

Мы не стали врагами и по-прежнему уважали друг друга. Она, по всей видимости, ждала, что все пройдет, я перебешусь, успокоюсь и вернусь. Точнее, приползу на коленях и буду умолять о прощении. Но я тоже человек гордый. Ползти на коленях мне не хотелось – живот мешал. Я не раз предлагал помириться, типа, чего мы как малые дети, и приводил в свое оправдание цитату из Наполеона: «Женщина, изменяя мужчине, совершает преступление. Мужчина, изменяя женщине, совершает подвиг во имя любви». Но ничего не помогало.

И тут в жизни наступили кардинальные перемены. Мне предложили переехать в Москву и стать совладельцем клуба, что означало конец работе «на дядю». И, конечно, я согласился.

Но при этом – мы год не спали с женой. Ладно бы неделю, две, три. Но я ведь уже перестал понимать, есть у меня семья или нет. Если жена не готова меня простить, так что остается? Еду пытать счастья без нее. И когда дело с переездом окончательно решилось, сообщил ей, что переезжаю.

– А мы? – спросила Лена.

– Вы? Остаетесь здесь.

Я оставил им огромную квартиру и все деньги, что на тот момент заработал. Решил, что для себя заработаю еще. Все-таки еду в Москву! Поживу там пока в съемной квартире. Сыну мы ничего не сказали. Он привык, что папа часто в разъездах, и только месяцев через восемь до него дошло, что папы слишком уж часто нет дома.

Мне тогда, да и сейчас, кажется, что в моем переезде в Москву с чужой бабой, без семьи, виновата и жена. Поведи она себя иначе, я бы не стал менять своих домашних на какую-то приблудную. Как же без них? Но тогда жена не смогла меня простить. И я не знал, сможет ли когда-нибудь. И потому самой собой вышло, что со мной поехала Киска. Ведь выходило, что теперь Ромочка уже холостой. Только оказалось, что и радоваться тут нечему.

У нас в институте был такой театральный этюд. Сидит собачка на цепи, лает на всех, укусить не может, цепь ее держит. И собачка изо всех сил отчаянно рвется с нее. И вдруг – цепь

обрывается. А собака замирает. Она не знает, что делать. У нее цель была – сорваться с цепи. А когда сорвалась, поняла: цели-то больше нет, а окружающий мир пугает.

Так все и получилось.

Сорвавшись с цепи, я искал новую цель, но она все уплывала.

Оказалось, что Киска просто выигрывала на контрасте: на том, чего у меня не было с женой. Скажем, Киска устраивала сцены ревности по пустякам, чего не позволяла себе Лена. С Леной было уютно и комфортно. Она понимала, что пьянки и бабы – антураж моей профессии. Пилить меня за это так же бессмысленно, как ругать цветной телевизор за то, что он не холодильник. Она выбрала меня и терпела, создавая мне положительный и спокойный тыл, при котором можно рваться в бой и работать. Может, порой делала это, стиснув зубы от обиды; но ее умение молчать до последнего я, видимо, принимал за отстраненность.

С Киской же все было наоборот: чуть что – сразу сцена, вопли воинствующих индейцев, летающие тарелки. И тебе кажется, что раз тебя так ревнуют, то, наверное, любят. Страсти-то вон как кипят. А что это за страсти – может, они часть истерического характера, желания отрезать меня от других баб или любовь, – сразу не разберешь. Как в старом анекдоте: «Дорогая, то, что мы с тобой принимали за оргазм, на самом деле было астмой».

Еще одним объективным обстоятельством, помогшим Киске попасть «в десятку», было то, что я к тому времени уже достаточно разбогател и прославился. Но моя супруга, прошедшая со мной огонь, воду и медные трубы, не торопилась транжирить мои успехи: «Ведь нам с тобой было хорошо, и когда не было денег. Мы проехали автостопом всю Европу и не умрем, если сейчас полетим в поездку не бизнес-классом, а экономом». Она не спешила просить подарки, хотя мы уже могли позволить себе практически все. Наверное, ей хотелось дорогих шмоток, какая баба их не хочет, но хватало выдержки отказывать себе ради семьи. И ради будущего, ведь не всегда я смогу держать такой бешеный темп, а есть-то всегда нужно. И желательно, три раза в день.

Ну, а мне стало казаться, что она не дождалась успеха. И я обижался в душе (хотя не сознавал полностью своих чувств) на то, что она достаточно равнодушно смотрит на дорогие рестораны и бриллиантовые безделушки. А ведь я так долго шел к материальному успеху, так хотел бравировать им. Ведь это возможность – «включить звезду», почувствовать себя на коне.

Представьте теперь, в какой удачный момент появилась Киска (и, наверное, часто в жизни самцов киски выбирают именно

такие моменты для решающих прыжков). Она-то была готова разделить мои восторги по поводу того, что я могу ужинать в самых дорогих ресторанах, что могу покупать ей любую одежду. И мне это нравилось. Киска не была какой-то избалованной стервой, уже пожившей на иждивении то одного, то другого миллионера. Она в жизни ничего не видела, все у нее было в первый раз, и мне нравилось быть первооткрывателем. Господи, и я ведь был даже благодарен ей за то, что мне есть с кем разделить успех!

Кому-то это покажется бредом. Но такие моменты в жизни бывают.

…Только часто плюсы переходят в минусы, и наоборот. То, что мне так нравилось и что я принимал за любовь, вскоре стало утомлять.

Например, звоню домой с работы: «Посмотри, пожалуйста, на столе лежит записная книжка. Мне нужен телефон Р.».

– Нет, не лежит.

– Ну ладно.

Через минуту она перезванивает.

– Что? Нашла?

– Нет. Я хотела спросить, почему ты мне не сказал «дорогая»?

– Просто некогда. Извини, дорогая. Пока.

Через минуту снова звонок от нее: «Почему ты кинул трубку? Ты что, меня больше не любишь? Что случилось?»

– Да люблю. Мне просто сейчас некогда.

– Почему ты так резко со мной говоришь?!

– Пошла на…

Любимая уже стала напоминать мне модель для пародий. Я буквально жил в анекдоте. Просыпается молодой муж. Садится пить чай. К нему подходит жена и нежно спрашивает: «А ты меня любишь?» – «Твою мать! Ну что за привычка каждый день начинать со скандала». Кто так не жил, тот не поймет. И если сначала ты думаешь, что она тобой дорожит, поэтому так нервничает, то постепенно ты понимаешь, что все ее поведение направлено на то, чтобы превратить тебя в подкаблучника. Теперь тебе надо думать не столько о деле, сколько о том, как ее называть, чтоб она не обижалась, каким тоном говорить. Иначе истеричка начинает злиться, психовать и пилить тебя.

…Живя с Киской и постоянно находясь в напряге, я обсуждал эту тему с другими мужиками и неожиданно выяснил, что не одинок. Просто есть на свете бабы, умеющие нагнетать вокруг себя истерию. И вроде баба не особо красивая. И жопа у нее толстая, и ноги, как ножки у рояля… но еще и кривые. А вы все равно вместе. Более того, ты еще и переживаешь за нее. Она

может позвонить в истерике среди ночи, и приходится, как дураку, бросать жену и мчаться к ней – что случилось?! «Ничего. Мне стало тоскливо. Но уже все прошло, уезжай. Я никого не хочу видеть». – «Куда уезжать? Ты же меня вызвала среди ночи. Я жене сказал, что поеду в Москву на поезде, куда мне теперь?» – «Ой, не знаю! Поезжай куда-нибудь».

Вы не поверите, такие бабы есть. Их много. И они все похожи. Поэтому не могу сказать, что мне достался уникальный экземпляр. Я даже лично еще одну такую видел. Она работала у меня танцовщицей. Однажды пришла и стала жаловаться, что мужик послал ее к черту. «За что? За что?»

Стали выяснять всем коллективом. Это был ее поклонник, долго за ней ухлестывал, и однажды она снизошла. Сказала, что так и быть – даст. Поехали к ней. Возле своего дома она сказала, что к себе его, пожалуй, не позовет: живет не одна, и это не очень удобно. Поехали к нему. Приехали. Возле подъезда красавица произносит: «Ну что я буду по чужим квартирам ходить?! Это неправильно. Нет, лучше у меня». Вернулись. Вышли из машины, и тут юная прелесть сообщает: «Что-то я устала. Давай лучше в другой раз».

«Да иди ты, знаешь куда!» – сорвался он.

…Теперь бедняжка ходит весь день в слезах, недоумевает: и почему он с ней был так груб?!

И Киска вела себя аналогично.

Только один вопрос остается тут открытым, и ни от кого нет на него ответа. Бабы эти вправду такие, или это маска, которую надевают, чтобы манипулировать нами?

Я однажды разговаривал с одной интересной светской дамочкой, прожженной б…дью, которая рассказала мне по секрету, как бабам удается приручать мужиков, даже чужих. Если захватчица хочет, чтобы мужчинка женился и жил с ней, то постарается, во-первых, затрахать его до смерти. Чтобы уже ни на кого смотреть не мог, чтобы ходил выжатый как лимон. И он в этом случае становится домашней собачкой. С другими – может только целоваться.

Интересно, что Киска так и поступала. Она жила со мной и раскручивала меня на секс, даже когда мне казалось, что я вообще ничего не могу. Она тянула меня трахаться в такси, в туалетах на пляже, в туалете для инвалидов в амстердамском аэропорту. Причем порой не хотелось, но когда баба тебе прямо говорит, что ХОЧЕТ, тебе сложно отказать. Думаю, ей желалось стать самой незабываемой и оригинальной бабой в моей жизни (я в этом почти уверен, так как, едва мы расстались, секс со мной ТУТ ЖЕ перестал ее волновать). Чтоб как в том анекдоте, где

мужик, трахнув новую телку в машине, заставил ее под дулом пистолета вылезти из машины на мороз и лепить снежную бабу. Аргументировав тем, что, может, любовник он никакой, но этот день она запомнит на всю жизнь.

«А во-вторых, – как сообщила мне та же б…дь. – Чтобы завладеть мужиком полностью, надо еще всюду за ним ходить, как поросячий хвост!»

То, что Киска, и вправду, никогда не отставала от меня, я уже рассказал. Короче, все очень напоминало накатанный алгоритм.

…А я, хоть и считал себя неглупым человеком, попался.

Но как еще себя вести, если, например, твоя любимая девушка хочет посидеть у тебя на работе?! Что, выгонять под зад пинком? А как себя вести, если она начинает плакать? Сказать: «А ну, не реветь!» – так начнет еще сильнее. Слабость – замечательное оружие мелких стерв. Своей слабостью они так ловко пользуются, что оставляют тебя совсем без сил.
А ты этого не замечаешь – она же не монстр. Она же слабая женщина.

…И в Москве я, разумеется, с новой силой взялся лепить из нее «звезду». Пытался создать какие-то перспективы: знакомил с нужными людьми, выводил на тусовки, туда, где пресса. Честно сказать, даже предлагал одному режиссеру деньги, чтобы тот снял ее в сериале. А он отказался. Пять-десять тысяч долларов, которые я мог тогда предложить, не были для него поводом гробить свой собственный фильм (дать такую сумму, чтобы режиссер согласился опозориться, может только олигарх, а я всего лишь шоумен).

И пресса ни разу не выделила Киску на тусовках. Никто из постоянных тусовщиков, даже столкнувшись с Киской трижды, все равно не мог вспомнить, кто это (хотя помнили мою жену и интересовались, куда я «подевал ту красивую тетку, что как-то приезжала»).

Все эти объективные обстоятельства не сбивали меня с заданного курса. Я продолжал трудиться над карьерой любимой. Пытался помочь ей справиться со своими недостатками. Но вы думаете, она прислушивалась?

Ей честно говоришь, что она далеко не вселенская красавица, и потому для карьерного роста необходимо то-то и то-то… ну и уж, по крайней мере, искать близкие своему типу амплуа.

– Что-о-о??? – глаза Киска становились квадратными. – Что ты такое говоришь!!! Я красивая!!!

– Нет! Ты не красивая. И если хочешь знать, даже страшная. Но я тебя все равно люблю. Такую, какая ты есть. И если ты хочешь сыграть Марфутку, я тебе помогу. Эта роль комедийная,

она тебя прославит.

– Нет, я красивая!!! – билась она в истерике.

– Я не буду врать, некрасивая. Но я же все равно люблю тебя и буду помогать, почему ты рыдаешь?..

Но, увы, Киска принадлежала к породе баб, суть которых – «девочка в белом платьице». Мамы, расчесывая таким девочкам косички, с самого детства вбивают в пустые головки: «Ты такая красивая, у-тю-тю. Ты не просто красивая, а самая прекрасная. И не только божественно красива, но еще и чертовски талантлива».

При этом нам-то, самцам, с детства вбивают другое: твердят, что мы должны построить дом, вырастить сына, обеспечить семью, то есть работать, работать и работать. И тебе, чтобы чего-то добиться, приходится объективно оценивать и ситуацию, и себя. Иначе ты будешь всю жизнь в дерьме.

Мужики должны учиться, потом вкалывать и еще где-нибудь подрабатывать, а девчонки должны быть красивыми и все.

К сожалению, быть красивой – это далеко не все. Неплохо бы что-то собой представлять, к чему-то стремиться, учиться, знать, зачем живешь. Им же не говорят этого, и большинство из них, пребывая в незыблемой уверенности в своей офигенной красоте, делать ничего не умеют, да и не хотят. Их стремления ограничиваются тем, чтобы продать себя подороже и в конечном счете обобрать мужика. А если он уже сдулся, то это неудачная партия, и нужно искать другого.

Я в своих попытках доказать, что нет ничего страшного в том, что она не идеальна, только бесил Киску и рушил весь ее картонный замок.

Хотел-то как лучше. Ведь он же все равно разрушался. В ней, наверное, уже закипала злоба. Звездная карьера все не складывалась, а семейная жизнь… Зачем она ей?! У нее еще все впереди.

Все мои старания пошли прахом.

Роковая женщина – все разрушила, но так ничего и не построила. Я считал ее некрасивой и бездарной – что для нее конец света. А любви ей было недостаточно. У нее только одна любовь и божество – деньги.

Бабы и магия

– Ну что, милочка, помогло колдовство?

Муж вернулся?

– Вернулся. Но не нынешний, а первый.

– Ну а что же вы так напуганы?

– Просто он десять лет, как умер.

Есть такой старый анекдот, а возможно, это и реальный случай, имевший место быть. На сцене театра идет спектакль «Гроза» по Островскому. Красивая молодая актриса, вдохновенно подняв вверх руки, читает монолог Катерины, типа: «Почему люди не летают, как птицы? Так бы раскинула руки и полетела…» Делает шаг и, споткнувшись, с грохотом падает: «Е… твою мать! Какая б…дь пол засрала? Козлы! Всем бы вам яйца оторвать!»

Вот в этот знаменательный момент зрители «имели счастье» видеть подлинную сущность этой актриски. Какое там – «раскинула», какое там «летать хочу». Это все маска, маскировочная сеть, в которую тетки заворачиваются, чтобы прикрыть отсутствие романтики в своей подлой душонке. А подлинную свою суч… сущность они открывают редко. Только обстоятельства или время способны сорвать с них покрывало. А под ним – можно увидеть что угодно. Можно – мелкую и развратную шлюшку, можно грабителя-рецидиви-ста, можно игривого бесенка, а можно, если «повезет», уже созревшего демона. Самое неприятное, что до тех пор, пока это не случится, вы будете с ним жить, есть, пить, ложиться в одну постель, да еще и покупать ему подарки, – которые оно ждет, жадно раскрыв клюв, как голодный птенец, – и ни о чем не догадываться… Итак, от рассуждений пора перейти к делу: к тому, которое случилось со мной.

Произошло все уже в Москве. Как я уже рассказывал, переехал туда вместе с любовницей, из-за которой расстался с женой. Мне по-прежнему казалось, что я любил эту Киску. Поэтому покупал ей подарки, пристраивал на высокооплачиваемую и перспективную (в смысле карьеры) работу. Но только не планировал на Киске жениться, о чем сразу и предупредил. Казалось, что ее все устраивает: кормят, одевают; ее деньги – это ее деньги, мои – это наши; то есть все очень удобно. Я снимал квартиру в самом центре, и мне тоже казалось –

все «зашибись».

Вот только это «зашибись» было недолгим. Шел второй год жизни с Киской, когда мои дела стали вдруг стремительно катиться в пропасть. Обычно жизнь состоит из полос, черных и белых, а у меня началась сплошная беспросветная черная. Деньги стали заканчиваться или кончили начинаться.

За квартиру уходила основная часть дохода, на Киску остальная. Она ведь познакомилась со мной в тот славный момент, когда я был уже «на коне», то есть не совсем беден, и не хотела знать, что времена бывают разные: как хорошие, так и отвратительные. И снижать уровень жизни, на который я сам, на свою голову, ее поднял, совсем не планировала, поэтому каждый день закатывала мне истерики. Но, впрочем, и это все мелочи. Потому как в один момент плохо стало вообще ВСЁ! Дошло до того, что впервые за пятнадцать лет артистической деятельности я не получил работу в Новый год. И это было страшно. Главное – необъяснимо. Новогодняя ночь – почти всегда возможность заработать самый большой гонорар за весь год. И всегда есть выбор – к кому пойти. Ведь те, к кому не попал в прошлом году, ждут тебя на следующий.

Как такое могло произойти, что все куда-то исчезли?

В декабре публики в клуб приходило мало, а ведь раньше люди заказывали столики за месяц. На халтуру, то есть частные вечеринки, меня тоже перестали приглашать, что было еще хуже, – основные мои деньги только оттуда и берутся. Так же стали обламываться мои постоянные источники доходов: в марте я ушел с радио, а в мае меня «ушли» с ТВ.

Что за дьявольщина! Как могут все мои проекты рушиться почти одновременно?! Такие роковые совпадения любого человека заставят задуматься. Кто виноват? Что делать? Такими набившими оскомину вопросами я мучительно задавался, сидя дома по вечерам, когда в клубе в очередной раз отменялась программа. Это все было неправильно. А когда в жизни что-то происходит не так, думать ты можешь только об этом. И я только об этом думал и, разумеется, обсуждал это со своей пассией. Ну а кому же еще компостировать мозги своими проблемами, как не бабе, с которой живешь, а?

Однако вместо утешений и дельных советов (которые в такой ситуации услышал бы от жены) Киска только добивала «раненую мышку». Чтоб не мучился, что ли?

– Рома, а может быть, все кончилось? – задумчиво произносила она, глядя в потолок.

– Как кончилось? – меня сжимало от ужаса.

– Ну так. Ты же не знаешь, как это бывает.

– Что бывает?

– Конец. Ну, когда все заканчивается, когда твой поезд ушел.

То есть мне ненавязчиво намекали, что сдулся я. Выдохся, устарел и на фиг никому не нужен. Что я эстрадный мусор, и место мне на свалке истории! Спасибо тебе, родная, ты умела превращать ситуацию из плохой в чудовищную.

Однако глупо думать, что я безоговорочно верил в услышанное от нее и в то, что обстоятельства так стремительно выкинули меня из седла. Падение и забвение не бывают такими быстрыми. Да и конкурентов-то у меня нет. Но почему люди тогда не приходят в клуб? Почему не приглашают к себе? Тут что-то не так! И я метался и искал причины. Хотелось найти отмазку. Типа, я не виноват, дело не во мне. А в чем???

Это нормальная человеческая реакция. Когда ты в жопе – трудно винить в этом только себя. Ты ищешь, на кого бы свалить вину за происходящее. Зато, если причина все-таки находится, сразу становится понятным, как и за что бороться. А пока – воюешь с тенями…

Ну и самое неприятное: пока ты так мечешься, над тобой нависает глобальный вопрос – на что жить? Чем платить за квартиру, где взять средства содержать себя, любовницу и семью, которая осталась в Питере. Первое, что я сделал, пошел к своим соучредителям просить денег в долг. Почему бы им не дать товарищу за его будущие заслуги. Мы же партнеры. Но от них услышал, что они не подают, ибо сами не жрамши.

– Да вы что? – изумился я. – А как же мне жить?!

– Ромочка, живи как хочешь.

От такой формулировки я охренел: «Что же это происходит в мире? Всегда меня было кому выручить, неужели теперь и здесь засада?» «Окружили меня, окружили…»; «Обидели юродивого. Отняли копеечку…» Близкие приятели также, вместо того чтобы помочь, утешали тем, что сейчас у всех в делах затишье, не только у меня. Но одно дело – затишье. Совсем другое – звенящая, зловещая тишина.

Ну нет! Так просто я не дам себя сломить.

По своему опыту давно знаю: если в трудный момент начать экономить, снизить свою рабочую ставку, то обратно на прежний уровень – не влезть. Это процесс необратимый: если цена упала, то будет и дальше падать раз за разом, до тех пор, пока человек не окажется на помойке. Мы не раз наблюдали такое на телевидении и в жизни. В трудные моменты, наоборот, нужно поднимать ставку, и, вообще, чтобы стать богаче, не нужно меньше тратить – нужно больше зарабатывать…

И тогда решил так: хватить жить на съемной квартире.

Может, все беды идут от этого. В Питере жил как принц, а здесь как нищий в чужом дому, где все раздражает, где неуютно, куда нельзя перевезти мои любимые вещи из дома: их здесь просто негде расставить. Я решил совершить невозможное: в такой трудный момент, несмотря ни на что, купить квартиру! Причем рядом с клубом, чтобы удобно было ходить на работу.

Денег не было вообще, но когда есть цель, деньги находятся. К тому же я заметил, что все, что тратишь, всегда к тебе возвращается. Если возьмешь что-то в долг, то потом обязательно это что-то заработаешь. И я отправился по миру со списком возможных кредиторов. Список включал в себя двадцать человек, у которых можно одолжить без напряга для них эту чудовищную сумму. Из этого длинного перечня дали только трое. Некую сумму, под поручительство пятого, дал четвертый. Несколько человек пообещали и не дали. К партнерам я даже не обращался, зная, что «сами голодают». Но и в этой ситуации я нашел светлые стороны – зато теперь стало ясно, кто друг, кто нет.

Купил!

…

И ничего не произошло.

Более того, я вдруг увидел, что вся моя жизненная философия, выведенная из многолетнего опыта, рассыпается. Ситуация, после которой я ожидал взлета, которая должна была улучшить мою жизнь, никак на ней не сказалась. Более того, становилось все хуже, и хуже, и хуже. Только теперь все усугубилось еще и долгами.

…Конечно, обо всем этом кошмаре, происходящем в моей жизни, знала жена. Мы регулярно созванивались и, несмотря ни на что, оставались друзьями. Или, как интеллигентные люди, пытались ими остаться. Все же нас, как минимум, связывают ребенок и пятнадцать лет совместной жизни. И вот как-то жена рассказывает мне умопомрачительную историю, услышанную в компании. Один, известный всей нашей тусовке, дяденька прикупил себе землю со стоящей на ней полуразрушенной деревообрабатывающей фабрикой. Фабрику он отремонтировал. Оборудование привез туда из Швеции. Установил. И вот, по прошествии двух лет серьезного труда и больших материальных вложений, он пришел к тому, что все затраты, нако-нец-то, стали себя окупать. В этот самый торжественный момент к нему пришли какие-то темные личности и, глядя ему в глаза, сообщили: «Земля, которую вы купили, не ваша! Вот, видите, запись об этом в компьютере есть. Так что, пожалуйста, освободите площади.»– «Что-о-о?!!! – естественно завопил он. – Вы сошли с ума! Я ее честно купил! Я завод строил два года!»

Слушать его, однако, никто не стал. А наезжать – стали. Вскоре у него сгорела квартира, и это явно не было несчастным случаем. Машину разбили, и это было не ДТП. Ситуация все усугублялась. Ведь у него семья, дети, кто их подставляет?

И тут кто-то из знакомых посоветовал ему сходить в институт парапсихологии. Мол, есть там человек замечательный. Говорят, помогает. Сеанс стоит 250 евро. Смешной, наверное, выход, но, как я уже сказал, попадая в жопу, ты чувствуешь себя глистом и ищешь любой выход. Смешной или нет – неважно. Ну, а не поможет парапсихолог, да и черт с ним. Не такие огромные деньги.

И он сходил… Бандиты куда-то через два дня исчезли. Записи в компьютерах, что эта земля принадлежит другому человеку, тоже. А еще ему вскоре дали какую-то невероятную премию за его жутко полезную деятельность. В общем, неожиданно поперло…

Вот жена мне и присоветовала: «Сходи ты к этому шарлатану. Кто знает, может, правда на тебя порчу навели».

И я пошел… Хоть и звучит смешно.

В институте меня запихали в какой-то прибор в виде черепахи. Деревянные перегородки, покрытые тканью, под которыми я обреченно отлеживался какое-то время, даже не вдаваясь в суть, что это за прибор, какая там «энергетическая очистка». Будь что будет. Правда, цвет лица при выходе из «черепашки» у меня изменился. Стал не таким серым, каким был все последние месяцы. А дяденька тем временем сделал снимок моего энергетического поля. Поле было сильно «пробито» с одного края.

– Это порчу на вас навели, – сообщил дяденька и стал устанавливать приборчик, чтобы выяснить, кто же это сделал.

«Какая порча, Господи, бред какой-то», – думал я. Тем не менее продолжая участвовать в его исследовании.

А он положил на стол чистый лист, подвесил над ним крутящуюся рамочку и предложил называть имена всех моих знакомых, кто мог бы это сделать. Рамочка должна будет завертеться, когда прозвучит имя вредителя.

Нехотя я назвал имя жены. Конечно, прости Боже, но в первую очередь в такой ситуации думаешь на жену. Она должна была затаить обиду… Но рамочка осталась неподвижной. Тогда назвал имя Киски.

И рамочка неожиданно быстро завертелась.

У меня зашевелились волосы на голове.

Во-первых, очень уж неожиданный фокус.

Во-вторых, я не понимаю, ей-то зачем на меня наводить порчу?! Она со мной живет, и ее благосостояние напрямую

зависит от моего. Нет, этого не может быть!…И опять же, если подумать, сюда меня отправила Лена. Значит, можно допустить возможность того, что она в сговоре с этим парапсихологом потому, что хочет рассорить меня с моей Кошечкой. Однако тот уверил меня, что «никакой Лены он знать не знает. Ну а мне он поможет: будет работать над моей проблемой». Что ж, работайте.

С этой мыслью я покинул институт.

…Через три дня, уже находясь в Москве, я случайно включил свой питерский мобильник. Давно им не пользовался, и сейчас он понадобился лишь для того, чтобы найти записанные в его памяти номера телефонов. Но он тут же зазвонил: «Рома, мы тебя везде ищем-ищем. У нас пьянка в субботу. Приезжай, хорошо заплатим», – в трубке зазвучали голоса давнишних моих приятелей, у которых не раз работал.

– Не могу, – я даже растерялся от неожиданности. – В субботу в своем клубе в Москве работаю. Мне надо клуб закрывать, значит, неустойку платить.

– Фигня! Ноу проблем!! Заплатим!!!

Ну, раз так – я поехал. Так много мне не платили ни разу в жизни.

«Наверное, это просто совпадение, – подумал я. – Хотя приятно».

А через неделю мне опять заказали вечеринку. Да и люди понемногу начали ходить в клуб.

Воодушевленный таким успехом от магии я повелся на предложение знакомого художника сходить к гадалке, у которой ошивается весь шоу-бизнес. «Ошибается, – рассказывал художник, – только в датах. Да и то чуть-чуть. Был случай, когда одному мужику она сказала, чтобы он не выходил из дома в ближайшие два дня; не то беда случится. Тот не поверил, буквально через два дня его зарезал у магазина какой-то пьяный». И в это можно верить, можно не верить, но факт налицо.

Короче, я поехал к этой тетке. И завис у нее на полтора часа. Она гадала мне и на кофейной гуще, и на картах. Иногда прерывала гадание и просто смотрела на меня. Меня предупреждали, что она и без карт чего-то там видит. Правда, я, как и все прожженные циники, с трудом в это верил, поэтому не давал ей фору, стараясь поменьше задавать вопросов. А она начала разговор не с будущего, которое нам неведомо и про которое можно десять раз наврать, а с прошлого.

– Дела у тебя пошли плохо в декабре, так? А второй раз очень скверно было в феврале.

– Угу, – недоумевая, поддакивал я.

– И перед этим ты сильно поссорился с любовницей.

– Не помню. Может быть.

– Было, было. Не сомневайся. Да ты и полюбил-то ее совершенно случайно. Она не очень тебе нравилась вначале. А потом ты и сам не понял, как оказался с ней.

– Да.

– …

– Да, да, да, угу, ага, да, – как попугай, бубнил я, а гадалка постепенно перешла от прошлого к настоящему и окончательно меня огорошила.

– Простите, Роман, мне неприятно вам это говорить, но девочка никогда вас не любила, и ее интерес к вам был только корыстным. Она два раза делала наговор. На вас наложена такая штука – блокировка. Вы вроде существуете, но вас не видят. Про вас забывают.

– Да бросьте, – сказал я. – То, что все плохо, понятно. Но какой наговор? Может, тогда уж меня случайно кто сглазил? Завидуют люди в шоу-бизнесе друг другу.

– Нет. Такой сильный наговор можно сделать только специально. Делают это сильные черные маги. В Питере это стоит три тысячи долларов. В Москве – пять.

От таких цен у меня подкашивались ноги. Для Киски это очень большие деньги. Неужели ей так не давало покоя то, что успехи у меня в делах были не в пример лучше, чем у нее? Казалось бы, такое поведение рубит сук, на котором сидишь. Это – нелогично. Но я часто думаю, что у баб (именно у баб; женщина – нечто другое, более окультуренное создание) и нет никакой логики. Почему они так легко верят в магию: потому что и магия нелогична. А прибегают бабы к ней, понимая, что мужчина не заглатывает наживку. Я ведь говорил Киске, что на кошках не женятся. А это значит, что все зыбко. Что рано или поздно может прийти расставание, и она рискует остаться с носом. Значит, решила она, надо и меня, и мою семью оставить ни с чем. Вот и работала над этим вопросом, не жалея собственных средств (которые у нее скапливались, ведь мы жили на мои). А еще я вспоминал, как вкрадчиво и регулярно интересовалась она у меня: «Ну, Рома, а может быть – это конец?»

Ждала, сволочь?

Гадалка также сообщила, что, «по всей видимости, ваша черная Киска не раз прибегала к ведьмам и когда-то сделала на вас приворот»… На этой фразе я оторопел. «Да вы и сейчас еще у нее на привязи, за которую она может потянуть. У вас деньги, и именно поэтому она еще не раз даст знать о себе. Киска хочет получить как можно больше выгоды. Ну, а вам лучше с ней больше не встречаться. Человек она лживый, и к тому же

постоянно вам изменяла…»

На этой фразе я понял, что совсем ничего не знаю о жизни. И что самое страшное – от этой новости мне окончательно сделалось дурно, – она навела порчу и на мою жену. Причем со смертельным исходом.

– ЧТО-О?

Это же моя семья.

Нельзя трогать мою семью!

Никому нельзя трогать мою семью!

Никому и никогда нельзя трогать мою семью!

У нас маленький ребенок, его еще надо вырастить. А тут – получалось, что меня «не видят», я ничего не зарабатываю; у жены дела еще хуже.

Это просто кошмар. В него просто невозможно поверить. По дороге от гадалки домой я бесконечно перебирал наш длинный разговор и искал, где там подвох, и думал, что стоит обнаружить его и поймать гадалку на какой-нибудь мелкой лжи, как весь этот ужас развеется. Только как совершенно посторонняя мне баба могла узнать такие подробности (заметьте, из прошлой жизни, о которой никто не знал)? Мне хотелось докопаться до сути этого вопроса. Все-таки я давно имею дело с разного рода артистами и знаком с рядом фокусов. Например, если «знахари» угадывают твои болезни – так это несложно. О многих болезнях можно узнать по внешним признакам, по состоянию кожи, глаз. Еще я вспоминал мнемонику, часто используемую в цирке лилипутов. Якобы это «передача мыслей на расстоянии». Одна девушка достает что-нибудь из кармана зрителя, вторая – стоящая на сцене с завязанными глазами – должна угадать, что это за предмет.

На самом деле, угадывание – просто передача знаков, понятных им одним. Хорошо выстроенный и отработанный номер. Вначале девушки составляют примерный перечень того, что может быть в кармане. Затем составляют наводящие вопросы на каждый предмет. «РАС-скажи нам, что я достала сейчас?» – «РАСческу» – «Скажи ЖЕ, какого она цвета?» – «Желтого». И т. д. и т. п. Многие «чудеса» просты до безобразия.

Но то, что знала гадалка, не укладывалось ни в какие схемы. И я ломал над этим голову. Все ж таки я не мистик, я не баба. Я мужчина. А мужчина должен все понять логически. Иначе мозги начинают съезжать набекрень. Отправляясь на визит к гадалке, я продумывал свое поведение. Составил вопросы так, чтобы не было наводящих. И их там не было! Да и вообще поверить в то, что на тебя сделали наговор, и в существование какой-то магии нормальный мужчина не может!

Я и не верил. Просто позвонил жене. Для начала спросил, как теща, так как гадалка мне сказала, что та сильно болеет. Оказалось, что мать ее в больнице и об этом пока никто не знает. Лена рыдала в одиночестве на даче, чтобы не пугать ребенка. Это стало первым неприятным совпадением.

Тогда рассказал и об остальном. Про порчу со смертельным исходом и назвал возможную болезнь. На другой день моя жена проверилась у врача, и… диагноз подтвердился. Врач сказал, хорошо, что обнаружили вовремя, пока еще не поздно. Это совпадение было уже вторым.

К тому же тетенька-колдунья, как и тот парапсихолог, тоже обещала помочь в делах (снять наговоры и отправить их отправителю).

Вечером того же дня в клубе было полно народу.

На следующий день тоже.

Мистика какая-то.

Я с трудом верил в происходящее, но дела медленно и неизменно ползли в гору. Народ стал приходить на программу. Меня стали приглашать куда-то на работу. На телевидении предложили делать новый проект.

И, слава Богу, Киски рядом со мной уже не было!

К сожалению, проверить истину слов гадалки и как-то подтвердить свои подозрения невозможно. Когда я только пообщался с парапсихологом (я не говорил Киске о своем визите), вернувшись в Москву, поинтересовался: «А скажи, пожалуйста, зачем ты навела на меня порчу?»

– Я?! – Глаза ее полезли из орбит от деланного возмущения. – Ты что, шутишь? Я? Да зачем мне это? Ты что, больной?! Как ты можешь так думать!

Интересно, а как мне не думать? Особенно после того, что сказала тетка-провидица.

Впрочем, расстались мы вовсе не из-за магии.

Вышеописанный мистический триллер существовал параллельно с обычными бытовыми дрязгами, которые уже сидели у меня в печенках. Истерики, которые она устраивала даже при моих друзьях; непомерные требования; полное непонимание того, где она находится. Наверное, просто вылезал ее дурной характер. Он, видимо, еще не сформировался окончательно, когда мы только начинали встречаться (она была слишком молода), зато сейчас давал о себе знать.

Поняв однажды, что если Киска постоянно будет так себя вести, то я просто в сердцах пришибу ее, стал просить покинуть, наконец, мой дом. Даже дал денег, чтобы она побыстрее сняла квартиру. «Но я же люблю тебя!» – рыдала она. Я колебался, глядя

на эти рыдания. Не знал, верить ей или нет. Ведь когда тебе сто раз на дню говорят, что любят, не верить – трудно. К тому же мы прожили два года, и я просто привык.

Однако Киска, – как та самая актриска из анекдота, с которого и началась эта глава, – «спотыкалась» все чаще. И я, как постоянный зритель, следящий за такими несовпадениями «образа и подобия», начинал просто сходить с ума. И обязательно бы сошел, но изыскал в себе силы жестко разорвать эту связь.

– Уматывай.

– Куда? Мне некуда уезжать!

– Снять квартиру, имея деньги, можно за день, – объяснил ей, – а денег у тебя до дури!

– Ромочка, не выгоняй меня. Я же люблю тебя. И всегда любила. И в декабре, когда мы с тобой поругались так, что я хотела уйти. И в феврале, когда дело чуть не дошло до драки, и я не могла тебя больше видеть, но простила. Ну, пожалуйста, давай попробуем начать все снова…

В декабре… В феврале… Сходится!

– До свиданья. Вернее, прощай!

…Пожитки она увозила вечером, во время моего шоу в клубе. А я… придя домой, увидел, что любимая приголубила и кое-что не свое. Она прихватила все мое, что могло бы ей пригодиться. Сказать честно, меня попросту цинично обокрали! Ну, и как тут не верить экстрасенсам и гадалкам, не видевшим ее, но дружно сказавшим, что человек она непорядочный и что я с ней еще хлебну говнеца?!

…Когда-то мне довелось почитать руководство для разведчиков. Им настойчиво рекомендовали не заводить постоянных любовниц. Потому что у мужчин насчет женщин одни планы, а у женщин – свои. И мы не можем предугадать, как они будут их реализовывать.

Что касается магии, то, возможно, все это совпадения. Но совпадения любопытные. Прошло полгода, а я все нахожу подтверждение словам гадалки. Киска действительно изменяла. Напропалую.

Также гадалка сказала, что Киска еще не раз напомнит о себе. И действительно не раз звонила. Попросила подарить ей машину на день рождения, на том основании, что я привез ее в этот город и здесь бросил одну. Гадалка сказала, что с работы ее попрут, и вот недавно узнал, что это произошло. Более того, перед ней закрылись многие нужные двери моих друзей. Когда она им стала жаловаться, что Роман выгнал ее, те цинично заметили: «Ну и слава Богу. Нам всегда Лена больше нравилась». Я не просил их ничего говорить, более того, и про наше расставание рассказал не

всем… То есть вышло так, что все плохое, что девушка пыталась сделать мне, повернулось против нее самой. О том, что с ней произойдет в ближайший год, я слышал со слов гадалки. Ждем-с.

…Чем дальше, тем интереснее вспоминать и общение с посредниками параллельных миров. Все-таки они помогли мне увидеть баб с совсем иной стороны. Мастерство гадателей явно выросло из стабильности ситуации. То есть бабы с целью приворожить любовников регулярно шастают по ведьмам. И они, видимо, перевидали таких баб выше крыши.

Как я понял, самое страшное баба творит, если понимает, что ее вот-вот выгонят. Расставание – тяжелая вещь. Женщины – существа эмоциональные и очень зависимые. Зависимые от нас, от мужчин. Хотя они и кричат о своей значимости, самодостаточности и незаинтересованности, – все это ложь. И ты, даже не догадываясь об этом, можешь показаться ей козырной картой. Она почему-то решила, что хочет за тебя замуж. В этот момент она может встречаться с другим или другими. И не обязательно, что она тебя любит. Даже – совсем не обязательно. И даже не потому, что у тебя есть деньги и связи. Ты просто ей удобен по каким-то ее показателям. И если она чувствует, что рыба срывается с крючка, – делает приворот. Может, даже сделает на последние деньги или возьмет в долг, или что-нибудь продаст. Она попытается ухватиться за любую маломальскую возможность – а почему нет?

Мужчины ходят по бабам. Бабы – по магам. Мужчина, если и может сделать приворот на подругу, то только от большой несчастной любви. Но это редкость – большая любовь. Вторая причина, которая может привести мужчину к ведьмам, гадалкам или экстрасенсам, если дела, по необъяснимым причинам идут все хуже и хуже. Надвигается крах. А он никак не может понять почему и готов бежать за советом хоть к черту лысому. Лишь бы помог. Но это мужчина.

Зато женщины – постоянные потребители магических услуг, всяческих приворотов и других вредительств прогрессивному человечеству. Для них это – как чихнуть. Кажется, они даже не задумываются о моральной стороне проблемы. Считают так: мы – слабый пол, мужчины – сильный.

А в борьбе с сильным – все средства хороши.

Лохи и подарки

– Девушка, вы такая красивая. Вы само совершенство. Как бы мне еще хотелось увидеть вашу грудь, хотя бы одну… Я вам пятьсот рублей дам.

– Хорошо.

– Ой, как красиво. А не могли бы вы… Мне даже неловко просить… Ну хоть половину попы показать? Я вам тысячу рублей дам.

– Ну ладно.

– Ух ты! Девушка, а если вы мне лобок покажете, я вам четыреста долларов дам!

– Давайте, покажу.

– Вот это да! Девушка, и предлагать так неловко… А сколько бы вы взяли за секс?

Девушка, пожимая плечами:

– Да как обычно. Двадцать долларов.

Итак, Киска практически исчезла из моей жизни. Но я решил, что стоит еще раз намеренно вернуть читателей немного назад: в тот тяжелый для меня момент.

…Итак, она, наконец, исчезла.

Но чего я тогда никак не мог ожидать, что вместе с нею из моей квартиры исчезнет еще внушительная часть моих вещей. Она не побрезговала забрать даже чайник, телефонный аппарат и продукты из холодильника, но это все были мелочи. Она конфисковала подарки, которые сама мне дарила, и подарки, которые мне дарили другие люди, и, что, как я уже сказал, меня просто взбесило, она сперла и мои личные вещи: новые нераспакованные галстуки и новый мужской бумажник. То есть эта тварь уже думала о том, что будет дарить своим новым любовникам. Я даже не смог сразу оценить в полном объеме, сколько именно дорогих штучек она забрала, потому что тупо ходил по дому, испытывая шок: «Нет, нет, нет! Погодите, не может такого быть! Она же девочка из интеллигентной семьи». Но оказалось, что быть может все.

Баба всегда стремится прийти к вам в дом с рюкзачком, а

уйти с тележкой, груженной чемоданами. А еще хорошо бы увезти все это на своей машине, которую вы ей непременно подарите, потому что она вся такая прекрасная и молодая!

…Но раз уж не срослось, то хотя бы воспользоваться вашим личным шофером. Что Киска и сделала. Я знал, что он возьмется ей помогать, сам попросил его об этом, но я ведь и предположить не мог, что ему придется совершить целых три поездки между ее квартирой и моей, чтобы перевезти все шмотки. За один раз они просто не помещались в легковой машине. Когда он, наконец, закончил – уже в поту и пене – таскать чемоданы, то спросил: «А деньги? Это не входит в мои обязанности!» – «Деньги? – Она удивилась, наверное, поняв, что пришли те времена, когда ей самой придется везде платить за себя. Но решила как можно сильнее отдалить их. – Деньги Роман отдаст. До свидания».

И дверь перед ним захлопнулась.

Но буквально через десять минут она ему снова набрала и испуганным голосом доложила, что СЛУЧАЙНО забрала мой ноутбук, который нужно срочно вернуть. На самом же деле она сразу после переезда отзвонилась одному нашему общему товарищу и стала хвастаться, чем разжилась. Когда она дошла до компьютера, приятель с уверенностью в голосе произнес: «Он тебя убьет. Я бы тоже за компьютер тебя замочил, у него же там все – документы, фотографии, книги, информация…»

И вот тогда она испугалась. По-настоящему.

Когда позже я добивался от нее ответа на вопрос: ну почему ты забрала то, что тебе не принадлежало? – она, как создание, полностью уверенное в своей правоте, и даже удивляясь немного моей «глупости» ответила, что я – человек богатый и еще себе заработаю. А ей это все нужнее.

«Но это же мое!» – никак не мог я понять такой логики. – «Ах, ну купи себе еще. Разве это трудно». – «А почему я должен покупать, если это мое!»

Если у кого-то сейчас родилось ощущение, что я был жадной сволочью, и девочка хотела хоть что-то взять взамен за «бесцельно проведенные» со мною годы, он ошибается. Она ушла с кучей тряпок, купленных мною для нее за огромную кучу денег, и в бриллиантах, которые стоили, как квартира. Я ведь уже сказал, что она появилась в моей жизни в очень славный момент появления первых больших денег и возможности, не раздумывая, их тратить.

Что же касается способов, которыми бабы разводят нас на траты и чуют, что вот «сейчас-сейчас» он начнет раскошеливаться по-крупному, – то они достойны отдельной главы. Расскажу на своем опыте.

Когда мы только начинали встречаться, Киска отказывалась от подарков: «Нет-нет, мне не нужно от тебя ничего! Я же тебя просто люблю». Просто так. Бескорыстно. Кстати, это всегда очень приятно, что тетка вас «просто» любит.

Но отсутствие у нее денег постепенно начинает рождать какие-то неудобства для тебя. Например, она живет в очень отдаленном районе, ей далеко мотаться к тебе, и ты снимаешь ей квартиру в центре. У нее есть мобильник, но он постоянно глючит от старости, и ты не знаешь, как ее найти. Тебе это надоедает, да еще приближается какой-то праздник, и ты говоришь: «Давай я тебе куплю телефон в подарок на праздник!» А любимая говорит: «Почему в подарок на праздник? Он мне уже давно нужен. Давай ты купишь его сейчас, а в подарок что-нибудь другое».

Несколько удивившись – однако, логика тут есть, – покупаешь телефон. Но купить дешевый рука не поднимается. Берешь дорогой. Ты же небедный человек. Держи марку.

Потом тебе нужно вывести ее в свет, а оказывается, что ей нечего надеть. У большинства девочек в этой стране в гардеробе нет вечернего платья. Но раз она идет с тобой к солидным людям, что делать – надо его купить. А к платью нужны туфли. К туфлям сумочка. А ко всему этому – пальто и очки для солнца. И ты покупаешь. Она же твое украшение. По ее виду тебя оценивают.

Словом, выходит так, что ты ее одеваешь потому, что в этом есть необходимость. Делаешь это в какой-то степени для себя. Одеваешь и совсем не задумываешься о том, что раздевать ее может кто-то посторонний. И… совсем не можешь уловить тот момент, когда оказываешься в положении «барана, который за все платит».

Девчушка очень быстро привыкает к хорошему. За пару лет наших отношений Киска пришла к тому, что считала за подарки только бриллианты. А одежда, еда, турпоездки бизнес-классом в дорогие экзотические страны – все это было как бы само собой разумеющимся. Это не подарки – это часть жизни.

Виновата ли она в этом? Наверное, нет. Скорее всего, я сам виноват. Сам ее разбаловал. Старался подтянуть ее под определенный уровень жизни.

А дальше… Жизнь непредсказуема. Даже олигархи попадают в тюрьмы и теряют состояния. А у людей, зарабатывающих на жизнь своим трудом, она и вовсе нередко идет волнами. Спады бывают (по независящим от вас причинам). И вот накануне новогодней ночи, в которую впервые в жизни не работал, я сказал Киске, что куплю ей подарок попозже. Она, привыкшая регулярно получать дорогущие подарки, сделала обиженную мордочку, ощетинила усы и спросила: «КАК ЭТО?»

– У меня нет больше денег. Ты же знаешь.

– Но ведь все-таки Новый год, – дуется она.

– Я же через неделю везу тебя в Индию отдыхать. На что мы там будем жрать, и чем ты недовольна? Когда и с кем ты еще туда попадешь? А вернемся – тоже надо на что-то жить.

– Да, но ведь Новый год, – она начинает размазывать по лицу слезы и сопли.

А ты, как дурак, ее утешаешь, хотя послушал бы кто этот разговор! Девочка, которая год назад работала за двести долларов в месяц, почувствовала себя миллионершей. «Дешевые» подарки ее теперь оскорбляют, она от них отказывается, говоря: «Раз так, ладно. Тогда вообще ничего не надо».

И ты думаешь, ну и х… с ним! Идешь, покупаешь ей, как последний идиот, норковый жакет. Потом бегаешь по друзьям, берешь у них в долг. Но тебе не удается отдать этот долг, потому что девочке опять что-то нужно.

…На самом деле – ей нужно получить компенсацию за каждый прожитый с тобою день. Она все стремиться свести к этому. Ей абсолютно плевать и на тебя, и на перспективы вашей совместной жизни. Это пылесос, всасывающий в себя все, что можно и нельзя. Для нее каждый день – как последний. Откуси как можно больше! Проглоти, не прожевывая! – ее девиз. И ты… не столько даже жалеешь деньги, сколько устаешь. Ты не видишь, как строить жизнь с этим созданием.

Ну например, ты покупаешь квартиру, затеваешь в ней ремонт, выбираешь дорогую мебель: чтобы купить один раз – и навсегда. Находишь в магазине шкаф, понимаешь, что деньги на него практически есть, но не хватает какой-то тысячи долларов.

А вечером с тобой рядом садится Киска и начинает плакаться, что ей нужны, например, сапожки.

– Ну у тебя же есть сапожки, дорогая, – чуть не стоном произносишь ты.

– Но у меня только черные, белые, синие и красные… А в магазине теперь продаются и зеленые. Таких у меня нет.

– А тебе очень срочно нужны зеленые? Давай вначале купим шкаф, а потом сапожки.

Она начинает хлюпать носом и бешено крутить хвостом. Один вечер ты это терпишь. На второй вечер ты опять мечтаешь о хорошем шкафе; думаешь, дай-ка перезайму денег у приятеля, чтобы шкаф этот купить, а то никогда не куплю. Звонишь ему. И тут Киска, услышав разговор, снова подсаживается и начинает хныкать на тему, как трудно живется без зеленых сапожек.

– Но, дорогая, сапожки стоят шестьсот долларов. Такие деньги я всегда найду. Сейчас у меня собралась сумма на шкаф.

Это важнее: его надо купить, пока я их не растратил.

У нее уже истерика. А ей пять раз насрать, какая у тебя будет квартира, хотя она и сама будет там жить. Ей надо что-то, что она всегда легко и быстро в случае расставания сможет унести с собой (шкаф не вынесешь). Я злюсь. И в итоге понимаю, что уже проще купить, чем объяснить, почему не сегодня. Да еще какие-то шестьсот долларов. Черт с ними! И ты идешь в магазин и видишь, что… сапожки стоят в несколько раз дороже.

А еще к ним обязательно нужно купить сумочку и шарфик, подходящие по цвету. Непременно сейчас же. В других местах – такого нет и не будет. И ты стоишь в этом магазине, раз пришел – надо платить. И понимаешь, что тебя развели. Раз Киска давно их присмотрела, значит, и примеривала, и цену знала. И вообще, твой шкаф накрывается медным тазом.

Плюнув на все это – а зачем себя травмировать, – ты живешь дальше. Но проходит совсем немного времени, и у тебя опять набирается сумма, почти достаточная для покупки шкафа. Ты уже собираешься поехать в магазин оформлять покупку, как… вечером рядом садится Киска… И все по новой! Карусель.

…Если бы «Киски» вели себя так сразу, с первых дней знакомства, мужчине легко было бы ориентироваться, кто есть кто. Но они достаточно хитры. Ты не можешь воспринимать как проститутку девочку, которая живет с тобой, которая работает и чего-то зарабатывает. Ты какое-то время честно веришь, что просто до зарезу ей нужны зеленые сапожки. И только со временем начинаешь понимать, какая из баб сосала из тебя соки, а какая – тебя действительно любила. Но помогала всегда только жена.

Помню, читал, как один известный поэт просил руки у дамы. Она сказала: «Встаньте с колен, не протирайте НАШИ брюки». Вот так же ведет себя жена. Она твой друг и партнер, работает на семью, на перспективу. А «Киски», даже если на них жениться, все равно будут требовать с тебя зеленые сапожки. Самое нелепое, когда предлагаешь Киске расстаться, она выдает: «Ты купил жене квартиру, когда уходил от нее. А мне?»

– Да тебе-то за что?

– А ей за что?

Интересный вопрос о распределении материальных ценностей. Стоит его осветить для всех остальных «кисок».

Мы начали жить с женой, когда были студентами. Денег тогда ни у кого не было и в помине. Не было квартиры. Не было возможности сразу двоим делать артистическую карьеру. И потому карьерой занимался только я. А она – талантливая актриса – помогала подняться мне, при этом поставив крест на

своей карьере. Мы вместе съели пуд говна, прошли огонь, воду и медные трубы. Вместе пришли ко времени, когда уже можно позволить себе все что угодно. Когда появились деньги, я стал постоянно предлагать: «Давай купим тебе новое платье». – «Платьев мне пока хватает. Давай лучше подкопим и купим еще одну квартиру, будем сдавать в старости. Деньги будут». Она не думает о том, как меня развести на бабки. У нее другая задача: сделать, чтобы в жизни не было провалов. Ведь жизнь состоит из полос, как зебра: черная, белая, черная… а в конце жопа. Зебра кончилась. Но с женой ты гораздо реже рискуешь оказаться в этом славном месте. Она видит черные полосы и старается их обойти. Она предпочтет исключить из своего гардероба зелено-красные сапожки. Пусть все будет серым, зато стабильным. И во времена, когда я не мог найти работу, работала она. И не складывала все заработанные деньги в свой карман, как это делала Киска. Поэтому я и купил ей квартиру, содержал ее и своего сына. А «Киски» не могут этого понять – НО ПОЧЕМУ?! Может, у них в голове все по-другому устроено.

Ведь – ПОЧЕМУ – понимает даже мой сын. То есть я совсем не хотел, чтобы он это понимал. Мы с женой скрывали от него, как живем. Он знал только, что папа работает в Москве, а на выходные возвращается домой. Месяцев через восемь сын стал догадываться, что что-то не так. А в один прекрасный день, когда он был у бабушки, та недоглядела, и он увидел сюжет по телевизору, где рассказывалось, что я живу в Москве с такой-то девушкой (я изо всех сил тянул Киску в телевизор, во все СМИ, да и вообще куда угодно).

…У ребенка была истерика.

Немного придя в себя, он стал звонить маме: «А почему папа живет с этой девушкой? – всхлипывала трубка. – Она ведь даже и не красивая».

Что можно ему ответить? Жена позвонила мне и предложила все объяснить самому. Я позвонил и разъяснил ребенку, что все вранье: «Это же шоу-биз-нес. Ты разве не знаешь, что там все сочиняют про себя разные небылицы. Мы тоже с мамой сочиняем. Ну что ты!»

Кажется, он не очень мне поверил. Но через какое-то время успокоился и даже простил меня. А Ленке сказал: «Мама, не надо папу трогать. ПУСТЬ ОН ПОЖИВЕТ С ЭТОЙ ТЕТЕНЬКОЙ. А ПОТОМ, КОГДА У ПАПЫ ДЕНЬГИ КОНЧАТСЯ, И ОНА ОТ НЕГО УЙДЕТ, ОН ПРИДЕТ К НАМ, И МЫ ЕГО ПРОСТИМ».

И это десятилетний ребенок.

Так что, думаю, логика жизни всем понятна.

Прощаясь с Киской, я отстегнул ей денег ровно столько,

чтобы оплатить съемную квартиру за первый месяц. И то, только для того, чтобы поскорее от нее избавиться. Именно поэтому. Я понимаю, почему она капризничала и цеплялась. Не в любви дело. Просто сложно уйти из хорошей квартиры в халупу, которую ты сможешь снять, рассчитывая только на себя. И одна – уже не сможешь ужинать в ресторанах, одеваться в хороших магазинах. А это жутко – ко всему хорошему, как было уже сказано, быстро привыкаешь. Наученный этим горьким опытом, стараюсь подсказать коллегам-мужчинам: не надо торопить процесс привыкания каждой новой своей бабы к хорошему. Напротив, надо сдерживать его как можно дольше.

Хотя и трудно, но нужно.

Ведь это, как ни банально звучит, единственный показатель искренности ее чувств. Как только ты начинаешь дарить подарки, тебя сразу же начинают терзать сомнения. А вот теперь, что ее интересует больше: ты или деньги. Но, кстати, бабы это знают и этим пользуются. Вначале говорят: «Мне не нужны подарки». И не принимают их, доводят мужика до исступления. Часто фраза «Мне не нужны подарки» обозначает, что ей нужно ВСЁ. Чего там твои подарки, когда она редкое животное и хочет попасть в «Красную книгу» – в твой паспорт. И иметь права на половину всего твоего имущества.

Знаете, было бы не жалко, если бы баба того стоила. Я, уходя, оставил жене все. За верность… Верность – вот за что женщине дарят подарки. Ты уверен, что это твоя баба, что она любого отошьет и не продаст. Она предана тебе, и за это ничего не жалко. А когда наоборот, когда понимаешь, что ты ее одевал, как куклу, ради того, чтобы на нее другие активнее заглядывались, хочется перегрызть ей глотку.

В таких ситуациях все по-разному поступают. Мне нравится, как сделал один достойный человек, поймав постоянную любовницу с мужиком в постели: не стал ее душить, как Отелло, рискуя сесть в тюрьму. Он ей устроил перерасчет: «Значит, так, дорогая. Мы вместе три года. За это время я подарил тебе квартиру (сумма такая-то), машину (сумма такая-то), свозил десять раз за границу (стоимость путевок такая-то). Подарил драгоценностей (сумма такая-то). Итого я потратил на тебя…000 тысяч долларов. Я дарил тебе это, полагая, что ты живешь только со мной и любишь только меня. Сейчас вижу, что это не так. И раз ты гуляешь – значит, ты шлюха. Шлюхам нужно платить деньги.

Мы встречались два раза в неделю. Трахаешься ты хорошо, поэтому за секс считаю по максимуму – триста долларов. В неделю – шестьсот. В году пятьдесят две недели. За три года набежало (шестьсот на пятьдесят две и на три года) девяносто

три шестьсот. Это твои деньги. Также можешь оставить себе украшения – это твои подарки. Остальное ты мне верни. С тебя еще… ООО тысяч долларов.

Конечно, она не могла вернуть все. Да и не очень-то хотела. Поэтому понадобились бандиты. Они сумели все отнять у красавицы. Незадачливый любовник, правда, назад не получил ничего. Но он и не жалел об этом. Главное, свершить справедливый суд. Ведь когда платишь за ее любовь (а это подразумевает верность), так это – одно. А когда баба неверна, у мужика полное ощущение, что он переплатил. Потому как продажная любовь имеет небольшую стоимость.

К сожалению, когда ты объясняешь деточке, что почем, она не хочет с тобою соглашаться. У нее свой взгляд на события и на твое место в ее жизни. И на твои вещи, которые надо «справедливо поделить» между вами. Что она и делает, когда тебя нет дома. И ты, вернувшись в голые стены, вскоре превращаешься в персонажа фильма «Иван Васильевич меняет профессию» Шпака, который с горечью рассказывает милицейской собаке: «Вы только подумайте, это же все, все, что нажито непосильным трудом, украл: пиджак замшевый импортный, портсигар золотой отечественный…»

Долгие проводы

– Мочилась ли ты на ночь, Дездемона?

– О, да!

– Но твой горшочек пуст?!

– Я писала в бутылку…

– Умри ж, несчастная! Я только что попил оттуда.

Раунд первый

Душить бывших любовниц в наше время, к сожалению, нельзя. Но жажда мести и современным Отелло не дает покоя, только, не имея возможности для средневекового размаха, она, увы, мельчает. Поэтому, обменявшись первыми пробными ударами, то есть, обосрав друг друга перед всеми нашими знакомыми, мы с Киской затаились. Ни я про нее не слышал, ни она про меня. И это к лучшему, так как у меня сложилась ситуация, которой не было никогда в жизни.

Мне впервые пришлось снять комнату. Не потому, что совсем обнищал, а потому, что в квартире, которую я купил, никак не заканчивался ремонт. И там жили строители. А за квартиру, которую я снимал, – хозяин взвинтил цену до небес. И вот тогда я пошел на принцип: решил – платить не буду, а пару недель где-нибудь перекантуюсь.

И я стал жить у бабки рок-н-ролыцицы, еженедельно надевавшей на себя рюкзак, туристическую ветровку и отъезжавшей в поход. Я же оставался в комнате ее сына, моего водителя, куда мы перетащили все мои вещи со снимаемой квартиры. Они лежали, сваленные в огромную кучу посреди комнаты, создавая живописный непроходимый пейзаж. А в углу всегда горел светильник, под которым выращивался куст марихуаны.

Я как будто превратился в «иногороднего студента».

Раунд второй

…И вот как-то случайно до меня стали доходить слухи, что на своей новой работе мохнорылая Киска усиленно продвигает МОИ творческие проекты, выдавая их за свои, и при этом пытается рассорить меня со всеми моими предполагаемыми работодателями. И тогда в свое веселое жилище я пригласил знакомую мне (и главное, Киске) журналистку. «А не напечатать ли нам статеечку? – предложил я ей по телефону. – Про то, как от меня съезжала бывшая любовница и заодно вывезла кучу моих

вещей?» – «Напечатать, опубликовать и заработать денюжек», – согласилась та, обсудила тему с редактором и приехала.

Гадостную эту статью я задумал с замечательной целью – плохого человека напугать и сделать, путем раскаяния, лучше. Ну а почему я должен чувствовать себя неспокойно, а она будет сидеть и радоваться?! Она сделала мне и моей семье кучу гадостей и должна хотя бы немного пострадать. Должна понять, что поступила неправильно. Это было задачей-минимум.

Задачей-максимум было желание заставить ее выкупить эту статью. Одна из центральных газет предложила мне за нее четыре тысячи долларов, а деньги тогда были очень нужны.

Выкупить – ей было на что. Хотя бы каким-нибудь из моих подарков. Было бы совсем неплохо, если бы она вернула хоть что-то. Как я уже говорил, мы дарим подарки женщине за ее верность. А когда до меня доходили одна за одной косвенные улики ее измен, я злился на ее ложь и хотел ее наказать. А то, что она сперла в придачу и свои подарки мне, – казалось верхом неприличия. А один негативный поступок ведет за собой череду других.

Она должна была нервничать. Чувствовать себя униженной и оскорбленной. Приползти и умолять оказать ей великую милость – дать заплатить за то, чтобы статья не прошла в печать. Ведь Киска работала в сфере шоу-бизнеса, и после этого ее обязательно бы вышвырнули с работы. И неизвестно, устроилась бы она хоть где-нибудь в Москве.

Думаете, это мелко? Недостойно, не по-мужски? Да никто себя не ведет достойно в состоянии разрыва с человеком, которого – как им казалось – любили. Все названивают, унижаются, ходят на коленях, жестоко мстят любимому, а то и себе. «Назло маме отморожу уши». Но главное – скрывают это ото всех! Думая, что это такой позор, который не должны видеть друзья и родственники. Они-то, друзья (по их словам), расставались всегда достойно. Угу! Хочется верить!

В статье написана чистая правда, причем отредактированная так, что уцепиться за слова и подать в суд Киска не могла. Каждый факт – подтвержден документальными свидетельствами. Статью привожу полностью с небольшими купюрами.

(Заголовок на обложке)

Такая-то обворовала шоумена Трахтенберга

Известный теле– и радиоведущий Роман Трахтенберг недавно пострадал от своей бывшей сожительницы, неизвестной актрисы НН. Съезжая с его квартиры, девушка помимо подаренных ей Трахтенбергом драгоценностей прихватила и имущество Романа на довольно круглую сумму!

Делили фаллоимитаторы…

Этот день в ОВД «Беговой» запомнят надолго. Даже в ситуации неприятной для каждого – ограбления и разрыва отношений с сексуальным партнером – Роман Трахтенберг устроил целое шоу. Впрочем, милиционеры говорят, что девушка сама его вынудила. И что он еще достаточно мягко поступил с ней. Прокомментировать эту ситуацию мы попросили Романа Львовича.

– Она съезжала с квартиры, когда меня не было дома и случайно зайти, как тот кретин-муж, «вернувшийся из командировки», я не мог, так как в это время вел шоу в своем клубе. Вернулся я домой в три утра. А там…

– Что, как у Пастернака? «Ее уход был как побег, везде следы погрома»?

– Погрома не было, как, впрочем, не было и еще ряда вещей. Ну, то, что она забрала вещи, которые сама мне дарила, меня покоробило, но ладно… Хотя среди этих вещей были и тридцать три золотых червонца, подаренных мне ею, и которыми я очень гордился, как самым дорогим подарком, сделанным мне женщиной.

– Ой, а сколько же они стоили?

– Каждый по сто двадцать пять долларов. Я это знаю потому, что сам хотел их купить. Они же продаются в любом отделении Сбербанка.

– А что, неизвестные актрисы так много зарабатывают?

– Ну, ведь она жила и одевалась за мой счет и поэтому откладывала всю свою зарплату полностью. Но червонцы за украденное я не считал. Подарила, забрала – ее дело. Хотя если бы ей действительно нужны были деньги, могла бы просто попросить. В этот момент я был на мели, но есть друзья, которые всегда бы выручили.

– А что кроме червонцев?

– Так, ерунда. Мелочь, сувениры. Но, во-первых, они очень дорогие. А, во-вторых, я из каждой страны, где бываю, что-нибудь привожу. Для меня это очень важно… Понимаете – это память. А допекло меня то, что она забрала чайник, продукты из холодильника, мое средство от выпадения волос и даже бутылку саке – подаренную мне коллегой, уехавшим в Японию. И бутылку «зубровки», которую сама привезла мне из Польши; но я ее тоже не считал.

– А ей-то зачем средство от выпадения волос? Проблемы?

– Ну… не знаю. Я позвонил ей и попросил вернуть награбленное, сказав, что иначе вызову милицию. В ответ она послала меня на три буквы. И я позвонил по «02» и обрисовал

ситуацию. Сказал, что жил с девушкой полтора года и что она меня обворовала. В службе «02» все звонки записываются, так что можете проверить. Приехала оперативная группа и попросила предъявить чеки. Конечно, на все чеков нет – на сувениры, хотя бы, – но на чайник, музыкальный центр, напольные весы, компьютер и т. д. должны быть. Полез искать – нету!.. И тут я понял, что ЛЮБОВНИЦА СЕРЬЕЗНО ГОТОВИЛАСЬ К ОТЪЕЗДУ.

Милиционеров факт исчезновения документов поразил настолько, что они сказали: «Ну и стерва!» Но я так не считал, думал – это какая-то ошибка, состояние аффекта. Оперуполномоченный спросил: «Чего вы хотите? Ее посадить, так как это хищение в особо крупных размерах? Или просто вернуть украденное?»

«Не судите и не судимы будете» – вспомнил я и сказал: «Отдайте мне мое, а жизнь ее сама накажет».

Так как телефонный аппарат она тоже вывезла, переговоры опера с ней вели по моему мобильнику. Говорили часа три, так как у нее была истерика. Знаете: «Плачет киска в коридоре, / у нее большое горе/ злые люди бедной киске/ не дают украсть сосиски». Девочка доказывала, что купила все это сама. В том числе сувениры. Даже продающиеся в тех странах, где она и не была.

В результате, «добычу» она все-таки вернула со словами типа «кровное отдает, нажитое непосильным трудом». Милиционеры в ответ только усмехнулись. У них сложилось правильное впечатление, что не я, а она жила за мой счет. Кстати, пришла она не одна, а с каким-то военным «красивым, здоровенным» и требовала написать расписку, что «я не буду угрожать ей физической расправой и не буду освещать эти события в СМИ»…

– И дали вы ей эту расписку или нет?

– Сначала не хотел, так как я не монстр, но она стала бросаться на меня с кулаками. И я подумал, если она судит других по себе, – напишу… Но в полном объеме!

– Как это?

– Как было, так и написал: «Гражданка такая-то вернула украденные ею у меня вещи в полном объеме, за что я обязуюсь (как она настаивала) не угрожать ей физической расправой и не освещать эти события в СМИ…» После написания бумаги я попросил вернуть ключи от квартиры. Она кинула их мне в лицо, попутно пнув ногой музыкальный центр и сказав, что у нее здесь еще остались вещи. Я сказал: «Забирай!» – и вспомнил, что действительно в ящике под нашим ложем любви кое-что осталось.

…Собрав в охапку фаллоимитаторы, я совершил ей в лицо ответный бросок этими предметами.

«Зал замер. Такого поворота событий зрители не ожидали».

Девушка тоже опешила. Вышла из оцепенения секунд через десять и против всякой логики прокричала: «Все знают, что он пидарас! ЭТО ЕГО ВИБРАТОРЫ!»

Мощный милицейский хохот потряс стены квартиры.

Пригрел на сердце змею

– Может, вы ее обижали? И все это лишь компенсация, на которую женщина в некоторых случаях имеет право?

– Компенсация?! За что?! За то, что вывел ее в свет; за то, что возил ее за границу (Таиланд, ЮАР, в Египет на дайвинг-сафари, Индию, Китай), причем бизнес-классом; за то, что накупил ей шмоток на тысячи долларов; за то, что дал ей возможность сыграть на большой сцене; за то, что кормил в дорогих ресторанах; за то, что давал деньги на элитные салоны красоты; за то, что оплачивал ее счета… Я ее любил и ради нее ушел из семьи, от жены и сына. Мы с ней жили мирно. Целых два года. И все это время я пытался сделать из нее звезду.

– Вы? А зачем?

– Хотелось попробовать себя в новом качестве продюсера и помочь человеку, который тебе небезразличен. Первая наша встреча произошла в Питере. Столкнувшись с ней, я, по всей видимости, увидел то, чего в ней не было: перспективную девушку, только что закончившую театральный институт, и у которой все было впереди, и из которой можно лепить звезду…

И вот тогда я решил, что, может быть, во мне умер великий промоутер. Но сначала, следуя законам жанра, я решил с ней переспать. Согласилась она, как ни странно, очень быстро. Все произошло в дешевой гостинице… Потом была сауна, а дальше… Я снял ей квартиру в Питере, куда приезжал каждый день, вернее, каждую ночь после работы. Потом мы съездили с ней за границу. Там она рассказала мне о всех своих бывших мужчинах. В ее послужном списке я был девятым. Но женщину в ней, по ее словам, разбудил именно я. Я действительно старался: секс в туалете на работе, в туалетах аэропортов (она хотела в туалете авиалайнера, но я постеснялся), в кинотеатре на заднем ряду…

«Ты будешь верить своим бесстыжим глазам или моим честным словам?»

Потом она меня заразила нехорошей болезнью. Я не хотел этому верить, тем более что она клялась и божилась, что ни разу мне не изменяла. Врач подверг это высказывание серьезному сомнению.

Но я хотел верить девушке и верил. Потом мы уехали в Москву и стали жить вместе, хотя все мои друзья были в шоке и спрашивали, как я мог променять свою обалденную жену на

какую-то девку. Тем временем в карьере моей любовницы произошли изменения. Раньше она работала со мной, а теперь напарника ей сменили. И тут у руководства возникли сомнения в талантах девочки.

То есть я-то по-прежнему считал, что она звезда. А вот начальство думало иначе.

Когда она работала со мной, я был ведущим, а она ведомой, то есть легко заменяемой фигурой. Но, к сожалению, это стало окончательно ясно, только когда нас разделили. У них с новым партнером по работе постоянно были стычки из-за отсутствия профессионализма, вдруг обнаружившегося у моей протеже. Народ вокруг смеялся над этой ситуацией, а я переживал и пытался научить девочку уму-разуму. Но теперь она уже сама считала себя звездой и слушать никого не хотела.
В итоге с этим проектом ей пришлось распрощаться, а в другие тоже не взяли.

«Он то плакал, то смеялся, то щетинился как еж!..» – До меня постоянно доходили слухи о ее изменах и даже о том, что у нее есть постоянный любовник. Я не хотел этому верить и расставаться. Но было еще одно обстоятельство: ее постоянные беспричинные истерики и смены настроения, свидетелями которых становились как мои друзья, так и коллеги. Иногда она, шутя, говорила мне, что у нее маниакально-депрессивный психоз, и я думал, что это действительно шутка. Но потом вдруг понял, что живу с тяжелобольным человеком. Тогда и предложил расстаться. Она в слезы. Вышло довольно натурально. Меня опять «развели». Через некоторое время ситуация повторилась, и я указал ей на дверь. Она не уходила, мотивируя тем, что ей не на что снять квартиру. Хотя я точно знал, что у нее есть около десяти тысяч долларов. Но я все же дал ей денег заплатить за первый месяц. Но она все равно не уходила. Когда я получил подтверждение своим смутным догадкам о ее любовниках, я перестал заниматься с ней любовью, а через некоторое время и разговаривать. Она ушла спать в другую комнату, чего до этого ни разу в жизни не было, а через день я уехал на гастроли. Вернувшись домой, я увидел собранные чемоданы, сумки и пошел на работу… Встретились мы уже в присутствии милиции.

P. S. Я вернулся к жене. Эта святая женщина все поняла и простила. Я купил ей дом, на сей раз в Москве, на Рублевке. К сожалению, ввиду ограниченности в средствах, в кредит на десять лет. Ребенок пойдет учиться в московскую школу. Я понял – что любовь – это когда простая лягушка кажется тебе царевной. Но не это самое страшное. Самое обидное, что я все-таки ее любил.

Такой слезливый финал мне нравился: она должна понять,

какое сокровище потеряла! Расставаться с мерзавцами ведь не жалко, а я вон какой! Кстати, к утру, когда мы с журналюгой закончили это эпическое творение, я был необычайно бодр. Лучшего способа избавиться от влюбленности у меня еще не было. Журналистка, правда, засыпала и пыталась вздремнуть, сидя прямо на полу и прижавшись к батарее.

– Здорово получилось, да? Скажи! – Я, видимо, был перевозбужден. И перечитывал все снова и снова.

– Я не понимаю, ты хочешь, чтобы это было напечатано или нет? – вяло реагировала та.

Я уже не знал, хочу – не хочу. Самое главное ведь уже случилось: мне стало намного легче. Отпустило! И пусть Киска меня обворовала, и немало позора принесло это общение с представителями правопорядка (хотя они явно получили удовольствие от того, что хоть какой-то прошмандовке жизнь прижала хвост), но теперь она была у меня в руках. Ее карьера, которую я сам – как влюбленный идиот – строил, могла, благодаря мне же, полететь в тартарары.

Но все же сомнения остались. Статья могла сослужить как хорошую службу, так и плохую. С одной стороны, Киску, как воровку, точно бы выставили. С другой, это могло сделать ей рекламу. Какая-то там никому неизвестная девка сразу получала известность. «Ух ты, кинула самого Трахтенберга! А Ромка-то, хоть и кандидат наук, но ишак!!!» Пути шоу-бизнеса чрезвычайно неисповедимы.

Но, как ни крути, какую-то точку надо было в этом деле поставить.

Раунд третий

Не для себя же мы всю ночь сочиняли этот пасквиль. Тем более, вскоре оказалось, что так просто использовать в своих целях журналюг довольно трудно. Я понял, что теперь еще одна баба нудит над ухом и требует окончательного решения. И тут само провидение поворачивается против Киски – статью ждали, деньги приготовили. Но я уже все решил.

– Публиковать не будем.

– А как же мой гонорар? – возмутилась щелкоперка.

– Я тебе заплачу.

– Тогда плати вдвойне, – проскрипела вымогательница.

– Хорошо. Но тогда ты встретишься с Киской и дашь ей это прочесть! – созрело в моей голове решение. – Только не говори, что мы колеблемся, печатать или нет. Скажи просто, что тебе нужны ее комментарии по поводу всей этой истории.

– Да не нужны они мне, если ты не хочешь это печатать!

– Ну а ты встреться с ней в японском ресторане. Я все оплачу.

– В ресторане? – Настроение журналюги явно пошло на улучшение. Затея приобретала смысл. – Ну, если в ресторане, то встречусь.

И она начала звонить Киске.

Только что-то у них все не сраталось. То где-то задерживалась журналистка, то Киска с головой уходила в работу. Она, оставшись одна в съемной квартире, должна была шевелиться в поисках заработка и потому активно продвигала на работе «новые проекты» (тоже, впрочем, украденные у меня).

– А знаешь что, – предложил я работнику пера и топора по телефону. – Ты зайди в мой клуб, там есть один человек, который после нашего разрыва с Киской дружит с ней за моей спиной, и даже, по слухам, некоторое время с ней жил. Ты сделай вид, что зашла поесть, и «нечаянно» забудь на столе текст интервью.

– Ну ладно, – голосом перекормленного бегемота согласилась она.

И сделала все, как нужно.

Я уверен на все сто, что Киске «нечаянно утерянный текст» немедленно прочли по телефону. Однако она мне так и не отзвонилась!

Не знаю, то ли моя последняя фраза о том, что я ее любил, привела их к мысли, что я не стану делать такую подлость, то ли ей было плевать на репутацию.

«Лучшие друзья девушки – бриллианты, – усиленно напоминала мне воинствующая писака. – Вы, Роман Львович, может, не догадываетесь, но заработать на такие украшения одинокой девушке в Москве довольно трудно. Практически невозможно. Я не знаю ни одной бабы, которая выкупала бы репутацию бриллиантами. Вы размечтались. У б…ядей сдачи не бывает».

Словом, я понял, что ничего на этом не заработаю. Более того, эта история только добавляет материального ущерба. Но, впрочем, черт с ним – не жалко. Зато какая психотерапия, когда уверен, что не только ты сходил с ума, а заставил попсиховать и своего противника.

За все в этой жизни человек должен заплатить.

Раунд четвертый

…Мы, впрочем, все равно встретились с Киской. Примерно спустя полгода. Она позвонила, когда я ехал с чужого дня рождения, где работал и соответственно пил. Она начала наезжать на меня. Кричала в трубку, что у нее ничего в работе не получается, так как я ее постоянно обсираю и мешаю ей продвигать честно украденные у меня идеи. Видимо, алкоголь дал мне в голову, и я предложил встретиться и все это обсудить.

Она согласилась…

Киска за это время умудрилась сильно поправиться и определиться в своих желаниях. Понять, с кем можно просто бескорыстно развлекаться, а с кого можно за это сосать денег.

– Давай будем встречаться, если хочешь, – предложила она. – Только жить я буду у себя, а ты у себя.

Я прикинул, что при таком раскладе именно мне, видимо, придется оплачивать ее квартиру. Куда она будет приводить парней. Будет-будет. Иначе, скажите, зачем ей отдельная квартира?

– Нет, дорогая. Я так не встречаюсь с девушками. Или мы вместе живем, и ты больше ни с кем не спишь. Или – извини.

Предложение заставило ее глубоко задуматься. Такая жизнь рушила ее планы: а где и когда ей встречаться с режиссерами? Где будет тот «диванчик, на котором распределяются роли»?

– Я одна. Мне никто не нужен. Это ты потаскун, а я просто хочу спокойно, как овощ, жить одна и ждать прекрасного принца.

– А может, ты замуж за меня хочешь? – догадался я. – Давай поженимся.

– Хорошо, – заявила Киска. Поверила! Обалдеть. – Только ты мне за это купишь двухкомнатную квартиру на Чистых прудах и машину.

– Хорошо. Поженимся, и я тебе потом куплю.

– Нет! Сначала квартира – потом женитьба.

– Идет. Только заключим брачный контракт: прожили совместно пять лет – квартира твоя.

– Пять? Нет, это много. Два года! Я тогда еще по-прежнему буду молода.

– Молода?! Ты уже и сейчас не молодуха…

– Пошел вон! Захочешь жениться – сделай предложение красиво: цветы, дорогой подарок…

Наутро, пораскинув мозгами, я решил, что дальше игру продолжать не стоит, – я ее разоблачил и, так как всегда во всем был честен, позвонил ей и послал ее подальше.

Дальше была поездка в Санкт-Петербург к жене… Надо заметить, что с момента исчезновения Киски из моей жизни я все пытался вернуться назад к родной семье. И даже в статье написал, что жена простила меня, но это прощение все еще было очень зыбким. Она колебалась. А тут и вовсе со мной почти перестали разговаривать. Путем нечеловеческих усилий я выяснил, что Киска – этот «Кот ученый» – позвонила ей и сообщила, что я приходил свататься и предлагал золотые горы, но она, как честная, молодая и красивая девушка, не могла выйти замуж без любви и отказала.

Рассказав об этом, жена добавила от себя, что я гнида и предатель.

Безусловно, в кошачьем переложении я таким и являлся. Но теперь у меня в голове застряла мысль о том, что Киска хочет отрезать мне пути к отступлению и вернуть к себе.

Последний раунд

Я звоню Киске и сообщаю ей, что все, что у меня было, оставил жене и сейчас абсолютно без денег (что, кстати, абсолютная правда), и поэтому уже просто НЕ МОГУ купить ей ни квартиру, ни машину. Она гробовым голосом отвечает, что все как всегда: «одним все, а другим ничего». Затем очень долго несет какую-то пургу об угнетавшей ее со мной бытовухе, о том, что она молодая и красивая девушка и ей хочется тусоваться, а не готовить обеды, о том, что у нас разные интересы, о том, что я гондон, а она граф Монте-Кристо, и в очередной раз предлагает просто встречаться.

Итак: круг замкнулся. Сомнений не осталось. Актриска снова споткнулась – и зрители увидели ее без маски. Публика покинула зал.

Жене я отдал все, что у меня было. На эти деньги можно безбедно прожить до конца жизни. Я, конечно, очень надеялся и надеюсь, что она вернется ко мне и простит, и теперь, когда у нее нет от меня материальной зависимости, вернуть ее может только любовь.

Я остался один. Через неделю понял, что схожу с ума. Нужно было что-то делать. Я пошел лечиться к психотерапевту.

Теперь я практически здоров.

Рыба к пиву

Встречаются две проститутки.

У одной на шее черная бархатная ленточка.

Вторая интересуется:

– Что у тебя, траур какой-то?

– Нет! Это черный пояс по минету.

– Девчонки-и, – ору я, высунувшись из окна машины, везущей меня, вдрабадан пьяного, после программы – домой.

Две чудесницы, торгующие у дороги своими юными телами, немедленно семенят к тачке.

– Ну, кто из вас пойдет?

– Вообще-то, сейчас очередь моей подруги, – сообщает одна деловитым тоном, словно продает билеты на карусель. – Но она сегодня первый раз на улице и не очень знает – как. Это ничего?

В глубине души меня (и, видимо, даже моего водителя) пробивает на «хи-хи». Очень уж девочка напоминает дореволюционного приказчика, торгующего селедкой.

– Ну, не знаю даже, – невольно начинаешь ерничать. – Че, я учить, что ли, должен? Тогда уж залезайте обе в машину. Но плачу лишь одной.

Они соглашаются. Откуда такие наивные только взялись?

Та, у которой «наступила очередь», осторожно расстегивает молнию на моих джинсах и наклоняет голову. Подружка-наставница, сидя на первом сиденье, дает рекомендации: «Зубами там, смотри, осторожно».

– Ну что ты оттуда руководишь?! – сдерживая смех и получая удовольствие от бесплатного шоу, я начинаю командовать парадом. – У тебя подруга ни фига не умеет! Залезай сюда и помогай. Покажи ей, как надо.

Девчонка дает себя развести и перелезает к нам.

– Так, только сиденье там не запачкайте, – волнуется водитель.

– Да! Слышали, девчонки? – подзуживаю я. – Значит, глотаем.

– Хофофо! – с набитым ртом соглашается дебютантка и… проглатывает!

– ……Вот! Молодец. Сделала все правильно, проглотила, – едва продышавшись, сообщаю «новенькой».

– Что там? Ну, кто проглотил? – заинтересовывается водитель. – Ты? Не верю. Ну-ка покажи рот. Скажи а-а-а..

– А-а-а, – совершенно серьезно произносит девочка, не понимая, почему у двух взрослых людей это вызывает такие приступы плохо сдерживаемого смеха, что поневоле подумаешь, а в порядке ли они.

…И вот, получив деньги, жрицы продажной любви исчезают. Сервис. Быстро, дешево, удобно.

Хорошо, что есть продажная любовь! Она – отдых усталого странника, которому не хочется искать «порядочных женщин», потому что потом им же нужно давать свой номер телефона, а трубку может взять жена. Порядочных нужно куда-то выводить, опять же рискуя встретиться с кем-то из подруг жены. Короче, геморрой для всех самцов, кто, дожив до определенного возраста, уже понимает, что семья – это святое, и рушить ее из-за приглянувшейся девки совсем не стоит.

А тут раз – и готово. И никто не узнал.

Если бы продажной любви не было, ее точно стоило бы выдумать. Правда, на сегодня придумывать ничего не приходится. Ночные бабочки, расправив потрепанные крылышки, неизменно порхают по темным улицам: мерзнут в холод, мокнут в дождь, трепещат как перед бандитами, так и перед ментами. Помню, как две из них, наверное, по этой же причине, отказались садиться в машину.

– Тогда где? – спьяну не догнал я.

– Ну, если минет, сделаем на улице. Вот у того дерева.

Пришлось мне пьяненькому вылезти и, прислонившись к дереву, трясущимися руками расстегнуть ширинку. А они, встав натруженными коленками на траву, принялись за дело. Мимо, даже не притормаживая, проносились другие машины. А чего им тормозить: со стороны происходящее под этим баобабом, наверное, даже отдаленно не напоминало акт плотской любви. Скорее, как будто вышел человек из машины быстренько облегчиться. Раз-два и…

Ну, готово?

Забавно нетрезвому самцу смотреть сверху на две белые мордочки, трудящиеся над его организмом. Более того, это зрелище вызывает скорее философские мысли, нежели эротические. Вот какую замечательную работу нашли! Девчонки, а че, другой не было? Вы бы хоть попробовали, может, у вас бы получилось. Но… бабочек эти мысли как будто и не посещают. Встали, отряхнули пыль с колен, губки вафельные утерли, получили зарплату, сказали спасибо и снова шагом марш – на боевой пост.

…С продажной любви – этого эротического фастфуда, быстрого и самого честного – началась моя сексуальная жизнь и,

может быть, ею и закончится? Жизнь развивается по спирали. Ты возвращаешься к тому, что когда-то уже проходил. И удивляешься сам себе. Ведь однажды уже так было, и однажды оно тебе жутко надоело: каждый день какие-то разные лица, которые даже не запоминаются; чужие бабы, холодные голоса, равнодушные вопросы: «Ну, ты все? Я могу быть свободна?» Все это приелось, и захотелось постоянства. Найти одну девочку, преданную, чистую душой. Нашел. И понял, что прав был тот, кто сказал: «Будьте осторожны в своих желаниях. Вдруг они исполнятся». Появление «постоянной» разрушило мою семью и чуть не сломало мою жизнь. Я едва удержался на плаву. Все потому, что поверил бабе. Я был обманут за то, что сам хотел быть обманутым.

Сейчас я думаю, а пусть лучше будут такие, что стоят на улицах. Они же честнее. Это постоянные всегда врут. Только в самом начале отношений любовница довольствуется второй ролью. А потом – нет. Может, ты, по большому счету, и не нужен ей в качестве мужа, но она все равно стремится разрушить твой брак. Для нее это, если можно так выразиться, дело чести.

Вот в чем разница между мужчиной и женщиной? Самец хочет от многих самок одного. А человечица хочет многого, но от одного мужчины. И вступать опять в эту игру с очередной бабенкой мне чего-то неохота. Жопой чую – придется снова применять все свое умение, чтобы противостоять ее интригам. Я начинаю понимать, что «не стоит плыть против течения в мутной реке». Смешно, но таким определением можно охарактеризовать роман с «порядочной женщиной».

И уж лучше другие порядочные. Те, у которые все по порядку: сегодня один, завтра другой… И за деньги. Они не засирают тебе мозги словами о любви, не звонят твоей жене и не мотают ей нервы. И обходятся они значительно дешевле, чем та «чистая душа», которая «искренне и бескорыстно тебя любит». Я бы даже не считал общение с ними за измену жене. Проститутки сейчас прочно укрепились в нашей жизни. Их на каждой гулянке подают, как рыбу к пиву. Ну скажите, как может мужчина продолжить победоносно начавшийся вечер без девок? (Прошу заметить, «продолжить» – это общепринятая тенденция, а не только моя.)

Общение с проститутками началось в моей жизни давно, еще в Питере. И я решил посвятить им отдельную главу, как бабам, имеющим место быть в жизни практически любого самца. Иногда чаще, иногда реже. Многим даже неинтересно будет читать о проститутках, они и так уже видят их насквозь. Но начинающим стоит подготовиться к встрече с этими примитивными существами и не удивляться тому, что они ленивы, не чисты на руку, и быть готовыми к бою…

Тут, знаете ли, тоже вечный бой – «Плейбой» нам только снится.

– Рома, а поехали куролесить и бедокурить! – Стоило порой закончиться программе, как возле меня нередко оказывался кто-нибудь из загулявших посетителей клуба, многие из которых плавно превратились в завсегдатаев.

Почему бы не поехать? Тем более что я и сам все равно собирался кого-нибудь, быстренько… на полшишечки.

И мы отправлялись в баню.

Практически всегда, только переступив порог элитной сауны, тут же вызывали «плавсостав». Эта женская сборная по заплыву с вениками в джакузи имеет богатый опыт «общения» и оценивает физическое состояние клиентов с первого взгляда. И поэтому, когда мы однажды очень нетрезвой компанией заявились в баньку, девчонки моментально лениво и неторопливо пошли париться.

А компания не менее фригидно полезла вынимать из карманов травку.

– Я не курю! – сразу сообщил я. Мой организм, измученный нарзаном, громогласно изрекает – нет наркотикам. Очень меня с них сажает на измену.

– Как знаешь, – сказали ребята и ушли… в небытие.

Они ведь начали жрать пойло еще до прихода в

клуб, усугубили на программе и расклеились окончательно в сауне. А мне-то что делать? Я еще почти что трезв – перед программой не пью, – и душа у меня только-только начала радоваться празднику.

– Мужики, – бесполезно пытался я растрясти студенисто-похрапывающие тела. – А веселиться как же? Ну, братья, у нас же еще сестры есть.

– Что? – прервав храп, поднимал голову один из бандерлогов.

– Что-что? Бабы еще не использованы!

– Да? Ну их… с ними!

– Нет, но вы же заплатили.

– Мы заплатили, а ты трахай, если хочешь.

Вообще-то семь баб – это перебор! Но поскольку заняться больше совершенно нечем, – да и собственно, кроме как на баб никуда и не тянет, – не пропадать же такому прекрасному вечеру. И я направил свои стопы в оранжерею к этим… фиалкам:

– Значит, так, собираемся и идем наверх в комнату отдыха!

– Кто именно? – потягиваясь, свысока поинтересовались они.

– Все!

– Ас кем туда идти?

– Со мной. С одним.

Они хмыкнули, несколько смутились, слегка удивились, но пошли. В комнате же столпились у матраса, не понимая – как?

А в голове моей родился хулиганский, но, по-моему, весьма комический сценарий. Ведь для чего нанимают проституток? Чтобы получить от них то, что не можешь получить ни от своей жены, ни от своей девушки. Мы платим проституткам именно за удовлетворение наших фантазий.

Для того чтобы ломаться, у нас уже есть жены, которые, впрочем, этими выкрутасами портят самцам жизнь и доводят семейный союз до логического развода. Существует даже такой старый анекдот. Ложатся супруги в постель.

Он: «Дорогая у меня к тебе три вопроса».

Она: «В жопу не дам!»

Он: «Тогда два».

Она: «И в рот не возьму!»

Он: «Тогда третий – на хрена ты мне такая нужна?!»

На хрена такая хрень – вопрос таки риторический. А вот на кой хрен такая пловчиха – вопрос конкретный.

…Пора вернуться в банно-прачечный комбинат. К семерым Белоснежкам.

Если кто думает, что я начал штамповать их по очереди, то жестоко ошибается. Это буднично. Все-таки я, как-никак, режиссер массовых праздников! И мною была выстроена гениальная круговая мизансцена: одна массирует мне левую руку, вторая – правую. Одна левую ногу, другая – правую. Пятая массирует голову. И еще две с разных сторон делают минет. По моему хлопку вся массовка перемещается против часовой стрелки.

И в этом пике моей режиссерской славы одна из них портит весь спектакль, заявляя, что ей противно участвовать «во всем этом жутком разврате».

– Вот как? Тогда деньги взад и мотай отсюда, – вежливо предлагаю ей.

И барышня снова с головой уходит в работу.

По большому счету понятно, зачем они нужны – эти ночные феи – мне или абстрактно-конкретному самцу: да просто расслабиться. Быть таким, какой ты есть. Потому что ты заплатил ей за время, и тебе до фонаря, что она думает о тебе и всех кобелях в частности. Это основное. Если же все происходит иначе – самец звереет.

…Когда я утром по телефону рассказывал одному из тех сломавшихся ребят, что было ночью, он дико хохотал. Ржал до тех пор, пока я не дошел до места, как одна чуть не отказалась.

– Надо было ей в морду дать! – решительно заявил он. – Эх,

боярин, мягкий ты с ними.

После этого я осознал, почему иногда бьют проституток.

В принципе по этой же причине часто достается и женщинам в семьях. В тот момент, когда она начинает вдруг корчить из себя оскорбленную клизму и «лезть в жопу», обычно и начинается скандал. Она скрипит: «Ах ты, сука, ты мне не купил… чего-то там!» Самец молчит. Она воет: «Всем все покупают, а я, как нищенка!» Самец звереет окончательно. Она рычит: «У всех мужья, как мужья, а у меня жук навозный!» Самец делает стойку и, роняя пену изо рта, бросается на неприятеля. Такая дружеская перебранка нередко заканчивается тем, что самку просто выставляют из дома с чемоданами. Пусть качает права в другом месте.

Это, заметьте, с супружницей. Но когда залупается проститутка, это вызывает еще большее возмущение! Справедливый гнев. Ведь это просто беспредел какой-то. Взяв деньги, она заключила сделку на выполнение эротических работ. И это не только с мужской точки зрения, а и с общечеловеческой. А теперь, представьте, проститутка делает минет и говорит: «Мне так не нравятся мужики с животами! Ну просто кошмар!.. А это что – волос в рот попал? Ой, ну это просто ужас!»

Также, наверное, дико услышать: «У меня устали губки».

Это бред. Это все равно, что я бы, стоя на сцене, сказал: «Что-то затрахался выступать тут перед вами! Зрители вы фиговые, напились и шуток моих не догоняете. Пойду отсюда, выпью, поем в каком-нибудь приличном месте». – «А кто будет вести концерт?» – «А меня волнует, что ли. Я устал. Сами ведите».

Такое нельзя даже представить! Ты получил бабосы и будешь за них ишачить. И окончанием твоей работы может быть только знак от главного: «Роман, спасибо. Вы можете быть свободны». Или: «Присаживайтесь к нам, давайте с вами выпьем, закусим…»

Не только я и все работающие, но даже и чего-то зарабатывающие самцы знают: НЕЛЬЗЯ нарушать условия трудового ДОГОВОРА. И точно с таким же подходом они нанимают девочек в сауну. Главное для девочек – создать обстановку добрососедского взаимопонимания. И черт с ними, если не умеют трахаться на потолке, – переживем. Гораздо хуже, если, взяв деньги, тут же хотят показать, что они совсем не такие. «Просто такова ее судьба-судьбинушка, спать с теми, кто ей не нравится. Ведь если бы не нужда-нуждинушка, то с таким боровом, как ты, она бы даже срать рядом не села». Выслушав эту эсхатологическую манифестацию, самец опять начинает бить копытом и рычать: «Ты, толстожопая, вставай раком – я буду на тебе кататься как на телеге! Вы две, вислогрудые, – будете

лошадьми. Вперед! Только вперед, и ржать, как лошади!»

Хамство никогда не рождается в голове самца моментально. По крайней мере я таких отмороженных не видел. Обычно так себя начинают вести в ответ на хамство со стороны кобылицы.

«Я, бляди, к вам относился, как к людям! Предложил поесть, выпить, покурить! – мысленно ругается самец. – Я хотел меда, а вы мне – дегтя. Мне хотелось ложечку божественной амброзии, а вы мне – лошадиного говна на лопате».

Проститутки не любят работать и предпочитают тянуть время: посидеть, покурить, поболтать, музычку пошлюхать. Может, конечно, ей и вправду интересно с тобой поболтать, но почему бы этим не заняться в свободное от службы время? К тому же ты чаще видишь, что эти б…яди-собеседницы хотят отделаться малой кровью. А потом еще нагло заявляют, что уже пора идти, но если ты, конечно, хочешь продолжения – плати еще. Один мой приятель в похожей ситуации поступил довольно изобретательно. Прошмандовочки пришли и стали тянуть времечко: покурили, выпили, попели караоке, потом еще пару песен и еще покурили. Парень нервничал, вздыхал, очень хотелось, понимаете ли, трахнуться. Но он же не насильник. Он же джентльмен. Он же только говорил: «Ну, может, пойдем уже?» – «Сейчас-сейчас, еще пару песен». За десять минут до финала одна сказала: «Ну ладно! Пошли».

– Хорошо, – ответил он и посмотрел на часы. – Время пошло.

Девочки открыли рты.

– А как вы хотели, нах? Вы че, бля, наколоть меня собрались? Вас, кривосики, нанимали трахаться, а не песни горланить.

В провинции же у проституток свои причуды, свой колорит и свое странное понятие о нравственности. Бывает часто так: два мужика снимают двух баб. Потом говорят, а давайте, девчонки, меняться.

– Нет, мы не меняемся, – строго насупив густо накрашенные брови, бросают они.

– Почему?

– По кочану. Один с одной, другой с другой.

– А какая ВАМ теперь-то разница?

– Нет, мы не такие.

– Но объясните, почему?!

И это четкая упертая провинциально-проститутская позиция.

…Я слышал только об одной проститутке, которая не дала, и которой ничего за это не было, и у которой была веская причина – не дать. Но эта история запомнится всем ее участникам надолго. В начале лета вчерашние школьники, дети богатых родителей (один из родителей – мой приятель), в честь

окончания школы устроили мальчишник. Папы (скрытно от мам) оплатили им пьянку, включая и девочек, которых пацаны просто вызвонили по объявлению. Прикол был в том, что одна из приехавших оказалась… их школьной учительницей. Всего неделю назад они сдавали ей выпускные экзамены. «Ни фига себе! Вот это настоящий подарок на окончание школы!» – как щенки радостно прыгали они.

– Мальчики! – строго заявила учительница. – Даже не рассчитывайте!

– Ну как же, как же, «Марьванна», ну давайте, а?!

– Нет! Дети! Даже не уговаривайте! – сказала, как отрезала.

И с этим пришлось смириться. Позиция правильная, хотя и непонятно, почему с такими моральными принципами пошла в этакий бизнес. Но дети разобрались с ситуацией. Ее не тронули. Посадили за стол, поговорили о будущих экзаменах в институт. Когда еще можно в непринужденной обстановке побеседовать с учителем?!

Что обидно, так это то, как бывает стыдно самим самцам, если их вынуждают на хамство. А как же промолчать в ответ на: «Да что вы себе позволяете. Как вам не стыдно. Да это хрязно. Да мы у себя в Кривом Рохе такого не видели…» То есть за твои деньги тебя же и поносят. Поэтому, когда один раз проститутки сперли у меня пять тысяч долларов из кармана, я их простил.

Посчитал, что это моя заслуженная кара. За хамство. За издевательство над женщиной. За растаптывание святых идеалов.

А проституток тех снял тогда на Тверской. Я, вообще, их раньше всегда там снимал. Все приезжие в Москве только эту улицу и знают. И я, гастролируя в Москве, сразу ехал на знаменитую панель. Покупал двух-трех наименее страшных и ехал к приятелю, который жил в шикарной квартире и именно там устраивал свои оргии.

Деньги, конечно, были украдены, но где было искать тех бабцов? Неизвестно. А жене ничего не объяснишь, она ждала меня с капустой. Деньги тогда были очень нужны. Поэтому с утра пришлось звонить людям, которые заказывали работу. Предлагали записать для них в студии шестьсот анекдотов и обещали заплатить по факту. Позвонил им в семь утра, сказал, что готов работать. Они опешили от столь раннего звонка, но согласились. Приехал к девяти, сожрав по пути пачку цитрамона. В тот день совершил вселенский рекорд, просидев в студии, не вылезая, семь с половиной часов, что невозможно в принципе. Но даже сейчас, слушая эту запись, удивляюсь тому, какая она бодрая и веселая. Откуда только силы взялись?

Домой приехал с деньгами.

С тех пор в этом плане стал ученый. Воистину, пока не обожжешься, ничему не научишься. Когда тебя первый раз обворовывает проститутка – ты не веришь в случившееся. «Как же это может быть, она ведь смотрела такими честными глазами». Поверить в это невозможно, как невозможно в первый раз поверить, что у тебя угнали машину. Смотришь в окно – ее нет. И думаешь, да нет же, наверное, вчера по пьяни поставил ее в другом месте. Идешь туда, потом обходишь вокруг дома. Машины нигде нет. Думаешь, может, ты вчера оставил ее возле клуба. Едешь туда. И там ее нет. А потом удивленные менты спрашивают, почему сразу же не позвонил им. Было бы больше шансов. А ты отвечаешь, что искал ее по всем углам.

Так и с проститутками. Впрочем, я не мог поверить в воровство и во второй раз. Произошло это, когда пил с приятелями, частыми посетителями моего клуба. Мы отдыхали в сауне, сняв целую толпу теток. Тетки вскоре, отработав, разбежались, осталась лишь одна. Она дремала на диване. А я сунулся в карман: «Черт, денег нет!» Вся компания посмотрела в сторону спящей девушки. Наверное, она не спала. Спящие люди ни с того ни с сего так не бледнеют.

– Сейчас мы кого-то начнем п…ть! – задумчиво произнес один из них.

– Да погодите, мужики, – я остановил их. – Может, они из кармана выпали.

– Ну да. В чужой карман.

– Но девушка же не выходила никуда из комнаты.

– Все равно будем! – легко парировали они.

Слава Богу, никого не били. Одной этой весомой фразы было вполне достаточно. Девчушка, под предлогом того, что ей надо в туалет, свинтила в ванную и засунула деньги, которые до этого прятала в трусах до удобного момента, под ковер… И жизнь еще раз показала мне необходимость быть осторожным.

Но как бы там ни было, ни украденные деньги, ни испорченное проституткой настроение не идут ни в какое сравнение с теми суммами и теми нервотрепками, какие может обеспечить любимая. Нет уж! На фиг! Умерла так умерла!!!

Я вот проституток даже немного уважаю. Стырить деньги, находясь в такой теплой компании, это сколько надо смелости иметь. Ее же, наверное, инфаркт едва не накрыл. Я сам-то таких компаний опасаюсь. И в чем-то проститутки – честные люди. Они не врут, что любят тебя. Они отдают себе отчет, во что влезли, и открыто говорят: «Мы не хотим работать. Нам нравится трахаться и получать за это деньги. Вы нас считаете плохими, а мы считаем, что и вы не лучше. Только вы из себя что-то корчите. А мы

таковы, каковы есть, и больше некаковы.

Это с одной стороны, а с другой – если говорить откровенно, я бы каждой поставил клеймо на лоб и повесил жетон на шею. Потому что такая потертая жизнью красавица тоже ведь может притвориться валдайской целкой, захомутать мужика и женить на себе. А потом… Потом на вопрос друга: «Как же ты с ней?! Ее же имел весь Бердичев!» – придется отвечать: «Да был я в этом Бердичеве, так… Не очень-то большой городок». Мужик должен знать все о прошлом жены и быть ко всему готовым.

Вообще, пожалуй, в семейном законодательстве тоже нужно ввести Закон о потребителе, который действует в торговле. Чтобы мужчина – Покупатель – видел, что берет, и знал о скрытых дефектах товара. В противном случае у него должно быть право обратиться в суд. Пока что у нас по закону все наоборот: когда мужчина разводится с женщиной, ей достаются пятьдесят процентов его состояния, даже если у них нет детей, и даже – что самое поразительное! – если он внезапно узнал, что его супруга в годы своей лихой молодости отсосала целому взводу солдат, проходившему мимо того самого дерева у дороги!.. Тогда ему будет проще убить ее и сесть в тюрьму, чем стерпеть такой ход событий.

И поэтому приходится переживать за таких «круто попавших» самцов. За себя я, в принципе, спокоен: мне повезло встретить любимую, когда она была еще совсем юной и девственной. Но что делать тем, кому повезло меньше?

Даже не знаю.

Двадцать лет спустя

Студент спрашивает у профессора:

– Учитель, в вашей жизни все удалось, или что-то вы хотели бы изменить?

– Видите эти полки с книгами? Все их написал я… А когда мне было шестнадцать лет, я познакомился с чудесной девочкой, и мы пошли на сеновал. Но у нас ничего не получилось, мы все время проваливались в сено. Так вот, если бы взять десяток этих книг и положить ей тогда под попку…

На днях звонит мобильный, и в трубке щебечет невинный женский голосок: «Рома, как дела?»

Пытаюсь изо всех сил сообразить, кто это? Ну, вы сами представьте, сколько баб может позвонить?!

– Дела, да в общем, ничего. А у тебя?

– Тоже. Хотела с тобой встретиться. Может, пересечемся где-нибудь?

– Давай.

Интересно, кто же это? Минуту торможу, но голосок уже сам решил представиться. Оказывается, это моя бывшая танцовщица Срака. Та самая, что признавалась мне в любви и тут же ехала трахаться за деньги. А впрочем, давно это было. А раз она звонит, то чего ж не встретиться? Всегда любопытно пообщаться с человеком, которого не видел столько времени… целых шесть лет!

Правда, встреча все откладывалась. Срака не успевала поймать момент, когда я приезжаю в Питер. Или не спешила ловить. Разве ее разберешь.

– А может, я приеду к тебе в Москву? Я все равно собиралась туда на денек, – как-то по телефону спросила она.

– Приезжай, я сейчас один… Если ты на денек.

Следующий звонок от нее раздался в шесть утра:

«Запиши номер поезда и вагон, – перекрикивая стук колес, кричала Срака. – Я через час в Москве». – «Запиши адрес, сама доберешься».

Неужели я бы поперся ее встречать?! С ума сошла. И

продиктовав ей адрес, снова уснул до следующего звонка – уже в дверь. Открыл и… оторопел. Куколка заявилась с огромным чемоданом!

– Ты же сказала, что всего на денек.

– Да… Ну или на два. Какая разница, знаешь (тут Срака выдала что-то невиданное), самое главное – мы снова вместе.

«Мы?!» – В полном недоумении я задумался над этим «мы». То есть я плюс девица, которая шесть лет никак не давала о себе знать и совсем не интересовалась мною, да на которую и мне было насрать. Вообще-то она говорила, что едет в Москву по своим делам, а не ради меня. «Мы снова вместе»…гм-мм???

А она уже проскользнула в дверь, ловко втянув за собой тяжеленный баул, и тут же стала снимать с себя зимнее пальтишко. Которое – Бог мой! – носила еще семь лет назад. Неужели за годы бл…ва ничего не нажила? Скорее, все профукала, будучи уверенной, что всегда найдет богатого лоха.

Ну, а мне, впрочем, в такую рань все равно не хотелось разбираться в подробностях чужой биографии, и я отправился досыпать. Нежданно свалившееся на мою голову сокровище приняло душ и тоже полезло под одеяло. Заметьте, не я это предложил….А бывшая танцовщица, между прочим, потяжелела. Ее роскошная жопа, и в годы юности своей хозяйки ведшая отдельное существование, нынче просто отвисла. На бедрах появились растяжки. Да, обратно на работу в танцовщицы ее уже и не позовешь. Только если переспать по старой памяти.

Проснулся я к обеду (которого, правда, так и не дождался) и отправился умываться. В ванной Срака уже по-хозяйски расставила свою дешевую косметику. Видимо, оглядевшись вокруг и поняв, что женщиной в доме (заметьте, не бедном) не пахнет, она решила, что и тут ей может подвернуться шанс – так зачем упускать. Правда, и от имеющихся у нее первоначальных планов она явно отказываться не собиралась. Пока я чистил зубы, ее мобильник звонил два раза. Она хватала его и выбегала в другую комнату пошептаться. Параллельно накрашивая мордашку, словно собиралась сегодня посетить конкурс красоты для отставных. Наконец, она закончила наряжаться и сказала, что «пойдет погулять по городу. Ей очень хочется Третьяковку посмотреть». Понимая и разделяя ее глубокую любовь к искусству, я все-таки решил расставить точки над і.

– Слушай, если у тебя в Москве мужик, но ты стесняешься заявиться к нему сразу с чемоданом, ты так и скажи. Я все равно тебе разрешу переночевать пару дней или оставить здесь вещи.

– Как ты можешь такое думать! Я же сказала, что просто давно хотела тебя увидеть, – воскликнула она. – Неужели я могу

так обманывать?

– Ты еще и не так можешь! – пришлось мне напомнить ей об этом.

– Рома, перестань. Я решила, что хочу быть только с тобой! Вспомни, какая у нас была любовь!

– Помню… Как ты наставила мне рога. А кстати, где тот наш общий друг – твой мужик?

– Ах… Ну, в общем, он давно в прошлом. Да и не было у меня с ним ничего. Он меня просто подвозил. А потом мы с ним просто жили четыре года. Я люблю тебя одного. Вот сейчас только схожу в… в Третьяковку. И вернусь!

Еще раз глянув в зеркало и поправив перышки, птичка вылетела в подъезд, где ее мобильный снова нетерпеливо зазвенел.

…Как вы уже, наверное, догадались, я в этот период жил один. Делать мне особо было нечего, а этот внезапный визит обещал некоторое разнообразие в жизни: лекарство от скуки. Интересно же посмотреть, как она на этот раз будет выкручиваться, когда ее поймают на двойной игре. Ну если она вдруг не врет – и правда пошла в Третьяковку, – тем более ужасно интересно посмотреть на такое невиданное чудо!

Раскаявшаяся грешница, кажется, такая, была в истории только одна, Мария Магдалина. Она была единственная – потому и прославилась! Народ просто обалдел. Кто в такое мог поверить?

…

Срака не стала потрясать человечество.

Так что чуда я не увидел. Нынче чудеса редки.

Девочка продержалась паинькой ровно день.

На второй день обнаружилось, что парень у нее в Москве все-таки есть. Правда, «он просто старинный друг и не более».

– Ага. А ему ты про меня то же самое говоришь? – поинтересовался я у Сраки, когда после секса валялся с ней в постели.

– Нет, Рома! Я же сказала тебе, что ты мне дороже всех, – она чмокнула меня и… снова засобиралась, видимо, в Пушкинский музей.

На третий день ее пребывания ко мне заехали старинные питерские друзья, и мы устроили пьянку. Махнув вискаря, Срака неожиданно раздухарилась. Слово за слово – она пообещала им, что немедленно станцует стриптиз: «Если вы мне заплатите». – «Как же это, ты приехала к Роме, клянешься ему в любви и уже готова раздеться перед нами?» – подкалывали они. Ведь у нормальных людей такое поведение ничего кроме недоумения не вызывает. «Только за деньги!» – Дурное создание еще считало

нужным это уточнить. Но, вскоре поняв, что компания просто издевается над ней, она устроила нам всем истерику. Оказалось, это мы все плохие и «совсем не так ее поняли», а она, может, вообще всегда любила только меня…

Правда, на следующий вечер она снова улизнула из дома и на этот раз… гуляла до упора. Мне самому пришлось собрать в чемодан все ее вещички, чтобы сразу выдать их ей, как только она появится. В половине восьмого утра, осторожно открыв дверь ключом, который я сам ей дал… получила от меня чемодан в руки.

А на что еще она рассчитывала?!

Ситуация дошла до полного абсурда. До настоящего кретинизма. Жить у меня. Крутить мозги и мне, и своему парню, который наверняка уверен, что мы с ней «только друзья» (для убедительности она могла наплести, что я живу с бабой), а к друзьям все равно, во сколько возвращаться. Ночью, утром…

В общем-то я сам дал этой ситуации дойти до предела. До маразма. Интересно же посмотреть, как себя будет вести охотница за двумя зайцами. Ведь должен наступить момент, когда надо выбрать, – ну ведь не разорвешься же! Ан нет.

Конечно, нормальный человек сразу бы ее выставил. Но я тогда уже работал над этим трактатом, увлекся, и мне было любопытно, что будет, если дать такой вот волю? Так что не судите строго – это был просто творческий эксперимент.

Поэкспериментировал.

Мои питерские друзья, наблюдавшие за этой удивительной картиной, поспорили со мной, что точно так же через шесть лет в моей квартире с чемоданчиком поношенных вещей, купленных еще мною, нарисуется Киска. С парой золотых колечек, уцелевших из той бездны, что пропала в ломбардах. Театрально заломит руки и воскликнет, что любила только меня! Все остальное, ах, было горькой ошибкой!

Что в переводе означает: «не нашла другого лоха, а сама ничего не умеет».

Кто-нибудь сердобольный сейчас скажет, а может, она и вправду раскаялась. Обожглась, получила возможность сравнить самцов, оценить, прозрела, поняла, что была не права, и, может, стоит ее вернуть назад? За одного битого двух небитых дают.

Хотят люди верить в чудеса.

Но в случае с бл…ми чудеса не происходят.

Они не знают любви.

А может, это тенденция, и девочки, не зная любви, могут только выгадывать: «На красное или на черное?» А может выпасть и зеро.

Срака однажды уже ошиблась. Между мною и постоянным гостем клуба выбрала последнего. Он торговал подержанными машинами и был в шоколаде. До того как не грянул кризис. Ее, наверное, ошарашил этот момент. А у меня все тогда было в относительном порядке. Как мне говорил один мой знакомый азербайджанец: «Ромочка, помни, люди всегда будут пить, курить и трахаться». Я бы добавил к этому: «И веселиться». А раз будут, значит, будет нужен такой человек, как я.

Стриптизерка все это просчитать не в силах. Но она прикидывает другое: разглядывая себя в зеркало, думает – я еще не стара, даже, напротив, молода и красива. Может, еще реально все вернуть?

И она будет узнавать о тебе. Будет ловить момент, когда все у тебя плохо. В личной жизни, разумеется. Чтобы эффектно появиться в это время, утешить и привнести в твою жизнь необыкновенную радость. Разумеется, если она услышит, что у тебя плохо с деньгами, она не появится никогда.

Я не хочу говорить, что это свойственно только танцовщицам стриптиза. Эти сомнения – а на какую лошадь ставить – свойственны очень многим женщинам. Просто, чем больше «лошадок», тем труднее выбор, тем выше требования. Стриптизерка выбирает из пяти тысяч, а обычная баба – только из пяти.

Но меня уже тошнит.

…И на работе каждый день одно и то же. Приходят мужики, напиваются, и то там, то сям звучит банальная фраза насчет продолжения банкета. «Девчонки, а может, и вы с нами?» Могут и согласиться. Нередко после прекрасно проведенной ночи им предлагают встречаться и дальше, а то и жить вместе. Так нет же. Заходишь в гримерку, а там обсуждение. Этот лысый, второй толстый, третий, хоть богатый, но жадный.

– Хорош гнать! – вмешиваюсь я. – Жадный, значит, все в семье будет оставаться. Не будет по клубам прожирать. Свободный мужик, забирай.

– Ой, Рома, да ладно. Последний день живем, что ли? – сообщают они и выглядывают в щелочку из-за кулис, кто же сегодня там в зале. А ну как там принц забрел на огонек? Абсентику глотнуть.

Они надеются, что появление принца будет ясно как день. «Принц был молод, но статью своею и мелодикой трепетной речи поразил всех собравшихся в зале гостей, как во тьме появление свечи…»

Сказка, е-мое. А впрочем, и сказок они не читали. В сказках настоящие принцы всегда скрываются за образом Шрека. А

девочки все ждут, ищут, не могут разглядеть, не могут поверить. Даже живя с принцем, косятся на других. И кажется им – ах, еще не все потеряно. Кто-то поманит, и она тут же сделает рывок. И в этом случае потеряет все. Ее выставят. Принц тоже не дурак, он видит, что лягушка снова собралась на болото – женихов ловить. А с ним она просто… место застолбила.

«Мурка задумчиво в небо глядит: может быть, там колбаса пролетит; мысль, что бывают еще чудеса, даже приятнее, чем колбаса».

А че я все о них, да о них?

Много еще есть, чего вспомнить.

…Время в книге идет быстрее, чем в жизни. И с момента, описанного в первой главе, когда я подростком мечтал подсмотреть, что там скрывается у девчонок в трусах, прошло больше двадцати лет. Целая жизнь. А выводы? А на фиг мне их делать, пусть их делает жизнь. Она сама все расставляет по местам. И я тут не режиссер. Так – рядовой зритель, даже не из первых рядов. Сижу, курю, смотрю, что происходит с людьми, которых когда-то знал.

…Вот года три назад нарисовалась Анна Сергеевна. Та самая красивая дылда, врачиха, которая убегала от меня по шкафам и не давалась без боя. Рассказала жуткую историю своей жизни. Живет в северном городе, была замужем, развелась, остался ребенок. Она еще молода, какие-то тридцать четыре, а мужика не найти. Даже для секса.

– Как это?! – опешил я, вспоминая, как бились к ней в дверь ухажеры. Видная девочка была, образование хорошее… Кстати, и сейчас она ничего.

– Да так, – ответила А. С., – зарплата мизерная. А чтобы познакомиться с мужчиной, нужно пойти в ресторан. Это значит, сесть за столик, что-то заказать. Тут на колготки-то не хватает. В клубах, конечно, заказывать не обязательно, но там за вход надо платить.

Я был потрясен, потому что даже и не был знаком с такой стороной жизни провинциальной женщины. За что судьба задвинула ее в такую жопу? И почему так быстро промчался ее бабский век?.. Пару раз в год она позволяет себе оттянуться. Приехать в Питер к подруге, вместе с ней пройтись по Невскому, поснимать мужиков. В больших городах типа Питера и Москвы хотя бы улицы есть, где знакомиться можно. А в маленьких – на улицах не принято. Если только ты не школьница-студентка.

…Где-то год назад приезжал Артур. Живет по-прежнему с той же самой супругой в ее родном, тоже провинциальном городе. Работает… разнорабочим на стройке. Мы с ним решили

вспомнить молодость, сыграть и спеть на улице, в переходе. Понять, не потеряли ли мы в мастерстве, соберем ли снова толпу и деньги. Говорят же, что вор-карманник должен раз в год обязательно выходить на улицу подтверждать профессионализм. Так и артисты должны проверить, смогут ли они собрать публику прямо на улице. Там сложнее, чем на концерте, где зрители уже привязаны к креслам платой за билет.

Вышли. Я оторопел: на нас налетели гоблины, подземные жители. Конченые наркоманы с вакуумом в глазах, сквозь которые видна задняя стенка черепной коробки. Я и не знал, что их так много. «Рома, Рома! Привет! Расскажи анекдот!» Нам набросали мелочи, решили, мы прикалываемся… Пока мы так работали, я увидел, что Артур остался на том же уровне, что и десять лет назад. Он совсем творчески не вырос со времен студенчества. Так же, как и десять лет назад, нажрался. Так же у него лопнула струна. Точно так же, как и раньше, не было запасной…

Черт, мы в свое время перестали работать вместе из-за его пьянства. Я злился на него и даже больше на его суженую. Возможно, другая баба сделала бы из него человека. Не давала бы ему пить или еще что-то делала. Может, и подтолкнула бы его к каким-то действиям. В какой-нибудь момент взяла бы и заявила: «Достал ты меня своими песнями. Пятнадцать лет поешь одно и то же. Возьми напиши еще что-нибудь!» Но она сидела, подтирала говно и восхищенно лепетала: «Сыграй еще, мне так нравится, как ты поешь…»

Ее жертвенная всепрощающая любовь закончилась очень печально. Он пятнадцать лет фигачит одно и то же. Потому обречен на нищее существование. Но все равно уверен, что «самый лучший», что «солнце».

Разве такой судьбы он был достоин?! Быть разнорабочим и получать полторы тысячи рублей в месяц?!

Хорошо, конечно, когда баба любит тебя таким, какой ты есть; хорошо, когда верна тебе. Вот только одной верности недостаточно, чтобы самец мог состояться как мужчина. Для семейного очага, конечно, достаточно, а вот для жизни, если ты хочешь двигаться по ней вперед и с песней, – нет.

Но это не вина бабы, что ОНА ТАКАЯ. Она, сама по себе, все равно не может испортить жизнь самцу. Она может только помочь ему пройти ЕГО путь, но сама не может пройти эту дорогу вместо него.

Это, знаете, как палка, которая валяется на дороге. Ты можешь проехать на машине так, что она пробьет колесо. Но та же самая палка, если идешь с ней по болоту, может спасти тебе

жизнь. Есть мультик про ежика. Он нашел палку и понял, что она может быть и черпалкой, и копалкой, и в драке отбивалкой и т. д. Потом он ее выбросил. А наблюдавший за ним заяц офигел: «Ты чего?! Это же такой ценный предмет». – «Да чего там, палка она и есть палка. Все самое главное – у нас в голове».

Философия: сама по себе вещь бесполезна, нужна еще соображалка, как ее использовать.

Женщина может быть опорой.

Моя жена была. И она пожертвовала собой, чтобы мне помочь. Именно поэтому я оставил ей все. И квартиры, и деньги. Она реально поставила на себе крест, хотя была самой лучшей актрисой на курсе.

Но бывают такие слабые палочки, что, когда опираешься на нее в трудный момент, она ломается.

А бывают еще шикарные трости из слоновой кости, которые являются просто сувениром. На такую нельзя опираться, ее можно держать в руке и всем показывать. Все будут говорить: ах, какая трость. Чудесно, пока тебе не нужна будет опора.

Но мозгом должен быть мужчина. А женщина пусть будет черепом.

Мужчина – мясом, а женщина – приправой.

Есть такое грузинское блюдо – бараньи котлеты на косточке. Их готовят в виноградном соусе. Он кисловато-сладковатый. Вкус мяса от него становится совершенно другой. И это очень интересные ощущения. Гурманское сравнение, но я именно этого жду от женщины. Чтобы она придала моей жизни новый вкус. Вроде жизнь-то та же самая, а все чуть иначе и вкуснее.

А вот Киска была как Анна на шее. Повисла, и ты отстаешь за жизнью. Все идут вперед. А ты занят только ею, тратишь на нее время и энергию, сама она не может ничего делать; требует от других повышенного внимания. С такими бабами остаешься на том же уровне, а то и тормозишь.

У кого-то потерянное время. У кого-то потерянные жизни.

Я вот, например, ничего не знаю о том талантливом прыщавом мальчике из Казахстана, которого женила на себе «прекрасная» бурятка. Знаю только, что он не стал известным артистом, – ну раз он не на виду. У них уже в двадцать лет было двое детей, а это большой камень на шее! Может, у него хватило сил пробиться, и он стал хотя бы состоятельным человеком? Хотя это мало кому удалось из моих знакомых.

Зато эта… получила то, что хотела, – мужа.

…Все-таки мне повезло, что я сам сделал свой выбор. Никто не хотел меня захомутать в студенческие годы так, что я бы сдал назад. Поэтому у меня вроде все получилось. Дом построил. Сына

родил. Дерево… посажу на днях. В чем смысл жизни и где истина?.. Я, конечно, могу и об этом поговорить. Но роман-то мой о бабах. Может, истина все-таки в том, что мне до сих пор интересно посмотреть, что там у «Наташки» в трусах.

Кажется, не только мне. Судя по обилию стриптиз-клубов, которые открывают мои ровесники (да я и сам тут приложился), это всем до сих пор интересно. Может, это вообще основной показатель того, что самец в нас еще жив. И именно так просто все и должно быть, и только мы что-то усложняем. Как в анекдоте.

И вопрошал Он у них: «Кто, говорите вы, есть я?»

И ответствовали они: «Ты – эсхатологическая манифестация, данный нам контекст нашей сущности…»

И вопрошал Он: «…Чего, бля?»

Послесловие И спасибо всем

И создал Бог женщину… Получилась зверушка хитрая, но забавная.

…Забыл!

Забыл, что в каждом приличном и практически автобиографическом романе надо сказать спасибо кому-нибудь из главных участников или всем им сразу.

…Но я все равно не знаю, кому ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС можно его сказать? Я ведь даже имена изменил или убрал потому, что многие из них, прочитав роман, решат, что я издеваюсь и что они «несчастные жертвы». И мало того, что я ляпнул лишнего, так еще и вывел их имя-фамилию в конце такого «гнуснейшего опуса». Да еще «спасибо» сказал, гад!.. А они точно сочтут его гнусным, потому что кто же любит правду?

И все-таки одной из них я могу сказать спасибо именно здесь и сейчас, а именно – Елене Черданцевой (имя настоящее – не измененное), журналисту, практически писателю и литературному редактору этого замечательного, на мой взгляд, творения. Его появлению на свет я во многом обязан именно ей (и представляю, как за это возненавидят ее многие из моих знакомых телок).

…Что должно отличать хорошего литературного редактора? Образование? Наверное, да. Но в случае со мной редактор должен отличаться редкостным чувством юмора и умением понимать то, что хочет сказать автор. А у женщин, как правило, нет ни чувств, ни юмора, нет даже понимания того, что им говорит умный мужчина. И только редкие особи умеют слушать, а Черданцева к ним относится. Более того, за время работы со мной она научилась схватывать на лету ход мыслей любого самца и просчитывать его на два хода вперед! Так, однажды, прихватив редакторшу с собой, я отправился в клуб, и там мне очень захотелось склеить одну из официанток. Я ведь сейчас мужчина холостой.

Обменявшись с девочкой телефонами, я вернулся за столик, где поедала халявный ужин сия гениальная литераторша.

– Ну? – поинтересовалась она.

– Завтра встречаемся! – гордясь собой, сообщил я.

Дожевав кусок кошерной свинины, запив едомое стаканчиком дорогущего, но тоже бесплатного пойла и еще раз бросив внимательный взгляд на мою официантку, она изрекла: «Значит,

завтра сводишь ее в какой-нибудь японский ресторан, где есть шведский стол? Подаришь ей цветы, переспишь пару раз, а потом скажешь, что к тебе возвращается бывшая любовница, и ты ни с кем кроме нее не будешь общаться? Так ты задумал?»

Попала в десятку. И японский конвейер (очень экономно), и цветы (бабы клюют на подарки), и дальнейшие отношения…

Но угадать!

А может… и хорошо, что эти особи, типа Черданцевой, слишком редки. Работать с ними, конечно, приятно. Спасибо им. И юмор они догоняют. Ответьте мне, что это будет за жизнь, если бабы будут просчитывать нас наперед? Эдак ведь и проживешь до могилы без греха.

Кошмар!!!!!!!!

Гастролер

Никогда не путайте интервью с исповедью.

Алла Борисовна Пугачева (Если верить народной молве)

Глава I

Однажды поздно вечером мне позвонил один мой старый знакомый по имени Витек и сообщил, что у него ко мне есть очень срочное и серьезное дело. Я машинально прикурил сигарету. В долг больше не даю, никуда сейчас не поеду, знакомить его ни с кем не хочу, халтур на ближайшую неделю достаточно.

– Ну?

– Могу устроить тебе такие гастроли, старик, что ты просто очумеешь, – в карьер по делу начал Витек. – Денег – просто немерено! Мои – пятьдесят процентов. Поверь, того стоит.

– Почему не восемьдесят? Или законных десяти от этого «немерена» на бизнес-ланч не хватает?

– Да, подожди ты – слушай. Тебя приглашает к себе король Нубии, чтобы ты выступил в его дворце. Ну, как?

– А… Нубии? – подыграл я. – Извини, не получится. Там жарко сейчас, да и у меня годовой эксклюзивный контракт с другим королем. Так что никак не могу.

– Я на полном серьезе! Он учился у нас в университете Патриса Лумумбы в одной группе с французским коммунистом Хасаном. Ты его не знаешь, но неважно. Хасан недавно у него по делам в гостях был и проездом обратно на пару дней здесь завис, чтобы тебя через меня найти. В общем, этот Нубийский кинг еще со студенческих времен анекдоты коллекционирует. Он о тебе очень наслышан и поэтому просто страшно хочет, чтобы ты к нему приехал. Гонорар обещает – сказочный!

Я, конечно, сразу не поверил, но вида не подал, решил дослушать эту сказку до конца. Не каждый день мне такую фигню рассказывают. Обычно все как-то прозаичнее – скромненько, а тут так смело, с размахом по-голливудски. Даже интересно стало в какой-то момент. Вскоре выяснилось, что приглашение передал сам король через Хасана на словах, и никакого официального письма нет. Предоплаты, естественно, тоже (королю, типа, все верят на слово), и, вообще, приехать мне надо самому и за свой счет.

– Здрасссьте, это я. Как тут к королю пройти? Мне, видите ли, трансфер, в смысле почетный эскорт до дворца, обещали потом хорошими деньгами компенсировать, – живо представил я себе картинку. Смешно.

– …Я бы оплатил тебе билет, как твой продюсер в этом деле, но с деньгами у меня сейчас туго. Большой проект раскручиваю с ОРТ, – продолжал он, – купишь сам, а потом вычтешь из моей

доли…

К этому моменту мой интерес уже пропал окончательно.

– Ладно. В общем, согласен, – подытожил разговор я, – устраивай все и звони. Кстати, пожалуй, отдам тебе шестьдесят процентов, учитывая международность гастролей и их важность в деле мира и сотрудничества для развивающихся стран. Пока.

«А было бы, наверное, все-таки здорово, если бы это было правдой. И дело тут даже не в деньгах. Хотя, и в них тоже…» – помню, подумал я, засыпая. Той ночью мне снились дворцы и пальмы, а также его величество король Нубии – такой типичный афро-африканец, нарядно прикинутый от Гуччи, Версаче и Рибока, самозабвенно рассказывающий своему народу с трибуны старые анекдоты.

* * *

Пару дней спустя меня пригласили поработать на одну частную вечеринку. Закончив программу, я вдруг внезапно ощутил практически непреодолимое желание пропустить рюмашку-другую и, озадаченный этой мыслью, буквально на секунду притормозил на выходе, уже практически в дверях. Обычно на работе я не пью, но на этот раз накатило что-то. В этот самый момент передо мной возникло грузное тело виновника торжества.

– Молодец! Спасибо тебе, – сказал он, – было круто! Особенно Николаича хорошо отстебал. Всем жутко понравилось. Его «племянница» чуть устрицей с хохоту не подавилась. Я так просто рыдал. Слушай, а ты как насчет задержаться немного, присоединиться к нашему празднику? Тут все интересуются. Уважь народ. Ну, а я со своей стороны поддержу эту инициативу денежной премией за сверхурочные, как говорится.

– Да чего-то я забодался сегодня… – неуверенно начал я.

– Во, погуляй, отдохни… Рюмку гостю! – радостно закричал он на весь зал.

Народ загудел, зашевелился и быстро организовал мне место во главе стола прямо рядом с именинником.

Я, как и положено, начал с тоста: «За то, чтобы коньяк, который мы пьем, был старше девушек, с которыми спим». Это помню отчетливо. Выпил – начало отпускать. Компания подобралась на удивление славная. Много и в тему шутили, шумели и веселились от души. Я был, естественно, в центре внимания и чувствовал себя с каждым тостом все лучше и лучше. Бывает так. Из меня просто сыпались анекдоты, афоризмы и

всякие прикольные и непристойные истории. Я вдохновенно играл, щедро орошая сюжеты яркими красками и обильно дополняя их тут же рожденными экспромтами. Мы, талантливые артисты, если честно, приврать очень горазды. А под коньяк да на публике – вообще святое. И тут черт меня за язык дернул:

– …На днях, – говорю, – сам король Нубии к себе в гости пригласил. Дворцы, яхты… все такое…

– В Нубию? А где это? – заинтересовался сосед, сидевший справа.

– В Африке где-то.

– Во, самое время на солнышко, – дружно поддержал стол. – Когда собираешься?

– Да, эти короли… они же далеки от народа. Приезжай, типа, и все. А где это, как я туда доберусь, похоже, не королевское дело.

– И что, лимузин не прислал? – язвительно хмыкнула полногрудая блондинка Ксения, еще пару минут назад казавшаяся мне вполне привлекательной.

Я сделал вид, что не расслышал этого замечания, и попытался перевести тему, естественно, не забыв вставить анекдот про умственные способности блондинок.

– Подожди-ка, – не успокаивался сосед, наливая, – так какие проблемы-то? Сейчас все организуем. Раз король приглашает… не надо уважаемым людям отказывать. Связи могут пригодиться. Так куда, говоришь? В Нубию? Номер своего паспорта знаешь?

Он достал из кармана телефон и вышел из-за стола. Дальше все происходило прямо как в кино. Сосед вернулся и громко сообщил радостную весть: «Билет твой прямо сюда сейчас привезут».

– Молодец, Роман Абрамович! – поддержал его хозяин стола. – Сказано – сделано. Ты насчет футбола, кстати, не забыл?

– Нет, просто рано еще.

В этот момент мне надо было как-нибудь отшутиться, выкрутиться, словом, как-то остановить процесс, но алкоголь, обильно впитавшийся в мозг, коварно и резко изменил мое чувство реальности. Я свято верил во все, что говорил, и на самом деле ощущал себя, как минимум, нубийским принцем. Где-то внутри, конечно, что-то чуть-чуть свербело, но сопротивляться происходящему просто не было сил. «Да будь что будет», – по-буддистски решил я и включил автопилот. Все дальнейшее происходило как в тумане и как будто не со мной. Коньяк не задерживался в рюмке, сигареты прикуривались одна от другой.

Вскоре привезли билеты, и их сразу же оплатил хозяин вечеринки из моего гонорара, добавив обещанными сверхурочными. «Ну, раз такое дело…» – вздохнул он, доставая

пачку денег и отсчитывая нужную сумму. Это значительно прибавило ажиотажа, особенно когда выяснилось, что улетаю я прямо этим утром, причем рано. Все были очень рады и большинством голосов решили проводить меня прямо в аэропорт почетным эскортом.

Затем мы еще много пили за отъезд, за Нубию, за «своего парня» короля…

* * *

Очнулся я уже в самолете. Голова гудела. Вчерашний вечер вспоминался смутно. Стюардесса понимающе принесла мне холодного пива. Я собрался с силами и попытался восстановить события.

Глава II

Господи, как не хотелось мне ни в какую Нубию! «Все, больше не пью! – решил я. – Но сейчас это не главное. Что сделано, то сделано, чего уж теперь…»

Надо было срочно решить, что дальше. Для начала я провел ревизию карманов. Билет, паспорт, сигареты, зажигалка, кошелек. Подсчет средств немного уменьшил мое беспокойство. Наличие денег, хотя и небольших, вселяло некоторую уверенность. Кроме абсолютно бесполезных за границей рублей, с собой у меня, к счастью, оказалось сто шестьдесят семь долларов, двести немецких и триста двадцать финских марок. Судя по багажной бирке на билете, я путешествовал не налегке. Внезапно вспомнилось, что перед аэропортом мы всей компанией заезжали ко мне домой и собирали вещи в дорогу. Деталей я не помнил, но результат должно было показать вскрытие сумки по прибытию. Надеюсь, что кто-нибудь сообразил положить купальные трусики, сачок и панамку.

Самолет пошел на посадку. Из сообщения командира корабля я понял, что прилетел во Франкфурт. Похоже, мне предстояла пересадка. «Вот тут и сойду, – решил я, – прямо ближайшим рейсом обратно. Три часа – и дома».

– Их мехтэ цурюк [1] ,– собрав почти все школьные лингвистические познания, сообщил я девушке-администратору на прилете.

Она улыбнулась и, извинившись, взяла из моих рук билет и паспорт. Быстро убедившись, в том, что я не понимаю практически ни слова ни на одном из известных ей языков, она буквально на пальцах объяснила мне, что это, к сожалению, невозможно. У меня был билет в один конец до Нубии, и я даже не мог выйти из транзитной зоны, чтобы купить другой – обратно, по причине отсутствия визы. Переговорив с кем-то по рации и сообщив мне доступным образом, что мой багаж уже перегружен, и я обязательно должен лететь до места назначения, эта милая девушка любезно проводила меня к терминалу на посадку. По пути соскочить не удалось. «Не беда, – подумал я, – у меня ведь нет и нубийской визы тоже. Прилечу, и оттуда меня сразу отправят обратно». А что им еще со мной остается делать-то? Во, я влип, а!

* * *

Весь перелет я проспал, как убитый, организм требовал серьезного восстановления сил. Проснулся свежим, практически живым и, к удивлению, в хорошем настроении. Мое приключение уже казалось мне забавным, и сразу улетать домой не хотелось. Ну, раз прилетел, может, остаться и отдохнуть? Здесь солнце, тепло… Во время посадки я просто загляделся в иллюминатор на невероятно голубое и прозрачное море. А что, если и насчет короля не шутка? Надо позвонить этому клоуну. Бывает же всякое в жизни.

Заплатив, как и все прилетевшие иностранцы, пять долларов и заполнив анкету, я сунул ее вместе с паспортом в окошко контроля.

– Тьюрист? Рашен? – спросил офицер.

Я кивнул.

– Вэльком, сэр! [2] – широко улыбаясь, рявкнул он и шлепнул мне в паспорт большую разноцветную печать.

– Ну, с Богом! – пожелал я себе вслух.

– Зис вэй [3] , сэр, – ответил офицер и указал рукой на выход из зала.

Получив багаж и раздевшись в соответствии с окружающей приятной жарой, я вышел на улицу. Там меня сразу облепили таксисты, наперебой предлагая свои услуги. Первым делом мне нужно было позвонить, а телефонного аппарата в здании международного аэровокзала, как ни странно не было. Я вступил в переговоры и торги. Используя общедоступный язык жестов и отдельные иностранные слова, мне легко удалось договориться, и шумный, разговорчивый владелец старенького «пежо» взялся доставить меня в город к международному телефону за пять американских долларов.

– Ха ва ю, май френд? Гут? Вэ а ю фром? Джэман, френч, свиз? [4] – сразу поинтересовался он.

– Рашен [5] ,– ответил я.

– Рашен?!.. Гут! Май нэйм Мухаммед. Вот е нэйм? [6]

– Абдурахман, – это первое, что пришло мне в голову и, по-моему, как нельзя лучше подходило человеку, оказавшемуся в подобной ситуации подобным образом.

– Вэльком ту Нубия [7] , мистер Абдрахман! – отрапортовал Мухаммед.

– Во-во, правильно. Так мне, дураку, и надо! – согласился я.

Всю недолгую поездку он непрерывно болтал на смеси арабского и английского, что-то рассказывая и показывая, задавая мне массу вопросов и сам же на них отвечая. Я с удовольствием поддерживал беседу в том же духе. Со стороны, наверное, это выглядело немного странно, но меня откровенно радовала

легкость и непринужденность подобного общения.

От своего первого гида-таксиста я узнал, что попал не в столицу, а в курортный городок под названием Халаиб на берегу Красного моря. Мухаммед утверждал, что лучшего места для отдыха в мире просто нет, и всем здесь страшно нравится. Он был абсолютно уверен, что скоро на этом месте будет город-сад, и с гордостью сообщил, что его брат с какими-то очень богатыми швейцарцами уже построил первые три больших отеля по пять звезд каждый.

Международный телефон находился в небольшом каменном одноэтажном здании на центральной улице. Государственный флаг на фасаде и вооруженная охрана по периметру подчеркивали официальность и значимость учреждения. Внутри это был настоящий классический переговорный пункт, хорошо знакомый мне по социалистическому детству. Людей было много. Часть из них составляли небольшую очередь, тянущуюся к массивной высокой стойке с окошечками. Остальные тихо сидели по лавкам, поставленным у стен, увешанных информационными досками и плакатами. «Не болтай по телефону. Болтун – находка для шпиона», – вдруг откуда-то возникло у меня в голове. Естественно, никакой автоматической связи там не было. Заказ на разговор отдавался барышне, и та, дозвонившись по указанному номеру, приглашала в кабинку и засекала время. Я взял бумажку, написал номера телефонов и, дождавшись своей очереди, протянул девушке. Здесь меня поджидал сюрприз. До этого момента я был уверен, что во всем мире цифры пишутся одинаково. Не тут-то было. Оказалось, что арабы не пользуются цифрами, называемыми у нас арабскими. У них свои арабские цифры. К счастью, девушка оказалась полиглотом. Она аккуратно переписала номера по-своему и жестом показала, чтобы я отошел от стойки и ждал вызова. Не прошло и часа, как меня пригласили в кабинку. Я сообщил родителям, чтобы они не волновались в связи с моим отсутствием, что я просто неожиданно уехал отдохнуть на Красное море и, когда вернусь, пока не знаю.

Следующего соединения пришлось ждать еще минут сорок. Здесь, похоже, никто никуда не торопился.

– Привет, – сказал я как можно сдержаннее, – ну, я уже в Нубии.

– Где? – переспросил Витек.

– В Нубии. На гастроли приехал.

– А, это ты, старик? Здорово. Как сам?

– Как бы тебе покороче-то?.. – начал я, понимая, что сложившаяся ситуация выглядит как минимум по-идиотски. – В общем, мне тут предложили слетать куда хочу, и я решил в

Нубию.

– Отлично. Считай, что на билетах сэкономили. Я тогда на днях Хасана попытаюсь где-нибудь достать, если он еще не уехал. Пускай пошевелит эту тему.

– Да я уже здесь, говорю же. Соображай, Витек, быстрее!

– А чего ты там делаешь?

– Решил кинуть тебя с твоей долей. Напрямую рванул, а тут во дворец не пускают, типа «не по протоколу» – говорят. К королям без продюсера приезжать не положено, оказывается, – раздраженно объяснил я. – Короче, доставай своего Хасана срочно, а я пока на пляже полежу. Позвоню завтра. Давай.

На этом я решил остановиться. Три звонка в день – это, пожалуй, перебор.

* * *

На улице в компании нескольких парней тусовался Мухаммед. Он, похоже, и не уезжал никуда.

– Алез кля? [8] Коло Таммам? [9] – подскочил он ко мне, как к родному.

– Гут, – буркнул я.

– Хам дул Алля! [10] – кивнул он. Затем представил своей компании: – Май френд фром Русия [11] мистер Абдрахман.

Парни вежливо поздоровались, и каждый из них по очереди поинтересовался, как у меня дела. Я, в свою очередь, каждому в отдельности сообщил, что дела у меня «гут», и посмотрел на Мухаммеда.

– Ну, что, друг Мухаммед, где там твой пятизвездный отель?

– Хотэл? – сразу сообразил он. – Ма фиш мушкеля. Елла [12] ,– и показал на машину.

Вообще-то туда было пешком минуты три, от силы пять. Мы лихо подрулили к ресепшену. Отель действительно выглядел очень пристойно, особенно на фоне всего окружающего. Он стоял прямо на берегу, весь светился огнями и из-за количества зелени напоминал настоящий оазис. За номер с меня попросили восемьдесят долларов в день, согласно прейскуранту. Этого я себе позволить никак не мог. «В стране, где такси из международного аэропорта в город стоит пять долларов, должно быть и что-нибудь подешевле», – подумал я и сообщил свои соображения Мухаммеду. «Но проблем, сэр» – сказал он и о чем-то быстро и резко заговорил с администратором. Тот в свою очередь грозно сдвинул брови и тоже повысил голос. В какой-то момент мне показалось, что вот-вот они подерутся. Нет, буквально через пару

минут улыбки снова сияли на их лицах. «Шестьдесят долларов, – показал мне администратор. – Онли фор май фрэнд [13] », – сказал он, многозначительно показывая на Мухаммеда. Я удивился происходящему, но и к такой сумме, к сожалению, тоже готов не был. Администратор развел руками. «Но проблем», – опять сказал мой никогда не унывающий друг-таксист, совершенно не расстроившись из-за того, что я оказался, мягко говоря, не нефтяным магнатом.

Хотя, чего ему переживать, пять долларов для него у меня ведь нашлось. «Здесь рядом есть „минихотэл“, – словами и жестами объяснил он, – там дешево».

Мы подъехали к небольшому двухэтажному зданию на соседней маленькой и уже темной к тому времени улочке. «Гранд Палас» – гласила крупная надпись над входом. На крыльце, прямо на ступеньках, сидел пожилой человек в национальной одежде. Это оказался сам хозяин гостиницы. Не вставая, он кивком поздоровался со мной и обменялся с Мухаммедом длинными приветствиями. Переговоры были короткими и непонятными, а их результат, похоже, положительным.

– Сколько стоит-то? – спросил я, дождавшись паузы в их разговоре.

– Файф гиней [14] ,– пятерней показал хозяин.

Цифра «пять» мне сразу понравилась, причем даже если эти гинеи были равны кувейтским динарам. Тем не менее, я на секунду замялся. Заметив это, Мухаммед быстро пересчитал для меня. Получалось около полутора долларов.

– Тридцать гиней за неделю, – предложил я, подсознательно почувствовав, что не торговаться в этих краях как минимум дурной тон.

Али – так звали хозяина – внимательно посмотрел на меня, что-то пробурчал себе под нос, кивнул и жестом показал следовать за ним. Мы поднялись по широкой центральной лестнице наверх и оказались на плоской крыше. Вернее, крыши, в нашем понимании этого слова, у здания вообще не было. Лестница выходила прямо как бы на недостроенный этаж – открытую площадку, окруженную стенами по пояс. На ней были беспорядочно расставлены несколько плетеных лежаков, столик и большие кадки с маленькими пальмами. Получалось что-то вроде садика.

– Сегодня ты можешь переночевать здесь, – сообщил мне Мухаммед, – сейчас сезон и везде все занято. Но тебе повезло: завтра часть постояльцев съезжает, и ты с утра займешь освободившуюся комнату.

К такому повороту событий я готов, конечно, не был, но ехать

куда-то еще не хотелось совершенно. Я сказал бы даже – просто не моглось. День выдался нелегким, и телу опять требовался отдых. Глаза просто слипались. «Завтра чего-нибудь придумаю, – решил я, – а сейчас надо поспать». Выразив свое согласие и осчастливив Мухаммеда еще одной пятеркой, я выбрал себе топчан в уголке. Мне принесли плед и подушку. «Гут найт» [15] ,– пожелали хором мои новые знакомые и, выключив лампочку, оставили одного. Я наконец-то снял кроссовки и вытянул ноги.

Огромное черное небо прямо над головой было усыпано яркими звездами, где-то рядом плескалось море, и теплый приятный бриз доносил густые сладкие запахи южной ночи. Я вдруг ощутил состояние такого беззаботного дурацкого детского счастья. «Хорошо-то как», – промелькнуло в голове, и я незаметно уснул.

Глава III

Яркое солнце светило прямо в лицо, вокруг раздавалась иностранная речь. Кто-то плюхнулся на мой топчан. Я открыл глаза и сначала не мог сообразить, где я и что, собственно, происходит. Вокруг сидели какие-то люди и, не обращая на меня абсолютно никакого внимания, пили кофе.

– Гуттен морген! [16] – звонко произнесла стриженая девушка, беспардонно сидевшая практически на мне. – Кафэ? [17] – спросила она.

Я кивнул и хотел что-нибудь сказать, но так и не решил, что именно, а главное – как это сделать. Мне передали стеклянную рюмочку, более подходящую, на мой взгляд, для водки, чем для кофе. Напиток в ней оказался крепким, терпким, немного необычным, но приятным на вкус. Я сказал «сэнкью» и закурил. Далее разговор не пошел. Европейцы, на самом деле, не отличаются стремлением общаться с теми, кто сносно не говорит хотя бы по-английски. Для них такие люди – представители третьего мира, с которыми контачат лишь по необходимости, или когда что-то от них надо. От меня они не хотели ничего, я от них – тоже. О чем тут говорить?

* * *

Али в отеле не оказалось, но арапчонок-портье был в курсе событий и неторопливо, как, похоже, здесь было принято во всем, заселил меня в комнату. Для полутора долларов она была очень даже неплохой. Шкаф, тумбочка, кровать и огромный вентилятор на потолке – что еще нужно на курорте?

Наконец-то у меня появилась возможность добраться до своей сумки. Результаты осмотра живо напомнили об истинной цели моего приезда. Весь багаж состоял исключительно из сценических костюмов. Логично: я ведь собирался на гастроли. С любопытством разбирая вещи и развешивая их в шкаф, я наткнулся на дорогой моему сердцу желтый фрак и цилиндр. «Интересно, а в местном дурдоме хорошо кормят?» – промелькнуло в голове. Кстати, о еде: по-моему, сейчас было самое время подкрепиться и обдумать планы на день за этим нужным и приятным занятием. Я быстро закончил с гардеробом, закрыл дверь, сдал ключ и покинул здание.

* * *

Под ярким утренним солнцем все окружающее выглядело совсем иначе, нежели вчера вечером. Свернув за угол «Гранд Паласа», я попал на довольно оживленную улицу, просто кишащую маленькими пестрыми лавочками и магазинчиками. Внизу, метрах в ста, она упиралась в набережную с уже знакомым мне шестидесятидолларовым отелем, а наверху переходила в небольшую площадь. Не успел я ступить по ней и шагу, как меня окликнули из кафе, разместившегося на открытой веранде: «Кофе? Брекфаст? [18] – улыбаясь до коренных зубов, предложил официант, приглашая меня занять место за любым столиком. – Май нэйм Мухаммед. Вэлком, сэр!» [19] Я, в общем-то, не возражал, только немного смущало отсутствие местных денег. Этим своим сомнением я тут же поделился с Мухаммедом, показав ему зеленый полтинник и разведя руками, типа: «Ну, извини, браток, надо бы сначала это поменять». Удивительной особенностью американских денег является то, что они нигде не утрачивают своей платежеспособности. Нет такого уголка в мире, в котором бы у вас с удовольствием не приняли банкноту с ликом одного из президентов США. Нубия, похоже, не была в этом смысле исключением, здесь тоже любили доллары. «Но проблем, сэр», – еще шире улыбнулся Мухаммед и подозвал с улицы первого же попавшегося босоногого мальчишку. Тот взял у меня деньги и, получив инструкции, побежал куда-то их менять. «Интересно, а что будет, если он не вернется? – подумал я. – Будут кормить здесь пожизненно или просто выразят соболезнования?»

– Но проблем, сэр, – опять сказал Мухаммед, заметив мое легкое беспокойство. – Релакс. Вот ю лайк дрынк? [20] Кофе, джюс, кола?..

– Кофе, – ответил я, – и меню, плиз.

Меню, как и следовало, было на арабском и английском языках. На мое счастье Мухаммед оказался совершенно «неправильным официантом». Его не надо было звать, ждать, искать, он всегда находился рядом и реагировал просто на взгляд. Кроме того, он, как и его тезка-таксист, был крайне общителен и приветлив. Я даже поймал себя на мысли, что все Мухаммеды здесь – отличные парни. Пока мы весело сообща начали разбираться с заказом, из командировки вернулся мальчишка и вывалил передо мной на стол кучу местных денег. По его взгляду было понятно, что от благодарности он не откажется. Я взял бумажку с номиналом «один» и протянул ему. Мухаммед зацыкал языком и показал мне на монетку. Этого,

похоже, было вполне достаточно. Мальчишка тихо заскулил, но Мухаммед резко оборвал его. Смысл выражения был понятен и без перевода. Скорее всего, оно означало: «Не по чину берешь, доходяга!» – или что-то в этом роде. Удивительно, кстати, как этот певучий, мягкий арабский язык мог в момент превращаться в шипящее рычание и обратно.

Мальчишка убежал, и мы вернулись к заказу. Нелегко объяснить, что хочется съесть, не зная названий блюд и того, из чего они делаются. Как я показывал яичницу глазунью, это надо было видеть! Я чуть глаза себе не повыдирал. А как шкварчал, показывая сковородку… Мухаммед был просто в ужасе. Затем он изображал какое-то блюдо, и я думал, что лопну от хохота. Намучившись и насмеявшись друг над другом от души, но так и не продвинувшись дальше кофе, мы приняли Соломоново решение пойти на кухню и там со всем разобраться на месте. Вот так за завтраком я получил урок гастрономического английского и к завершающей чашечке кофе с сигаретой уже процентов на восемьдесят понимал, о чем шла речь в меню.

Глава IV

Ну какие могут быть планы после завтрака у человека, попавшего к теплому морю? Первым делом я, конечно же, решил пойти искупаться, затем, после обеда, провести рекогносцировку на местности – осмотреть городок, а уж потом, ближе к вечеру, звонить в Россию. Приодевшись в соседней лавке по курортному: футболка, шорты, шлепанцы – и купив пестрые плавки, я направился прямо к морю.

Набережная, к моему разочарованию, мало напоминала променад, а скорее была просто прибрежной дорогой. С берега на нее фасадом выходили один за другим четыре небольших евростандартных отеля – виллиджа. Выглядели они новенькими и ухоженными, что ярко показывало их иностранную принадлежность. Дальше сразу за ними начинался и тянулся с полкилометра пустынный городской пляж, плавно переходя в какую-то стройплощадку. Он мне сразу не понравился, и я свернул в первый же отель. Беспрепятственно пройдя сквозь холл со стойкой администратора и секьюрити, я очутился на внутренней территории, где находились бар, бассейн и оборудованный пляж. Надо сказать, что моя туристская внешность явно давала мне возможность пользоваться всяческими благами, недоступными местному населению. В этом оазисе цивилизации я и провел большую половину дня.

Вечерняя трехчасовая прогулка дала мне полное впечатление о месте, в которое я попал. Весь городок по большому счету состоял из трех асфальтированных улиц, параллельных морю, и четырех, идущих перпендикулярно. Между ними он был весь испещрен маленькими переулочками, но их изучение я оставил на потом. У моря, как я уже говорил, располагались отели, далее – магазинчики, кафе и ресторанчики, а в центре, называемом Даун тауном, – мечеть и рыночная площадь.

Переговорный пункт оказался закрыт по причине отсутствия связи. «Пива нет», – вольно перевел я для себя табличку, висевшую на дверях. Значит, не судьба. По дороге домой я решил зайти поужинать в уже известное мне кафе. У входа стоял знакомый «пежо», а за одним из столиков сидел хозяин моего отеля. Два Мухаммеда и Али почти хором со мной поздоровались. Али предложил подсесть к нему. «Да, не велик городок, – ухмыльнулся я про себя, – не успел приехать, а уже ощущение, что везде знакомые». Я сразу вспомнил, как пару лет назад ко мне в гости приезжал один мой друг из Эстонии. Я встречал его на машине. С такси из аэропорта было, как всегда, плохо и дорого,

поэтому много народу голосовали на шоссе. «Какой гостеприимный и культурный у вас, оказывается, город, – сказал тогда Томас, показывая мне на машущих руками людей, – смотри, никто меня не знает, но все здороваются».

На этот раз проблем с заказом никаких не было. Мухаммед-официант был очень горд собой и тут же в красках рассказал всем о событиях сегодняшнего утра. Мухаммед-таксист, в свою очередь, добавил, что я очень веселый парень и его друг. И что представился я ему арабским именем Абдрахманом, и это ему очень понравилось. Оказалось, что в их стране практически каждого мальчика, по религиозным соображениям, принято называть в честь пророка Мухаммеда, и они просто вынуждены, чтобы не запутаться, придумывать себе какой-нибудь «ник». Старшее поколение ограничивалось традиционными производными от святого имени типа Махмуд, Хамди, Хамада, Ахмед, а теперь у молодежи больше принято зваться на европейский манер: Майк, Мэд, Мичел, а то и просто Арнольд или Фрэнк.

– Кстати, а как твое настоящее имя? – поинтересовались Мухаммеды.

Я представился, как положено: имя, отчество, фамилия. Все попробовали повторить.

– А ты не возражаешь, если я буду звать тебя Абдрахман? – после пятой попытки произнести мое имя спросил Али.

– Может, лучше просто Эб? – предложил Мухам-мед-официант. – Это короче и звучит гут.

– Мистер Эб, – поправил я.

– Оф коре, сэр! [21] – засмеялись они.

«Ну, что ж, – подумал я, – жизнь, все-таки, это театр. И я, кажется, получил новую роль».

– А меня можешь называть Муди, – протягивая руку, сказал Мухаммед-таксист, – меня так многие называют.

– Нет, браток, – покачал головой я, – лучше оставим, как есть, – Мухаммед.

Причину своего отказа я объяснить не мог. Ну не понимал он по-русски ни слова, а показать, с чем это у меня ассоциируется, я постеснялся.

Обратив внимание на веселую компанию, к нам подошел хозяин кафе. Кроме меня он, естественно, знал тут всех. Мы познакомились. Не поверите – его тоже звали Мухаммед! Он поинтересовался, откуда я приехал, где остановился и как долго собираюсь здесь находиться. На последний вопрос я ответил, неопределенно разведя руками. Перекинувшись парой фраз с Али, он угостил меня чашечкой кофе за счет заведения и

сообщил, что теперь, как постоянный посетитель, я могу пользоваться скидкой в десять процентов. «Вэлком, мистер Эб», – попрощавшись, улыбнулся он.

Поддерживая в меру своего понимания дальнейшую беседу и потягивая халявный кофе, я обратил внимание на плакат, висевший на стене. На нем был изображен бородатый мужчина в белой чалме, халате и не Бэн Ладан. В решительности его позы и серьезности лица читался какой-то очень важный призыв к своим верноподданным.

– Кинг? [22] – поинтересовался я, указывая на плакат.

– Президент, – ответил Али, – Нубия репаблик [23] .

– Республика!? А как же король? – чуть не поперхнулся я.

Слегка удивившись моей бурной реакции, Али рассказал, что Нубия уже много лет независимая республика. Последний раз до этого она была суверенным государством полторы тысячи лет назад, пока ее не завоевали египетские фараоны. Затем территория Нубии долго переходила из рук в руки. Она входила в состав сначала римской, потом османской империи и в итоге оказалась английской колонией, так что последним королем этой страны можно считать Елизавету Вторую.

Новость не была для меня громом среди ясного неба, к чему-то подобному я был внутренне готов. Просто до этого момента в моем подсознании, все-таки, тешилась какая-то иллюзия по поводу гастролей, и душу согревала хоть и щупленькая, но надежда. Я человек не кровожадный, но сейчас мне очень захотелось познакомиться с Хасаном в торжественной траурной обстановке и высказать свои соболезнования по поводу его страшной и безвременной кончины всем его скорбящим родственникам и соратникам по коммунистической партии.

* * *

Но, шутки в сторону, надо было срочно что-то придумывать. Я немедленно приступил к разработке плана собственной эвакуации. Денег на обратный билет у меня не было, и каким образом кто-нибудь мог мне их сюда прислать, я, честно говоря, не представлял. «На худой конец, можно конечно, сдаться в Российское посольство, – решил я. – А что, если сначала попробовать заманить сюда кого-нибудь из знакомых отдохнуть на море и попросить заодно привезти мне необходимую сумму?» А ведь это идея! Хорошая идея! Срабатывает, однако, национальный инстинкт самосохранения. Быстро прикинув простым сложением потенциальные дневные расходы, я понял,

что денежных средств, которыми я владею, мне хватит здесь надолго. Это означало, что вероятность осуществления моего коварного замысла значительно увеличивается, и я могу действовать спокойно, планомерно и не торопясь. Опять же, учитывая благоприятные местные условия обитания, это время я мог бы провести не так уж и плохо и даже с пользой для изнуренного многолетней работой организма.

Глава V

Итак, немного успокоившись, я приступил к типичной курортной жизни: завтрак, пляж, прогулки, бары, ужин, дискотеки. Через пару дней у меня уже на каждой улице было по десятку знакомых Мухаммедов, которые постоянно пытались со мной пообщаться, угощая то чаем, то кальяном. Они очень интересовались русским языком: как называется тот или иной товар, как правильно предложить его покупателю, как сказать «спасибо, пожалуйста, дешево, дорого…» Записывали все это в блокнотики, а затем демонстрировали мне выученное. Я с радостью проводил с ними время, потому что это происходило весело и, к тому же, в процессе я получал необходимую мне практику разговорного английского. По вечерам за чашечкой кофе на крыше мы болтали с Али. Он разговаривал со мной как с ребенком, типа: «…Вот ложечка кашки. Смотри, какая ложечка. Это ведь ложечка? Ложечка. А кашка вкусная? Вкусная кашка…» Причем делал это сразу и по-арабски, и по-английски. Удивительно, но, в отличие от школьной методики преподавания иностранного языка, этот естественный метод познания оказался значительно действенней. Я впитывал все как губка и прогрессировал просто на глазах.

О делах, кстати, я тоже не забывал. Периодически позванивая на Родину, я запускал слух, оповещая как можно больше знакомых, что нахожусь практически в райском месте, и здесь так хорошо, что о возвращении в холод и слякоть мне даже думать не хочется. Эффект это производило правильный. Народ начинал активно интересоваться, как ко мне добраться, смогу ли я встретить и вообще… если они вдруг тоже соберутся. «Конечно, – говорил я, – но проблем!» О деньгах пока помалкивал.

Незаметно летело время. Я бодро вживался в новую реальность и постигал основы маата. Маат – для тех, кто не в курсе, – это основополагающее понятие местной философии. В целом он определяет порядок мироздания и уклада жизни, а на практике является эдаким сводом морально-этических правил и понятий, которые определяют, как и что в жизни должно быть правильно организовано. Эта культура была унаследована населением Нубии еще от древних египтян и своеобразно трансформировалась веками под воздействием окружающей действительности, впитывая в себя поочередно иудаизм, ортодоксальное христианство, католицизм, магометанство, социализм, и, наконец, в данный момент, резко устремилась в нецивилизованный капитализм, активно приобщаясь к великой

американской мечте. Если же не углубляться в истинный смысл сей многовековой мудрости, а подходить чисто на бытовом уровне, просто как к общепринятым традициям, маат практически является для нубийцев руководством к действию и ответом на извечный, кстати, интернациональный вопрос: «Кто, кому, за что и сколько должен, и как, когда и почему это следует отдавать или не отдавать вовсе?»

Обещание или данное слово в этих местах оказалось делом чести. Очень важно, что человек говорит, но еще важнее, что именно при этом он имеет в виду, а это, порой, как говорят в Одессе, уже «две большие разницы». Слово «бокра», например, формально означает на арабском языке «завтра». Но, согласно маату, оно отнюдь не всегда несет на себе привычную для нас смысловую нагрузку. Поэтому, если здесь кто-нибудь говорит, что обязательно сделает что-то именно «завтра», это, скорее всего, значит, что обещающий действительно готов это сделать, но, скажем, в течение текущей недели или в начале следующей. Если речь идет о послезавтра (по-арабски «бадабокра»), это значит, что он в принципе не возражает против самого факта, но когда произойдет это событие, он не знает, посему, как приличный человек, точно и не говорит. Если же предложение заканчивается словами: «Бокра ин ша Алла» («завтра, если Аллаху будет угодно»), – то всем здесь сразу становится ясно, что это однозначно не что иное, как вежливое «никогда» или просто «забудь об этом, приятель». Понятно, что совершенно неприлично в данной ситуации требовать от человека то, что он совсем не обещал, а в последнем случае даже ясно дал понять, что вовсе не намерен этого делать.

Несмотря на массу подобных условностей, отношения между людьми в Халаибе сохранялись крайне теплыми и даже напоминали семейные. Городок был молодой, маленький и бурно развивался как туристический центр. Практически все его жители были приезжими, при этом, вероятно, вследствие своей национальной повышенной открытости, доброжелательности и просто феноменальной коммуникабельности, все друг друга хорошо знали и держались единой дружной стайкой. Много того: что для них было вполне естественным, воспринималось мной как местная экзотика, и я был крайне удивлен, что окружающие понимали это и вовсе не настаивали на том, чтобы я вел себя так же, как все. Столкнувшись с каким-либо затруднением, мне просто объясняли, что у них это принято «вот так», но в случае со мной можно сделать как-нибудь по-иному, как делают, например, там, откуда я родом. Пускай у нас с тобой будет «так», главное, чтобы все при этом остались довольны и никто не чувствовал себя

обиженным или обманутым. На самом деле, мне было все равно, каким образом что делать, и я, в большинстве случаев, с удовольствием принимал здешние правила игры, сталкиваться с которыми приходилось просто на каждом шагу.

Покупая как-то в очередной раз фрукты на базаре, я подошел к первой же попавшейся лавчонке и не успел поздороваться, как из-за соседнего лотка ко мне вихрем подлетел низкорослый смуглый торговец и начал просто оттаскивать меня за руку, оживленно объясняя что-то при этом своему коллеге. Собралась аудитория. Из прений я с удивлением выяснил, что являюсь личным другом другой лавки, потому что несколько раз брал там товар и получал значительную скидку. На этом основании, согласно местным традициям, я и впредь должен был отовариваться только в ней. В противном случае продавец дружественной мне лавки будет на меня сильно обижен. И хотя мне при этом абсолютно ничего не грозит, в глазах окружающих я буду выглядеть в этой ситуации некрасиво, о чем еще пару дней мне бы и было неоднократно рассказано всеми вокруг, естественно, занимающими справедливую сторону моего тоже уже друга – лавочника.

– Так там дешевле, – аргументировал я.

– Но проблем, май фрэнд! – заверещал запыхавшийся торговец. – Флюс ма фиш мушкеля! Ма фиш флюс – ю май фрэнд, ай ер фрэнд!.. [24]

Он тут же снизил цену для меня на все просто вдвое относительно соседа и сообщил, что вообще готов бы был отдать мне бесплатно, но бизнес есть бизнес. Виноград на самом деле у него был не очень, и я показал пальцем на соседнюю лавку.

– Но гуд? [25] – переспросил он, демонстрируя мне каждую свою гроздь.

– Миш квайс [26] ,– цыкнув по-местному языком, подтвердил я.

– Момент, сэр.

Он тут же метнулся к соседу и принес мне то, что я хотел.

– Хау мач? – спросил я.

– Би кэм? – крикнул продавец соседу.

– Талята гиней, – ответил сосед.

– Сри энд хав, – перевел мне продавец.

– Ту, – сказал я.

– Тнин, – крикнул мой продавец соседу.

– Мэши, – отозвался тот.

– Ту энд хав [27] ,– подытожил мой.

– Мэши, – собезьянничал я, отсчитывая две с половиной гинеи.

– Ты отличный парень, – засмеялся мой новоиспеченный друг, сообразив, что я раскусил его хитрость, и, попрощавшись со мной, сразу принялся рассказывать о случившемся всему базару.

Как оказалось, «друзья-продавцы» – это еще полбеды. Достаточно завести их в каждой лавке, и свобода выбора практически обеспечена. С «друзьями-хозяевами» дела обстояли несколько замороченнее. Немного упрощало ситуацию то, что владельцы магазинов, ресторанов, кофеен, как богатые люди, в отличие от продавцов, так активно в друзья не навязывались, хотя иностранцев тоже не сторонились, по имущественному, вероятно, цензу. Любой европеец ведь здесь был просто богачом, а богачи всего мира, как, впрочем, и пролетарии, склонны к объединению. В отличие от продавцов, хозяева, действительно, так или иначе становились если не друзьями, то просто знакомыми. Куда деться – город-то маленький. Я знал их имена, они – мое, и мы периодически сталкивались в барах, ресторанчиках, на дискотеках, а то и вовсе совместно проводили время, ужиная или попивая пиво. Загвоздка была в том, что по всем местным понятиям друг не может продавать что-либо другу, закон гостеприимства обязывал его всем угостить или все подарить. Поэтому, заходя в лавку к «другу» за сигаретами, я первое время никак не мог сообразить, почему в момент расчета он чувствовал себя как-то неловко, вяло отказывался от денег и постоянно пытался насовать мне в карманы всякую мелочевку типа спичек конфет или календарика. Для решения этой на первый взгляд неразрешимой проблемы здесь, оказывается, действовала веками отработанная система продавцов или уличных мальчишек. Продавец – не хозяин, он может и должен брать деньги с любого, вне зависимости от его отношений с боссом. Тут все понятно. А вот где хозяин и продавец выступал в одном лице, на помощь приходили уличные мальчишки. За небольшую копеечку они с удовольствием бегали за сигаретами, водой, мороженым, колой и тому подобным, ограждая двух уважаемых людей от мелочных денежных отношений между собой. При этом вознаграждение за это было честно заработанными деньгами, называлось амуля, а не позорно выпрошенный бакшиш, и являлось предметом мужской гордости.

Кстати, опять же, насчет денег. Как выяснилось позже, понятие цены в этом чудном для нас мире не существовало вовсе. «Видишь ли, Эб, – как-то однажды поведал мне владелец сети ювелирных магазинов, – цены как таковой нет. Н кто ведь не может знать, что, сколько и когда стоит. Как оценить, например, глоток воды? Он равен порой в пустыне человеческой жизни, которая, в свою очередь, бесценна по сравнению со всеми

богатствами, а иногда вода не стоит ничего. Так же и золото. Поэтому цена – это некоторая абстрактная сумма, которая рождается в голове продавца, когда он смотрит на покупателя. Общаясь на базаре, люди практически объясняют друг другу, насколько им необходим тот или иной предмет, и за сколько сейчас его готовы уступить. Зайди в другой раз, и все будет по-иному». Я сразу вспомнил, как действительно однажды Мухаммед пытался продать мне футболку по тройной цене, аргументируя это какими-то сегодняшними непредвиденными расходами, абсолютно, на мой взгляд, не связанными с футболкой. Он просто, оказывается, не мог в тот момент уступить мне ее дешевле. Такой у него получался расклад. Через пару дней я ее все-таки купил, причем даже дешевле, чем рассчитывал.

Стоит отметить, с самого начала я обратил внимание на то, что представители местного населения расставались обычно лишь с пятью пиастрами за то, что мне и другим приезжим обходилось как минимум в две-три гинеи. Это очевидно демонстрировало легальное существование здесь курортной системы двойных цен. «Если я еще не придумал, пока, как тут можно заработать, то задачей номер один на данный момент для меня автоматически становится снижение расходов, желательно, сохраняя при этом достойный уровень жизни», – решил я. Для этого же необходимо было обжиться и перестать быть одним из туристов-чужестранцев, которых называют здесь вполне приличным, но, по-моему, каким-то некузявым словом «хавага».

Глава VI

«Обжиться – это значит найти себе в данном месте какое-нибудь занятие… но какое?» – размышлял я, подолгу засматриваясь на тихое бирюзовое теплое море.

Если честно, оно нравилось мне здесь больше всего. Потом я решил подстричься налысо, а то мои рыжие кудри вызывали разнузданное ржание аборигенов. Ко мне постепенно привыкали. Я тоже постепенно осваивался и даже ходить начал подобно местным медленно и не торопясь. Думать тоже стал протяжно и мутно. Это были первые симптомы сплина – необъяснимой и загадочной, глубокой и беспричинной тоски, так свойственной русскому характеру. Специфическое, опять же чисто русское лекарство от этого, как известно, в подобных случаях обычно вело лишь к привыканию и зависимости от него самого, не избавляя, а просто загоняя при этом недуг в хроническую форму. Я знал это, но нарушить древние традиции своего народа не мог.

И вот однажды вечером, возвращаясь слегка навеселе в уже родной «Гранд Палас», я заметил худенького, явно не местного парня родного европейско-семитско-го типа, который тусовался около небольшой лавки, торгующей однодневными экскурсиями на кораблике к коралловым островам. Здесь же можно было взять на прокат ласты, маску и трубку. Парень вяленько заговаривал с прохожими, зазывая их воспользоваться услугами «фирмы» или, на худой конец, купить у него ракушку или кусочек коралла. «Похоже, это и мои ближайшие перспективы. Вот только закончатся деньги… – подумал я, – надо бы, кстати, узнать, как по-английски звучит фраза „купите ракушку“. „Месье, же не манж па сис жур“ и „гебен зи мир, биттэ“ я уже знаю».

Парень, заметив, что я притормозил, подошел ко мне и поинтересовался: не нужно ли мне случайно чего, явно намекая на тур или ракушку. Каким же родным оказался его акцент!

– Да не парься ты, говори по-человечески, – предложил я ему.

– Ты что, русский? Откуда? Как здесь? – оторопел он.

– Ну, так, типа, занесло, по случаю, – ответил я. – А ты, похоже, тут уже прижился, при бизнесе, смотрю?

– Не! Это так, клиенты нужны просто, – слегка смутился он. – Меня Юлий зовут. Для этих чукчей Джулий, – кивнул он в сторону офиса, – иначе они выговорить не могут. Я, считай, местный уже тут – три месяца как. Меня все здесь знают.

– А меня «эти» Эб зовут, так что можешь и ты так же, раз местный. Я уже привык.

Познакомившись таким образом, мы решили сходить куда-

нибудь перекусить. Мое придворное кафе показалось Юлию слишком дорогим.

– Есть еще дешевле? – не поверил я.

– Конечно! Это же для туристов, – ответил он, – а нормальные люди питаются совсем в других местах. Кухня национальная, естественно, но вкусно. Пойдем, покажу.

Он по-быстрому свернул работу под предлогом приезда земляка, сдал на хранение ракушки и повел меня в «правильное место». Оно находилось здесь же за углом на небольшой темной улочке и интерьерно выглядело как распивочная времен застоя, только вынесенная из здания наружу. Прямо под открытым небом стояли пара столов с лавками и прилавок с газовой плитой, на котором в больших алюминиевых мисках были разложены лепешки и всевозможные компоненты для создания блюд. Здесь были рис, лапша, картошка, какие-то бобы, обжаренный ливер, овощные салаты в масле, многочисленные соусы и подливки. Рядом с кухней находилось несколько небольших ящиков-клеток, из которых доносилось сдавленное кудахтанье куриц и курлыканье голубей.

– Можешь выбрать, и ее тебе тут же приготовят, – сказал Юлий, заметив мое удивление.

– И голубя, что ли?

– Ну, а чего? Та же курица, только пожестче, поменьше и не очень вкусная. Хочешь – возьми.

Прогуливаясь по Халаибу, я, естественно, неоднократно натыкался на подобные заведения, но просто как-то стремался туда зайти. С Юлием же мои опасения, в основном санитарно-гигиенического характера, немного рассеялись, но на всякий случай для первого раза я решил целиком положиться на его вкус.

– Как оно тут? – поинтересовался я, пробуя кебду с рисом и тахинным соусом.

– Уж всяко лучше, чем в России, – уверил меня Юлий, – там у вас нищета и бандиты… не прожить, а здесь я уважаемый человек дайвер.

– Я тоже не Иванов и ничего, – заметил я. – Чем занимаешься-то?

– Дайвингом и занимаюсь. Дайвмастер я в дайвинг-центре, – гордо сообщил он.

– Дай кто? Дай чем? Дай в чем? – переспросил я.

– Ну, с аквалангом ныряю.

– Тоже дело, а зачем?

– Это же классно! Сюда народ со всей Европы специально приезжает. Тут такие рыбы, кораллы… красотища… Лучшее

место в мире… и недорого… – В глазах Юлия вдруг промелькнул коммерческий интерес. – А ты, вообще, когда-нибудь с аквалангом-то погружался?

– Пару раз на Черном. Давно. Лет десять назад…

– Не, это не то, – заявил он и начал нудно речитативом бубнить про какие-то особенности современной буржуйской техники, полную безопасность, учебные курсы, сертификаты и концессии.

– Ладно, не грузи, – прервал его я, – все понятно. Огласи цену вопроса.

– Обычная цена ознакомительного дневного погружения восемьдесят долларов, – сообщил он. – Это вместе с инструктажем, арендой оборудования, трансфером и местом на корабле…

Из уст человека, продающего ракушки на маленькой улочке африканского городка и ужинающего за десять центов, определение восьмидесяти долларов как «не дорого» звучало несколько неожиданно. «Вот это по-нашему, – мелькнуло у меня в голове, – зарабатывать так зарабатывать! Правильно, разом срубить, чего корячиться-то. При цене гостиницы в доллар и дармовых, считай, харчах, одного такого дурня, как я, в месяц поймал и живи, ясно дело, уважаемым человеком. Плюс еще латок сверхприбыль приносит».

– А ракушка? – с серьезным видом поинтересовался я.

– Что ракушка? – не понял он.

– Ракушка в цену уже входит, или я ее потом должен, отдельно на память?

– Да нет, – отыграл ситуацию Юлий, так как сорвать по полной явно не удавалось, – восемьдесят – это «обычный прайс» для европейцев. Для них это нормально, а тебе сделаем за пятьдесят. Я, как со «своего», за инструктаж не возьму…

– Готов дать двадцать, – возразил я в ответ, – место на кораблике три доллара стоит, это на твоей же лавке написано. «Инструктаж», сам сказал, что бесплатный, а за оставшиеся семнадцать долларов здесь на день можно черта лысого арендовать, сам знаешь.

– Меньше тридцати пяти не могу, – взмолился Юлий, – это же не я решаю. Давай завтра утром с хозяином переговорю, но меньше тридцати не рассчитывай.

– Давай, согласен – тридцать. Поддержу в меру сил на чужбине отечественное предпринимательство.

– Слушай, – обрадовавшись удачной сделке и на секунду задумавшись, предложил мой новый друг, – а не хочешь сразу первый учебный курс пройти? Смотри, ты погружаешься четыре

дня, заплатишь за это стошку (это по двадцать пять в день), да еще и сертификат международный получишь…

– …в том, что еще с одного придурка получено сто долларов, – продолжил я.

– Ну, в общем, да, – первый раз попытался пошутить Юлий.

– Там посмотрим, – оценив попытку, пообещал я.

Болтая обо всем и ни о чем, мы еще немного побродили по городу и, договорившись встретиться завтра утром в дайвинг-центре, разбрелись по домам.

Глава VII

Дайвинг-центр представлял из себя обветшавший недостроенный сарай в конце улочки-тупичка, небрежно слепленный каким-то диким бедуином из говна с песком. В нем находились офис, классная комнатка и большая кладовка, заваленная ластами, масками, костюмами, баллонами, шлангами и прочим оборудованием для подводного плавания, напоминающим своим состоянием скорее трофеи Второй мировой войны, чем атрибуты модного, престижного и дорогого развлечения.

Наслушавшись рассказов Юлия о серьезности и всемирности дайвинга, я пришел в клуб вовремя, как и договаривались, к семи тридцати без поправки на местное понятие времени. Это было ошибкой, которую я впредь старался не повторять. В течение получаса начал подтягиваться народ. Это были несколько моих соседей по отелю. Мы раскланялись. Затем появился какой-то местный парень, похоже, работающий здесь, и, наконец, заспанный Юлий. Собравшись таким образом, мы еще немного подождали. Наконец, как и положено последним, появился хозяин и тут же начал всех торопить и подгонять, как будто опоздал не он, а все мы.

– Не суетись, – сказал мне Юлий, – нас это не касается. Мы сегодня отдельно.

– Я бы кофе попил. Успею?

– Давай. Там кафе за углом, я за тобой зайду.

«Как удачно получилось, – подумал я, усаживаясь за столик, – напрасно так расстраивался из-за того, что не успел позавтракать. Очень предусмотрительный, однако, сервис в этом дайвинг-центре, надо бы не забыть оставить этим милым парням щедрые чаевые». Не прошло и получаса – появился Юлий. Вид у него был очень озабоченный, но похоже, не из-за того, что на часах было уже около девяти.

– Знаешь, – сказал он, – сегодня с кораблем не получается. Будем нырять на пляже.

– Может, я просто под душ с аквалангом схожу, а деньги «за тренировку» прямо сейчас тебе отдам? – раздраженно заметил я. – Какой, на х…, пляж? Мы о чем договаривались? Ты за речью своей вообще следишь, или то, что несешь, ничего не значит? Немцев, б…, разводи…

– Не кипятись, первый раз с пляжа даже лучше… – начал было Юлий.

– Какой первый раз? Ты что, думаешь, мне нравится вот так

время по утрам проводить? Я что, на лоха в профиль похож?

– Это просто накладка. Бывает… Это же Нубия. Арабы – уроды, с ними невозможно работать. У них все так. Босс извиняется, и для тебя сегодня это будет бесплатно…

– А ракушка? – сбавил обороты я, приняв подобные извинения босса.

– Ракушка?.. Какая ракушка?.. Ах, ракушка!!! – догнал, наконец, Юлий. – Ракушку я тебе вечером подарю. Обещаю! Пойдем подбирать оборудование.

Дальше все пошло без накладок, вероятно, их лимит на этот день был исчерпан. Мы довольно резво собрали оборудование, погрузили его вместе с баллонами в легковой пикап и прямо в кузове поехали куда-то за город. Нахлынувшие ощущения начала приключений быстро стерли неприятный осадок от безалаберного утра. По пути Юлий начал проводить инструктаж, и к приезду на пляж я уже имел некоторое представление о том, что меня ждет и как с этим бороться.

Два погружения по часу произвели на меня неизгладимое впечатление. Такого я не мог даже себе представить. Все, чем природа обделила пустынные берега Нубии, она с лихвой компенсировала богатством и разнообразием местного подводного мира. Яркие, разноцветные коралловые сады просто ломились от пестрых рыбок, непуганые скаты резвились на песке… и все это буквально в десяти метрах от берега! Я готов был просто запрыгать на одной ножке от такого открытия, но сдержался и виду решил пока не подавать – на всякий случай, чтобы накладок в дальнейшем каких не приключилось. Вернувшись уже к вечеру в отель, я сразу, как мог, выложил все свои восторги Али. Он выслушал меня с пониманием:

– Конечно, у нас самое красивое море в мире, я же тебе говорил. А сколько, кстати, с тебя попросили за курс?

– Сто долларов за пять дней, – ответил я.

– Недорого. Знаешь, ты только заранее денег не давай. Рассчитаешься в конце.

– Почему?

– Видишь ли, Эб, здесь свои понятия. Эти люди – не твои работники, и ты не платишь им за работу. Ты просто с помощью денег выражаешь свою благодарность за оказанную тебе услугу. Так?

– Так.

– Если ты поблагодарил кого-то, то это значит, что ты уже получил, что хотел, и остался этим доволен. Естественно, что после этого он ничего тебе делать не станет, а если и станет, то – рассчитывая на отдельную благодарность. Понятно?

– Понятно.

– Кстати, я считаю, что такой подход очень разумный, – продолжил он. – Ведь если заказчика не устраивает качество услуги или сроки ее исполнения, он может значительно уменьшить размер своей благодарности.

– А как же тогда договор?

– Если претензии обоснованы, он имеет на то законное право, и все будут на его стороне. Поэтому исполнитель старается как можно лучше удовлетворить заказчика. Опять же, за хорошую работу у нас принято немного переплатить.

– Мудро, – согласился я.

– Мудро – это все-таки брать деньги заранее, – подытожил Али. – Что-то ты, кстати, давно не благодарил меня за комнату. Я буду на крыше, приготовлю нам кофе.

Глава vim

Оставшиеся четыре дня курса пролетели практически незаметно. С утра мы выходили на кораблике к различным островкам и рифам, где ныряли весь день, любуясь подводными пейзажами и отрабатывая всякие упражнения. По вечерам немного тусовались той же компанией – и спать. За это время я вполне сносно освоился в новом для меня пространстве, втянулся в режим и даже начал чувствовать себя слегка Ихтиандром. Под конец, сдав без особого труда экзамен и расплатившись, я вдруг почувствовал, что лишился чего-то уже ставшего мне дорогим и необходимым. Казалось, я нашел то, что мне в жизни было нужно, но позволить себе я этого, увы, уже не мог – по финансовым соображениям. «Не гуляйте по Арбат, а арбайт, арбайт, арбайт», – взялось откуда-то в голове.

– А что, Юла, клиенты вам еще нужны? – поинтересовался я с целью прощупать возможности халявы.

– Конечно, – отозвался он.

– И каким образом это обычно вознаграждается?

– Ну, если в деньгах, то дадут немного – копейки… а так… приводишь пару человек – ныряешь с нами бесплатно. Устраивает?

– Цэ дило, – обрадовался я. – А ты где ракушки берешь?

– Какие ракушки?

– На которых туристов ловишь.

– На дайвинге собираю… затем варю, обрабатываю… А тебе что? – заволновался Юлий.

– Да не бзди ты, я говняный опыт не перенимаю, – успокоил я его. – Что-нибудь сам придумаю… эдакое. Давай!

Попрощавшись со всеми, я направился прогуляться к уже родному и любимому морю. «Легко сказать – „при-думаю“, –

вслух размышлял я. – И где их взять?.. А потом, это же так, для души, а ведь жрать-то тоже чего-то надо…» Эх, правильно говаривала бабушка: «Если бы спорт приносил денег, то в каждой еврейской семье было бы по два турника. Играй лучше внучек на аккордеоне».

– Меню у вас только на английском. Это плохо, – сообщил я серьезным тоном официанту ресторанчика на набережной.

– Почему, сэр? – поинтересовался он. – Немцы, итальянцы… все понимают.

– Это потому что буквы у них такие же, а вот у нас, у русских, как и у вас, нубийцев, буквы свои, другие, поэтому и понимать русские не будут.

Надо сказать, что слух о регулярном чартере из России уже давно витал здесь в воздухе. Народ активно обсуждал эту тему и с нетерпением ожидал толпы богатых «новых русских», о которых к тому времени слагались легенды по всему миру. Я не спеша сделал заказ.

– Мистер Эб, – ко мне буквально через минуту подошел хозяин ресторана. – Не возражаете, если я присяду?

– Конечно, прошу вас.

– Как здоровье? Как дела? Все ли в порядке? – традиционно начал он.

Мы обменялись положенными этикетом любезностями.

– Видите ли, у меня к вам есть одна просьба, – продолжил он. – Не могли бы вы перевести наше меню на русский язык?

– Да я бы с удовольствием, но времени и сил, к сожалению, совсем нет. Дайвинг – это так не просто…

– Я понимаю, – согласился хозяин. – А что, если вы будете у нас ужинать, ну, и за компанию поможете нам? Ужины, естественно, за счет заведения.

– Ну, давайте попробуем, – я театрально подчеркнуто утомленно взял в руки меню, – вечера за три, думаю, управлюсь.

– Нет-нет, я вас не тороплю, – талантливо подхватил свою партию ресторатор, – мне, право, неудобно вас так обременять. За три, так за три.

Быстро оценив мой скромный заказ, а я как-то не рассчитывал на угощение, он отдал распоряжение официанту «счет закрыть, денег не брать». Затем, лукаво улыбнувшись, предложил: «Может сейчас и начнем?»

«Молодец, б…дь!» – застряло у меня в горле.

«Умный я все-таки. С голоду не помру, – похвалил я себя, прикидывая общее количество Халаибских ресторанчиков. – Вернусь домой в Россию и за диссертацию сяду непременно. Стану кандидатом каких-нибудь культурологических наук, что

ли». Жизнь, похоже, налаживалась. Тем не менее, вопрос с жильем все еще оставался открытым. Я имею в виду то, что за него пока еще приходилось платить, а добычу живых денег я до сих пор не организовал.

Глава IX

Перевод меню оказался занятием востребованным, питался я теперь обильно и часто, переходя из одного заведения в другое, но воспоминания о дайвинге не давали душе покоя. По ночам мне снились большие рыбы, причем в их непосредственной среде обитания, а не на тарелке, как теперь я обычно видел. Они били хвостами и звали меня с собой в глубину. И вот однажды вечером, закончив свои трансляторские труды и немного взгрустнув, я налег на выпивку в одном славном местечке – небольшом уютном прибрежном ресторанчике. Народа в нем почти не было, официанты дремали, стоя возле бара, а в противоположном углу такой же вареный местный лабух на «Ямахе» нудно наигрывал разные мелодии, причем все на один местный манер. Меня это начало раздражать, и я подошел к гусляру. «Ну, кто так играет? Выть же хочется. А ну-ка, подвинься», – сказал я ему прямо по-русски. Он понял и уступил мне место. Я добавил звука и рубанул по клавишам. Все разом проснулись, выскочивший на звук администратор Хамди сначала застыл от неожиданности, а затем одобрительно хмыкнул и зааплодировал. Я махнул еще водки: «Шшас спою» – и запел. Кураж пошел, нереализованная накопившаяся энергия – я же, все-таки, артист. Неожиданно зал наполнился людьми, а через какое-то время сесть уже было просто некуда. Народ все прибывал. Отсутствие места никого не смущало, пили и закусывали стоя, пританцовывая и подвизгивая под наш русский шансон. Официанты просто сбивались с ног, а Хамди периодически бегал куда-то закупать выпивку. Закончив выступление, я оказался за столом в веселой англоязыкой компании. Разговор я активно поддерживал, но понимал окружающих не очень. Это было весело. Парней очень прикалывал мой английский, а меня – то, как они его понимают.

– Ты откуда? – спросил рыжий здоровяк.

– Из России

– Из России?!!

– Ну, давай выпьем за Иру.

– Давай.

Следующий тост опять был за нее. «Кто же такая эта Ира, – подумал я, – что ее все знают и пьют за нее стоя? Хороша, наверное, баба». Меня даже гордость такая патриотическая на минуту охватила за обычную простую русскую девушку, столь популярную в европейском народе. Чуть позже я, правда, разобрался, что к чему. Ребята оказались ирландцами, а «ИРА» – ничем иным, как ирландской республиканской армией.

– А ты здесь что, музыкантом подрабатываешь? – не унимался рыжий.

– Не, я дайвер, – ответил я.

– А в каком центре ныряешь, как там оборудование, организация и вообще? – заинтересовались за столом.

– Центр – говно, оборудование – старое говно, организации никакой, а цены – обычные, – честно сказал я.

Народ заржал, видимо, мои рекомендации пришлись им по вкусу.

– Завтра мы с тобой пойдем. О\'кей? – попросились они. – Сертификаты у нас есть.

– Да вэлкам, – кивнул я, – жду в восемь утра вон там.

Утром следующего дня я появился в дайвинг-центре во главе компании из семи человек. Это очевидно доказывало серьезность моих намерений относительно дайвинга.

– Неплохо, – улыбнулся хозяин центра.

– Десять дней ныряю бесплатно, – категорично сообщил ему я.

– Дил [28] ,– он протянул мне руку.

Я опять почувствовал себя удивительно счастливым. Ко мне подошел Юлий, ему уже сообщили, что у него, благодаря мне, на сегодня есть работа. Он был несколько удивлен этим, но доволен.

– Молодец. Где ты их раздобыл? – поинтересовался он. – … Так, только о ракушках ни слова, – предупредил он, заметив уже расплывающуюся по моему лицу улыбку.

– Да бухали вместе вчера, – обломился я. – Пошли собираться.

День прошел прекрасно, а вечером меня поджидал еще один приятный сюрприз. У дверей гостиницы стоял администратор вчерашнего ресторанчика Хамди.

– Мистер Эб! Мистер Эб! – замахал он рукой, увидев меня. – Я вас давно здесь жду. Как прошли погружения сегодня? Хорошо?

– Нормально, – ответил я. – Как у вас? Официанты перетрудились, а музыкант застрелился?

– Ну, что вы! Знаете, о вчерашнем концерте уже легенды ходят. Это было здорово! Я хотел бы с вами поговорить по этому поводу.

– У меня сейчас по плану душ и отдых…

– … А на ужин к нам, – предложил Хамди, – там и поговорим.

– Да, у нас тут с ребятами планы, вроде…

– Всем по пиву и арахис за счет заведения.

– А мой ужин? – уточнил я.

– Ну, естественно.

– Думаю, холодное бесплатное пиво – это веский аргумент,

чтобы немного изменить планы на вечер. Часов в восемь тогда.

Предложение Хамди ирландцы приняли единогласно. Юлий тоже не возражал. И пока парни наслаждались халявой, я отлучился на переговоры. Несложно догадаться, что речь пошла о работе, но играть каждый вечер в ресторане за еду я не хотел категорически. Это значительно ограничивало мою свободу и не приносило денег, следовательно, противоречило моим основным жизненным принципам.

– …А если мы будем платить вам часть с оборота за то время, когда вы выступаете? – добавил Хамди.

– А это сколько?

– Ну, скажем, процентов пять.

– А в деньгах это как выглядит? – поинтересовался я. – Давайте по вчерашнему прикинем.

Расчеты были заранее готовы. Получалась неплохая, по местным понятиям, сумма.

– Так как насчет хотя бы трех раз в неделю? – предложил Хамди.

– Давайте так, – быстро прикинув ситуацию, сориентировался я, – график сделаем свободным. У меня есть, к примеру, незанятый вечер, и я привел к вам поужинать своих приятелей-туристов. С их счета вы платите мне десять процентов комиссионных. Я час, предположим, играю, и со счетов всех зашедших на музыку вы мне тоже платите десять процентов. Я вам подкатываю клиентов, а вы со мной делитесь.

– А как часто это будет, мистер Эб? – обдумывая сказанное мной, уточнил Хамди.

– Как часто, Хамди, вам, например, нужны деньги? – вопросом на вопрос ответил я. – Вот мои приятели уже сидят за столиком, а я готов, кстати, получить гонорар за вчерашний концерт.

Мы ударили по рукам. Так я заработал свои первые африканские деньги. Права была, однако, бабушка насчет аккордеона.

Глава X

Ресторанчик начал приносить мне небольшой, но стабильный доход, плюс он обеспечивал меня нырялкой. В этом активно помогал Юлий, который с молчаливого согласия Хамди устроил на базе вверенного ему предприятия общественного питания настоящий агитационный пункт. Привлеченные там дайверы считались «нашими», и я мог спокойно ежедневно пользоваться услугами дайвинг-центра бесплатно. Все складывалось и без того неплохо, кроме того, в один прекрасный день начались чартерные рейсы из России, и городок постепенно стал наполняться нашими соотечественниками.

Как известно, русские говорят только по-русски. Иностранные языки были нашему поколению ни к чему, и их незнание широкими массами скорее даже поощрялось правительством на всякий случай. Ну, кто в семидесятые мог рассчитывать на такие перемены? Так вот, не найдя общего языка с англоязычными гидами, активный народ повалил к нам в ресторанчик, дабы в итоге выяснить, что здесь, собственно, происходит. Понятное дело, что мы с Юлием рекомендовали им дайвинг. Для россиян это дело было в новинку, поэтому они могли рассчитывать либо на ознакомительное погружение, либо на начальный курс. То и другое требовало теоретической подготовки, а по-русски это делал только Юлий. Жизнь забурлила, но через некоторое время Юлию слегка поплохело.

– Слушай, одному мне с такой оравой не справиться, – пожаловался он уже через пару-тройку дней. – Помочь не хочешь?

– Не могу. Ты же сам говорил, что у меня квалификации не хватает. Что мне работать пока нельзя. Курсы еще проходить надо. Дело серьезное… Я же у тебя недавно интересовался по этому поводу, – съехидничал я.

– Да, фигня это все, ты же понимаешь, – после небольшой паузы сдался он, – я тоже пока не инструктор и обучать, на самом деле, не имею права, но кого это здесь волнует-то? Опыта у тебя уже достаточно… ну, и под моим присмотром, конечно. А?

– Так, пожалуй, можно… Но ты же не рассчитываешь на то, что я это буду делать только из любви к искусству?

– Конечно, нет! Три доллара с человека тебя устроит? Ты же мне только помогаешь…

– Пять, – ответил я, – и знаешь, договорись с боссом, чтобы он мне второй курс бесплатно организовал. Мы вместе ему план по поголовью на этот месяц вдвое перевыполним.

И я не ошибся.

Глава XI

Зарабатывание денег я всегда считал увлекательнейшим занятием. В условиях внезапно начавшегося бешеного спроса мы с Юлием лихо задрали цены на свои услуги и ударными темпами просто косили урожай. Несмотря на нашу «недостаточную квалификацию», народ оставался страшно доволен, потому что мы старались, а, как известно, чего нельзя добиться мастерством, можно добиться энтузиазмом и усердием. Опять же, я – артист… великий артист… какие я играл курсы…!!!

Кстати, именно в это время я уже точно для себя решил, чего именно хочу от дайвинга и как в дальнейшем могу использовать те навыки, которые приобрел таким неожиданным образом. Я ведь не собирался менять свою основную профессию или оставаться здесь навсегда.

Как-то в баре я познакомился с одним немцем. Он был дайвмастером. Вообще-то, он работал в Мюнхене в какой-то строительной компании и был строителем, но при этом был еще и дайвмастером. Это давало ему возможность приезжать во время отпусков на разные морские курорты, устраиваться на пару недель работать в какой-нибудь дайвинг-центр, нырять на халяву, да еще и отбивать часть стоимости своего билета. Подобное применение хобби сразу пришлось мне по вкусу, и я тоже решил стать дайвмастером, с той же целью. Задача была поставлена, и мои старания приносили плоды. Через некоторое время я стал уже очень известным и уважаемым в городе дайвером, успешно прошел второй курс обучения, и до заветного звания оставался всего один шаг.

С какого-то момента ко мне начали подходить конкуренты – владельцы соседних дайвинг-центров – и предлагать поработать на них или просто подшабашить – провести погружения с их русскими группами, причем денег давали больше. Я, скрипя сердцем, отказывался. Мои работодатели почему-то негативно относились к халтурам. «Ты либо с нами, либо…» – ставил вопрос ребром Юлий. Почему-то дух ложной корпоративности и чувство стадности брали верх над простой рассудительностью и здравой расчетливостью. Это, вероятно, были остаточные проявления пережитого социализма.

Так продолжалось недолго. Юлию вдруг по каким-то причинам потребовалось срочно съездить домой в Россию.

– Слушай, я смотаюсь быстренько туда и обратно, а ты тут пока один «ракушками поторгуй», – попрощался он.

– Не вопрос. Удачи, – кивнул я.

– Да, насчет оплаты не парься, я приеду – разберусь. Ты, главное, записывай, сколько, где и что… ну, понимаешь?

И он улетел, а я остался вкалывать один и по-стахановски.

Отсутствие партнера дало о себе знать буквально на второй день моего самостоятельного творчества. Закончив погружения, утомленный народ вяло копошился, переодеваясь на палубе. Какой-то растяпа споткнулся с оборудованием в руках, и его маска выпала за борт. Я, как лицо материально ответственное, мог бы сразу потребовать с парня компенсацию нанесенного клубу ущерба, но решил пока не портить ему вечер, а просто нырнуть и попытаться найти ее на дне. Это небольшая проблема, когда светло, но к тому времени уже начало смеркаться. Под водой же вовсе наступала ночь, а фонаря, естественно, у меня не было: на дневные погружения брать его не принято. Я тихонечко взял баллон и без лишнего ажиотажа погрузился под воду. Обычно капитан в такое время торопится, чтобы вернуться обратно в порт засветло, и он, если бы заметил это, то вряд ли одобрил бы мои действия. Маску я нашел не сразу, но от того, что увидел, просто не мог оторвать глаз. Ее изучал довольно крупный осьминог. Я затаился и старался не дышать. Сначала он пугал маску, резко изменяя свой цвет и форму, затем, осмелев, взял щупальцами и начал рассматривать. Вероятно, поняв вскоре назначение сего предмета, он попытался ее надеть, но у него все никак не получалось. Это не потому, что голова осьминога была больше головы среднего дайвера, нет, он натянуть ее пытался по-русски – через ж…у – вот что забавляло меня больше всего. «Эх, камеру бы сюда или фотоаппарат!» – пожалел я. И тут послышался шум винтов. Учить осьминога, как это все надо делать правильно, было уже некогда. Я быстро отнял у ребенка игрушку и начал подниматься на поверхность. Когда я всплыл, то увидел, что корабль уже набрал ход и был от меня метрах в двухстах. На нем громко играла веселая арабская музыка – джентльмены выпивали и закусывали. Вскоре он вообще скрылся из виду, и я остался один в темноте посреди моря. Для тех, кто никогда не ночевал на рифе, поделюсь своими впечатлениями. Сначала было забавно, затем хотелось что-то делать и как-то себя спасать, но скоро пришло мудрое решение, что метаться бесполезно и меня подберут только утром. С этого момента я просто растворился в спокойном потоке сознания, завороженно любуясь звезднейшим небом, ночными бликами моря, а потом фантастическим рассветом. Убивать никого уже не хотелось.

Очень странно смотрели на меня пассажиры небольшого прогулочного суденышка, подобравшего меня ранним утром.

– Ты что здесь делаешь? – спросил капитан.

– В Халаиб еду автостопом, – ответил я. – Не подбросите?

– Я тебя знаю, – засмеялся кэп, – ты дайвингом занимаешься. Тебя забыли или волю тренируешь? Ладно, лезь в кубрик, спи.

Оказавшись на берегу, я первым делом направился в дайвинг-центр. Оказывается, там меня никто и не искал. Они ничего даже не заметили. «А чего ты сегодня работать не пришел? – не обращая никакого внимания на то, что я в гидрокостюме и ластах, спросили в офисе, – тебя тут утром все ждали». Я прямо-таки не знал, с чего сразу и ответить. С руки не стал.

На следующий день я высказал все, что думаю по поводу вчерашнего происшествия, капитану нашего кораблика. Это была сто процентов его ошибка. Для острастки я даже пообещал ему, что теперь при погружениях первым делом буду отвинчивать винт и привинчивать его обратно, только когда лично пересчитаю пассажиров. Он извинился, но отнесся к моему заявлению несерьезно, хотя первое время периодически пытался заглянуть под корму и поинтересоваться у выходящих из воды: «Скажите, там винт есть?» – «Нет», – отвечал заранее проинформированный народ. При этом сам капитан проверить не мог, потому что не умел плавать. Признаться же в открытую, что верит моему обещанию, он не решался, поэтому с тех пор перед тем, как запустить двигатель, он всегда дипломатично спрашивал: «Можем идти, мистер Эб?» Считать, на всякий случай, я всегда начинал с себя.

Через неделю что-то подсказало мне, что получить в конце сразу большую сумму будет не просто, и я подошел к хозяину нашего центра за текущим расчетом. Он отсчитал мне причитаемое. Денег оказалось значительно больше, чем я ожидал. Я вопросительно посмотрел на него.

– Как всегда, – сказал он, – что-то не так?

– Все очень даже «так», – ухмыльнулся я. – Ай, да Юлий… ракушки, говоришь?..

Я не чувствовал себя особо обманутым. Я ведь получал в итоге, что хотел, а по деньгам все было в точности так, как мы и договаривались. Просто я не знал условий игры. Вернее, меня умышленно не поставили в известность. «Зато теперь я зарабатываю больше, – решил я, – чего обижаться-то?» Смешно ведь злиться на банк за то, что он отдает вам не всю свою прибыль, полученную с ваших денег, а только ее часть… Да и в магазине товар продается не по его себестоимости… Правда, в этом случае вы в курсе этого, и партнером вас никто не называет… Да Бог с ним! Словом, я не обиделся, но выводы все-таки сделал. За пару дней я наладил отношения с другими дайвинг-центрами и турагентствами, принимающими наших

туристов. Это было не сложно. «Хочешь, я выгоню Юлия? Оставайся работать у меня», – предложил хозяин центра, узнав о происходящем. Я отказался. Клуб, между нами говоря, был действительно паршивенький. Когда вернулся Юлий, я уже вовсю осваивал новые пространства. А вот что я не смог сделать, так это удержаться и не оставить своему экс-компаньону достойного сувенира. «ГОСПОДА, КУПИТЕ РАКУШКУ!» – гласила яркая новенькая аккуратная табличка, приколоченная мной прямо к столбу на любимом Юлином месте.

Пути наши, естественно, разошлись навсегда. В шутках тоже бывает перебор.

Глава XII

Слово фрилендер я знал давно. Так называют себя люди, которые не работают в каком-нибудь одном месте, а нанимаются на разовые работы туда, где есть такая необходимость. Я всегда смотрел на дайвинг-инструкторов-фрилендеров без зависти, мне их даже было немного жалко. Они казались мне какими-то попрошайками, постоянно ищущими себе работу. К себе я примерил первый раз этот способ существования, только распрощавшись с предыдущей работой. Оказалось, что все совсем не так плохо. Русский рынок стремительно развивался. Русских не просто становилось больше, они вытесняли собой европейцев. Перед немногочисленными дайвинг-центрами встала серьезная дилемма: либо как-то работать с русскими, либо сворачивать лавочку. Меня просто разрывали на части, сулили золотые горы и выстраивались за мной в очередь. Вот тут-то я и оценил все преимущества фрилендерства. Ежедневно я устраивал на себя настоящий аукцион, в котором побеждало предложение, сулившее мне большее количество денег за меньший объем работы. Я мог позволить себе, когда захочу, проваляться весь день в постели после шумной ночной дискотеки и на следующий день с лихвой наверстать упущенное. Так, упиваясь хорошо обеспеченной материально свободой, я ни за что не соглашался с ней расстаться. Исключение я сделал только один раз, когда речь зашла о моей мечте – дайвмастерском курсе. Ну, не платить же за него самому из собственных денег! Я отработал его в том же дайвинг-центре, где и проходил обучение, буквально за неделю. Мои коллеги из Италии, Германии и Англии, глядя на все это, просто исходили от зависти.

– Ты зарабатываешь за день больше, чем мы за неделю, – бурчали они, – поэтому пиво с тебя, русский мафиози.

– Это потому что я самый лучший дайвмастер, – честно отвечал я, – и могу, кстати, дать вам хороший совет, разумеется, не так просто, а за арахис к пиву.

– Ну? – сделав заказ, спрашивали они.

– Учите русский, парни. Нас, конечно, не так много, как китайцев, зато язык наш проще, – смеялся я.

Теперь я понимал, что именно фрилендерство – верный путь прогресса и процветания человека, при условии, что он умеет правильно продавать свое свободное время.

* * *

Русские туристы все прибывали и прибывали, как будто разом всей страной решили здесь погреться на солнце и искупаться в море. В какой-то момент я понял, что все еще популярен на родине как артист. Незнакомые соотечественники узнавали меня на улице и называли моим настоящим именем. К тому времени я уже немного отвык от этого. «Отлично, – обрадовался я, – значит, пока ничего не потеряно. Я могу вернуться домой и заниматься дальше тем, чему посвятил практически всю жизнь». На сердце отлегло.

С появлением «наших» спокойствия и умиротворения в городке, надо сказать, значительно поубавилось. Все чаще и чаще то тут, то там звучали во все горло по ночам застольные песни, на пляжах появлялись пустые бутылки, а местные торговцы останавливали меня и спрашивали: «Что значит выражение „Та пошиел ти накуй, тсернозопи“?»

* * *

На улице меня догнали двое мужчин.

– Это он, – показав на меня пальцем, по-арабски сказал один из них.

Я остановился.

– Извините, вы русский? – уже по-английски обратился ко мне второй.

– Да, а в чем дело? – ответил я.

– Вы не могли бы нам помочь? Я управляющий отеля «Голд Бич», и у нас проблемы с нашими гостями из России. Они чем-то слегка недовольны, но говорят только по-русски, и мы никак не можем их понять. Наш отель дорожит своей репутацией, и мы бы хотели обойтись без публичного скандала… не доводя дело до полиции.

– Ну, хорошо, – согласился я.

Мы подошли к ресепшену. Отель словно вымер: никого и тишина. На территории около бассейна сидели шесть короткостриженных, здоровенных, слегка подвыпивших парней с массивными золотыми цепями на бычьих шеях.

– О, ну-ка, быстро иди сюда, черножопый, – увидев нас, скомандовал один из них управляющему, – топить тебя, урода, будем…

– «Слегка недовольны», говорите? – тихо уточнил я у управляющего. – Да вас сейчас просто убьют здесь! Постойте тут, я попробую поговорить… Если чего, вызывайте армию для них и реанимацию для себя.

– Ну, ты, козел, не понял, что ли? – вставая, продолжил амбал.

– В парламентера не стреляйте, – крикнул я и направился к ним.

– А ты кто такой? Наш, русский, что ли? Делаешь здесь чего? – услышав родную речь, парни переключились на меня.

– Работаю я здесь.

– В гостинице этой сраной?

– Нет, тренером по нырянию с аквалангом. «Эти», – я показал пальцем на своих сопровождающих, жавшихся в сторонке, – попросили попереводить, а то они понять ничего не могут.

– А чего тут понимать-то, – взвыли «отдыхающие», – мы уже задолбались им показывать, уже даже рожей тыкали, а они, козлы, только лыбятся… Мы бабок за этот вигвам отдали немерено, а тут душ не течет, кондиционеры и холодильники не работают… Перебьем паскуд!..

– Да сдаются они, сдаются. На всех ваших условиях, – сказал я. – Чего хотите?

– Чинят пускай все!

– Может, лучше номера вам поменяют на нормальные? – предложил я.

– Во, лучше так, – согласился здоровяк. – Правильно, пацаны?

– Ну, да. Чего мы будем в ремонте-то жить, – поддержали они, – и чтоб номера, слышь, получше дали, и окнами не на помойку…

Я объяснил обстановку управляющему и сказал, что уже пообещал от его имени ребятам хорошие номера. Тот с облегчением согласился.

– «Люксы» с видом на море подойдут? – крикнул я парням.

– А там все работает? – поинтересовались они.

– Ну, проверьте сами, выберите себе, где работает, – улыбнулся я.

Управляющий уже собрал вокруг себя разбежавшихся от страха работников и давал им указания.

– Э, браток, давай уж с нами до конца, а то эти черти, бл…ь, не понимают же ни хрена. Опять в блуд пойдут… – положив свою тяжелую руку мне плечо, попросил здоровяк. – Меня Андреем зовут.

Буквально через полчаса все было улажено. Номера оказались подходящие, парни остались довольны.

– Вот, это другое дело, – первый раз улыбнулся Андрей. – Заходи, тренер, водки попьем.

– На полтинничек только, – кивнул я.

– А чего так несерьезно? – поинтересовались пацаны. –

Режим, что ли, спортивный?

– Да дел у меня еще на сегодня по горло. Так что…

– Напрягать не будем, дела так дела… Тостуй тогда.

– За мирное урегулирование международного конфликта, – предложил я.

Народ хмыкнул, мы выпили.

– На их месте я бы тебе орден дал – как спасителю, – рассмеялся Андрей. – А где тебя, миротворец, найти-то можно, если чего?.. Ну, скажем, понырять решим…

Я объяснил, где живу, и, попрощавшись, вышел.

Около ресепшена я встретил управляющего. Он с улыбкой бросился ко мне:

– Спасибо! Спасибо большое, мистер Эб! Вы очень нам помогли.

– Год жизни, считай, потерял, – пожаловался я, – не люблю участвовать в гангстерских разборках.

– Понимаю, – сказал управляющий, – но вы молодец, были на высоте. Это «русская мафия»?

– Нет, ученые-ботаники.

Управляющий понимающе кивнул.

– Мне очень жаль, что так получилось, извините, пожалуйста. Но вы теперь всегда дорогой гость в нашем отеле и можете проводить свое свободное время у нас в барах, на пляже, дискотеке… Сейчас я выпишу вам дисконтную Ви-Ай-Пи карту… И знаете, мы, пожалуй, закроем глаза на то, что вы иногда у нас «ночуете» и без договора работаете с нашими клиентами. Я имею в виду дайвинг.

– Ну, что ж, пойдет, – сказал я, – и еще, я бы не отказался как-нибудь провести тут легально уик-энд с хорошенькой блондинкой.

– Дил, – протянул мне руку управляющий, – как выберете себе блондинку – сразу к нам. «Люкс» с полным пансионом на уик-энд ваш.

Мы пожали друг другу руки. Дело оставалось за малым.

* * *

О том, как проводят люди свое свободное время на курортах, не мне вам рассказывать. Это, я думаю, проходил каждый. Замечу, что Халаиб не был в этом смысле досадным исключением, несмотря на то, что находился в мусульманской стране. Соответственно, моя личная жизнь изобиловала разнообразием и ненавязчивостью отношений. Курортные романчики чередовались

с циничным сексом, и никто не успевал друг другу надоесть, так как продолжительность пребывания приезжих красавиц соответствовала сроку их путевки и, как правило, не превышала недели. Сердца при этом никакие не бились, сопли и слезы не текли, а на упреки и подозрения просто не было времени. Все проходило в коротком страстном порыве и приносило лишь радость и удовлетворение. Как правдиво характеризовала свое отношение к этому одна очаровательная москвичка: «Симпатичные, загорелые, веселые парни на курорте просто входят в программу моего отдыха». И это у всех. Дайвмастера, хочу заметить, пользуются особым успехом, так как ко всем перечисленным выше качествам прибавляются еще экзотичность, романтизм и мужественность их профессии.

После того, что мне посчастливилось пережить за это время, я никогда не поеду со своей женой отдыхать на курорт и тем более не отпущу ее одну. И вам не советую. Я вообще считаю, что жены не должны отдыхать на курортах. Грядка на даче в кругу детей и под надзором свекрови – вот их место отдыха. Курорты созданы для настоящих мужчин и конченых бл…й.

Глава XIII

Своих уже знакомых парней из «русской мафии» я встретил вечером в баре, спустя пару дней.

– О, миротворец, – приветствовал меня Андрей, – а мы тут как раз тебя вспоминали. Забодало бухать и валяться на пляже, давай нырнем напоследок, что ли.

– Лицензии у вас есть? – поинтересовался я.

– У нас есть бабки, – резонно заметил он. – Этого достаточно?

– Я в смысле умеете или не умеете с аквалангом-то управляться.

– Ты же тренер, – дружелюбно ткнул кулачищем мне в грудь бугай. – Покажешь, растолкуешь… и управимся. Мы парни спортивные. Полтишка выпьешь?

– Давай.

– Ну, так как порешим?

– Да не проблема, – ответил я, – завтра в половине восьмого встречаемся в холле вашей гостиницы. Плавки, там, полотенца… берите с собой.

– Давайте тогда, пацаны, еще по одной накатим, и спать, – подытожил Андрей.

Утром все шло как обычно: я встретил ребят, привел их в один из дружеских мне дайвинг-центров, подобрал им оборудование, мы погрузили его на пикап и поехали в порт. Как обычно в это время там суетилось много народу. Дайверы со всех клубов грузились на корабли, подвозились баллоны, продукты и напитки.

– Слушай, а эти все вместе с нами будут? – спросил Андрей, подходя к нашему боту.

– Ну, да, – ответил я, – кораблик по пятнадцать человек берет.

– А ты нам отдельную посудину организовать можешь? Чего мы толпой-то?.. У нас своя компания, нам чужие на фиг не нужны.

– Да не вопрос, – я посмотрел на несколько стоящих у причала ботов, оставшихся на сегодня без фрахта, – любой каприз за ваши деньги.

– Ты только не блатуй, – предупредил Андрей, – договаривайся на реальную сумму.

– Я по мелочи не тырю.

– Я как раз об этом и говорю.

Первый же свободный капитан с радостью согласился взять нас на борт, сделав еще при этом и приличную скидку. Владелец

дайвинг-центра тоже не имел ничего против, лишь предупредил, что вся ответственность за моих клиентов – на мне. В общем, все как-то удачно сложилось, и мы вышли в море.

За первое погружение на мелководье ребята вполне освоились с аквалангом. Парни спортивные, дисциплинированные и не из робкого десятка, поэтому другого я от них и не ожидал. С «конкретными пацанами» работать, как показывает опыт, значительно легче, чем с «понтовыми торгашами» или представителями творческой интеллигенции. Они, как ни странно, в этой обстановке «пальцы не гнут» и четко выполняют инструкции, что, по-моему, самое главное.

На втором погружении я решил прогулять своих парней вокруг рифа. Они с восторгом, как дети, рассматривали рыбок в кружевах кораллов, гонялись за скатами и кувыркались в толще воды. И вдруг на нашем пути попалась довольно крупная мурена. Она торчала из пещерки, образованной в коралловой стене рифа, и казалось, дремала на солнышке. Я знаками показал группе, что приближаться слишком близко, а тем более трогать «это» опасно. Мы зависли в полутора метрах, разглядывая ее зубастую морду. Мурена, казалось, никак не реагировала на наше присутствие, спокойно торча из своей норы. Тем временем один из парней снял ласту и неожиданно для всех ткнул ею прямо в нос зверюге. Мурена мгновенно вцепилась в ласту и рывками потянула незадачливого исследователя на себя. Такой прыти от нее никто не ожидал, но парни не растерялись, и мы за ноги оттащили товарища от пещерки. Мурена бросила ласту и, прикинув численный перевес противника, скрылась в норе. В голове у меня внезапно родилось: «Боец солнцевской группировки Бумбараш принял геройскую смерть в схватке с муреной посредством акваланга» – и, приколовшись над этим про себя, я дал сигнал на всплытие.

– Да ты просто о…ел! – заорал я на провинившегося, как только мы всплыли.

– Ты чего, б…дь, не понял, что тебе тренер говорил? – со всех сторон набросились на него парни. – Сказали же – не трогать ничего! Хер бы свой сунул! А если бы она кого-нибудь из нас тяпнула?!..

– Да я как-то… – оправдывался тот.

– Ладно, хорош, поплыли на корабль, – скомандовал я.

* * *

– Спасибо, брат, – сказал Андрей уже в холле гостиницы, –

классно оттянулись. Ну, а насчет мурены не грузись… так вышло.

– Да ладно, – хмыкнул я. – Хорошо то, что хорошо кончается.

– Мы завтра улетаем, поэтому отвальная сегодня. Давай, сбегай переоденься по-быстрому, и к нам. Мы тут банкетный зал сняли, посидим.

Спустя полчаса я вернулся.

– Ну, проходи, – все собрались в номере Андрея.

– Знаешь, – сказал Андрей, – мы тут тебе собрали кое-что… ну и так, немного на жизнь решили оставить. Не дело это, такой реальный и опасный труд ты за копейки выполняешь.

Мне сунули в руки пакет с семью бутылками водки, а Андрей протянул пачку долларов и горсть местных гиней.

– Не рассчитали немного своих сил. Вот, осталось чуть-чуть, – признался он. – А теперь пошли, стол ждет.

Я вернулся домой поздно, здорово пьяный и звеня подарками.

– Ты что, ограбил бар? – поинтересовался Али, помогая мне подняться по ступенькам на крыльцо.

– Взял с собой, что не смог допить, – с трудом выговорил я.

– Инта магнун [29] ,– проворчал старик, укладывая меня на кровать.

Глава XIV

«Гранд Палас», в котором я все это время снимал апартамент, был, как выяснилось, просто культовым местом для дайверов. Этот мини-отель существовал в основном за счет своей тусовки, и люди со стороны, типа меня, в него попадали редко. Большей частью новички приезжали по рекомендации завсегдатаев постояльцев, и если приживались, то автоматически вливались в устоявшуюся команду. Фан клуб «Гранд Паласа» состоял в основном из немцев, швейцарцев и англичан. Французов здесь, как, впрочем, и во всей Европе, недолюбливали, а итальянцев сторонились из-за их национальной шумливости и излишней коммуникабельности. Я был первым русским. Ко мне долго присматривались и в итоге решили принять в свои, тем более что я все равно никуда бы не ушел, так как мне здесь нравилось и идти все равно было некуда. Свободных номеров не всегда хватало, и периодически народ дожидался комнаты, живя на крыше, как и я в первую ночь. Но никто при этом не роптал, потому что находился «дома» и в кругу друзей. Мы дружно жили, занимаясь каждый своими делами, периодически вместе выпивая и, конечно же, по-доброму подшучивая друг над другом.

В один прекрасный день на пороге «Гранд Паласа» появился немного странного вида человек с огромным, но не дайверовским рюкзаком и какой-то помятой распечаткой. Его звали Норберт. Оказалось, что один из наших – его хороший друг Бруно скинул ему по Интернету свои рекомендации об отличном варианте использования отпуска. Норберт его попросил, ну, а он посоветовал. Там был список необходимых вещей, типа крема от солнца, шортов, шлепанцев… карта города с отмеченными злачными местами и аннотация, которая гласила, что по приезду в Халаиб следует остановиться в «Гранд Паласе», найти там инструктора Эба, передать ему письмо, и он тебе все классно организует. Что Норберт, собственно, и сделал. Меня позвали из ближайшего кафе, где я ужинал. Я подошел и, узнав, в чем дело, вскрыл конверт. «Дорогой Эб, – писал Бруно. – Пожалуйста, не удивляйся, этот парень приехал с парашютом. Это мой лучший друг. Он не дайвер, он занимается параглайдингом. Нырять он наотрез отказывается, а я боюсь летать. Мы всю жизнь отдыхали вместе, а теперь – врозь. Вот я и сказал ему, что Халаиб – лучшее место для параглайдеристов, чтобы он приехал, а ты его научил нырять с аквалангом, потому что только русский может победить упрямого и бестолкового немца, такого как Норберт. Знаю, тебе будет очень нелегко. Прости меня, если сможешь. Удачи и до

встречи».

– Парашют с собой? – как можно серьезнее спросил я.

– Да, вот, – ответил Норберт, показывая на рюкзак.

– Селись в гостиницу и готовься, завтра утром полетим, – сдерживая навернувшиеся от проглоченного хохота слезы, выдавил из себя я.

– Яволь [30] ,– отрапортовал он и, чеканя шаг, направился к ресепшену.

– Хэнде хох, – почему-то ответил я и вернулся к своему ужину.

Шутки шутками, а я даже не представлял себе, что будет, когда Норберт узнает правду. Он пока даже не догадывался, как подставил его Бруно. Если я скажу ему все напрямик, он наверняка расстроится и просто никуда нырять не пойдет. К тому же розыгрыш не получится, а испорченный отпуск мало кто прощает. Надо было что-то срочно придумать.

Заселившись в номер, Норберт присоединился ко мне в кафе.

– Знаешь, – сказал я ему, – завтра у нас, извини, ничего не получится. Мы все едем на спасательную операцию.

– А что случилось? – взволнованно спросил он.

– У нас тут приятель неудачно приводнился. Только что сообщили. Сам-то, вроде, в порядке, а вот парашют утопил… а главное, талисман потерял, сорвал с шеи, пока в воде отстегивался, – прямо на ходу придумал я. – А знаешь, что значит потерять талисман? Матиас с ним всю жизнь летал. Так что едем нырять, искать будем.

– Да, потерять талисман – это чертовски плохо, – поддержал меня Норберт. – У меня тоже есть одна вещь на удачу, и я без нее никуда. Многие считают, что это ерунда, а для меня это важно.

– Это так и есть, – кивнул я. – Мы все здесь относимся к этому очень серьезно, поэтому и решили устроить эту спасательную операцию. Потому что мы понимаем, что на самом деле это значит, а Матиас наш друг, и мы не бросаем друзей, когда им нужна наша помощь. А как иначе?

– Классно, что у вас такая команда. Вы счастливые парни, – вздохнул он. – Знаешь, сейчас редко где встретишь такое. Обычно каждый только за себя, и никого не волнуют чужие проблемы. Я, если честно, и параглайдингом-то увлекся, потому что народ там подбирается правильный. Реальные парни.

Мы заказали еще по пиву. Я был очень доволен собой и таким поворотом дела. «Ну, просись, просись уже с нами!» – заклинал я его про себя. Скрестив пальцы под столом, я держал паузу.

– Я бы с удовольствием пошел с вами, – наконец произнес Норберт, – только не знаю, чем смогу быть полезным. Я никогда

не погружался с аквалангом.

«Ecc!!! – чуть не закричал я, но взял себя в руки. – Рано радоваться. Еще немного… Только бы не слажать…»

– Жаль, лишние глаза как раз бы не помешали, – вздохнул я, – площадь поиска большая. На воде ведь сложно точное место запомнить. Единственный наш ориентир – это координаты с самолета: плюс-минус полкилометра. Даже если найдем парашют, это ничего не даст. Его течением наверняка далеко стащило, так что прочесывать каждый метр придется. Хорошо то, что он совсем рядом с рифом плюхнулся, глубина там метра три-четыре, не больше.

– Хм, – глаза Норберта заблестели. – Три метра? Это же ерунда! Я справлюсь! Найдется акваланг для меня?

– Конечно, найдется, – обрадовался я. – Вэлком ту зэ клаб! [31]

Под предлогом, что «мне нужно еще все успеть подготовить для операции», я поспешил уйти из кафе, оставив там Норберта. Мне, действительно, теперь необходимо было организовать все то, что я ему наплел. С ребятами, которые сегодня днем закончили у меня курс и решили завтра просто поплавать – закрепить освоенное, проблем не было. Они точно не сдадут, кроме того, никто из них не говорит по-английски. Осталось договориться с остальными, кто будет на корабле. «Второго дайвмастера я увижу и предупрежу перед отплытием, а его группа живет в нашем же отеле. Они свои ребята и наверняка подыграют», – решил я. Долго искать их мне не пришлось. Они пили пиво в кабачке на набережной. Я показал им письмо и со своими яркими комментариями пересказал сюжет проведенной мной артиллерийской подготовки. «Кул! [32] – взвыли парни от восторга. – Перекуем парашютиста в водолазы!» И мы тут же весело под пиво разработали блестящий сценарий. «Только не колитесь до конца, – попросил я. – Финал я беру на себя. Окей?»

Утром наша группа «парашютистов» загрузилась на водолазный бот, и мы направились к одному из рифов, к месту, называемому сегодня «район неудачного приводнения Матиаса», строго согласно сценарию. О полетах никто не говорил, так как для успеха операции мы дали обет «о небе ни слова, пока не найдем талисман». Это была также продуманная предосторожность, чтобы Норберт ничего не заподозрил. Ведь никто из нас никогда даже не видел парашюта вблизи, а тем более на нем не летал. По дороге я тщательно проинструктировал его относительно предстоящих погружений, вкратце изложив основы и правила водолазного дела. Корабль встал у рифа на якорь, Матиас показал рукой приблизительное место своего

падения, еще раз описал пропавший предмет, и мы собрались для мизансцены на корме под кодовым названием «совещание». На нем решено было разделиться на пары и выделить каждой паре свой сектор поиска. Я, как опытный дай-вер, взял в напарники новичка и получил самый мелкий ближайший к рифу сектор. Первое погружение прошло хорошо и, естественно, безрезультатно. Во время прочесывания дна в поисках талисмана наш парашютист успел немного освоиться под водой, а также заметить и оценить красоту подводного мира. Дайвинг просто привел его в восторг, хотя он тактично сдерживал свои эмоции, помня о невеселых обстоятельствах, приведших нас сюда, и поставленной перед нами сложной задаче. Второе – Норберт уже держался почти уверенно и даже, отвлекаясь от поисков и забывая обо мне, заглядывался на рыб.

– Мы опять ничего не нашли, – сообщил он, поднявшись на борт.

– А как тебе дайвинг? – спросил Матиас.

– Классно! Там была мурена такая, и скат, и рыбы такие…

– Значит, понравилось?

– Еще бы! А как, кстати, твой талисман?

Матиас протянул Норберту небольшой кулончик.

– Нашли?! Вот здорово! – обрадовался Норберт. – Кто? Где? Как? Дай посмотреть!.. А почему это фигурка дайвера? Вы же парашютисты.

Все посмотрели на меня.

– Видишь ли, Норберт, – подбирая слова, неспешно начал я, – дело в том, что, на самом деле, мы не совсем парашютисты…

И я рассказал ему о нашем сговоре, показав письмо, подтолкнувшее нас к этому поступку.

– Это вы меня так надули? – захохотал Норберт, когда, наконец, понял, в чем дело. – Я же поверил! Ну, вы даете. Меня в жизни так не дурачили! Спасибо, парни, я это никогда не забуду…

– …Да ладно. Мы-то чего, так, прикололись. Это все Эб-весельчак наш, – сказал Матиас, – его и благодари… А дайвера этого возьми себе. На память.

Вечером мы еще раз все вместе обменялись впечатлениями об отлично проведенной «спасательной операции», хохоча на всю набережную и потребляя спиртные напитки, естественно, за счет Норберта. Через четыре дня он, кстати, окончил курс и получил свой первый сертификат подводного пловца.

Глава XV

Стоило ко мне приехать одному из моих Питерских друзей, как слух о том, что я здорово устроился на теплом море и приглашаю всех к себе в гости, моментально разнесся буквально по всем знакомым и малознакомым. В гостинице, естественно, был телефон, по которому нельзя было позвонить за границу, но на него, как ни странно, – можно. Откуда народ доставал этот номер, я не знаю, но он просто разрывался от звонков из России. «Мистер Эб, тут чего-то говорят на непонятном языке, это значит – вас», – сообщал мне портье. Вопрос у всех был один. «Да, приезжайте», – без энтузиазма говорил я. Дальше обычно все заканчивалось. И тут неожиданно мне позвонил Витек. Тот самый Витек, благодаря дурацкой шутке которого я сюда и попал. Он сразу начал расспрашивать меня о погоде, температуре воды, местных ценах… и, как ни в чем не бывало, заявил, что собирается приехать погостить. И мне вдруг захотелось, чтобы он действительно приехал. Конкретного плана коварной мести в моей голове еще не было, но в том, что он легко появится, я был абсолютно уверен.

– Да не парься ты, я тебя встречу, остановишься у меня. Какие проблемы-то? – мягко стелил я. – Бери билет – и сюда.

– А чего там у тебя делают? – начал ломаться он.

– Ныряют с аквалангом, купаются, пьют пиво… Ты козу когда-нибудь доил? – вдруг неожиданно для себя ляпнул я. – Приезжай, научу.

– Козу? – засмеялся Витек. – Ладно, жди. Возьму билеты и сразу позвоню. До скорого.

«А ведь это, пожалуй, идея», – смекнул я и тут же побежал к своему мудрому местному другу.

– Слушай, Али, а у тебя случайно знакомых бедуинов нет?

– Есть, – ответил он.

– А далеко их деревня находится?

– По пустыне на джипе минут сорок. А что?

– Свози меня туда, познакомь, пожалуйста. Дело одно есть.

– Да поехали, хоть сейчас. По пути расскажешь.

Витек прилетел через четыре дня. Он был прикинут по-курортному: в соломенной шляпе, темных очках «Рейбан», красных понтовых шортах и пестрой гавайской рубахе. Как я и ожидал, пятичасовой перелет сделал свое дело. Витек был хорош. Трезвым сюда из России еще никто не прилетал. Я на взятом по такому случаю у Али джипе встречал его в аэропорту.

– Здорово, кореш! – заорал он дурным пьяным голосом. – Как

ты тут, брат? Вот я и приехал.

– Я вижу, – улыбнулся я, освобождаясь от его объятий, – кидай сумку назад и садись. Поехали, пока тебя в каталажку не забрали.

– Да я их всех… – опять заорал Витек.

– Давай-давай, залезай быстрей, морда пьяная, – жестко прервал я его дебош и запихнул мягкое тело в машину.

Сразу за аэропортом я свернул с дороги в пустыню и, отъехав с километр, остановился.

– Офигительно здесь, – пробормотал Витек, – только жарко очень.

– У тебя бухло-то еще есть? – спросил я.

– Виски литруха в сумке, а чего?

– Доставай, выпьем, что ли, за свиданьице, – предложил я, – а то чего, как не родные-то.

– Давай, – согласился он и попытался дотянуться до заднего сидения.

– Не, оставь, лучше я.

– Да я не пьяный… она там, в кармане, – после третьей неудачной попытки сдался он.

Я достал уже нагревшуюся бутылку и налил нам обоим по полному стакану.

– О, ты даешь, – икая, Витек взял стакан.

– Чего, слабо? – проверенным традиционным способом спровоцировал я.

– Мне слабо?.. – повелся Витек.

Явно лишний стакан горячего виски на жаре почти мгновенно вогнал Витька в состояние глубокого алкогольного наркоза. Я переложил его назад к сумке на бочок, чтобы он не выпал во время движения и не мешал мне рулить.

Деревня, все десять человек и несколько коз, были готовы к встрече дорогого гостя. Я сгрузил его в одну из землянок и жестами поблагодарил старосту. Он кивком уверил меня, что все будет хорошо и так, как мы и договаривались. Местные бедуины вообще были почти как индейцы в кино: гордые, честные, немногословные – и понимали только свой бедуинский язык. Договаривался с ними, естественно, Али, который доводился им каким-то дальним родственником и пользовался неоспоримым авторитетом.

На прощание я черканул записку и положил ее на тюфяк рядом со спящим «другом». «Дорогой Витек, – было написано в ней, – не бзди. Ты в Нубии, и тебя не похитили. Я просто тоже решил пошутить. Ха-ха-ха. Тебя там никто не держит, но идти в пустыню не советую. Жилье это я тебе оплатил. Кормить будут.

Обратно к самолету через неделю отвезут. Отдыхай, дои козу. Она живет рядом. Удачи».

Дня два меня грызли муки совести, и я, конечно же, забрал Витька от бедуинов. Все это время бедолага просидел в своей берлоге. Вид у него был какой-то жалкий, потерянный и несчастный. Он бросился ко мне, как к спасителю, утверждал, что шутка ему очень понравилась, и даже несколько раз поблагодарил за то, что я его все-таки оттуда вытащил. Мне было за себя стыдно. «Правильно сделал, – одобрил меня Али, – проучить, если тебя обидели надо, а наказывать – это уже дело Аллаха». Больше ни одной шутки в свой адрес я от Витька не слышал, а козу доить эта бестолочь, кстати, так и не научился. Зато он стал гораздо серьезнее и освоил подводное плавание.

Глава XVI

Мое увлечение фотографией началось еще в детстве, когда родители подарили мне «Смену» на день рождения. Не могу сказать, что с того момента я никогда не расставался с камерой, но фотографировать научился, любил и всегда брал с собой аппарат во всякие поездки. Узнав однажды, что в Халаибе есть место, где можно взять напрокат камеру в боксе для подводной съемки, меня посетила отличная идея. Я давно хотел поснимать то, что ежедневно встречалось мне во время погружений, кроме того, делая фотографии своих клиентов, я мог бы без особых усилий увеличить личный материальный дохода с нырка. Быстро просчитав экономику, я предложил эту услугу народу. Как и любое нововведение за дополнительные деньги, моя инициатива не была поддержана. Дайверы оказались, мягко говоря, прижимистые, но мою решимость освоить перспективный ресурс это не поколебало. «Ах, вы так? – решил я. – Тогда зайдем с другой стороны».

На следующий же день в моих руках появился желтый подводный фотоаппарат. Он совершенно не мешал работать, кроме того, добавлял мне творческого азарта и привлекал дополнительное внимание окружающих. Они с удовольствием позировали мне на фоне рыб и кораллов.

Проявка и распечатка снимков заняли час, и к ужину у меня в руках уже была стопка большей частью неплохих фотографий. Народ рассматривал их, узнавая себя и места, где недавно погружались.

– Здорово!.. Смотри-смотри, а это я… Ты здесь себя видел?.. – наперебой галдели они. – Эту я возьму, а эту я… а эту я…

– По десять долларов, – торжественно сообщил я. – Вы же вчера отказались скинуться и взять камеру напрокат для всех. Я взял ее сам, для себя, поэтому фотографии продаю. Логично? Это называется: «Жадные платят вдвое».

Это был удачный дебют нового жанра. В дальнейшем я постоянно предлагал народу взять в аренду камеру, но большинство отказывались, а затем покупали у меня фотографии по коммерческой цене. Я специально не говорил им заранее, что снимать все равно буду, так как продавать фотографии поштучно мне было выгоднее. А чему нас учит наш же русский алфавит? Он же прямо с главного и начинается – «А» «Бы» «Вы» «Го» «Да».

* * *

– Мистер Эб, вас там какие-то французы разыскивают, – постучав и не заходя, прямо из-за двери сообщил мне портье.

– Какие французы? – я осмотрелся, решая, что на себя накинуть. – Пусть на улице подождут.

Трое парней курили на крыльце.

– Это вы меня спрашивали?

– Мы, – ответил один из них. – Вы говорите по-французски?

– Нет.

– У меня не очень хороший английский, – признался парень.

– У меня тоже, – заметил я. – Могу предложить еще только русский.

– Тогда по-английски, – согласился он. – Мы ищем хорошего дайвера-инструктора, который смог бы нам организовать глубоководное погружение.

– Какие проблемы? – спросил я. – Вон там находиться французский клуб, спросите, дело обычное.

– Мы уже были там. У них глубоководные погружения проводятся на глубине сорок метров. И не больше, – пожаловался он.

– Ну, да, это стандарт, – ответил я.

– Дело в том, что на сорока мы уже неоднократно были и теперь хотим погрузиться на сто, – гордо сказал он.

– А квалификация у вас какая и погружений сколько?

– Около сотни, и у нас по две звезды КМАС.

– Ну, тогда вы должны знать, что это опасно, – резонно заметил я.

– Мы заплатим.

– Сколько?

– По сто долларов.

– Оревуар [33] ,– вспомнил я очень подходящее французское слово.

– А сколько вы хотите?

Вообще-то, я давно и сам думал попробовать опуститься на сотню. Возможности такой пока не было, и напарника квалифицированного да свободного тоже. Инструкторы и дайвмастера всегда ведь с группами, а у любителей, как правило, опыта на такое не хватало. «Вот, вроде, и случай удачный подвернулся, – подумал я, – а с другой стороны, опасное это дело. Хрен их знает, как они там плавают. Потонут еще, отвечай потом…»

– Да ничего я не хочу, это вы хотите, – ответил я. – Думаю, что вряд ли кто вам такое здесь делать будет, да еще и за триста баксов. Риск большой, а толку никакого.

– А за пятьсот?

– За тысячу, – усмехнулся я, – и ответственность вся на вас. Я могу договориться с кораблем, все подготовить, ну, и нырнуть с вами – поконтролировать. Если чего, я тут не причем, так, за компанию нырял.

Они вдруг взяли и согласились, я даже не ожидал, и мы тут же договорились на послезавтра, так как на следующий день я был занят. Мне показалось, что это были какие-то неправильные французы – не жадные, не заносчивые… и говорящие по-английски. Хотя все дальнейшие общения с представителями этой великой нации окончательно убедили меня, что такими они и правда бывают, но только тогда, когда им действительно что-нибудь очень-очень нужно.

Слух о том, что я согласился, мигом разнесся по всему городку. Мои друзья и знакомые советовали мне «отказаться, пока не поздно», и «не делать глупостей», но за себя я был уверен, а французские мальчики были уже взрослыми.

В означенный день мы подогнали кораблик на глубокое место, вывесили за борт четыре баллона для декомпрессии (на всякий случай) и еще раз обговорили все детали предстоящего погружения. По большому счету, нам нужно было «упасть» туда, зафиксировать достижение и сразу же подниматься на поверхность. На большее все равно не хватило бы воздуха. Мы попрыгали в воду, собрались на поверхности и пошли.

Первые сорок метров пролетели без осложнений. Ближе к шестидесяти я почувствовал, что парни начинают волноваться. Я знаком поинтересовался, как у них дела, они ответили, что все нормально, и мы продолжили погружение. На отметке «семьдесят пять» один из них вдруг заметался и рванул к поверхности. Я поймал его за ласту, остановил и попытался успокоить. Быстрый подъем с такой глубины грозил бы французу большими проблемами, если не смертью. Взгляд у него был встревоженный и испуганный. Он показал мне, что неважно себя чувствует и твердо намерен всплывать. К нам присоединились остальные два участника спуска. Продолжать погружение все вместе мы не могли, беглец категорически рвался вверх, а отпустить его одного в таком состоянии было бы роковой ошибкой. Двое оставшихся тоже уже, видимо, не хотели продолжать спуск, отпустив меня сопровождать их приятеля на поверхность. Они тяжело дышали, и мне даже казалось, что я слышу учащенное биение их сердец. Времени на размышления не было, и я, опросив их мнения, дал команду на подъем. К этому моменту нас уже притопило до восьмидесяти шести метров. При всплытии проблем не было, и мы благополучно вышли на поверхность.

– Жаль, конечно, – сокрушались парни, – оставалось-то чуть-

чуть.

– У меня сильно закружилась голова, – оправдывался виновник срыва, – я потерял ориентацию…

– Восемьдесят шесть – это не сто, но все-таки в два раза больше ваших прежних достижений, – констатировал я. – В следующий раз получится. Главное, что живые все остались.

– Да-да, конечно, – согласились они, – спасибо тебе большое.

Ну, я-то понятно, с чего туда полез: тысяча долларов на дороге не валяется, а они-то?.. Нет, все-таки дурной народ, эти дайверы!

Глава XVII

Я почему-то убежден, что даже в райских кущах для такого необузданного в желаниях своих создания, как человек, что-нибудь все равно да будет не так. Рано или поздно, так или иначе, нам чего-то становится очень не хватать и этого начинает хотеться. Причем объект вожделения, как правило, предмет далеко не первой необходимости. Он даже, скорее всего, нам и не нужен вовсе, но именно его больше всего хочется. В этом все мы. Я, например, всегда предпочитал говядину, хороший такой стэйк средней прожарки в перечном соусе. И здесь его замечательно готовили в нескольких местах. А вот свинины, по понятным причинам, не было ни в каком виде. Как я от этого мучался!

Мы сидели в ресторанчике с каким-то нашим военным атташе и ужинали. Он приехал сюда из столицы с сыном на уик-энд и, узнав, о соотечественнике, работающем дайвмастером, попросил меня погрузить с аквалангом под воду свое чадо.

– Да не вопрос, приводи с утра, – согласился я.

В перерыве между работой минут десять мы поплавали с ним и за ручку на мелководье. Денег за это я, конечно же, не взял, а от ужина не отказался – отец чувствовал себя мне немного обязанным, ведь паренек просто верещал от восторга. Надо сказать, что такая практика была очень распространена. Родители часто обращались с подобными просьбами, чтобы развлечь своих ребятишек, которым дайвинг не подходил еще по возрасту. Подростки «загорались» с первого же раза и ждать шестнадцатилетия ни за что не хотели. Они толпами обивали потом пороги разных дайвинг-центров, пытаясь самостоятельно договориться с инструкторами и дайвмастерами любыми путями. Увидев как-то, кстати, свою пятнадцатилетнюю дочь, безуспешно пытающуюся склонить меня к должностному преступлению, Клаус подлетел ко мне.

– Даже не думай, – сказал он, протягивая пиво. – За это ты получишь больше, чем за угон самолета.

– Ну, так не жмоться и бери ее с собой на корабль, – огрызнулся я, – понырять с ластами и маской на рифе ей никто не запрещает. Она у тебя девочка взрослая и настырная. Гляди, своего где-нибудь да добьется.

Но я сейчас не об этом. Итак, ужинаем мы с атташе, болтаем о жизни и о всякой ерунде, как вдруг он спрашивает, не надо ли мне чего привезти «из города».

– А что там есть такого, – спросил я, – чего нет здесь?

– Да там все есть, – неопределенно ответил он.

– А свинина? – вдруг пришло в голову мне.

– Не вопрос, достанем, – пообещал атташе.

Через пару дней он подлетел на своем «кадиллаке» и

достал из холодильника, занимавшего практически весь огромный багажник, здоровенную замороженную свиную рульку.

– Держи, – протянул он ее мне. – Извини, старик, тороплюсь очень. И так крюка такого сделал. Бывай здоров!

И он оставил меня, стоящего с огромным тающим куском свинины на улице мусульманского городка. Тогда я еще не понимал всей сложности своего положения.

– Ц-ц-ц-ц, – отрицательно помотал головой Али, когда я попытался втащить свое сокровище в гостиницу. – С этим нельзя!

– В холодильник надо, – объяснил я ему.

– Тем более нельзя, – ответил Али. – Там ведь еда.

– А это что? – спросил я.

– Это мясо грязного животного, – поморщился он. – К этому мы даже не прикасаемся.

– И как же мне быть?

На улицу высыпали постояльцы «Гранд Паласа». Их удивление не знало границ.

– Как ты это достал?! Где?! Давай сегодня барбекю устроим… – радостно кричали они.

– Только не у меня в гостинице! – предупредил Али.

– А где? – спросил я.

– Где хотите, только не здесь, – подытожил он.

На улице, как всегда, было под сорок, мясо оттаивало, и надо было срочно что-то делать. «Мы сейчас, ждите тут», – вдруг сказали немцы и через десять минут появились, катя перед собой холодильник на колесиках, такой, из которых обычно на улице продают мороженое. «Провод длинный, с улицы до розетки достанет, – сообщили они, – напрокат хозяин не давал, так пришлось купить».

Для готовки мяса также еще пришлось купить барбекюшницу, угли и одноразовую посуду. Все это хранилось, естественно, тут же на улице, и каждый вечер мы теперь отходили недалеко в пустыньку и устраивали себе маленький праздник, съедая под пиво по небольшому кусочку запретного яства.

В память об этом времени перед «Гранд Паласом», наверное, до сих пор стоит «придорожный холодильник», который Али после того, что в нем было, даже трогать не решается.

Глава XVIII

Американцы, надо заметить, не частые гости в этом конце света. Я не имею в виду военные базы, конечно, а говорю о простых американских туристах. Ну, таких толстых дяденьках и тетеньках с гамбургерами и литровыми стаканами кока-колы в руках. Для отдыха у них есть свои Карибы, Багамы, Гавайи, и сама мысль полететь позагорать куда-то за океан, да еще и в «нецивилизованную» Африку, может, вероятно, прийти в голову только очень эксцентричным миллионерам или настоящим искателям приключений. Тем не менее, такие люди находятся, вероятно, потому, что Нубия ну просто специально создана для них, причем больше – для последних.

Группу из четырех американцев доверили мне, так как с «местными» нырять они наотрез отказались, а немецкие и английские инструкторы были «очень заняты» своими делами, типа: «Да пошли бы эти янки… нам понтов своих хватает». А я по неопытности согласился, тем более что денег за них платили достаточно. Мои клиенты на поверку оказались тремя обычными молодыми парнями в шортах и одной милированной девицы вполне сносного вида. Они поздоровались со мной, представились, предъявив свои дайверовские сертификаты PADI, и по-военному строго поинтересовались, что и как им предстоит делать. Я в двух словах обрисовал, как это все у нас обычно происходит. Они кивнули.

– А во сколько это начнется, и до скольки будет продолжаться? – уточнила девушка.

– Уже началось и закончится, как со всем управимся, – конкретизировал я. – А теперь расслабьтесь и получайте удовольствие. Вы же на отдыхе.

Отсутствие даже тени радости на их лицах меня, правда, немного смутило, но тогда я не придал этому особого значения.

День прошел спокойно и обычно, мои подопечные без проблем сделали свои два погружения, но что-то все равно было с ними не так. Американцы держались от всех в сторонке, при этом парни явно избегали своей спутницы. Они были как будто чем-то расстроены и недовольны, но на мои вопросы отвечали дежурным «океем» и прилагаемой к этому формальной улыбкой. «Это не мои проблемы», – решил я и просто не обращал на это внимания.

Действие, называемое обычно у летчиков «разбор полетов», началось вечером, после того как мы вернулись из порта в дайвинг-центр. Ко мне подошла американка Эрика и начала высказывать претензии. Из ее слов следовало, что ничего, что

окружало их во время дайвинга, даже приблизительно не соответствовало их американским стандартам. Они ждали чего-то больше положенного времени, не могли есть пищу, так как она была «несъедобной», отсутствовала диетическая кока-кола… и так далее и тому подобное. Короче, на этом основании Эрика требовала вернуть им деньги.

– Здесь не может быть американских стандартов, – попытался объяснить ей я. – Это Нубия, Африка. Стандарты здесь нубийские, а у нас в клубах даже лучше, почти европейские, так как мы работаем с иностранцами.

– Если вы беретесь обслуживать американцев, то вы должны обеспечить нам те условия, к которым привыкли мы, – не унималась она.

– Если вы приезжаете в чужую страну, то вы должны быть готовы к тому, что условия жизни в ней могут быть не такие, как в Америке, – сдержался я. – Конкретно ко мне, как к дайвмастеру, претензии есть?

– Нет.

– Тогда расскажите все это хозяину дайвинг-центра. До свидания.

На этом дело не закончилось. Часом позже, приняв душ и переодевшись, я собирался уже идти ужинать, как на выходе из гостиницы снова встретил «своих» американцев. Они ждали меня на крыльце.

– Мухаммед сказал, что в качестве компенсации завтра ты будешь нырять с нами еще раз, – сообщила мне Эрика.

– Я бесплатно не работаю, а с американцев теперь беру двойную таксу и расписку, что они готовы смириться с «нечеловеческими» условиями неамериканского быта, – ответил я. – И завтра у меня, кстати, выходной. На пляж пойду загорать и купаться буду.

– Только попробуй, – заверещала она, – я подам на тебя в суд.

– Давай! – согласился я. – Отличная идея! Суд, если ты не знаешь, находится сразу за мечетью, только туда без паранджи баб не пускают. Совершенно не признают, понимаешь, сволочи судьи, американских стандартов. Просто дискриминируют женщин, я бы сказал.

И тут Эрика, громко завизжав, кинулась на меня с кулаками. Я поймал ее за шиворот, развернул и пинком под зад отправил «гулять» на улицу. Визг мгновенно прекратился, я посмотрел на свиту скандалистки. Парни застыли оцепенев, глядя на меня с восторгом и ужасом. По их глазам было видно, что я только что подписал себе приговор как минимум о пожизненном заключении в тюрьме самого строгого режима. О таком «свойском»

отношении к женщине они даже мечтать, судя по всему, не могли в своей Америке. Стандарты, видать, не позволяли. Эрика, похоже, тоже не была готова к такому повороту событий, она растерянно сидела прямо посреди дороги с широко раскрытыми от удивления ртом и глазами. Я, не прощаясь, направился ужинать.

Эрика догнала меня уже на набережной.

– Эб, извини меня, – запыхавшись, пробормотала она. – Прости, пожалуйста. Я была не права. Просто Мухаммед сказал, чтобы мы тебе передали… но ты же не виноват, что у него все плохо организовано в дайвинг-центре, и, конечно, отдуваться за него ты не обязан.

– Да я и не собираюсь, – хмыкнул я. – Я же у него даже не работаю. Я вообще фрилендер.

– То есть, если ты откажешься, тебя не уволят? – спросила она.

– Нет, поэтому вы со своими претензиями пролетаете.

– Это хорошо. Ты пойми, мы же не хотели навредить тебе, просто у нас в Америке принято везде высказывать открыто свое недовольство, потому что это приводит в итоге к улучшению качества обслуживания клиентов.

– Буду у вас в Америке – учту.

– Не обижайся, пожалуйста… Ну хочешь, я угощу тебя ужином? – вдруг предложила Эрика.

– …А потом потребуешь вернуть деньги, потому что продукты и технология приготовления блюд не соответствуют четыреста двадцать шестому параграфу Госстандарта США?

– Не буду. Обещаю! Пускай в Африке все будет так, как принято в Африке. Правильно?

– Ого! А тебя с такими изменениями в сознании обратно домой-то в Америку пустят?

– У нас в Америке, между прочим, настоящая свобода, и каждый может иметь любое собственное мнение по любому вопросу…

– Вижу, что пустят, – успокоился я, – это поверхностное, ствол не задет. Ну, давай, приглашай меня на ужин.

– Тогда выбор ресторана за тобой, – она взяла меня за руку, – ты же здесь местный.

Сначала я хотел отвести ее в какое-нибудь любимое «Юлино» место, но сжалился и остановил свой выбор на одном вполне респектабельном ресторанчике «для туристов». Мы сели в уголке с видом на море.

– Будешь пить водку? – спросила Эрика.

– Виски «Балантайн», – ответил я.

– Ты, русский, пьешь виски, а не водку?

– А ты, как истинная американка, сейчас закажешь себе гамбургер?

– Нет, пожалуй, хот-дог и кока-колу, – улыбнувшись, подыграла она.

– Ну, тогда мне икры и балалайку.

Найдя, таким образом, общий язык, мы принялись весело болтать, подкалывая друг друга. Удивительно, но Эрика оказалась «своей», такой классной девчонкой, и не прошло и получаса, как я уже звал ее просто Эриша, а она меня Эби. Это была любовь с полпинка в самом прямом смысле этого слова. Мы доужинали, и она тут же поселилась у меня, бросив свой пятизвездный отель.

* * *

Утром, ну, в смысле, как проснулись, мы отправились за фруктами на рынок. Фруктов захотелось, особенно клубники.

– Эби, помоги мне, пожалуйста. Здесь не говорят по-английски, и мне никак не объяснить… – позвала меня Эрика.

Я подошел, поздоровался с продавцом по-арабски и спросил у Эрики, что она хочет, чтобы я ему сказал. Затем я попытался сформулировать это на родном нубийцу языке. По-моему, получилось неплохо.

– О, сэр, вы отлично говорите по-арабски, – восторженно взвыл продавец, – но давайте лучше по-английски, я не совсем понял, что вы хотите.

– Вы же не говорите по-английски, – возразил я, – вот эта девушка…

– Я не говорю по-английски? – прервал меня продавец. – Это она не говорит по-английски…

Я посмотрел на Эрику.

– Я тебя понимаю, – призналась она. – А его почему-то нет. Ты понимаешь, о чем он говорит?

– Я-то понимаю, – рассмеялся я. – Он утверждает, что ты не говоришь по-английски. Он тоже тебя не понимает. Эриша, ты говоришь слишком сложно, и, извини, но у тебя жуткий американский акцент.

– Но я же говорю правильно, как надо, а ты нет… – обиделась она.

– …Но меня-то все понимают, а тебя нет… Хорошо, я дам тебе пару уроков бесплатно.

– Тогда скажи ему на вашем английском, что я бы хотела

клубнику более зрелую и сочную, – фыркнула она.

– Ши вонт свит энд тэйсти стоубери [34] ,– сказал я продавцу.

– Но проблем, сэр. Плиз, – улыбнулся продавец и достал из-под прилавка другой лоток.

– И это все? – рассмеялась Эрика.

– Урок первый, – многозначительно сказал я. – Будь проще, и тебя поймут. Учись.

Вообще, американский менталитет, по-моему, очень близок нашему. Данное сожительство, которое я в шутку назвал «Союз-Аполлон», очень напомнило мне мою первую русскую семью в самом начале нашей совместной жизни, что не могло не радовать. Местные друзья, кстати, сразу назвали Эрику моей женой, хотя, вероятнее всего, это произошло потому, что понятие «герлфренд» в Нубии отсутствовало по определению. Жить с женщиной мужчина мог только после брака, а добрачный секс, мягко говоря, не приветствовался, так как старшее поколение нубийцев всерьез боялось, что он может привести молодежь к самому страшному: питию пива и танцам на дискотеках – вместо работы, конечно.

* * *

Итак, мы с «женой» дружно ныряли днями и славно тусовались по вечерам. Эриша быстро освоила подводную фотографию и стала помощником в моем бизнесе. Наш тандем процветал. Так или иначе, мы прожили с ней замечательный месяц, но пришло время прощаться. Ей надо было возвращаться домой, она и так задержалась в отпуске слишком надолго.

За день до отлета Эрика решила предаться шопингу, дабы обеспечить своих американских родственников и знакомых экзотическими сувенирами из далекой Африки. В этот день у меня было много клиентов, и пропустить работу я никак, к сожалению, не мог. «Ничего, иди, справлюсь сама, я уже большая девочка, – улыбнулась она. – Пробегусь быстренько по магазинчикам и буду ждать тебя дома».

Вернувшись с «нырялки», я застал Эрику очень взволнованной… и без подарков.

– Слушай, – пожаловалась она. – Я не понимаю, что происходит. Я выбрала всяких сувениров, но мне их не отдали.

– Как не отдали? – удивился я.

– Вот так. Не отдали и все… и денег не взяли. Сказали, что вечером сами принесут к нам домой.

– А где это ты так все покупала?

– Да вот здесь, рядом, – она показала рукой в сторону улицы.

– В магазинчике «Гуд Лак», что ли?

– Ну да.

– Странно, – заметил я, – но не расстраивайся, я хорошо знаю хозяина. Сейчас приму душ, и сходим, разберемся.

В это время в дверь постучали.

– Кам ин [35] ,– ответил я.

На пороге стоял Мухаммед – хозяин как раз того самого магазинчика «Гуд Лак», о котором мы только что говорили с Эрикой.

– Мистер Эб, здравствуйте, – начал он. – Ваша жена сегодня выбрала у меня в магазине всякие вещи, я их принес вам. Посмотрите, пожалуйста, что вы будете из этого покупать.

– Но Эрика же уже выбрала, – удивился я.

– Конечно, мистер Эб, – объяснил Мухаммед, видя мое непонимание, – но у нас не принято, чтобы жены покупали себе вещи сами без согласия мужа, поэтому они обычно выбирают, что им нравится, а мы приносим это в дом, чтобы муж мог купить из этого то, что считает нужным. Вы разве не знали?

Лицо Эрики вытянулось от такой открытой дискриминации женщин «по половому признаку». Похоже, она даже слов не могла подобрать от неожиданности.

– Да я недавно женат, – сквозь смех процедил я. – Не успел ознакомиться просто со всеми преимуществами брачных отношений… Но какие мудрые у вас правила, правда, Эриша? Не фиг бабам семейный бюджет на всякие их безделушки спускать! Давайте-ка посмотрим, что там моя глупая женщина набрала…

– Прости, мой Господин! – быстро придя в себя и уже давя хохот, Эрика «пала ниц» перед моими ногами. – Убей меня, как собаку!

Мухаммед отшатнулся и посмотрел на меня обескураженно, но с каким-то особым уважением.

– Встань, женщина, – громко и властно произнес я. – Достойна ты даров моих. Цени доброту и щедрость. Беру все, не глядя!

– Все? – переспросил Мухаммед, обалдевший от увиденного.

– Вводи караван, – приказал я ему.

Праздничный вечер по поводу отъезда любимой начался.

* * *

– А приезжай жить ко мне в Америку, – вдруг предложила Эрика уже в аэропорту.

– И что я там буду делать? Мыть машины на бензоколонке?

– Тогда я приеду к тебе в Россию. Хочешь?

– Буду рад… хотя не верю я в продолжения курортных романов… Давай-ка не станем ничего загадывать…

– Райт. Ай лав ю соу… факин крэйзи рашен! [36]

Глава XIX

– Эб, хочешь сходить на рэк? [37] – спросил меня инструктор Майк, живший по соседству.

– Куда? – не понял я.

– На шип рэк [38] ,– пояснил он.

– А что это такое? – опять не понял я.

– Ну, нырнуть на затонувший корабль. Это шип рэк называется, а короче – просто рэк. Ты что, никогда этого не делал?

– Нет. А где тут эти рэки-то?

– Пошли тогда завтра с нами. Узнаешь.

Взяв дэй оф [39] , я примкнул к английской группе. Мы загрузились на бот в пять часов утра, так как дорога предстояла не близкая. Наша цель – английское торговое судно – затонула во Вторую мировую войну, разбившись о рифы, около одного из островов, расположенного далеко в открытом море. Я укутался в одеяло и лег досыпать в кокпите. К завтраку меня подняла сильная качка. Наше судно болтало на высоких пенистых волнах.

– Это тебе не прибрежное плавание, – сказал Майк, – как у тебя с морской болезнью?

– Когда слишком много водки выпью, а потом еще и пива сверху, – стараясь не расплескать кофе, ответил я.

– Знаю такое дело, – согласился он, – но на всякий случай, если понадобится, у меня специальные таблетки имеются.

– А долго нам еще?

– Часа три, не меньше. Ветер-то, видишь, какой.

Закончив с завтраком, я перебрался на нос судна, свесил с него ноги и замечтался о чем-то, глядя на море. На место мы добрались только после полудня. Майк подошел ко мне.

– Ну, как самочувствие, настроение? – поинтересовался он.

– Все нормально, – отрапортовал я.

– Собирайся. Надо будет нырнуть и привязать наш корабль к рэку. Вместе пойдем.

То, что я увидел под водой, потрясло мое воображение. На дне, как какой-то инопланетный объект, лежал гигантский корпус судна. Многочисленные люки и распахнутые двери так и манили заглянуть внутрь. Мы накинули канат прямо на швартовочные кнехты и поднялись за группой. Англичане ждали нас на борту, уже готовые к погружению.

– Внутрь заходим только за мной и вместе, – еще раз предупредил всех Майк. – Здесь очень просто потеряться, застрять, попасть под завал… Будьте предельно внимательны и

осторожны.

На первом погружении мы проплыли и осмотрели корабль снаружи, прошли по палубам и надстройкам. Я замыкал группу, приглядывая за отстающими, собирая и подгоняя их вслед за ведущим Майком. Затем, вооружившись фонарями и передохнув, пошли на второе. Через широкую грузовую шахту мы проникли в огромный, бездонный трюм, набитый ящиками со снарядами, минами, бомбами и какими-то запчастями. Все это было ржавым, хлипким и, казалось, могло обрушиться в любую минуту, поэтому мы сбились в кучу и с опаской затихли, ничего не трогая и стараясь лишний раз не махать ластами. Когда глаза, наконец, совсем привыкли к темноте, мы приступили к осмотру арсенала, осторожно продвигаясь вглубь. Узкими коридорами мы двигались от одного отсека в другой, пока, наконец, не выбрались наружу через огромную пробоину в носовой части корпуса судна. «Обалдеть! – подумал я. – Вот бы здесь покопаться и поискать чего-нибудь». Этот вопрос я сразу же задал Майку, как только мы оказались на поверхности.

– С затонувшего корабля вообще-то ничего брать нельзя, – сообщил мне Майк.

– Так я же не про брать, я про поискать, – поправил я.

– Что, например?

– Не знаю… что-нибудь… Давай найдем, например, каюту капитана… и посмотрим, чего там…

– Так мы же уже закончили погружения, – сказал Майк, – сейчас отвязываем корабль и уходим.

– О, давай, перед тем как отвязать, и заскочим, – я быстро прикинул время по таблице декомпрессии, – минут десять у нас есть, а с «остановочкой» так и вообще…

На корме стоял капитан.

– Погода портится, – сказал он Майку, – да и времени уже много. Я думаю, что будет лучше заночевать на острове, а обратно в Халаиб выйти завтра с утра. В полумили отсюда есть хорошая бухта.

– А сейчас никак? – спросил Майк.

– Боюсь, что при такой волне и ветре засветло не успеть, – объяснил капитан, – а в темноте, в непогоду между рифами небезопасно.

Майк тут же собрал всех и сообщил об изменении планов. Англичане восприняли эту новость спокойно и совершенно не возражали. Перспектива ночевки на необитаемом острове им, похоже, даже пришлась по вкусу, особенно после того, как выяснилось, что для ужина необходимо будет наловить кальмаров, которых, со слов капитана, было много в этих местах.

Пока народ начал переодеваться, обсуждая снасти и предстоящее барбекю, мы с Майком поменяли баллоны, батарейки в фонарях, взяли ходовую катушку и приступили к погружению. Как и договаривались, мы решили для начала найти и обследовать капитанскую каюту, а потом уже отвязаться. Обычно она размещается под рубкой по правому борту, туда мы прямиком и направились. Проникнуть в рубку не составляло особого труда, окна, выходящие на мостик, были большие, и стекол в них почти уже не было. Из помещения рубки в глубь надстройки начинался коридор, дверь в него оказалась открытой. Мы проплыли туда и вскоре оказались на площадке главной лестницы. Спустившись на один этаж вниз и свернув оттуда налево в коридор, проходящий по правому борту, мы почти сразу уткнулись в дверь с надписью «Мастер рум». Путь к цели составил чуть более пяти минут. «Ес!» – показали мы друг другу с Майком и толкнули дверь. Она была заперта, и, чтобы ее открыть, нам пришлось отжать замок водолазным ножом, упершись что есть силы ногами в стены и какой-то светильник на потолке. На это ушло немало времени, и для поисков «чего-нибудь» осталось почти совсем ничего. Майк первым делом направился к рабочему столу, а я – к встроенному стенному стеллажу. В каюте был беспорядок: обломки, всякие обрывки и труха от деревянной отделки и мебели лежали на полу в виде ила и поднимались мутью при волнении воды; полки покрылись и были частично заполнены какой-то коралловой массой; сейф – открыт и пуст. Осмотревшись вокруг, я не нашел ничего хоть сколько-нибудь привлекательного. Вдруг в углу что-то тускло блеснуло в свете моего фонаря. Я сразу же метнулся туда, сунул руку и поднял тяжелый округлый предмет. Это оказалось хрустальной пробкой от графина. Я отряхнул, протер ее перчаткой, и она засверкала гранями в моей руке как огромный бриллиант. Сердце застучало сильнее: оказывается, мне очень нравилось искать сокровища. Пока я, задумавшись об этом, любовался игрой лучиков света, неожиданно рядом со мной возник Майк. Он показал на часы и что-то пробубнил в загубник: наше время вышло. Я кивнул ему, что понял, и мы начали выбираться наружу.

Отвязывая канат, я обратил внимание на то, что у Майка из кармана торчит какой-то предмет, очень напоминающий по форме что-то очень знакомое. Заметив это, Майк достал и гордо показал мне бутылку. Она была полная и с целой пробкой. Я одобрительно кивнул, и мы пошли на всплытие.

* * *

Бухта, в которую мы пришли на ночлег, надежно ограждала нас от волн и ветра, бушевавших в море снаружи. Мы бросили якорь, высадились на песчаный остров и принялись засветло собирать на пляже для костра сухие водоросли и принесенные морем щепки. С наступлением сумерек в последних лучах заката мы вернулись на борт, зажгли прожектора на корме и приступили к ловле кальмаров. Технология оказалась крайне проста. Сначала на свет прожекторов к нам из темноты пришли несметные стаи маленьких рыбок, и в течение получаса вода просто забурлила от их количества. Затем, уже на рыбок, пришли кальмары и начали охотиться. Все это происходило практически на поверхности, и мы с изумлением засмотрелись на эту необычную картину. Разрушил нашу идиллию капитан, предложив пива и спросив, как бы невзначай, не хотели бы мы закусить кальмарами.

– А как их поймать-то? – сразу заинтересовались все.

– Сейчас покажу, – сказал капитан и достал нехитрое устройство, сразу названное мной по такому случаю «кальмаблер».

На самом деле это была просто блесна-наживка на толстой леске и с большим количеством крючков. Капитан ловко закинул ее чуть дальше одного из кальмаров и тихонько потащил прямо мимо него. Увидев, что кальмар развернулся и заинтересовался наживкой, он резко дернул леску. Хищник моментально бросился на «резко убегающую добычу» и отрыл, таким образом, счет закуски к пиву. С криками «Дай мне, дай мне!» мы мгновенно облепили капитана, как детсадовцы воспитательницу, увидев у нее в руках яркую игрушку.

– Давайте по очереди. По одной попытке. О\'кей? – предложил я и взял кальмаблер.

Первому добыча досталась одному из англичан. Вытащив кальмара из воды, он взвыл от восторга и тут же попросил кого-нибудь это сфотографировать. Народ метнулся за фотоаппаратами. Кальмар действительно был просто огромный – около полуметра длиной и толщиной с трехлитровую банку. Выстраивая различные композиции для фотосессии, англичанин по неосторожности склонился над висящим в его руке на леске моллюском. Кальмар, похоже, только этого и ждал. Рванувшись из последних сил, он окатил своего обидчика мощной струей чернил с ног до головы. Теперь от восторга взвыли все мы, и на этом фотосессия закончилась. Показательное выступление этого кальмара послужило нам хорошим уроком, и в дальнейшем мы были уже осторожнее в фотографических позах.

Впрочем, вскоре все кальмары в море закончились, и наша группа, прихватив с собой два ведра уже разделанных капитаном

тушек, отправилась на барбекю к острову. К тому же у нас на корабле оказалось достаточно пива, лепешек, риса и овощей, чтобы устроить себе из всего этого роскошный ужин.

– Майк, а чего ты за бутылку-то вытащил? – вдруг вспомнил я.

– Не знаю, – ответил Майк, – ром, наверное, или виски.

– Так давай попробуем… под кальмара… самое время, по-моему.

– А, думаешь, это не опасно? – засомневался Майк.

– Думаю, что нет, – ответил я. – Что с виски-то может случиться? Если это вино, то оно может прокиснуть до уксуса, но мы это сразу почувствуем…

– А знаешь, – перебил меня Майк, – я читал, как однажды водолазы тоже нашли в трюме бутылку с ромом, выпили ее и умерли. Оказалось, что корабль перевозил еще какое-то токсичное вещество, которое растворилось в воде и через намокшую треснувшую пробку попало в ром. Вот так.

– Вряд ли капитан держал в баре яд, – возразил я. – Давай осмотрим пробку.

Майк достал бутылку, и мы приступили к ее исследованию. Бутылка была из зеленого стекла прямоугольной формы, этикетки, естественно, на ней не было. Мы принялись ковырять пробку. На вид она была вполне целой и в толще абсолютно сухой. За этим занятием нас и застал капитан нашего корабля.

– У меня есть штопор, если нужно, джентльмены, – сказал он.

– Да мы не знаем… – начал Майк неуверенно.

– Это же виски с корабля? – спросил капитан.

– Ну, да, – ответили мы.

– Отличный виски, – сказал капитан, – я несколько раз пробовал. С этого корабля частенько достают такие бутылки. Помочь открыть?

Потягивая вискарь тысяча девятьсот сорок третьего года разлива, я рассказал Майку, как мне понравилось нырять на затонувший корабль.

– Это еще что, – сказал Майк. – Вот мы тут на парусник шестнадцатого века ходили, так там, если верить каталогу, золотых монет и серебра на полтора миллиона долларов лежит.

– Ну-ка, ну-ка, ну-ка, – аж подпрыгнул я, – расскажи-ка обо всем этом поподробнее, пожалуйста. Какой каталог? Какие полтора миллиона?..

– Каталог по затонувшим кораблям. Он в книжном магазине в центре города продается. А у меня еще и карта морская есть, где куча рэков как опасность для судовождения отмечены.

– Так чего, если все известно, никто не поднимает золото-

то? – удивился я.

– Все, что нашли, уже подняли спасатели и страховые компании, – пояснил Майк, – ну, а то, что не нашли, осталось. Водолазные работы – очень дорогое занятие, а эти монеты могут быть рассыпаны во время крушения и разбросаны на две-три квадратные мили, да еще и под десятью метрами песка. Их искать невыгодно, поиски дороже встанут. А вот если случайно напороться…

– Так чтобы случайно напороться, надо туда специально приехать и нырнуть, – логично предположил я.

– Куда туда? Если бы место знать, – оппонировал Майк. – Я на этот парусник раз пятьдесят уже нырял, а вот читал пару лет назад, что один мальчишка прямо на пляже во Флориде с маской нырнул и нашел золотые слитки на пару миллионов баксов. Вот так. Я вообще считаю, что если должно повезти, то и под ногами найдешь, а если на роду не написано, так заищешься – и ничего, только время и деньги потеряешь.

Мы долго еще болтали о сокровищах. Майк оказался очень информированным в этой области человеком. Он рассказал мне, что на Карибах, например, по мнению некоторых специалистов, в период с тысяча пятисотого по тысяча семьсот двадцатый год штормы отправили на дно суда с ценностями на сумму, превышающую пятнадцать миллиардов долларов. Это были испанские и португальские галеоны, перевозившие в Европу награбленные конквистадорами богатства. А недалеко отсюда вблизи от Александрии недавно были обнаружены останки наполеоновского флота, потопленного английской эскадрой в тысяча семьсот девяносто восьмом году при битве у мыса Абу-Кир. Среди них и флагманский корабль «Орьян», в трюмах которого, помимо казны, находились сокровища рыцарей Мальтийского ордена.

Я с удивлением узнал, что, даже найдя сокровища, никаких законных прав на них ты не имеешь. Законодательствами всех стран эти вещи считаются находками и подлежат передаче владельцу, который обязательно находится. В противном случае этим владельцем возомнит себя какое-нибудь государство или страховая компания, страховавшая корабль и груз. Если же утаить ценности – считается, что ты их просто украл, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Несмотря на эти неприятные новости, уже засыпая на корабле, я крепко сжимал в руке свое сокровище – хрустальную пробку. Воображение рисовало мне пейзажи из диснеевской «Русалочки», в голове вертелась песенка из отечественного мультика: «…корабли лежат разбиты, сундуки стоят открыты…»

С утра мы покинули уютную бухту и вернулись в Халаиб.

* * *

Эго приключение вдохновило меня на дальнейшее развитие своего бизнеса. Вооружившись каталогом затонувших кораблей, ксерокопией карты Майка и договорившись с капитанами, я начал устраивать для своих клиентов двух-трехдневные сафари с погружениями на рэки, ловлей кальмаров и ночевками с барбекю на островах. Золота я, конечно же, не нашел, но доходы мои значительно выросли. Выгодное оказалось дело – дайвинг-сафари.

Глава XX

О том, что во всем мире давно уже нигде ни в коем случае нельзя пить сырой воды, знают многие. Особенно опасно это в Африке и Юго-Восточной Азии. Куда смотрят зеленые, мне, например, совершенно не понятно. Я много путешествую и соблюдаю эту гигиеническую норму с неимоверным рвением. Вероятно, поэтому я и жив еще. Один мой хороший знакомый доктор очень четко однажды сформулировал мне возможные последствия недооценки этого правила. «Понос, судороги, смерть», – коротко с выражением сказал он, и я запомнил это навсегда. Но неприятности подстерегают нас зачастую в тех местах, о которых мы даже не догадываемся. Однажды, на фоне абсолютно полного благополучия, я вдруг почувствовал себя неважно, и закончилось это все довольно быстро и неожиданно потерей сознания прямо в том месте, где я глубоко задумался об этом своем состоянии. Поутру, под капельницей в местной больнице, встретившись со вчерашними соседями по барной стойке, я быстро проанализировал случившееся и сразу заподозрил лед. Мы, конечно, не пили воду, спиртное в этих местах разводить еще не научились, а вот если лед сделать не из минералки… В тот вечер мы все пили коктейли со льдом. Это, конечно, лишь мои догадки, но после такого случая в аналогичной ситуации я предпочитаю подождать, пока моя рюмочка стоит в морозилке.

Вот здесь в больнице, в стороне от мирской суеты, я и решил, что с гастролями пора завязывать, и пришло время возвращаться домой. Выписавшись, я пошел и купил билет на самолет до Москвы, оставив себе пару дней для прощаний с друзьями и знакомыми. Проводы прошли весело и шумно, ведь мы все были абсолютно уверены, что еще не раз встретимся. И мест для дайвинга не много, и прослойка дайверов, как говорится, узка.

Все рано или поздно заканчивается, и вот я уже стоял с вещами в аэропорту. Мой взгляд скользил сквозь стеклянную стену по пустынным пейзажам, ставшим мне уже привычными и даже каким-то родными. Как же я теперь без моря-то?..

– Извините, сэр, – остановил меня офицер на паспортном контроле, – но у вас просрочена виза.

– Ну и что? Я ведь уезжаю отсюда, а не приезжаю. Зачем мне виза?

– Боюсь, что вы не можете уехать, сэр, – с серьезным видом сообщил мне он. – Вы нарушили визовый режим и должны сначала с этим разобраться, а потом уже уезжать.

– Да, ладно, – не поверил я, – уж не хотите ли вы мне сказать, что я должен продлить визу, для того чтобы иметь возможность улететь?

– Именно так, сэр.

– Мне бы старшего офицера.

– Конечно, сэр.

Начальник смены подтвердил мне этот бред и определенно заверил, что никаким штрафом на месте дело решиться не сможет. Это не в его компетенции.

– Но проблем, сэр, – сказал он мне, – не расстраивайтесь. Завтра утром зайдете в иммиграционную службу, заполните бумаги, получите визу и улетите через пару дней.

– А мой билет?

– Сдайте его, сэр, пока не поздно, или поменяйте на другой, скажем, через неделю.

Делать нечего, я поехал в представительство авиакомпании. Естественно, что сдать билет не получилось, но и новый мне продавать отказались по причине, опять же, отсутствия у меня визы.

– Послушайте, вы продали мне билет три дня назад, и никакой визы вам для этого не требовалось, – начал выходить из себя я.

История с визой начала меня потихоньку доставать.

– Это наша ошибка, – признались они, – но не переживайте, сэр, рейс же чартерный. Вы сможете сесть на один из следующих самолетов при наличии на нем свободного места. Как получите визу, приходите прямо к регистрации. Но проблем.

Глава XXI

Утром я занял очередь в иммиграционной службе. Вернее, это было не совсем стояние в очереди, народа почти не было. Я просто ждал полдня, пока меня пригласят к себе пара человек. Результат меня ошеломил. Оказывается, для получения визы необходимо было написать заявление и ждать ответа где-то три месяца. Вдобавок шансов получить положительный результат у меня было мало, так как я уже являлся нарушителем визового режима, а таким, как правило, отказывают. Заявление я все-таки написал, но как-то серьезно при этом задумался.

Одновременно удивленный и обрадованный моим внезапным возвращением Али сообщил, что моя комната еще свободна, а узнав обстоятельства случившегося, пообещал помочь. Для этого он решил воспользоваться самым мощным оружием, действующим в любом человеческом сообществе, – связями. Первый результат этого дал информацию, показавшуюся мне абсурдной, но достаточно простой, чтобы это проверить. «Свой человек» из иммиграционной службы сообщил, что если я предъявлю авиабилет с датой отъезда на текущую неделю, то они своей властью, оштрафовав меня на пятьдесят долларов, продлят мне визу до этого дня включительно. Я спокойно улечу, и всего делов.

В единственном офисе, представляющем все авиакомпании, летающие в Халаиб, мне объяснили, что на моем примере их очень ругало начальство, и теперь они еще тщательнее проверяют наличие действующей визы у иностранных граждан перед продажей им билета. «Приходите с визой, сэр, – сказали мне, – и мы поставим дату прямо в ваш билет. Вам даже не придется ничего доплачивать. Все, что хотите, но без визы – нельзя».

Финт не вышел. Без визы нет билета, без билета нет визы… «Замкнутый круг какой-то получается», – подумал я и решил воспользоваться напрямую помощью своей великой державы. Я узнал телефон и позвонил в Российское консульство. Меня дипломатично выслушали. «Мы, конечно, можем вмешаться и вернуть вас на родину, но боюсь, что после этого у вас могут возникнуть проблемы с выездом за границу в дальнейшем. Попробуйте решить этот вопрос сами каким-нибудь относительно легальным образом, – посоветовали мне, – ну, уж если совсем никак, приезжайте». Помощь своей великой державы я решил оставить на самый крайний случай. Это если уже совсем ж…а!

Пока Али связывался с влиятельными людьми, я решился на немного отчаянный шаг. «Лучше я буду невъездным в Нубию, чем

невыездным из России, – твердо решил я. – Так пускай они меня сами отсюда и высылают». Начальник эмиграционной службы Хал-аиба принял меня на том основании, что у всех двух его офисных работников я уже был. Этот грузный пожилой человек с шестью звездами на погонах для начала предложил мне кофе. Я описал ему ситуацию.

– Боюсь, что я ничем тебе помочь не могу, – сказал он.

– Ну, тогда и я никуда не поеду и визу никакую получать не стану, – заявил я.

– Ну и живи. Кто тебе не дает, – к моему удивлению, спокойно ответил генерал.

– Как так живи? У меня же нет визы! Значит, жить у вас без визы можно, а уехать от вас без нее нельзя? Вы разве не должны депортировать из страны человека, у которого закончилось право пребывать в ней?

– Ты не кипятись, – осадил меня мой собеседник. – Давай посмотрим на это с другой стороны. Человек, пребывающий в стране незаконно, это человек, нарушающий закон. То есть – преступник. Кто тебе сказал, что я должен депортировать преступника? Преступников мы никуда не депортируем, у нас и у самих тюрьмы есть.

Вариант с ребятами из нашего посольства моментально поднялся в рейтинге на приемлемую позицию. «Это я, пожалуй, сгоряча, – внезапно подумалось мне, – какое уехать, выйти бы от сюда».

– Так какой подход тебе больше нравится? – спросил он.

– Первый, – почему-то очень тихо сказал я.

– То-то же. А то шустрый какой нашелся. С головой все делать надо, сынок. Не суетись, жди. Твое заявление я уже отправил на рассмотрение. И Али, кстати, от меня привет передай.

Глава XXII

Я снова приступил к работе. По большому счету, в моей жизни ничего не изменилось, только как-то куражу немного поубавилось, что ли. Ощущение высокооплачиваемого каторжника, прикованного к галере, терзало душу. Голова была занята разработкой планов побега. Захват самолета я изначально не рассматривал. Пешком через пустыню, или даже на краденом верблюде, но куда? А вот угон корабля в «дружественный» Израиль было действительно красиво, но создавало реальную угрозу начала очередного арабо-израильского конфликта. Немного смущало еще при этом очень недружелюбное отношение евреев к угонщикам и террористам. Конечно же, в криминал лезть я не собирался, но от этих романтических фантазий становилось немного легче.

Как-то вечером Али пригласил меня на крышу выпить с ним чашку кофе и покурить кальян. Вид у него был какой-то озабоченный. Похоже, разговор предстоял серьезный.

– Слушай, Эб, – заговорил он, раскуривая шишу. – Дела у тебя не очень. Я имею в виду визу. Мне тут позвонили… похоже, тебе откажут. А это плохо. После официального отказа ты уже так просто здесь не погуляешь. Власти должны будут с тобой что-то делать… Понимаешь, о чем это я?

– И что мне теперь делать? – спросил я.

– Есть у меня одна идея… Резервный, так сказать, вариант, но он последний. Если не сработает, я отвезу тебя в ваше русское посольство. Оставаться здесь не советую.

– А что за идея?

– Я устрою тебе встречу с одним человеком. Это начальник нашей службы государственной безопасности. Он может все, если захочет. Объяснишь ему свою ситуацию и попросишь помочь. Завтра он тебя примет. Только лишнего там не болтай.

Объяснять мне ничего не пришлось. Мистер Халед был осведомлен, казалось, обо всем на свете. Невысокого роста, плотный, подтянутый, неприметный, обычно, но аккуратно одетый, неопределенного среднего возраста мужчина с ничего не выражающими глазами – как же они все похожи. Он предложил мне чаю и разрешил курить.

– Что вы думаете о Нубии, мистер Эб? – как бы невзначай спросил он.

– Отличная страна, – ничуть не слукавил я. – Мне здесь очень нравится… не настолько, конечно, чтобы остаться на всю жизнь… но я бы с удовольствием приезжал сюда на отдых.

Мы поговорили о море, людях, традициях…

– У вас ведь дома хорошая работа? Я слышал, вы артист, и очень популярный. Не могу понять только, каким образом вы оказались здесь, и почему «отдыхаете» так долго, – поинтересовался мистер Халед.

Я вкратце изложил ему всю историю и добавил, что не в моих привычках сдаваться и просить о помощи, и что из любых ситуаций я стараюсь выходить победителем и уповаю только на себя. Такой я человек.

– Еще недавно я стоял без денег в чужой стране, не понимая ни слова. И вот я известный дайвмастер с сотней друзей и при деньгах, с которыми даже не стыдно теперь вернуться домой…

– Здорово ты проучил своего приятеля. С бедуинами-то. Это же был тот самый, из-за которого все произошло? – ухмыльнулся мистер Халед. – А ведь он недурно придумал… и это, пожалуй, для тебя выход.

– Что вы имеете в виду? – не понял я.

– Наш Премьер действительно учился в России, только не в Патриса Лумумба, а в Академии Генерального штаба. Он, кстати, будет здесь на днях. Для него готовят большую концертную программу. Выступить не хочешь? Могу устроить.

– Боюсь, что моего английского не хватит, – засомневался я, – да и жанр у меня, похоже, не для местного менталитета.

– С переводчиком никаких проблем не будет, – успокоил мистер Халед, – а вот по поводу текста надо бы уточнить. Ты ведь рассказываешь веселые истории, не так ли? Они, говорят, очень смешные, но некоторые не очень приличные. Так вот, страна у нас, как ты знаешь, мусульманская, и, соответственно, мы не затрагиваем некоторых тем, как-то: супружеская неверность, шутки, оскорбляющие достоинство мужчины, унижающие женщину, высмеивающие семью и труд, религиозного плана… с социально-политическими поосторожнее, а лучше вообще не трогать. Ну, про военных, сам понимаешь, медицинские будут не в тему… и никаких, естественно, ругательств и пошлых намеков.

– А что, если я буду рассказывать о нас – о русских и вреде пьянства, скажем? – предложил я.

– Пожалуй, подойдет, – согласился мистер Халед, – принесешь текст, я посмотрю. Только не тяни, времени у нас мало.

– О гонораре мы поговорим потом? – немного обнаглев и снова почувствовав себя звездой, типа, пошутил я.

– Сколько тебе обычно платят за выступление перед руководителями суверенных государств? – спросил он язвительно.

– Да нисколько. Я, если честно, перед ними ни разу еще не выступал, – сознался я.

– Ни разу не выступал, а все сам знаешь, – типа, пошутил в ответ мистер Халед, – именно «нисколько». Домой, говоришь, хочешь?

Писать по-английски я не умел, поэтому привлек к подготовке своих иностранных друзей. Два вечера допоздна я рассказывал им на крыше анекдоты, а они их записывали. Каждые две-три минуты наш отель просто взрывался от хохота. Ребята даже не подозревали, что в мире существует столько смешных историй. Это была моя самая забавная и веселая в жизни подготовка к выступлению. Когда сценарий и текст были полностью готовы, я сдал их на цензуру. «Смешно, – подтвердил мистер Халед, – здесь вот подправь и готовься. Но помни, от текста ни на шаг. Отвечаешь за это головой».

Глава XXIII

Вот и пригодились, наконец, сценические костюмы. Я достал заброшенный под шкаф гардероб, тщательно отобрал все необходимое и привел в порядок с помощью щетки, утюга и англичанки Джейн. Вещи успели здорово запылиться и помяться, пока я покорял подводный мир. Выяснилось, что за это время я немного похудел и раздался в плечах, или просто отвык от фрака. Я вышел в холл – народ зааплодировал, я поклонился. Первым в очередь сфотографироваться со мной записался Али. Я решил, что друзьям, пожалуй, позволю это сделать с собой бесплатно.

– Это можно, – уверил он, протягивая мне стакан чистого выжатого лимонного сока.

Я выпил залпом, меня передернуло, но сразу действительно полегчало.

– Спасибо, Али, – поблагодарил его я, утирая накатившую слезу. – Я выгляжу теперь достаточно несчастным, чтобы отправить меня домой?

* * *

Точно в восемнадцать ноль-ноль за мной заехал черный автомобиль и отвез меня в порт. Его территория несколькими периметрами была оцеплена военными и полицией. Пару раз меня тщательно проверили на наличие оружия и взрывчатки, затем посадили на катер, который прямиком направился к роскошной яхте, сверкавшей огнями на горизонте.

На борту меня еще раз досмотрели и «под конвоем» проводили в помещение, отведенное под гримерку. Эти сорок минут ожидания показались вечностью и эмоционально походили на яркую форму невроза, лишь тонко граничащую с настоящим буйным психозом. Больше всего волновало то, что я ни разу не видел площадку своего предстоящего выступления и не знал в лицо пригласившего меня премьера. Это не давало мне возможности заранее продумать правильную мизансцену. Экспромт – дело хорошее… когда не особо чем рискуешь. Вскоре за мной пришли. «Нельзя приближаться к гостям, поворачиваться к ним спиной, падать ниц и целовать руки», – проинструктировал меня офицер.

Мой выход был сразу после танца живота. На ватных ногах в полуобморочном состоянии я оказался в роскошной зале. Сцены как таковой не было, действо проходило просто на свободном от

столов месте. «Работаю, как в ресторане», – моментально подсказал профессиональный опыт.

– Добрый вечер! Добрый вечер, дамы и господа… – начал я и сразу же осекся.

В зале были только мужчины.

– В смысле, только господа! – поправился я, продолжая незаметно осматриваться, изучая обстановку и прикидывая «кто есть кто».

Господа были одеты в элегантные европейские костюмы и ужинали. Прямо передо мной по центру располагалась небольшая группа из шести человек, позади которых стояли как на посту официанты и склонились переводчики. «Главное – здесь», – понял я и начал работать туда.

Первые гэки не вызвали абсолютно никакой реакции. Надо было как-то привлечь внимание зала, и я начал вставлять в монолог известные мне арабские слова и фразы, как будто бы сам пытаюсь объяснить собравшимся только что сказанное мною по-русски. Народ перестал жевать и затих. Большой мужчина в центре главного стола вдруг поднял на меня глаза, заулыбался и одобрительно заурчал. Зал тут же подхватил инициативу. «Так вот ты кто, оказывается, господин премьер-министр. Приятно познакомиться» – подумал я и, воодушевленный успехом, поддал жару. Так как переводчиков было мало, текст передавался шепотом, волной из уст в уста, это требовало времени. Закончив очередной анекдот, я брал паузу и ждал, пока он разнесется по всему залу. Сигналом к следующему служили аплодисменты. Все шло пока отлично, и я немного успокоился и расслабился. Размышляя о том, что мой внешний вид – цилиндр и смокинг – как нельзя лучше вписывается в гламурный интерьер первой яхты страны, и что точно теперь представляю, как бы выглядело мое выступление перед стадом жирафов, я наблюдал за реакцией зрителей.

Успех был обеспечен, программа уже подходила к концу, и тут, совершенно неожиданно для себя, я оказался около центрального стола лицом к лицу с его величеством премьером. Наши взгляды встретились, и это случайно совпало с одним из вопросов в моем монологе. Вероятно, приняв этот вопрос в свой адрес, премьер вдруг взял у меня микрофон и ответил. Шоу перешло в интерактив, отойдя от утвержденного сценария. «Мистер Халед убьет!» – с ужасом пронеслось в мозгу. Главе правительства, похоже, это нравилось, и он никак не хотел меня отпускать. Тем не менее, от греха подальше, я аккуратно закончил выступление и поклонился. Раздались бурные продолжительные овации, и вдруг премьер жестом пригласил

меня к столу.

– Браво! – сказал он. – Было очень весело. А Борис Ельцин видел это шоу?

– Нет еще, – ответил я, – но если вы ему порекомендуете, я буду вам очень признателен.

– Нет, нельзя все-таки отпускать такого парня… – засмеялся премьер, обращаясь к сидевшим рядом.

Я слегка напрягся.

– Без подарка, разумеется, – добавил он и, сняв с руки один из перстней с крупным бриллиантом, протянул мне.

– Спасибо, – чуть не выронив подарок от неожиданности, произнес я.

Объявили следующий номер, со мной вежливо попрощались, и я, пятясь спиной, согласно этикету, покинул зал.

Глава XXIV

«Гранд Палас» встречал меня, как национального героя с войны. Никто не сомневался в моем успехе, и на крыше был приготовлен прощальный банкет. Прощальный потому, что я в любом случае покидал это место – либо уезжая домой, либо садясь в тюрьму.

– Ну, рассказывай! – бросились ко мне все.

– Сначала виски, – попросил я.

Пили на радостях всю ночь, а утром я, покачиваясь и дыша в сторону, уже стоял в кабинете мистера Халеда.

– Мои поздравления, – понимающе предложив стакан холодной воды, пожал мне руку мистер Халед. – Есть распоряжение посадить тебя на самолет. Когда твой следующий рейс?

– Я не знаю, по-моему, во вторник, – ответил я.

– Уточни и сообщи мне, я пришлю за тобой машину. Паспорт оставь мне, он будет у шофера.

– Я смогу еще сюда приехать? – поинтересовался я.

– Сколько угодно, – улыбнулся мистер Халед, – только не забудь привезти мне русской водки и баночку икры.

– Но проблем, – пообещал я.

Черный автомобиль подвез меня прямо к трапу самолета, стюардесса с удивлением посмотрела на меня.

– Здравствуйте, – сказала она, улыбаясь, – Это вы вип-персона?

– Я. А где оркестр?

– Не знаю, – растерялась девушка, – мы тут оркестрами не заведуем. Мы только летаем.

– Ну, тогда, полетели!

* * *

Самолет упал и разбился под Урюпинском. Все погибли (шутка).

P. S

Вообще-то в Нубии со мной происходило еще множество всяких забавных историй, которые в моем изложении, естественно, выглядят анекдотами. Слово АНЕКДОТ – греческого происхождения и, согласно словарю Даля, означает «короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае; байка, баутка» – это я, как кандидат культурологических наук, поясняю.

Итак, несколько анекдотов, но на сей раз не «от меня», а непосредственно «из моей жизни».

Анекдот первый

Проходил у меня как-то начальный курс подводного пловца директор одного из украинских колхозов. Мужчина он был грузный, в возрасте и не очень разговорчивый. После сдачи экзаменов он попросил меня помочь ему с выбором и покупкой подводного оборудования. Мы зашли в магазин. Первым делом он выбрал самый большой фонарь, а затем купил весь комплект, включая баллон и грузы. Денег отдал много.

– Зачем вам все это? – поинтересовался я. – У вас ведь и моря-то рядом нет.

– Знаешь, – ответил он, – бабка моя очень раков любит. Упарился я в нашем пруду часами бултыхаться. Теперь с аквалангом я ей столько за раз наберу – зажрется!

А вы говорите, зачем этот дайвинг нужен? А за барышнями ухаживать?

Анекдот второй

Приехали как-то вместе отдохнуть на Красное море два уважаемых человека. Приехали, как полагается, на хороших деньгах и при охране. Оказалось, что это какой-то депутат и его, похоже, очень авторитетный друг. Дай, думают, с аквалангом попробуем, – и ко мне. Корабль отдельный попросили… все дела. И вот сидят они на борту уже в оборудовании, а первым прыгнуть в воду никто не решается – страшно. Один второго давай подначивать, типа: «…Чего, слабо?» – а тот ему и отвечает: «Давай ты первым. Тебе-то чего терять. Один черт завалят, когда домой приедешь».

А вы говорите, зачем этот дайвинг нужен? А последнее желание?

Анекдот третий

Сижу я как-то в баре. Заказал себе виски со льдом за двенадцать гиней, попиваю и болтаю с кем-то. Подозвал официанта, чтобы расплатиться, а он мне счет на шестнадцать

гиней. Я говорю ему: «Ну-ка, дружок, покажи-ка мне меню еще раз». Он принес. Я показываю ему цену в меню и цену в счете.

– Почему так? – спрашиваю.

– Но проблем, сэр, – говорит он мне с добродушной улыбкой и тут же исправляет цифру… но не в счете, а прямо В МЕНЮ.

Я ему сразу за это чаевых еще столько же оставил.

А вы говорите, чувство юмора дохода не приносит. Еще как!.. Или бьют.

Анекдот четвертый

Пришел как-то ко мне толстенный мужик попробовать нырнуть. Гидрокостюм даже примерять не стали. Погрузиться-то он погрузился, а вот плавать ему – ну очень тяжело. Сел он грустно прямо под кораблем на дно, отдышался и все оставшееся время рыбок рассматривал. Во время обеда он вдруг спросил меня:

– Слушай, а рыб покормить можно?

– Ну, покорми, – ответил я.

Он сгреб все оставшееся после еды со стола, сунул в полиэтиленовый мешок и взял его с собой на второе погружение. Там, привычно уже устроившись на дне, начал рыбам пищу раздавать. Их вокруг него просто туча сразу собралась, а он вальяжно так – этой, потом той… Вышел он из-под воды просто счастливейшим человеком и сказал, что всю неделю с нами нырять будет. Мы его барином прозвали. По вечерам за пивом мы погружения обсуждаем, а он все:

– …Зелененькие-то эти, оказывается, помидоры любят, а мелкие, желтые такие, булку не едят…

А вы говорите, что в этом дайвинге интересного? А вот Макаревич нашел.

Анекдот пятый

– Какие здесь брюлики дешевые, – поделились со мной радостью русские парни, нырявшие в соседнем дайвинг-центре. – Каратник отдают всего за тонну баксов.

– Да ладно, – усомнился я.

– Вот, смотри, – и один из них достал из кармана сафьяновый пакетик.

Я взял камень и провел им по стеклу ближайшей витрины. Царапины при этом на стекле не осталось, а одной гранью на «каратнике» стало явно меньше.

– Поможешь разобраться, ты ведь по-ихнему понимаешь? – попросили они.

Продавец ювелирной лавки отнесся к нашей претензии совершенно спокойно и тут же отдал деньги назад.

– А я и не говорил, что это бриллиант, – объяснил мне он. –

Они спросили, сколько стоит, и дали мне за этот страз тысячу долларов. Я очень надеялся, что они сегодня уезжают.

А вы говорите, они жулики, а сами-то вы кто после этого?

Анекдот шестой

Как-то нырял я с японцами. Они остановились в соседнем отеле, причем сняли лишь одну комнату, вытащили из нее мебель и спали все семеро на полу. Мы, естественно, прикалывались над ними и строили разные догадки по поводу причины такого странного поведения. Это было явно не из соображений экономии – каждый из них платил как за отдельный номер. Как тут не заподозрить групповое сексуальное извращение?

Однажды ко мне подошел Камото и сказал:

– Мистер Эб сан, вы очень хороший человек. Мы посовещались и решили, что вы можете приходить ночевать к нам.

– Спасибо, конечно, – удивился я. – А зачем? У меня есть своя комната…

– Но вы же живете совсем один, а одни живут только одинокие люди, у которых нет даже друзей. Если вас это беспокоит, пожалуйста, не стесняйтесь.

Вот, оказывается, в чем дело. А вы говорите, что в этом дайвинге интересного?

Послесловие

Раз уж все мои книги заканчиваются словами благодарности, то и на сей раз я не намерен отступать от этой неожиданно возникшей традиции. Пусть это будет частью моего литературного стиля.

Во-первых, я хотел бы поблагодарить судьбу за то, что она так щедро одарила меня различными талантами, а главное – возможностью их реализации. Далеко не всем в жизни выпадает такая удача – сочетать в себе это все одновременно.

Во-вторых, я хотел бы поблагодарить судьбу за то, что она дает мне возможность с лихвой удовлетворять мою страсть к путешествиям и приключениям. Именно в них я отдыхаю душой и набираюсь творческой энергии.

И, наконец, я хотел бы поблагодарить вас, дорогие читатели, за то, что вы покупаете мои книги. Мне это очень приятно и выгодно.

Памятка Начинающему аквалангисту

«Как мы писали эту книгу?» – спросите вы, уважаемый читатель. Очень просто. Один из нас взялся записывать текст под диктовку второго, а второй – дополнить его анекдотами от первого. В итоге, текст пришлось целиком писать мне и анекдоты к нему – тоже мне. И вообще, все мне. А эта очкастая бородатая морда так ничего и не сделал, а в авторах числится и гонорар получает. Кстати, как научиться подобным образом пристраиваться в жизни – читайте в следующей нашей книге.

Константин Кравчук под диктовку Романа Трахтенберга со слов Константина о Романе, который сказал… в общем, неважно. Мы же не спрашиваем, кто из вас сколько работает, и кто что за это получает… ну, вы поняли.

ВАЖНО: переписывать, копировать, цитировать, читать вслух в публичных и многолюдных местах, на радио, телевидении, в театрах, на эстрадных, спортивных, рабочих площадках, размещать и обсуждать в Интернете данную книгу целиком или ее фрагменты, главы, абзацы, слова запрещается без юридически оформленного и предварительно оплаченного разрешения авторов, в соответствии со статьей… Закона «Об авторских правах»…

СОВСЕМ НЕ ВАЖНО (причем никому): что вы, уважаемые читатели, думаете об этой книге и ее авторах.

Приятного вам законного персонального прочтения.

Введение

Сбылось – у вас в руках путевка к возжеланному теплому

заграничному морю. Этот отпуск запомнится вам так, что долго еще потом будет мучительно приятно от воспоминаний о нем. И пусть другие тратят свое время впустую (о, смотрите, они уже начали прямо в самолете), а вы твердо решили покорить морские глубины. И это не дань моде и не стадное чувство, это ваш выбор. Он – правильный!

Сидит на дереве Ворона и держит во рту сыр. Мимо пробегает Лиса, останавливается и спрашивает: «Ворона, ты голосовать пойдешь?»

«Да!» – отвечает Ворона. Сыр выпал и… была плутовка такова (цит.).

Сидит Ворона с пустым клювом и думает: «А если бы я сказала „Нет", что бы изменилось?»

Дайвинг-центры ждут вас, впрочем, как и все остальное на этом курорте. Это же курорт. Видели объявление на прилете «Welcome to…»? Это именно вам. Без вас, туристов, тут никак. Вы тут главный. Чего изволите? Поэтому важно не разбрасываться. Первым делом – дайвинг. Хотя еще не поздно передумать. Центры можете обойти сами, можете послать на разведку новых друзей по самолету (хотя, если вы не пили, вряд ли они у вас появились), а можете просто довериться гиду вашей группы, который сразу порекомендует лучший. Все эти варианты верны. На проведение серьезных маркетинговых исследований у вас просто нет времени. И вообще, вы в отпуске. Не грузитесь. Цены везде практически одинаковые. Доверьтесь сердцу. Не та сумма.

Сидят в переходе два нищих. У одного табличка: «ПОДАЙТЕ БЕДНОМУ РУССКОМУ», а у второго: «ПОДАЙТЕ БЕДНОМУ ЕВРЕЮ». Прохожие прикалываются над евреем, а деньги бросают русскому. Интеллигентного вида мужчина с жалостью:

– Вы бы не написали, что еврей, больше бы давали…

Нищий своему коллеге:

– Смотри, Изя, этот поц будет учить нас бизнесу…

Итак, выбор сделан. Дайвинг-центр (клуб) достаточно респектабельный. Ваш «русскоговорящий» инструктор на вид отличный парень и классный специалист. Он действительно бойко, уверенно, с обворожительной улыбкой и колоритным акцентом произносит (и, видимо, понимает) отдельные русские слова и выражения. К тому же его нисколько не смущает ваш английский, который вы давным-давно учили в средней школе и с тех пор ни разу не использовали. Языковой барьер преодолен, и вы уже двадцать минут свободно общаетесь со всеми о чем-то. На вечер вы приглашены в лучший бар или на дискотеку, а прямо сейчас можете заняться дайвингом. Внезапно открывшиеся лингвистические способности придают вам уверенность в успехе

вечерней программы, а вот по поводу программы обучения с предстоящим экзаменом остаются некоторая неуверенность и сомнения. Отбросьте их вон и скажите нам спасибо за эту книгу. Она написана для вас. Она поможет вам. Как хорошо, что она у вас есть и сейчас под рукой. Смело вступайте в конкретные переговоры об условиях и стоимости занятий.

Уставший и грязный мужчина приходит домой из гаража с толстенной книгой в руках – руководством по ремонту автомобиля.

– Папа, это будет нашей Библией? – спрашивает выбежавший навстречу малыш.

– Скорее, камасутрой – бурчит отец.

О переговорах

Считайте, а вернее, сделайте этот разговор своим первым бесплатным теоретическим занятием. Для этого вам достаточно спросить у инструктора, какой сертификат (пластиковую карточку) вы получите по окончании курса, и выразить легкое сомнение в том, что он лучший. Фраза типа: «А я слышал, что есть еще другие системы…» – как нельзя лучше подходит к этому случаю. Уверяем вас, что немедленно с энтузиазмом и совершенно бесплатно вам расскажут обо всех достоинствах именно этой системы обучения и недостатках всех остальных. Фильтруйте, конечно. «Эта» система не лучше и не хуже. Она такая же, как и другие, но со своими мелкими особенностями. Об их важности слушайте, пока не надоест, затем соглашайтесь. Поверьте, на начальном этапе это для вас совершенно неважно, а клуб вам понравился, и инструктор на первый взгляд подходит. Вы же выбирали. И так, вам уже на халяву объяснили то, что вы впоследствии будете рассказывать друзьям, показывая свой сертификат дайвера. Если вы сразу согласитесь на обучение без этого вопроса, рекламно-информационный текст может быть пропущен или исполнен формально: в урезанном варианте фригидненько и без патриотического рвения. Вы почти готовы заплатить деньги. Естественно, получить за свои кровные надо как можно больше, а отдать всегда хочется меньше и как можно позже (правило № 1 Романа Трахтенберга). Хотя это кому как.

Мужчина просит в банке кредит в сто долларов на год. Инспектор, с желанием отвязаться, запрашивает пятьдесят процентов годовых и залог, превышающий минимум в пять раз сумму кредита. В качестве залога мужчина оставляет новый «шестисотый» «мерс» под окнами банка и получает сто долларов.

Через год он приносит сто пятьдесят баксов и забирает «мерседес». Инспектор спрашивает клиента:

– Вам действительно помог наш кредит?

– Да эта сотка, в общем, мне была не нужна, а вот за охраняемую стоянку на год всего за пятьдесят долларов спасибо! – отвечает мужчина.

Кстати, о деньгах. О чем бы ни говорили с вами и что бы ни рассказывали о подводном плавании до момента вашего согласия, подтвержденного фактом оплаты, – это все только о деньгах. Бизнес, понимаете ли. Поэтому можете не напрягаться по мелочам, и сконцентрировать свое внимание только на окончательной сумме. Расчеты удобнее совершать на листе бумаги, который стоит сохранить, даже если вы опрометчиво решили произвести стопроцентную предоплату. В итоге должно получиться что-то вроде двухсот пятидесяти-трехсот долларов за четырехдневный курс, пластиковую карточку и книжечку «журнал погружений». Курс состоит из теоретических и практических занятий. Для тех, кто впервые решил чему-либо обучиться, поясняем: теоретические занятия – это когда вам в классе рассказывают «что», «как» и «почему» делается или не делается, а практические – когда вы пытаетесь это сделать или не сделать. Об этом «что», «как» и «почему» – подробно дальше, а вот о том, как должна выглядеть практика, – прямо сейчас. Все практические занятия, ну, может быть, кроме первого, проходят в море на открытой воде. Причем желательно, чтобы это было не на пляже, а около красивого рифа с рыбками, куда вас привозит специально оборудованный кораблик. Кстати, ваш приезд из отеля в клуб или на кораблик и обратно, сам кораблик, аренда оборудования и два погружения в день входят в стоимость курса, а вот обед между погружениями, кофе, чай и прохладительные напитки – не всегда. В процессе торгов (переговоров), обратите внимание на этот момент и постарайтесь решить вопрос в свою пользу (см. правило № 1 Романа Трахтенберга). Вы же желанный клиент, платите приличную сумму, да и таскать с собой всякий раз «мелочь» вам как-то не с руки.

Разница в подходе мужчины и женщины в том, что женщина хочет, чтобы мужчина сначала долго ухаживал за ней: дарил подарки, водил по ресторанам – чтобы решить, стоит ли ложиться с ним в постель… А вот мужчина сначала хочет уложить ее в кроватку, чтобы решить, стоит ли вообще ухаживать за этой женщиной или нет.

Так, с этим, вроде, разобрались. Если цена и условия вас устраивают, сомнений в том, что все будет происходить именно так, как обещано, почти нет, смело вносите задаток. Хотя… подождите. Есть идея… Вы ведь до этого ни разу не пробовали погружаться с аквалангом. А вдруг вам не понравится или возникнут какие-нибудь объективные причины, мешающие вам

предаваться этому удовольствию? А на курс вы уже записались. Как бы попробовать предварительно рассеять эти сомнения? А ведь как профессионально подходят к этому вопросу на другом каком-нибудь курорте. «Вы представляете, там сомневающегося берут с собой и делают с ним пробное ознакомительное погружение. Даже название у этого есть. Как там его… А, ИНТРОДАКШЕН! Слышали? Если кандидат достойно прошел это испытание, на следующий день он приступает к занятиям. Ну, а если его сомнения оправдались, он платит по полной программе за это погружение. Вот правильный подход!» – подобный текст можно подготовить заранее и ввернуть вовремя. В нашем КВНе такой ход называется «домашняя заготовка». У них нет КВНа, поэтому пройдет на «Ура». Попробуйте. Есть высокий шанс получить еще и день дайвинга на халяву. И побольше уверенности и куража. В бизнесе и спорте это приветствуется.

Заяц с конторской книгой важно идет по лесу:

– Эй, медведь, завтра в десять ноль-ноль придешь на уборку моркови!

– Чего? – отвечает медведь.

– Я записываю!

– Ну, хорошо, приду.

– Эй, волк, завтра в десять ноль-ноль придешь на уборку моркови!

– Чего? – отвечает волк.

– Я записываю!

– Ну, хорошо, приду.

– Эй, барсук, завтра в десять ноль-ноль придешь на уборку моркови!

– Чего? – отвечает барсук.

– Я записываю!

– А я все равно не приду.

– Ладно, – говорит заяц, – тебя, барсук, вычеркиваю.

Вы вырвали халявный интродакшен? И не бегаете по кораблю за сумкой с кошельком, чтобы попить кока-колу? Поздравляем! Каким вы будете дайвером, пока не понятно, а вот то, что вы сможете себе позволить это недешевое удовольствие в дальнейшем, – сомнений нет. Так держать. В качестве бонуса с нашей стороны объясняем, что вы себе подарили, и как это будет происходить.

Об интродакшене

Понятие интродакшен действительно существует. Это ознакомительное погружение. Его проводят в каждом клубе, но обычно – за деньги. Стоит это удовольствие по-разному, в зависимости от возможностей клуба и желания инструктора.

Кравчук, например, пока была такая возможность, в начале девяностых в Хургаде без стеснения брал за это до ста долларов с каждого, а только потом предлагал пройти курс. Правда, когда конкуренты отдемпинговали «золотое дно» до тридцати пяти долларов – он перестал это делать вообще и начал проводить только курсы и сафари. С другой стороны, Трахтенберг, вообще, за дайвинг заплатил только один раз в своей жизни, и то случайно. Как говорится: «Не родись красивым, а стань известным». Ладно, это все лирика на правах рекламы.

Итак, интродакшен. Он проводится в два этапа. Сначала теория, а потом практика.

Для начала, прямо на корабле, непосредственно перед погружением, ваш инструктор попытается всеми силами донести до вас основные аспекты подводной техники безопасности, совершенно не вдаваясь в подробности, типа: «Э… сюда не ходи, туда ходи…» Усвоить из этого вам необходимо в общих чертах следующие.

1. Чтобы сразу утонуть, надо вынуть изо рта ту штуку, которую инструктор называл регулятором, и сделать глубокий вдох водой. До тех пор, пока вы этого не сделали и «эта штука» находится у вас во рту, как бы плохо ни было, жить будете.

2. Задерживать дыхание под водой нельзя! Дышите ровно, как на прогулке. Сейчас не будем выяснять, почему. Верьте на слово, дышите и все.

3. Опускаясь на глубину, вы сразу почувствуете давление на уши. И чем глубже, тем больше. Происходит это так: сначала уши слегка приятно закладывает, как в самолете при посадке, затем сильнее и все неприятнее, на какой-то глубине появляется боль и усиливается до нестерпимой. В один прекрасный момент она внезапно пропадает, в ушах становится тепло, и вы теряете сознание. Это лопнули барабанные перепонки, и пошла кровь. Если вас такая перспектива не устраивает, придется освоить довольно простую процедуру. На английском языке она называется заумным словом эквалайзинг, а по-русски просто – продувание ушей. Цель процедуры – выравнивание давления во внутреннем ухе с давлением внешней среды. Это просто. Достаточно зажать нос пальцами и сильно, но плавно в него подуть. Попробуйте прямо сейчас. Ну, как, в ушах «щелкнуло»? Заложило? Так вот, во время погружения продувать уши необходимо каждый раз, как только их слегка заложит. Если вы проворонили нужный момент, и их уже сильно заложило, продуться будет тяжелее. Чем тужиться, лучше чуть-чуть подняться вверх, проделать это на меньшей глубине и плавно продолжить погружение. При всплытии хвататься за нос не надо.

Все уравняется само собой.

4. Погружаться и всплывать надо медленно, не торопясь, потому что при погружении необходимо успевать продувать уши, а при всплытии дать время «лишнему» воздуху из вас выйти. Скорость всплытия не должна превышать десяти метров в минуту.

5. Общаться под водой придется знаками. Эту азбуку покажет вам инструктор. Не старайтесь запомнить все сразу, а то запутаетесь. Для начала вполне достаточно твердо усвоить лишь несколько основных из них. Вы должны уметь показать инструктору, что у вас все в порядке или что-то случилось и понимать, что вам надлежит делать: куда плыть, на что посмотреть, когда остановиться, погрузиться, подниматься на поверхность. Для этого достаточно пяти-шести знаков и немного интеллекта для создания из них чего-то означающих сочетаний.

6. Не суетитесь, расслабьтесь, доверьтесь инструктору и получайте удовольствие.

Теория обычно сопровождается демонстрацией оборудования, а также байками – поучительными и смешными историями из личной практики инструктора. Примечательно, что чем моложе инструктор, тем больше историй. На практике все происходит просто. Под чутким контролем вы опускаетесь по веревочке на дно, где и ползаете полчаса под ручку с инструктором, любуясь рыбками и красотами подводного мира.

О начале курса

Мы не ставили перед собой задачу написать учебник по дайвингу. Наша книга – разговорник. С ее помощью, как вы уже поняли, вам будет значительно легче понять содержание учебника в вольном пересказе инструктора на не совсем русском языке. Мы расставим акценты на главном, а всякие детали и подробности инструктор сам объяснит вам на пальцах.

Оборудование для погружений, как и все вообще в этом мире, не бывает дешевым и хорошим одновременно. Оно либо то, либо другое. Но главное, чтобы оно вам нравилось и подходило по размеру и стоимости. Конечно, покупать его вас никто не заставляет, но все рассказы о нем с демонстрацией его исключительных качеств – это предпродажная подготовка. Для начала купите себе маску. Импортные маски, в отличие от отечественных противогазов, не имеют размеров, но это не значит, что вам подойдет любая. Та, которая вам сразу понравилась, не подходит точно. Хотя, возможно, вам повезет. Попробуйте. Главное в маске, чтобы она не протекала и не давила. Приложите ее к лицу и вдохните носом. Если она плотно прилипла и не впилась в переносицу, начинайте смотреться в зеркало.

Мужчина в патентном бюро:

– Посмотрите, я изобрел уличный аппарат для бритья. Вы опускаете монету, суете сюда лицо, и вот эти лезвия быстро вас бреют.

– Послушайте, – обращает внимание патентовед, – но лица-то у всех разные…

– Это только до первого раза.

С костюмом, ботиками, ластами, перчатками, поясом, ножом, фонариком и множеством необходимых красивых безделушек вы без труда разберетесь сами. На регуляторе и жилете плавучести не экономьте – берите самое дорогое. Этим же руководствуйтесь при выборе компьютера. Не забудьте про часы. Без них ваш новый образ будет неполным.

Покупку корабля, дайвинг-центра и ближайшей гостиницы рекомендуем отложить до окончания курса. Дайте себе время подумать. Может, все-таки горнолыжный курорт?

Агент по недвижимости показывает новому русскому замок в Ирландии:

– И обратите внимание, – говорит он, – это первая половина семнадцатого века.

– Чего ты мне коммуналку-то суешь?! На фига мне половина?! Целиком я возьму. Только быстро!

Некоторые основные знаки вы уже освоили во время интродакшена и представление о том, как сложно выразить все свои чувства на пальцах, получили. Тут навык нужен. Сами знаки по отдельности означают лишь конкретные сухие понятия и без контекста не всегда понятны. Поэтому конкретизировать и разнообразить свою речь следует их сочетаниями. Скажем, после того как вы показали знак «проблемы», стоит, как минимум, объяснить, какие именно. И сделать это надо как можно доходчивей. Проблемы-то у вас. Для наглядности приведем вам пару примеров.

2-наверх
2-с ухом
3-вниз
Fuck
3-с чем-то ещё
Акула
Всё отлично
Держаться вместе
Закончился воздух

INI. D. Не путайте пальцы: большим показывают направления, указательным – на что-то указывают, а поднятым наверх средним – свое негативное отношение к тому, на кого после или перед этим показали указательным.

Словом, тренируйтесь. Как только сможете с легкостью жестами объяснить, что вашего приятеля зовут Хуан, и он работает продавцом в секс-шопе города Пномпеня, считайте, что дайверовским языком вы уже владеете свободно. Можете, кстати, после этого попробовать себя в пантомиме на большой сцене.

Мужчина пообещал сыну на день рождения пригласить клоунов. Подъехал в цирк договариваться, а там все на гастроли уехали. Что делать, ведь слово сыну дал?! Смотрит, а во дворе двое дрова рубят. И вдруг один из них как запрыгает, заскачет… ну до чего потешно. Мужчина к ним:

– Слышь, а твой кореш не может вот так поскакать минут пять у меня дома, а я пару соток дам…

– Васька, – кричит тот, – ты себе еще один палец можешь отрубить? Только теперь за деньги!!!

О давлении и объеме

Далее вам предстоит вспомнить уроки физики, частично прогулянные в пятом классе. О существовании атмосферного давления вы, наверное, знаете. Это давление обусловлено тяжестью нависшей над нами атмосферы. На поверхности земли оно незначительно колеблется около семьсот шестидесяти миллиметров ртутного столба. Это значение принято считать одной атмосферой или одним баром. И несмотря на то, что это один килограмм, давящий на каждый квадратный сантиметр поверхности нашего тела, мы к этому привыкли и совсем не замечаем. При погружении под воду возникает так называемое избыточное давление. Оно создается за счет давящей сверху воды. Каждые десять метров глубины создают дополнительное (избыточное) давление, равное одной атмосфере. То есть на глубине десяти метров на тело, погруженное в воду, действует избыточное давление в одну атмосферу, на двадцати метрах – две, на тридцати метрах – три атмосферы и так далее. Не пытайтесь подсчитать, как вас «зажмет» на пятидесяти метрах, тем более что площадь своего тела вы наверняка не знаете. Не представляйте себе, как вас «плющит». Этого давления вы даже не почувствуете, ведь человеческое тело – та же вода с плавающими в ней клетками. Давление, в полном соответствии с законом Паскаля, равномерно везде увеличивается, и ничего не происходит. Так что – не сплющит. Исключением являются воздушные полости организма. Это легкие, среднее ухо, пазухи, наполненный газами кишечник и полости в зубах под плохо поставленными пломбами. Дело в том, что воздух, в отличие от твердых тел, под воздействием давления сжимается. На глубине десять метров (плюс одна атмосфера) его объем уменьшается в два раза, на двадцати метрах (плюс две атмосферы) от него

остается одна треть, на тридцати метрах (плюс три атмосферы) – четверть объема и так далее. И наоборот, например пластиковый пакет, наполненный на глубине десяти метров литром воздуха, на поверхности окажется двухлитровым. То есть, если в акваланге глубоко вдохнуть на глубине и всплыть, не выдыхая, – в легких объем воздуха значительно увеличится. Могут и «лопнуть». Это называется баротравмой, но об этом позже.

Таблица давления и объема

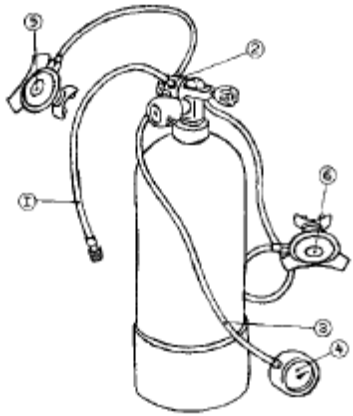
Глубина	Давление	Объём
10 метров	1 атм.	1\2
20 метров	2 атм.	1\3
30 метров	3 атм.	1\4
40 метров	4 атм.	1\5

Так что же с этим делать? С легкими все просто – никогда не задерживать дыхание. Из акваланга вы получаете воздух под давлением, равным давлению окружающей среды. Поэтому дышите ровно, и все будет хорошо. С пазухами и ушами хлопот побольше. Их надо продувать при нарастании давления. Они вентилируются через нос, и, как мы уже говорили, если его зажать и подуть, давление в них легко сравнивается с давлением внешней среды. Чтобы в кишечнике не было газов, не наедайтесь перед погружением, а с зубами обратитесь к хорошему стоматологу.

Об акваланге

Устройство акваланга в подробностях, на наш взгляд, знать не обязательно. Пускай над этим заморачиваются разработчики и изготовители. Достаточно знать принцип его действия и названия частей. Большинство из нас ведь пользуются телевизором, не имея понятия, как устроена электронно-лучевая трубка. И ничего. Так вот, акваланг служит для того, чтобы обеспечивать под водой подачу воздуха для дыхания. Он состоит из баллона (баллонов) со сжатым воздухом и двух регуляторов. Баллоны имеют объем двенадцать-восемнадцать литров и рассчитаны на рабочее давление двести пятьдесят атмосфер. То есть они вмещают запас три-четыре с половиной тысячи литров воздуха (при атмосферном давлении). Регулятор понижает давление воздуха из баллона до давления, равного давлению окружающей среды, давая возможность аквалангисту свободно дышать в условиях повышенного давления. Регулятор разделен на две ступени

понижения давления. Первая ступень присоединяется непосредственно к вентилю баллона и понижает давление воздуха до значения, превышающего окружающее на восемь-двенадцать атмосфер.



1) Шланг подачи низкого давления (low-pressure inflator hose);
2) Регулятор 1-го уровня (regulator first-stage);
3) Шланг высокого давления (high-pressure hose);
4) Манометр (pressure диаде);
5) Регулятор 2-го уровня (regulator second-stage);
6) Дополнительный источник воздуха (alternate air source).

Из нее выходят два вида шлангов: шланг высокого давления идет к манометру, и шланги низкого давления, подающие воздух к компенсатору плавучести, – на поддув костюма (сухого) и на регуляторы второй ступени. Регуляторы второй ступени понижают давление воздуха регулятора первой ступени до давления окружающей среды и вставляются непосредственно в рот. Один из них является основным – это тот, через который вы дышите сами, а другой – добавочный. Его еще называют «октопус». Он необходим в случае, когда у кого-нибудь закончился воздух, и вы решили помочь ему подняться на поверхность.

О важном

Как ни странно, человеческий организм лучше всего приспособлен к жизни на земле. Пребывание его под водой противоестественно, но некоторое время он может и это вытерпеть. При этом ведет себя не совсем так, как на суше. Этого следует ожидать. Мы – авторы этой книги – вообще считаем, что, попадая в воду, а тем более под воду, человек оказывается в агрессивной среде. Это не нормально. Настало время узнать правду. Если вы и после этого занятия сохраните желание стать дайвером, вы им наверняка станете. Мужайтесь! Для начала

инструктор предложит вам освежить свои познания о строении уха и пазух, функциях дыхательной и кровеносной систем, вспомнить о метаболизме, газообмене… затем перейдет к «патологии». Начнет он, скорее всего, с баротравмы. Баротравма – это повреждение тканей, связанное с изменением наружного давления. Она может возникнуть только в тех органах, где есть воздух, имеющий, как вы уже знаете, свойства сжиматься и разжиматься. Помните пункт третий нашего рассказа об интродакшене? Это и есть баротравма, в данном случае – ушей. Она возникла при погружении от увеличения окружающего давления. Вы не продувались, и ваши барабанные перепонки лопнули вовнутрь. Это понятно? А вот если, погружаясь, вы успешно продували уши, а на глубине проводимость хотя бы одной евстахиевой трубы нарушилась, то при всплытии вы получаете те же проблемы, с той лишь разницей, что барабанная перепонка, или обе, лопнут наружу. И учтите: этот случай намного хуже, так как в первом, если никак не продуться, можно просто всплыть, и с ушами все будет нормально, то во втором баротравмы не миновать, если проводимость не восстановится. Как от этого застраховаться? Никогда не лезьте под воду с насморком или заложенным носом. А если вам будут предлагать закапать в нос перед погружением какие-нибудь капли, подумайте, что может случиться, если их действие закончится на глубине. Теперь угадайте, почему мы настоятельно рекомендовали вам во время интродакшена ровно дышать и ни в коем случае не задерживать дыхание. Вы совершенно правы – чтобы избежать баротравмы легких. Дыханием вы выравниваете давление воздуха в легких с окружающим вас давлением. О зубах и кишечных газах надеемся, что додумаетесь сами. Кстати, вы знаете, почему у одного из нас такой огромный живот? Растянулся. Зато влезает в него теперь гораздо больше.

Хохол пытается засунуть в рот огромный гамбургер.

– Может, вам разрезать? – спрашивает услужливый официант.
– Точно, режь… мне рот! Вот здесь и здесь, – отвечает хохол.

От баротравм логичнее всего перейти к их последствиям. Уж пугать так пугать. Разрыв барабанной перепонки – штука болезненная и коварная. Во время разрыва в среднее ухо попадает холодная вода, что приводит к головокружению и нередко к потере сознания. Находиться в таком состоянии под водой, как вы понимаете, небезопасно. Если же вам все-таки удалось выжить, сразу обратитесь к врачу и не забудьте сдать свой билет на самолет. Лечение отита – дело долгое и серьезное, а авиаперелеты в таком состоянии противопоказаны.

Пьяный в стельку пилот пробирается по салону в хвостовой

туалет.

– Послушайте, – спрашивает один из пассажиров, – и как мы теперь приземлимся?

– Не боись, – отвечает летчик, – ни один самолет еще в воздухе не остался…

Предположим, что вы по каким-то причинам решили не дышать при всплытии. Например, закончился воздух, и вы изо всех сил рванули на поверхность, или потеряли плавучесть и вас быстро выкинуло на поверхность, а вы от неожиданности задержали дыхание. В этой ситуации все зависит только от глубины, с которой вы стартуете, и количества воздуха в легких. Альвеолы (легкие) разрываются при давлении, превышающем восемьдесят-сто миллиметров ртутного столба. В лучшем случае вам грозит так называемая, барогипертензия. Представьте, что легкие резко и сильно надулись расширившимся в них воздухом, тем самым сжали легочные капилляры и вытеснили из них кровь. «Взрывной волной» она прокатилась по левому предсердию и левому желудочку сердца на фоне повышенного сопротивления в малом круге кровообращения, создав резкий скачок артериального давления. Такой удар по организму может вызвать серьезные нарушения кровообращения органов и тканей, в том числе и головного мозга. Что такое инсульт, знаете? Значительно хуже, если этим дело не ограничится. Разрыв легочной ткани приводит к кровоизлиянию в легких и воздушной эмболии – проникновению воздуха в кровяное русло с последующей закупоркой сосудов. При разрыве плевры плевральная полость заполняется воздухом. Легкое в этом случае спадается, и дыхание им становится невозможным. Это называется пневмоторакс. При сильном кровотечении плевральная полость заполняется кровью, и развивается гемоторакс. Как это все диагностируется и лечится, наверняка знает врач, обратиться к которому необходимо немедленно при обнаружении откашливающегося кровью дайвера с отдышкой, синим лицом и раздутой шеей или просто жалующегося на боли в грудной клетке.

– Чем вы больны, мне непонятно. Но… Знаете, что, больной, вам следует дома принять холодный душ и, не вытираясь, встать у открытого окна на сквозняке, – советует доктор пациенту.

– Но, я же схвачу воспаление легких! – возражает пациент.

– Вы совершенно правы, больной. Дело в том, что, как лечить воспаление легких, я знаю точно.

Это еще не все. Далее вам предстоит узнать о кессонной болезни. Оказывается, под воздействием повышенного давления в крови начинает растворяться азот. Из этого газа на семьдесят девять процентов состоит воздух, которым мы дышим. В

нормальных условиях (на суше) проблем он не доставляет, болтается туда-сюда и все. А там – всасывается. Но это полбеды. Как только вы начали подниматься на поверхность, азот снова превращается в газ. На примере бутылки шампанского вы отлично поймете, как это, собственно, происходит. Пока бутылка закрыта и давление в ней высокое, содержимое выглядит, как обычная вода. В это время в шампанском находится углекислый газ, но он растворен в нем и никак себя не проявляет. Стоит резко открыть бутылку, давление в ней резко понижается – сравнивается с атмосферным. Что происходит при этом, вы сами знаете. Шампанское словно закипает. Если шампанское вам не по душе или не по возрасту, возьмите в качестве примера кока-колу или боржоми. А теперь представьте, что аналогичный процесс происходит внутри вас. Вьщеляясь из плазмы, пузырьки азота застревают в межклеточном пространстве и затыкают собой капилляры, не давая крови полноценно снабжать ткани кислородом и питательными веществами. Выделяют три степени кессонной болезни, различающиеся интенсивностью поражения тканей. Зависит эта интенсивность от насыщения тела азотом за время погружения, то есть от глубины погружения, времени погружения и времени всплытия. Ведь если уравнивать давление постепенно, бурного процесса не будет, и накопившийся азот успеет спокойно покинуть организм вместе с выдыхаемым воздухом. Для этого необходимо строго соблюдать декомпрессионные процедуры. Они не входят в начальный курс подготовки, и вы на данном этапе должны полностью довериться руководителю погружений, в обязанность которого входит их планирование. На случай, если по окончании курса вы так и не усвоили, что без присмотра вам пока погружаться нельзя, и вы уже мните себя как минимум Жаком Ивом Кусто, сообщаем: как только почувствовали усталость, сонливость, головокружение, тошноту, зачесалась кожа и на ней появился мраморный оттенок, прекращайте нырять и ползите к доктору. Поздравляем, вы закессонили.

Ну, и закончим эту тему, советом бывалых: не грейтесь после погружений под горячим душем. К разогретой коже с расширенными от тепла сосудами идет приток крови. После погружения кровь некоторое время все еще насыщена азотом.
Под воздействием тепла процесс его выпаривания становится интенсивнее, и вместо того, чтобы покинуть организм через легкие, часть азота остается пузырьками в ткани кожи.

– Мам, – спрашивает белый медвежонок медведицу, – а у нас в родне точно не было бурых медведей?

– Не было.

– А гималайских?

– И гималайских не было. А почему ты спрашиваешь, сынок?

– Я так мерзну…

Мы не зря вспомнили про горячий душ. Кроме давления, из-за которого происходит большинство неприятностей, вода еще обладает свойством высокой теплопроводности. Она значительно лучше воздуха отдает и забирает тепло. По этой причине энергозатраты при погружении в двадцатиградусную воду равны выходу голым на пятцдесятиградусный мороз. Одним словом в воде с температурой ниже тридцати шести и шести градусов можно запросто получить переохлаждение. Тут дело времени. Для тех, кто не знает, штука это серьезная, и с подобным диагнозом велик шанс посетить реанимационное отделение. Именно поэтому вы уже купили себе красивый костюм и не ошиблись, выбрав самый толстый. Под водой еще никто не вспотел, а вот чего ни одень, а через каких-нибудь двадцать-тридцать минут даже при температуре двадцать пять градусов все равно становится зябко. Это вам любой скажет. Не проводите эксперименты на собственную хладоустойчивость. Началась дрожь – показывайте руководителю специальный знак: «Я замерз» – и проситесь наверх.

– Дыхните, – просит гаишник водителя.

– Я не пью.

– Наркотики?

– Не употребляю.

– А как же вы расслабляетесь?

– А я не напрягаюсь.

Дайвинг, как вы уже поняли, занятие интеллектуальное. Это видно по фигурам спортсменов и уровню их общей физической подготовки. Хотя от шахматистов они тоже, в общем, отличаются. Ну, это не важно. Главное, что в дайвинге вы – полноценный спортсмен, даже если поднимаетесь домой по лестнице на второй этаж с отдышкой, несмотря на две пятиминутные остановки. И не нарушайте традиций. Усталость от занятий оставьте качкам-бодибилдерам. И это не потому, что подводный спорт для лентяев, а просто таковы правила техники безопасности. Как мы уже говорили, под водой все происходит не так, как на суше. Это здесь вы устаете постепенно, а если и запыхались, передохнули чуть-чуть – и снова в бой. Там, в воде, силы заканчиваются вдруг, сразу и все, при этом возникает апатия и парализуется воля. Поэтому не напрягайтесь и, если почувствовали усталость, прекращайте погружение.

Мужчина первый раз прыгает с парашютом: – Господи, красота-то какая!.. Мир как на ладони… горы… поля… города…

реки… а вон люди… маленькие, как муравьи… Черт, это и есть муравьи!!!

Ну, и, наконец, еще одна беда, которая подстерегает вас на глубине и ждет, когда Вы на нее напоретесь. Она называется азотный наркоз или глубоководное опьянение – кому как больше нравится. Механизм этого явления изучен слабо. Как и на какой глубине он наступит и наступит ли в этот раз вообще, никто точно сказать не может. Совет тут один: торкнуло – сбавьте глубину. На этой не прочухаетесь. Понять это сложно, но нужно. Сначала просто улучшается настроение, затем вы чувствуете эйфорию, как при легком опьянении. Могут слышиться музыка, голоса… Далее, менее приятно – появляются и усиливаются беспокойство, страх. Это азот, растворенный в крови, начинает действовать вдруг, ни с того ни с сего, как веселящий газ – закись азота. Затем… Вы знаете, при любом развитии событий, смерть дайвера под водой наступает всегда от утопления. Забавно, да? Вот этого пока, пожалуй, достаточно.

– Вы знаете, – говорит доктор, – состояние вашей жены очень тяжелое. Авария была настолько серьезной, что нам пришлось ампутировать ей одну руку целиком, вторую по локоть. Ноги спасти тоже не удалось. От сильного удара она потеряла зрение и слух, но состояние внутренних органов дает надеяться, что проживет она долго…

– Долго?! – переспрашивает ошарашенный таким известием муж.

– Да пошутила я, мужчина, умерла она!

Когда говорят, что дайвинг – это «экстрим», имеют в виду как раз то, что человек все это знает и все равно лезет под воду. Вот, собственно, в чем этот «экстрим». Если вы считаете, что «экстрим» заключается в другом: в том, чтобы попробовать все эти неприятности на себе и при этом выжить, – не начинайте заниматься дайвингом, а просто выпрыгните из окна. Будет значительно дешевле, гораздо быстрее, хотя и менее надежно.

– Ты знаешь, Гоги, – спрашивает один грузин другого на кладбище, – как тяжело потерять жену? – Практически невозможно, да!

Да, к слову, тут Кравчук чуть было не забыл. Что делать, если вы потеряли под водой своего партнера или потерялись сами? На суше это нормальное явление. Партнеров даже стоит иногда терять. Знаете, как говорится: сколько виагру ни пей, а пока новую девчонку не заведешь – не поможет. Это верно, но только не по отношению к дайвинг-партнеру. Его следует беречь и в случае потери поступать следующим образом:

• сразу, как только вы это обнаружили, ищите его поблизости

в течение одной минуты;

• через минуту поисков всплывайте и ждите его на поверхности.

Если ваш партнер придерживается этих же правил, то он либо уже на поверхности, либо вскоре всплывет, и вы сможете начистить ему рыло за его невнимательность.

Не погружайтесь вновь для поисков, а то можете с ним разминуться и долго будете друг за другом нырять. Просто ждите на поверхности минут пятнадцать-двадцать и только после этого сигнализируйте на корабль о случившемся. Там наверняка есть люди, умеющие организовывать подводные поисковые работы.

Эпилог

Не грузитесь, мы специально остановились эдак весело на серьезном. Именно это вы обязательно должны знать и понимать. Остальное – лирика. Ее вам напоет инструктор. Ну, а про то, как рыбы кусаются, крабы щипаются, кораллы цепляются, вы скоро узнаете сами.

Удачных вам всплытий!

Константин Кравчук, Роман Трахтенберг

Рассказы

– Вовочка, ты кем будешь на утреннике?

– Я надену коричневую курточку, коричневые штанишки и буду какашкой.

– А зачем?

– Чтобы вам праздник испортить!

– А мы тебя в угол поставим!

– А я и оттуда буду вонять и все равно вам все испорчу!!!

В детстве все мы были звездами. Каждому ребенку говорили, что он лучше всех, и он в это свято верил. Есть такая история про Ходжу Насреддина. Как-то раз сидит он в чайхане возле дома, и вдруг туда вбегает его супруга: «Скажи, я ли твоя самая любимая и самая красивая жена?»

– Ты-ты! Иди домой и успокойся.

Через пять минут вбегает вторая жена: «Скажи, я ли твоя самая любимая и самая красивая жена?»

– Ты-ты!! Иди домой и успокойся.

Через минуту вбегает третья жена: «Скажи, я ли твоя самая любимая и самая красивая жена?»

– Ты-ты!!! Иди домой и успокойся.

Наблюдавший эту сцену мулла не выдерживает:

«Ходжа, не бывает же так, чтобы все три жены были бы и самыми любимыми, и самыми красивыми».

– Бывает-бывает, – сказал Насреддин. – Иди в мечеть и успокойся.

С детьми история та же. Каждый самый любимый, каждый лучше всех играл в детском садике, когда там «давали „Красную Шапочку“. В главных ролях разумеется весь дошкольный коллектив. И не важно кто ты: пятый пенек в третьем ряду или Серый Волк. Тогда впервые и можно было почувствовать себя звездой.

– Мама, а я хорошо сыграл? – спрашивал ты, едва успевая за спешащей домой мамой.

– Хорошо, хорошо! – одобряла она.

Хотя кто тебя там видел, под маской-то?!

– А страшно было?!

– Да-а. Страшно-страшно.

– Нет, правда, очень страшно?!

– Да, правда-правда! Очень-очень!

Все мамы готовы подтверждать это до бесконечности. У них свои цели: «иди домой и успокойся». Но для детей это все равно важно и существенно, для них это по-настоящему. Например, у моего сына корона росла до потолка после «выхода на сцену»! Так однажды для праздника в садике ему сшили костюм космонавта. Самый что ни на есть «всамделишный»: из серебристой материи, с баллонами из картона, склеили шлем, дали в руки бластер. Он отыграл в детском саду, а на другой день, собираясь со мной погулять, снова стал облачаться в космическое одеяние. Я сказал, что с сыном-»космонавтом» гулять не пойду! У меня все-таки есть комплексы. А когда идешь с «космонутым» по Невскому, люди шарахаются. Думают, вдруг это заразное. И только ребенку хорошо потому, что другие дети, замирая от восторга, сворачивают шеи и пожирают глазами такого счастливого мальчика.

Только звездность в детсадовском возрасте достается абсолютно на халяву. Если в детском саду ожидается праздник, все на нем должны выступать, всем дают прочитать хотя бы строчку. Если уж ты совсем дебил, и воспитатели не могут выучить с тобой текст из трех слов, тогда предлагают станцевать. Если же ты и танцевать не тянешь, то тут начинают возмущаться родители. Потому что ребенок не должен сидеть в стороне. Он должен быть на сцене! Желательно в числе первых. И чтобы Дедушка Мороз его похвалил, и чтобы Снегурушка с ним потанцевала, и тогда можно будет надеяться, что из ребенка вырастет большой артист, который прославит свою мамочку. Но Дедушка Мороз – продажная душа, я сам был Дедом Морозом не раз. Он хвалит всех. Он всем радуется. И готов превозносить до небес каждого, кто ему нальет. А потом он готов сопереживать и сочувствовать каждому, как в том анекдоте. «Девочка расскажи стишок, который ты выучила к празднику!» – «Я зааабылааа…» – «Ну, еб твою мать!!!»

* * *

Мысль, что ты может быть вовсе и не звезда, впервые закрадывается в твое гордое самомнение только в школьном возрасте. У кого-то с танцами проблема. Кому-то друзья говорят, что выступать на сцене вместе с девочками – «западло». У кого-то с голосом беда. Так был у нас мальчик в классе, которого звали Шадрик. Белый конопатый блондин. Всем нам было по десять лет,

а он…говорил басом. Что заставляло и учителей, и учеников угорать от смеха. Вот мальчик и старался молчать. Особенно на уроках пения. А может, если бы мы не хохотали, из него вышел бы Шаляпин. Но в школе не молчат! Школа – место странное. С одной стороны, более объективное, чем детсад, где все были звездами на халяву, с другой – все равно субъективное. Я в те годы, между прочим, пел в детском хоре Ленинградского радио и телевидения. Так вот одному мальчику-солисту хора в школе ставили по пению двойки. Точные причины, двигаемые учителями, до сих пор неизвестны. Есть такая политика у преподавателей, чтобы ребенок не зазнавался. Чтобы не задирал нос, считая себя выше других. Они полагают, что так готовят ребетенка ко взрослой жизни, где полно падений и разочарований. А ребенок не боится упасть. Ему хочется стать первым. Хоть в какой-нибудь области! И я помню лез вперед к успеху. Если меня, как и всю малышню, выдвигали куда-нибудь выступить, изо всех сил старался придумать чего-нибудь эдакое, что помогло бы отличиться и стать лидером. В третьем классе на конкурсе самодеятельности мне доверили спеть песню. Я выбрал: «Шпаги звон, как звон бокала…», заучил ее прямо с пластинки, исполнил перед зеркалом и решил, что просто спеть недостаточно. Гораздо эффектнее выйти со шпагой. Но взять ее негде, потому пришлось просто оторвать ветку и пойти с ней: «Вжик! Вжик! Вжик! Уноси готовенького!» Придумка произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Позже я понял, что хорошо петь умеют многие, а вот говорить… Намного круче, если со сцены не петь, а говорить! Артисты-разговорники гораздо популярнее, чем певцы. Они смешат людей, и стоит им появиться на экране, как граждане целой страны, бросив свои дела, бегут к телевизорам.

Правда, тут есть одна проблема: никто не знает – ЧТО говорить? Где брать смешные тексты? И тут я впервые использовал серьезный козырь, подаренный мне судьбой: должен сознаться, без родителей у меня бы ничего не получилось. Мой папочка работал директором клуба и следил за эстрадниками, то есть когда их показывали по телику, он тут же включал магнитофон (подсоединенный к телевизору и всегда готовый к записи). Потом расшифровывал монологи, бережно хранил и никому, кроме меня, не давал. Вот с ними-то я впервые и прославился. Мне было почти двенадцать, когда только появился Хазанов с монологом про приемник, который сам переключался с волны на волну. Номер сразу стал событием. Кто-то его видел, кто-то нет, но все о нем слышали. Текстик я удачно подчистил, «Спартакиаду-79» переделал в «0лимпиаду-80» и стал с этим

«приемником» самым центровым парнем в школе! На меня показывали пальцем, просили дать переписать. Но я гордо отвечал: «Нет. Это „материал“. А „материал“ стоит денег!» Потом выучил монологи Измайлова и практически получил «всемирную» – школьную славу. Ну, а кто еще был ее достоин, кроме меня? Остальные читали басни и стихи, но кому интересно их слушать? То ли дело необычный монолог, который невозможно нигде ни услышать, ни купить, ни достать. Концерты по телику ведь почти не повторялись. А мой папочка еще и имел возможность не пропускать ни одного живого концерта разговорников. Ему как директору клуба давали VIP-ложу в Театр эстрады. Он же приходил всегда с магнитофоном, спрятанным в портфельчике, в ложе доставал микрофон и преспокойно воровал «чужой хлеб». Но иначе в те годы было нельзя. Хочешь жить – умей тибрИть.

Правда, вскоре я понял ужаснувшую меня вещь: чтобы хорошо говорить, надо иметь профессионала-учителя. Тексту недостаточно быть смешным, его надо хорошо прочитать. Я окончательно убедился в этом, провалив свой номер в пионерском лагере, пока гордо думал, что «щас будет ваще», публика же…не понимала, что происходит. То ли материал, который мне подсунул папаша, не выстрелил, то ли сам я делал паузы не там, где надо, и ставил акценты не на том…

Провал я перенес плохо и тут же принялся срочно искать что-то другое; в итоге решил выступить с новым номером Измайлова. Только поспешишь – людей насмешишь. В середине номера наскоро выученный текст напрочь вылетел у меня из головы! Я убежал со сцены в слезах…. А Измайлов тогда был мифический персонаж. Он сам не читал свои творения, но все знали, что такой человек есть. Особенно потрясающим был «Ералаш», который сняли по его рассказу. О том, как говорят современные дети, его тогда все помнили наизусть: «Привет, Витек! Как дела?» – «Клево. Вчера один шкет…» – «Кто?» – «Парень такой, нос у него в виде шнобеля…» – «В виде чего?» – «Ну, рубильник такой, в виде паяльника…» Взрослый, не понимающий вначале, что ему плетет Витек, наконец, осознает стиль подростковой речи и сообщает, что отрывок из Н. В. Гоголя «Чуден Днепр при тихой погоде…» на языке «бзике» звучал бы примерно так: «Классный Днепр при клевой погоде. Когда, кочевряжась и выпендриваясь, катит он сквозь леса и горы клевые волны свои. Не гикнется! Нет! Не накроется! Вылупишь зенки, откроешь варежку и не шаришь, пилит он или не пилит. Редкая птица со шнобелем дочешет до середины Днепра, а если дочешет, то так гикнется, что копыта отбросит».

Если прочитать такое со сцены – ты герой! Но как расставить

все паузы, если видеомагнитофонов не было, а бумажные записи не сохраняли интонацию? Поэтому профессия разговорника давалась сложно, и победы в ней не были гарантированными. И пусть на руках у меня был такой козырь, какого не имел никто, его оказалось недостаточно, чтобы стать звездой.

Так что, будучи ребенком, нормально развитым, к идее стать артистом, я потихоньку охладевал. Очень уж много минусов. К тому же тогда существовала только государственная эстрада и «звезды» назначались сверху. А тебя как начинающего могли просто приписать к какой-нибудь филармонии, и ты там получал бы на порядок меньше, чем зарабатывали на заводе студенты. И что толку, если ты умеешь пилить на скрипке, окружающие даже не будут считать тебя артистом. Потому что Артист – тот, кого все знают! Когда еще ты таковым станешь и станешь ли вообще. Андрей Миронов рассказывал в интервью о начале своей карьеры. Он шел по подъезду, а мужики там разливают водку. «Будешь?» Он помялся: «Ну, давайте». Выпили, закусили. И его спрашивают: «А ты кем работаешь-то?» – «Я? Артистом». – «Ну, не хочешь – не говори». Никто даже поверить не мог, что с артистом можно пить водку в подъезде, общественное мнение поднимало их очень высоко.

Заранее решить для себя, что способен прыгнуть выше головы, никто не может. А быть нищим неизвестным актеришкой… нужна ли кому-то такая «интересная» жизнь?

* * *

…Но может, и хорошо, что детские мечты остаются только мечтами, если мы видим, что не способны преодолеть преграды? Зачем биться головой об стену? Что вы будете делать в соседней камере? Примерно так сказал Лец. Можно заняться массой других вещей, которые вам подходят и дадут неплохой результат. Только делая то, что у вас получается лучше всего, вы станете первым в своей области. Я лично после школы, поняв, что ловить в искусстве мне нечего, надолго отодвинул идею о славе и пошел сразу в два скромных, но очень достойных вуза. Правда, ни одного не закончив, попал в армию. И… не жалею об этом. В любом случае то, что с нами происходит – это накопление опыта. Армия, тюрьма, эмиграция и вузы – учат нас лучше понимать других людей. Тех самых, с кем артист или певец должен найти общий язык.

…Ну, а ко дню моего славного возвращения из вооруженненьких сил, ситуация в стране резко изменилась. Я

ходил по родному городу и видел, что безработные артисты стали на улицах петь, читать стихи, танцевать, а это означало, что, наконец, деньги можно зарабатывать и искусством. Мир, к которому я не был равнодушен, вдруг неожиданно открылся: я учуял «ветер перемен». Это все меняло и возвращало меня к тому, чем заниматься хотелось, наверное, больше всего: шоу-бизнесом, который только стал определяться как понятие. Мне всегда хотелось славы и денег. Точнее даже, только денег и чтобы ничего не делать. Инструментом в деле обогащения должна была стать слава, и я решил, пришло время связать себя с эстрадой! Тут же определился и с профессией: режиссер! Это человек свободный, сам выбирает, что и с кем ему делать. Не то, что артист: существо подневольное, часто не востребованное. Неизвестно, дадут ему роль или нет, напишут для него монолог или нет. К тому же режиссер, если захочет, легко переквалифицируется в артисты. И с такими мыслями я поступил в институт имени культуры на отделение режиссуры массовых праздников и театрализованных форм досуга.

* * *

– Уважаемые дамы и господа, не толпитесь, пожалуйста! Купюры достоинством свыше ста рублей просьба складывать в несколько раз, чтобы они занимали меньше места! – громко орал я, стоя на улице.

«Дамы и господа», прогуливающиеся по подземному переходу у Гостиного Двора и совсем даже «не толпившиеся», удивленно смотрели на нас. А мы вдвоем с однокурсником изо всех сил пытались завладеть их вниманием. Пусть мы только начинали карьеру уличных музыкантов, но уже понимали: чтобы остановить публику, надо чем-то выделиться. И вырядились в короткие штаны, красные чулки, лакированные туфли, рубашки с жабо, береты с перьями и красные плащи. Костюмы создавали завлекуху, люд подтягивался, а я провозглашал: «Хочу представить вам рок-поп-гоп-стоп-стеб-дуэт „Нервный тик“»!

Мое заигрывание с публикой вызывало смех и интерес. И мы продолжали: «Музыка Союза композиторов, слова Союза писателей! Наркоманское попурри!» И мы начинали петь песни о траве, которых в репертуаре певцов прошедшего времени было до чертовой матери. «Вот идет журавель-журавель. На бабушкину конопель-конопель. Анаша, анаша, до чего ж ты хороша! Травушка-муравушка зелененькая…» / «…Травы-травы не успели. От росы серебряной согнуться. И такие нежные напевы, ах,

почему-то прямо в сердце льются…» / «На дальней станции сойду, трава по пояс… Здесь все мое. Здесь все, что нужно мне. И вдаль пойду, ничем, ничем не беспокоясь. По конопляной сладкой тишине…» / «…Трава налево, трава – направо, трава – на счастье, трава – на славу…» / «…Над серым полем конопли летят куда-то журавли. Летят, перекликаются, с родной землей прощаются…»

Расчет наш был верен, зеваки сбегались, и пусть нам кидали не сотни, а только мелочь, но и ее оказывалось немало. Бывало, что за полчаса мы зарабатывали шестьдесят рублей, в то время как наша стипендия составляла сорок пять.

Но мы не только пели, мы еще просекли, что с публикой надо общаться. И именно благодаря школе уличного музыканта, я получил свой первый бесценный опыт. Я тогда понял, что ничуть не хуже проходящих, и не лучше. То, что я стою на улице – это минус, но мне кидают деньги – а это плюс. Там я понял, неважно какими путями ты придешь к славе, главное чтобы она все-таки была. Тогда все тебя будут любить и…кидать деньги. Да впрочем, питерские площади и переходы были в то время местом достаточно культурным и значимым (не как сейчас в переходах Москвы, где тупые подростки пытаются воем заработать на бутылку пива). В те времена еще не было клубов, где музыканты могли бы работать. И все реализовывали себя на улице. Там пел и Паша Кашин, и была группа «Кафе» (которая называлась тогда «Файнстрит»), Мы с ними чуть не подрались однажды за место. Была группа «ОРЗ», в которой был настоящий негр. И его не надо сравнивать с современными «шоколадными зайцами», он и пел хорошо, и пританцовывал талантливо: «А я стою в нелепой по-о-о-озе! Танцую регги на моро-о-о-озе…»

В девяностом на питерском ТВ даже сделали передачу «Переход», собрав всех уличных музыкантов, решили выявить победителя: того, кто больше всех соберет денег. Я уверен, что лучшими были мы с Артуром, единственные, кто пели на два голоса, а не в одно дуду. Да и песня была смешная. Но выиграл какой-то неизвестный дяденька, потрясший всех только синтезатором «Ямаха». Это было возмутительно. Как он играет на синтезаторе в переходе?! Куда его подключает, где тут электричество?! А на батарейках такой агрегат не работает! К тому же дяденьке бросили в шляпу двадцать пять рублей, видимо его же друзья. Ну не бросали уличным музыкантам такие деньги!

* * *

…Кстати, о деньгах.

Может показаться, что я постоянно возвращаюсь к этой теме, и она волнует меня больше, чем искусство. Но есть старая история о том, как пришел к Дали молодой художник и сказал, что готов ходить в обносках и есть объедки, лишь бы стать знаменитым. Как ему это сделать?

– Вы никогда не станете знаменитым, – сообщил великий художник.

– Почему?

– Ешьте икру и пейте шампанское.

Мысль понятна.

Жить только ради искусства и есть объедки, я не хотел. К деньгам я стремился всегда, разными путями. И многое в этой области мне удалось. И хочу сразу сказать, что в книге много места посвящено тому, как заработать в шоу-бизнесе. Как сделать, чтобы на вас не наживались ваши же компаньоны; как заставить людей платить вам достойные гонорары; как, наконец, стать богатым настолько, чтобы больше не работать. Деньги это всегда показатель успеха, для артиста это особенно актуально: если они у вас есть – вас автоматически сочтут популярным. Так что всячески показывайте, что они у вас имеются. Есть много правил, касающихся денег, первое я усвоил еще в институте.

Там со мной учился Денис Ширко. Не напрягайте память: его имя вам все равно ничего не скажет. Ему тогда исполнилось только семнадцать, но он был модно прикинут, ездил в Европу, где у него были друзья, дававшие ему деньги и дарившие ему подарки. А я пришел в Институт культуры после Советской армии в двадцать один год, но в каких-то вещах оставался лохом чилийским. И решив купить себе кроссовки, попросил его оказать мне консультационную поддержку. Моя семья не была бедной, но достаток касался в основном еды. Есть было можно, что хочешь. А вот одеваться… Одевал меня дед. Но он покупал только то, что нравилось именно ему: хорошие шерстяные финские костюмы, немецкие ботинки. Дедуся был не молод и не совсем понимал, чего хотел мой организм. Так что джинсы и футболки пролетали мимо. Во-первых, их и в продаже не было, а если и появлялись, то смириться с тем, что за какую-то тряпку надо отдать как за хороший фрак, он не мог. Но я, заработав впервые сам, решил купить себе кроссовки. Нашел их в комиссионке. Они были прекрасные, практически, как раскудрявый клен резной, и позвал Дениса оценить будущую покупку.

– Рома, они ж турецкие, – заявил Денис.

– Ну и что?

– На них написано не «Рибок», а «Ребок».

– Ну и что?

И тогда Денис прочел мне лекцию, типа, если считаешь, что достоин турецкого говна, конечно покупай. Хотя правильнее так: пускай лучше шмотка будет не новая, но фирменная. Потом я услышал подобное в «Такси-блюз» от Мамонова. Вторая часть речи посвящена была тому, что если хочешь стать миллионером, нужно уже сейчас жить так, как живут они. Разница между плохим и хорошим и между хорошим и очень хорошим невелика, от силы в два раза. Но в хорошем – ты себя чувствуешь человеком. Лучше купить одни джинсы, но приличные, чем пять говенных. И т. д. и т. п. и более того, в какой-то момент желание «жить хорошо» стало серьезным.

С приятелями я начал ездить «верблюдом» в Югославию, перевозить чужой товар. Потом стали закупать и перепродавать его сами, увидели, как легко можно нажить капитальчик. Стали покупать модные шмотки. Однажды в Румынии цыгане сперли у нас деньги, но зато в поезде – куда добрая проводница пустила нас бесплатно – мы познакомились с болгарином, который подсказал, как ездить в Турцию, и с этого начался длинный «турецкий» период моей юности. «Челноки» только-только появлялись в нашей стране, а торговля в период дефицита приносила хорошую прибыль. Правда, всю ее целиком приходилось снова тут же пускать в дело: на себя тратили минимум, и я даже до сих пор помню, как вкусно пахло едой из дешевых турецких забегаловок, зайти в которые мы не могли себе позволить, ведь на счету каждый цент. Ели консервы, привезенные с собой из дома, жили в каких-то ночлежках. Со временем дела у нас, естественно, становились все лучше, но и челноков появлялось все больше. В один прекрасный момент я понял, что пусть деньги и важная вещь, но надо остановиться, если они ведут тебя не туда. Все-таки раз я решил работать в шоу-бизнесе, значит должен учиться. Если ты занимаешься торговлей, то непонятно для чего учиться в институте. Тем более, что я хотел работать по выбранной специальности. Раз есть главная цель, остальные пусть ей подчиняются!

Снизив темп своей спекулятивной деятельности, окунулся с головой в учебу; стал путешествовать, но зарабатывать на жизнь своей основной профессией: актерской. Тем более, что одно другому совсем не мешало, даже напротив. С такими мыслями мы с Артуром решили проехаться по Европе, где еще никогда не были. То есть решил и оплатил поездку я, а он просто согласился.

* * *

Траты на дорогу могли пробить серьезную брешь в наших доходах, и потому мы, конечно же, предпочитали путешествовать автостопом. Ну, а для чего водителю сажать попутчиков – понятно. Ему скучно и хочется пообщаться, пока он едет. Если вы с ним не трындите, ему становится еще тоскливее, и он придумывает левую отмазку, чтобы вас высадить. Что с людьми надо общаться, я понял быстро, а к середине нашего путешествия, длившегося целый месяц, так продвинулся в общении, что становился для водителя чуть ли не лучшим другом. Ну, или, по крайней мере, таким интересным человеком, приятельские отношения с которым не стоит прерывать сразу по приезде. Общение – очень важная вещь, а работа на улице натолкнула меня на мысль, что как раз этого многие делать не умеют. И самые большие деньги, что я вообще на тот момент заработал, мы заработали в машине, так сказать за болтовню. Пока ехали, рассказывал водителю истории о России, великосветские сплетни о строительстве Петербурга, анекдоты восемнадцатого века, пел русские песни, короче, веселил, как мог. Зато Артур всю дорогу спал на заднем сиденье. На просьбу водилы что-нибудь сыграть, он обычно отвечал, что настраивать гитару в машине сложно, да к тому же еще у него вечно рвалась первая струна, но как человек, витающий в облаках, он не закупил струны дома. Ведь там их надо было покупать на свои деньги, а здесь на общие. И мы покупали струны за границей, где они стоили целое состояние. Разница между доходами в России и ценами в Германии была катастрофической, чашка кофе тянула на всю мою стипендию, а струна – целых десять марок, что равнялось четырем месячным студенческим дотациям.

…Обычно человек, которого я развлекал всю дорогу, интересовался, где же мы собираемся ночевать.

– В лесу, – честно признавался я.

А надо заметить, что в отличие от России, в Европе живут менее сентиментальные люди. Русский человек, подвозя автостопщика, будет стараться ни в коем случае не спросить, есть ли тебе где ночевать. А вдруг ответишь, что негде. И тогда ему придется как-то отмазываться, мучаясь и сочиняя на ходу, что он бы тебя, конечно же, позвал бы к себе, но только как назло к нему приехали теща и тесть, жена на днях родила тройню, а дом сгорел, и сами они ютятся в сараюшке среди стада коровушек. Иностранец же, услышав, что ночевать вам негде, не будет столь щепетилен. Он вообще интересуется из чистого любопытства: «В лесу будете ночевать? Отлично! Экстрим!». Все это – только ваши проблемы. Однако один иностранец расчувствовался до того, что подарил нам двести марок. Сказал, что такой суммы хватит на

пару дней: на гостиницу и на еду. Большие деньги, и человек отдал их лишь потому, что мы ему понравились. Еще как-то раз подарили сто марок. И тоже только благодаря общению. Их дала женщина. Я ей вручил какие-то сувениры «а-ля рюс», и не факт, что они были ей нужны, но она сильно помогла нам. Люди даже приглашали нас к себе домой: что совсем нонсенс. Один француз довез нас до Парижа и там спросил, где мы планируем ночевать. Мы честно ответили, что понятия не имеем. И он сказал, что мы вполне можем провести ночь у него. Несмотря на то, что это не принято и на то, что дома у него была невеста. А вечером мы все вместе пошли в трактир. Хозяином там был внук какого-то белогвардейского эмигранта Владимир Иванович, в его трактире нам подали пельмени, пытаясь удивить столь экзотическим блюдом. И все французы удивлялись и были очень довольны. Мы не почувствовали себя сильно осчастливленными, стоит ли ехать в Париж, чтобы попробовать пельмени? Но, в общем, угощают и то хорошо. После нас попросили спеть. Мы спели несколько песен, дали ему свои записи. Но в тот момент он не нуждался в музыкантах. А потом… нам было уже не до его столовки.

Так что, учтите, общение – интересная и нужная штука. Оно двигает торговлю. Если бы нас не позвал француз, мы бы не узнали, что можно легко устроиться музыкантами во французский трактир. Без общения нам бы не давали денег, не помогали их заработать. Если бы я не проявил себя как хороший собеседник и веселый интеллигентный человек, нас бы не приглашали ночевать домой.

Да и помогали не только состоятельные люди, но и такие же бедные студенты, как и мы сами. Как-то сняли номер, где стояло три кровати. Третьим был немецкий мальчик, приехавший с друзьями в Бремен на экскурсию. Друзья его удивились, что мы русские, я хорошо говорил по-немецки. Правда, минут через десять всем становилось ясно, что говорю я только односложными предложениями и словарный запас у меня узок. Узнав, что мы бродячие музыканты, они взялись нас поддержать. Пришли с нами на площадь, где стоит памятник бременским музыкантам. Впервые увидев его, я очень удивился: одни звери, а трубадура нет. Они еще больше удивились, трубадура никогда и не было. Только потом я вспомнил, что это старая немецкая сказка о домашних животных, которых выгнали хозяева. А трубадур придуман уже в России. Мы с приятелем встали на площади, запели, наши новые друзья, в количестве восьми человек, тут же организовали группу поддержки. Поэтому вокруг собралась толпа. «Наши» решили спровоцировать зрителей и начали бросать деньги. Каждый кинул мелочь, но случайные

прохожие присоединились. Одна тетенька даже сбегала в ближайший бар и принесла две банки пива. Мы поблагодарили и сказали, что выпьем потом. Сейчас нам надо петь. Она послушала песни, потом метнулась еще раз и принесла горячие сосиски. Так они и лежали перед нашими носами, по виду и запаху очень вкусные. А мы уже мечтали поскорее все закончить, и съесть их пока не остыли.

* * *

Год спустя, вспоминая о своих успехах, я решил повторить их и, так как Артур забузил, нашел гитариста, согласного поехать работать в Европу. Он нашел балалаечника, и мы собрали большой коллектив – целое трио…но не сложилось. Балалаечник пошел в военный оркестр и стал невыездным, гитарист играл плохо. И в 93-м году я поехал за границу с женой. Там мы не пели, ничего не зарабатывали, но мастерство общения не пропьешь, и нас все равно по-прежнему подвозили бесплатно, кормили, и даже давали денег. Я еще не раз возвращался в Германию с разными людьми, и нас всегда куда-то приглашали. Не только из-за того, что мы пели, хотя и это очень интересно, порой звали нас, просто как русских, в смысле как носителей языка. Русский в Германии учили много, и поэтому всегда искали для детей возможность поговорить с российскими туристами. Так что мы даже в местных школах находили возможность подработать. Я разыгрывал с детьми диалоги. Выходил мальчик, я ему говорил: «Здравствуйте».

– Здравствуйте, меня зовут Петерс.

– А где ты учишься?

И он выдавал заученный из учебника тупой текст: «Я учусь в такой-то школе, у меня есть папа, мама и два брата. Мама работает там-то…»

– Хорошо, а где ты будешь отдыхать летом?

– А-ааа??? – терялся мальчик.

И учитель объяснял ему, что надо вспомнить слово «лето» и слово «отдых». Да они в школе проходили вопрос: «Где ты проведешь свои каникулы?», но русские могут спросить совсем иначе.

Еще мы пели им русские песни и читали народные стишки, которые не могли перевести даже преподаватели.

Мне вчера сказала Нюра,
Что в доме отдыха «Прибой»,

Завел ты с кем-то шуры-муры,
Кого-то видели с тобой.
Ты не на ту, дружок, нарвался.
Реветь не буду в три ручья.
Гони трусы, рубашку, галстук.
Что подарила сдуру я.

Они не понимали таких странных русских слов, а я не понимал, почему дети смеются, когда я говорю. Преподаватели потом сказали мне, что я разговариваю на старонемецком. Нас учили в школе довоенному языку, сейчас он изменился, как и русский: мы ведь уже не называем девушек барышнями.

В Германии любят общение. Германия родина кабаре, а кабаре – это не просто концерт, а безусловный интерактив. И если мы на улице начинали разговаривать с людьми, они вначале удивлялись, но затем неизменно давали деньги. Что с людьми надо всегда общаться – главное жизненное правило, которое использую до сих пор. Может, ты очень хорошо поешь, но если не способен сказать что-то еще своим зрителям, ты не станешь «героем их романа». Правда, если ты поешь отвратительно, ему и общаться с тобой неинтересно. А вот если хорошо – он сразу думает, что ты уже зазнался и перестал снисходить до публики. Но ты начинаешь задавать вопросы, и они думают: «…как же так? Такой артистище со мной вот так разговаривает?!». Но в живом общении много важных моментов: нужно быть самим собой, нужно быть свободным. Не испытывать комплексов, что ты хуже, но и не рваться в лучшие. Типа, вы все свиньи богатые, а я артист. Я человек искусства, идите все на хрен, я тут самый главный. Заискивать тоже глупо и дешево. При перегибе в любую сторону – ты можешь оказаться в неформате.

* * *

А, в общем, хотя я многое и понял тогда, к сожалению, юность моя все равно прошла не под звуки фанфар. Многие мои приятели одарены были больше меня. Тот же Артур, стоило ему зайти в комнату, взять гитару и выдать чего-нибудь романтическое, как каждая из присутствующих баб готова была отдаться. Я ему завидовал, а ведь это его и сгубило. Он решил, что на фиг ему учиться серьезно, он уже и так король. Сейчас «король» работает разнорабочим на стройке. Другой мой приятель, с которым ездили работать в Германию, хороший музыкант, так и остался там же…сторожем в школе. Они

вылетели на обочину вместе со своими талантами потому, что недоучились, недоразобрались, недотянули, не дождались. А я считая себя не столь одаренным, все учился, учился и учился.

Сейчас думаю, оно и к лучшему. К лучшему то, что и в детском возрасте не зазвездился, а то и вовсе превратился бы в того дяденьку «с Киеву», что звонил мне с утра. Я решил написать книжку, вспомнив его, потому что ну НА Х…Я он приперся ко мне со своими грамотами и со своими уверениями родных, что он гений???!!! Когда-то я увидел и навсегда запомнил юмористический монолог. Как выходит на сцену артист, представляется. Но имя его и фамилия ничего не говорят публике. «Неудивительно, – поясняет он. – Но вы все наверняка видели фильм «Петр Первый». Там показывают младенца, которого Петр целует в жопу. Так вот – это был я.

И вот та самая жопа___» Номер длился долго. Артист

рассказывал, как ему подарили нейлоновую рубашку, как он ее запачкал и решил постирать в ацетоне, там рубашка и растворилась, остались лишь пуговицы. Он вылил все в унитаз, сел на него и от расстройства, что лишился красивой рубашки, закурил. Искры попали в унитаз и… «А теперь посмотрите, что осталось от моей жопы, а ведь я ездил по всей стране!» Сколько таких жоп скитается по необъятным просторам нашей любимой родины. Если их перечислять – не хватит книги, если вспоминать – не хватит жизни.

Вы, дорогие читатели, должны решить для себя, хотите ли вы превратиться в мудил, которые в сорок с лишним едут покорять Москву своими школьными подвигами? Если нет, то эта книга для вас. Если действительно хотите стать звездой?

Торг уместен

В крупный супермаркет приходит еврей устраиваться на работу продавцом. Ему предлагают спуститься в зал, чтобы посмотреть, как он работает. Через десять минут хозяин спускается вниз и видит такую картину: стоит еврей, рядом стоит бизнесмен.

Еврей: «Ну, хорошо. Вы уже купили себе удочку, теперь вам просто необходимо купить леску, крючки и блесны».

Бизнесмен: «Беру».

– Хорошо, а как вы будете ловить рыбу? С берега что ли? Купите резиновую лодку и ловите как белый человек с середины озера.

– Ну, что вы! Разве же это машина? Купите себе внедорожник.

– Хорошо, сколько с меня?

– Сто шестьдесят четыре тысячи двести долларов.

Бизнесмен идет платить, хозяин подбегает к еврею: «Такого я еще не видел! Вы лучший! Надо же, человек пришел купить удочку, а вы ему всю эту хрень впаяли!»

– Да что вы! Он зашел купить пачку «Тампаксов» для жены, а я сказал ему: «Если у жены месячные, то что вам три дня дома сидеть? Езжайте на рыбалку!»

…

…Когда-то, будучи еще неизвестной питерской группой, музыканты «Ленинграда» приходили в «Арт-клинику» и говорили: «Мы хотим сегодня у вас выступить!»

– Вы же вчера у нас выступали, – удивлялся арт-директор.

– А мы и сегодня хотим! Мы написали восемь новых песен! Что у нас с гонораром?

– Ну, как обычно… По две бутылки пива и паре бутербродов.

– Хорошо. Ждите.

Никто не хотел платить неизвестной группе, которая не может собрать зал. Это сейчас, когда они приезжают, им помимо гонораров, выкатывают ящики водки, вагоны сока и составы пива. А тогда… тогда им было нужно, чтобы тебя хотя бы узнали, услышали и запомнили.

…Я начинал еще хуже. Мне не предлагали даже пива и бутербродов, если считали, что ведущий в клубе не нужен. И то, что я сумел продать себя в таком мало востребованном амплуа как конферансье – доказывает, что в шоу-бизнесе возможно все! Если вы – люди способные. Но это отдельный жанр. Точно такое же искусство, как торговля на рынке. Может, я научился

зарабатывать деньги в шоу-бизнесе, благодаря тому, что когда-то работал на барахолке, чего никогда не стеснялся. Хотя не так уж много лет прошло с тех пор, когда я продавал газеты, а рядом стоял один азербайджанец и кричал: «Купите у него газеты. Потом придете ко мне, купите фрукты и завернете их в эти газеты!». Сейчас у него сеть собственных магазинов в Питере и Москве, а я продаю то, что продавать очень сложно – профессиональное умение сделать веселье веселым, а пьянку пьяной.

Если вы думаете, что бизнес – дело торгашей, а не людей искусства, вы в этом самом «не тонущем» искусстве точно не выживите. Просто умрете с голоду. К тому же торгуются все и всегда. Многое в этом плане мне дало наблюдение за работой директора фестивального центра «Балтийский Дом» Шуба Сергея Григорьевича. Это был мастер большой и малой торговли, настоящий человек искусства! Так как он работал (да и сейчас продолжает) не дано никому! В нашей Вселенной, по крайней мере, точно. Торгуясь, он то плакал, то смеялся, то щетинился, как еж. Он как дьявол торговался. Человек искусства, что возьмешь?

А я тогда работал директором Формального театра, который совместно с фестивальным центром устраивал свой маленький фестивальчик. Я с интересом смотрел, как он работает с известными театрами и зажравшимися артистами и ловко уговаривает их отработать за полцены. «Хочу пять тысяч долларов!» – сообщала по телефону какая-нибудь знаменитость, которую он приглашал на фестиваль. «У нас столько нет! – словно ужасаясь, отвечал он. – Но у нас же приедет пресса, телевидение, все такое….В общем, я вам даю пятьсот».

Из трубки слышалось: «Четыре».

– Шестьсот и банкет.

– Три и дорога бизнес-классом!

– Семьсот и СВ.

– Две пятьсот и бабу.

– Ну, нету денег у нас! Нету ни копеечки лишней….Восемьсот и устрою интервью для немецкого телевидения!

Сходились на двух. В результате, звезда приезжала; журналисты за интервью с ней освещали бесплатно весь фестиваль, спонсоры платили по полной, а руководство фестивальным центром покупало себе по новой машине.

Он обзванивал многих, и многие приезжали вообще бесплатно, только звезд надо было нанимать. У них то гастроли, то они честно признавались, что фестиваль им неинтересен. Но он добивался их приезда, то лестью, то гонорарами, причем

меньшими, чем они бы заработали в другом месте. И только благодаря своему коммерческому таланту, делал фестиваль все популярнее и популярнее.

Он делал большое дело, а я мотал все себе на ус, и чуть позже только благодаря умению вести переговоры с клиентом, стал зарабатывать деньги. Поэтому у меня до сих пор нет директора; не вижу человека, который бы мог продавать меня так, как только я сам себя умею. Торг – это тонкая материя, многое не объяснить словами. Надо просто понимать, что и как делать. Ну, конечно одно из первых и главных условий: чтобы что-то продать – надо это дело любить. Ну, как в том анекдоте: Встречаются двое. Один печальный, другой веселый. Печальный интересуется: «Ты чего такой веселый?»

– Да слона купил! Обалденный слон. Все по дому делает, жену встречает с цветами, с детьми играет.

– С ума сойти! Продай!

– Друзей не продают! Тем более, он мне и по работе помогает.

– Миллион даю!

– Что ты? Я бы и за два не согласился.

– А за три?

– Три миллиона за такого слона?!!!

– Четыре!

– А что я жене скажу? А детям?…За пять отдам!

– По рукам!

Вскоре они встречаются вновь. Печальный возмущается: «Твой слон ничего по дому не делает, только пакостит. Полдома задом снес, жену загнал в угол, она там три дня просидела. Пришлось МЧС вызывать. Дети из дому убегают».

– Не ругай слона.

– Почему?

– С таким настроением ты его никогда не продашь.

* * *

…Итак, если дело свое вы любите, у вас есть все шансы! Начинающим легче: они работают за копейки и поэтому их постоянно приглашают на халтуры. Туда, где часто неважно даже качество музыкантов, главное, что их можно использовать как фоновую группу. Кто-то же должен играть на вечеринке, пока народ собирается, и что самое главное, пока он расходится по домам. Кто-то должен быть дешевым певцом, дешевым фокусником или ведущим вечеринки…

Когда я стал известен, много людей приходило ко мне и говорило, что они офигенные шоу-мены.

– Ну, покажи чего-нибудь! – обычно прошу я. Мне же нужно увидеть, есть ли опыт у человека. Второе, что спрашиваю, где он работает. И человек часто сообщает, что нигде, потому как ему везде мало платят.

– Зачем работать-то? – возмущается он.

И не знает и не понимает совсем, что для того, чтобы требовать хоть какие-то деньги, тебе нужно вначале вырасти до уровня профессионала. Что касается серьезных денег, то нужно стать звездой или хотя бы просто известным человеком. А это процесс долгий, кропотливый; и разговоры о том, что ты работаешь не хуже того-то и того-то, уже не прокатывают.

Сначала я пытался давать им советы, но со временем понял, что бесполезно учить человека, который внутреннее считает, что выше тебя по всем пунктам. Поэтому возиться с такими индивидуумами, я отказываюсь. Но вам, раз вы купили мою книгу, практически бесплатно даю лекцию на тему о необходимости работать постоянно. Если ты не работаешь, про тебя никто не знает. А если про тебя никто не знает – ты не работаешь! Это называется замкнутый круг, и этот порочный круг надо как-то разорвать.

Я лично считаю, что, начиная карьеру в шоу-бизне-се, надо стремиться показываться везде. Работать как можно больше, попадать правдами-неправдами на тусовки, знакомиться со всеми. Если вы интересный человек, вас не забудут. И когда-нибудь, собираясь приглашать артистов, вспомнят: «А вот здесь бегал парнишка, ну такой, необычный… Может, его позовем, сколько он стоит?» И понеслось. Если, конечно, вы не облажаетесь, а отыграете так, как должно быть. Тогда есть перспектива, что вас будут приглашать все чаще. Примите к сведению: вначале вы работаете за копейки или бесплатно, а как иначе?! Вы приходите в клуб, и вам говорят: «У нас уже есть группа!»

– А сколько они берут? – интересуетесь вы.

– Сто долларов!

– А мы готовы за пятьдесят!

Тогда берут именно вас. Вы получили работу. Это первая удача на вашем творческом пути, но может быть и последняя, если вы облажаетесь. Представьте, что все прошло замечательно, и вы продолжаете работать здесь за пятьдесят, в другом месте за такую же сумму. Пусть пока мало, хватает, только на выпивку. Но это с одной стороны, а с другой – ведь вы же работаете. И любое ваше выступление может принести вам дивиденды. Может

произойти все что угодно: можете получить постоянную работу. Да и вообще, если пятьдесят долларов мало, то тридцать дней по пятьдесят – уже полторы тысячи, и к тому же вы получаете опыт, который невозможно купить и который бесценен.

Если у вас нет работы, значит, вы тратите время зря и вы ничего не достигните. Люди должны о вас знать.

И только имея работу, вы имеете шанс получить еще одну, которая потянет за собой шлейф приглашений. Бывает только так и никак по-другому. Поэтому надо соглашаться на любые деньги, пока вы не звезды.

И только потом приходит осознание того, что вы зря работаете за пятьдесят долларов. Когда вы приходите, и вам говорят, что для вас есть работа завтра, послезавтра, и еще через два дня, и еще через три… Вот тогда вы понимаете, что, то ли вас приглашают, потому что вы очень хорошие, то ли потому что дешевые. Если дешевые вы услышите: «У нас сегодня выступает «Муммий Тролль» сорок минут, и перед ним вы – пять часов». Тогда говорите: «Мы раньше играли пять часов, а сейчас играем четыре».

И смотрите за реакцией собеседника, тогда начнете понимать, за что вас держат. Если за то, что вы дешевы – ищите попутно еще какие-то работы. Если вы качественный работник – поднимайте ценник. Но учтите, его нельзя поднимать при разовой работе. Может, на нее вас и позвали потому, что вы так мало стоите. Разберитесь в этом вопросе дотошно, так как потерять работу легко, найти новую практически нереально, а если вы нигде не работаете, вы потеряны для общества.

Когда-то я учил свою любовницу, размышлявшую, пойти ей на радио в ведущие или в маленькие начальники.

– Конечно, иди в ди-джеи! Пусть радио не очень известное, пусть там меньше денег, но славы больше! Пока я тебя кормлю и одеваю, зачем тебе сидеть в креативной группе. Про них никто не знает, а ди-джеи – люди публичные, всем интересны. Даже если тебя отсюда попрут, есть все шансы, что на других радиостанциях отслушивают конкурентов. Если ты профессионал, тебя возьмут.

У нее не хватило ума меня послушать. Поэтому когда через три месяца ее выгнали, на другую радиостанцию ее не взяли. Где она теперь, неизвестно. По всей видимости, там же, где и все неумело гоняющиеся за золотым тельцом: в жопе.

Нужно постоянно быть на слуху и использовать для этого каждую возможность, раз вы стремитесь в звезды. Поверьте мне, когда у вас произойдет первый разговор с заказчиками, когда начнет наклевываться халтура, все они спросят: «А где вас можно увидеть или услышать?» И вот тогда, если у вас есть постоянная

(пусть и за пятьдесят долларов) работа, вы спокойно приглашаете на просмотр ваших возможных покупателей. Если тебе есть, где себя показать – может появиться работа и получше.

Но если пока не везет, хотя бы не пропивайте пятьдесят долларов, что вам платят, а думайте о том, сколько вам нужно, чтобы записать альбом. Будет альбом – сможете раздавать его важным людям. Надо из каждой ситуации извлекать пользу, видеть цель и идти к ней. Но цель должна быть глобальной: если вам нужен миллион, нужно и зарабатывать миллион, а не сто долларов. А то получится, как в анекдоте про дурака. Поймал он золотую рыбку.

– Что ты хочешь? – спрашивает она.

– Хочу нос мясистый, язык мясистый и уши мясистые.

Рыбка все исполнила и уплыла. Потом вернулась:

«Эй, иди сюда, зачем ты все это попросил?»

– А сто?

– Попросил бы квартиру, машину, денег!

– А сто мозно было?

* * *

…Со временем лучшие представители класса кабацких музыкантов становятся востребованы всегда и везде. Если вас приглашают часто, и вы завалены работой – тогда возможно вы стоите больше, чем берете за свой труд. Нужно четко понимать цену себе, постоянно взвешивать соотношение ее и качества. Ведь лучше отработать один раз за тысячу долларов, чем десять раз за сто. Вас и уважать тогда станут больше. А когда вы научитесь производить хорошее впечатление на нужных людей, то постепенно подойдете к тому, что научитесь продавать себя за хорошие суммы. Как? Есть масса способов. Например:

Бой с тенями

Скажем, приходят к вам представители звукозаписывающей компании. Это первый ваш посетитель и вы благодарите Бога, что он наконец послал к вам нужных людей. Однако цена, которую они предлагают, совсем мизерная, и тогда вы начинаете выставлять на «поле брани» несуществующих персонажей. Говорите представителю, что они, конечно, хорошие ребята, но условия предлагают точно такие же, как другие компании. Какой вам смысл менять шило на мыло и кидать людей, которые пришли раньше. Тем более, что вы давно уже знакомы с дядей Васей из «….». Пусть денег дает не больше, но он друг. И представители звукозаписывающей компании, чтобы отбить вас у

«вашего друга дяди Васи», вынуждены поднять гонорар.

Или допустим, вам звонит издательский дом, планируя купить ваш роман, а вы сообщаете, что у вас звонок на второй линии от конкурирующего издательского дома. И – конечно, не устраивая конференции – рассказываете, кто сколько предлагает. Только не завирайтесь, называйте реальные цифры, чтобы они поверили. Не стоит бояться, что они друг у друга расспросят про вас. Это – конкуренты, они не общаются между собой, а если и собирают информацию друг о друге, то лишь по слухам, вокруг да около. И между собой они никогда не договорятся. Ибо вопрос одного главного редактора другому: «Как вы думаете, сколько стоит Трахтенберг?», вызывает у оппонента мысль: «Ох, а про слона-то мы и забыли! Чего же мы его не издаем?» И, как следствие, звонок Роману Львовичу с предложением о сотрудничестве. Если издатель чувствует, что от данного автора пахнет деньгами, он заинтересован сам издать книжку. Отсюда идет здоровая конкуренция. Конечно, вам нужно научиться блефовать. Если одна компания предлагает десять тысяч долларов, то можно ей сказать, что в другом месте вам предложили двенадцать. Разница в две тысячи не чувствительна для крупных компаний. Они даже предложат тринадцать, чтобы обогнать конкурентов. Но если вы ляпнули, что кто-то предложил вам тридцать, они вежливо откажут или не поверят вовсе. А обратного пути не будет. Вам не дадут даже двенадцать, дадут десять, а то и меньше. Так что торговля – путь пошаговый и осторожный. Идеально, если четко знаешь, на что они готовы. Хорошо бы заранее пообщаться со знающим человеком, который скажет хотя бы примерно, сколько за тебя готовы заплатить. Потому что покупатели сами никогда точно не скажут, сколько способны выложить. Назовут меньшую сумму, и долго будут торговаться. Но если ты знаешь – ты вооружен.

Откат

В шоу-бизнесе та же история. Например, ты в курсе, что у клиента есть праздничный бюджет (сумма, которую он готов выкинуть на артистов): двадцать тысяч долларов. И он хочет, чтобы ровно три часа на сцене что-то происходило. Он готов взять четырех артистов по пять тысяч. Можно взять двух более известных артистов, но они стоят десять. И на сцене будет что-то происходить только полтора часа, что никого не устраивает. Или можно вызвать одного артиста за десятку и троих по трешке. Или одну звезду за восемнадцать, а на остальные деньги взять диджеев, которые будут тупо крутить музыку, час их работы стоит долларов сто-двести. Дешево и весело. Вариантов у богатого буратины, как потратить деньги, немало. Возможно, поэтому он

часто даже теряется в выборе, но хорошо, если не теряетесь в данной ситуации вы. А вы должны знать или уметь догадываться о возможных пожеланиях заказчика – тогда удастся постоянно получать работу. Зная, кто ваши конкуренты, можете обойти их на повороте. Сбросить цену за свой выход на тысячу, а на сэкономленную тысячу предложите притащить десяток танцовщиц, и т. д. и т. п.

Конечно, если вы забрались на вершину шоу-бизнеса и работы у вас полно, то вы просто называете цифру и не торгуетесь. Но торговля – это всегда приятно. Тем более, что в ней участвуете не только вы, но и еще ряд заинтересованных людей. Например, посредник – тот, кто связал вас с покупателем. Часто артистам и заказчикам самостоятельно встретиться непросто. Но вам надо понимать, что человек, который вас продает, тоже хочет заработать. Я лично посредникам сразу говорю: «Я отработаю за тринадцать, вы клиентам объявите пятнадцать, остальное можете положить себе в карман». Посредники знают о вашей щедрости, и вы получаете работу чаще других артистов. Тут ведь кто предложит откат больше, тот и работает.

Откат существует везде. Допустим даже, вы работаете менеджером по рекламе на ТВ, вы, встречаясь с заказчиками, говорите им: «Я продаю рекламу на первом канале. Минута стоит пятьдесят тысяч долларов. Но если вы заплатите сразу за десять минут, сто тысяч я вам верну». И надо понимать, что эти деньги возвращаются не владельцу компании, а его представителю. И возвращаются деньги наличкой. В этом случае ты имеешь в лице представителя компании друга, который кровно заинтересован в том, чтобы его компания давала рекламу только на твоем канале.

Такая же история происходит и с менеджерами компаний, организующими вечеринки. Подобные агентства, назовите их как хотите: сутенеры, спекулянты, посредники – зарабатывают на разнице между суммой, которую готовы заплатить за тебя заказчики, и той, что берешь ты. Чем больше остается у них, тем больше они заинтересованы в том, чтобы работал именно ты, а не кто-то другой. Вы тоже можете выиграть потому, что работаете на перспективу. Во-первых, у вас становится больше заказов. А во-вторых, клиент усвоил, что вы стоите определенную сумму. И в следующий раз, если он лично выйдет на вас (если вы потрудились дать ему свой телефон), объявляете именно эту цифру, уже не давая откат посредникам.

«Шаг вперед, два шага назад»

А теперь о гонорарах. Если когда-то вы играли за сто долларов, но иногда, в честь больших праздников, вам платили

больше, и в гонорарах ваших была неразбериха, то со временем – с увеличением доходов – цифры надо привести в порядок. Ставки должны быть стабильными, плюс-минус десять процентов (зависит часто от дня недели или от важности праздника). Тогда вы уже заявляете своим покупателям, что не падаете ниже определенной планки, и времена, когда вы играли за сто долларов всю ночь, давно прошли. Он, испытывая к вам уважение, все же старается сломать вас на меньшую сумму. Не поддавайтесь, даже если сегодня вам эти сто долларов ужас как нужны. Раз вы всем назвали свою цену, держите ее! У профессионалов ставки стабильны. Если солжете своим заказчикам насчет гонорара, сильно рискуете. Ложь, касаемая денег, не приемлема. Если вы с кого-то взяли меньше обычной ставки, ваш следующий клиент будет обозлен, узнав об этом. Факт, что вчера вы работали за сотню, а сегодня ИМЕННО У НЕГО запросили полторы тысячи долларов, вызовет агрессию. Вы, конечно, надеялись, что он не узнает, но судьба повернулась против вас: ваши заказчики оказались друзьями. Они встретились, поболтали: «Сколько ты ему заплатил? Дурак, что ли, он у меня позавчера за копейки работал!» И вы попали! Пусть даже вы очень нравитесь своему заказчику, и он с удовольствием отдал бы крупную сумму и даже накинул сверху, тем не менее, для бизнесменов всегда дело чести – заплатить меньше! Им невыносима мысль, что их обдурили. Никто не хочет чувствовать себя обманутым и думать, что его «поимели», «развели», «кинули». Так что ваша маленькая ложь может положить начало большому концу. Поэтому ставьте для себя планку, ниже которой вы не работаете никогда, и вперед. Я живу только по такому принципу: есть сумма, меньше которой не беру.

Конечно, еще есть друзья, и они просят поработать для них подешевле. Денег с друзей не возьмешь. Если это настоящий друг, то в таких случаях лучше отработать бесплатно, чем взять символическую сумму. Надо понимать, что информация всегда просочится за пределы вечеринки. Никакой самый близкий друг, который вам клянется и божится, что никому не скажет, сколько он вам заплатил, тут же – едва отойдете – направо и налево расскажет, во сколько вы ему обошлись. Еще более болтливы менеджеры, которые вас приглашают на работу. Такой менеджер хочет быть другом всем артистам, он для всех рубаха-парень. И хотя вначале он мнется, когда его теребишь насчет расценок – интересно же узнать, кто сколько получил – он в итоге «по большому секрету» всех сдает. (Я, например, когда приезжаю на концерты, сразу спрашиваю, кто и сколько из артистов получил. Для меня важно быть самым дорогим.) А раз он сдает всех, то

наверняка точно так же сливает и информацию о вас.

Причем никого не будет волновать, сколько вы работали: может всего-то пять минут или спели одну песню. Можете не сомневаться, что про «пять минут и одну песню» тут же забудут, а вот сумма, которую вы получили, разлетится повсюду и останется в голове: «Трахтенберг приезжал за сто долларов!» И вы начинаете проклинать всех и самое главное себя за то, что взяли такие деньги.

Кстати, поэтому в шоу-бизнесе есть понятие «выход». Именно «выход» стоит денег, а сколько времени ты стоишь на сцене не важно. Конечно, с ростом популярности гонорар надо повышать.

Когда я переехал в Москву, удвоил концертную ставку. Правда, заказов не было вообще. Я сидел в нервном состоянии, но при редких звонках все равно отказывался сбрасывать стоимость. Я переехал в Москву – и значит, возврата к прошлому нет! К тому же если тебя вызывают люди – то они богатые люди. Правда, есть исключения, когда цену можно и нужно скинуть: если тебя вызывают поработать в клубе для обычной публики, купившей билеты. Надо все взвесить и рассчитать, чтобы понять, где, на какой сумме находится предел, больше которого заказчики заплатить не могут. И если ты перегнул палку и зарядил нереальную для этого заведения цифру – клуб вынужден будет отказаться, как бы не любили тебя в этом городе. Ведь организаторы платят тебе не собственные деньги. Они собирают их со входа, чтобы рассчитаться с тобой. Но поставить в городе Урюпинске цену на билет в сто долларов – как в Москве – они не могут. Сумма, которую артист заломил, может для них оказаться совершенно неподъемной. И в таких случаях конечно надо скинуть стоимость своего выхода…или работать «со входа»: то есть, сколько билетов купят – столько денег вы и получите.

Впрочем, немало российских звезд (не научившись в школе считать или переоценивая свою популярность) отправляются на подобные гастроли выступать перед пустыми залами. Мало того, что ничего не зарабатывают, так еще и слухи о том, что на их выступление никто не пришел, губительно сказываются на их карьере. Одну нашу очень популярную певицу даже прозвали нейтронной бомбой шоу-бизнеса. Когда она выходит петь, в зале работает звуковая аппаратура, потрясающий свет, только нет ни одной живой души.

Невозможность реально оценить и подсчитать возможный доход (и его предел) может привести вас к краху, даже если ваш проект суперпопулярен. Мне лично рассказывала Татьяна Мелконова, хозяйка ресторана «Бат ивр» на Рублевке, где по пятницам работает «COMEDY CLAB», что каждый раз они

приезжают с новой программой. Каждый! И это замечательно. Только их ведь двенадцать человек, и каждый делает по два номера по три-четыре минуты. Всего действо на сцене идет около полутора часов. За свою программу они получают семь тысяч долларов – то, что можно собрать с зала на сто мест, если билеты по сто долларов, и они ПОЧТИ все проданы (что-то должен заработать и ресторан). Из семи тысяч, что получают ребята, какую-то часть (уверен, не самую маленькую) забирает их продюсер, великий человек, который все это придумал и всех их собрал. Он важнейшее лицо для коллектива, именно он умеет раскрутить, а затем и продать шоу за максимальную цену. Итак, «суперзвезды» сегодня имеют в свой карман пять-шесть тысяч, которые надо поделить на двенадцать рыл….А ведь это мало! А ведь они так популярны! А ведь у них самих крышу сносит от того, как они популярны! И очень скоро (а может так уже и случилось) они запросят гонорары побольше. А больше никак! Такое шоу не может идти на стадионах, этот жанр хорош в небольших помещениях. Поднять цену за вход в это самое помещение – тоже практически нереально. Много ли у нас людей, которые готовы регулярно покупать билеты за двести-триста-четыреста долларов? Что им делать? Ну, предполагаю, что кого-нибудь позовут выступать отдельно. Он клюнет на возможность заработка и свалит. Но только он привык работать шесть минут, а программу на пару часов еще надо сделать и обкатать. Он позовет к себе кого-нибудь из приятелей. Произойдет раскол. Труппа развалится на две, а то и три-четыре коллектива. А дальше – возможно этим труппкам предстоит превратиться в трупики. Как команда в двенадцать человек они всем интересны и способны регулярно обновлять репертуар. Но пятерым, а особенно троим, будет тяжко, и оставшимся тоже придется не сладко. И постепенно шутки станут все более натянутыми и притянутыми за уши (а где брать новые, когда программы так нереально удлинятся?). А если останутся в прежнем составе – ничего не заработают за свою звездную карьеру, и в этом беда всех больших коллективов. Конечно, всех артистов приглашают на разные халтуры, пьянки, гулянки как в Москве, так и по всей матушке-России, и даже в дальнее и не очень зарубежье. Да только вызвать большой коллектив мало, кто способен. А извините, райдер (об этом позже), т. е. денежки на дорогу, проживание и прожирание? Да еще плюс гонорар каждому….Уверен, ребята не настолько богаты, насколько популярны. Что ж такой путь имеет право на существование, но только не в нашем случае. Ведь вы хотите стать ЗВЕЗДОЙ?

Утром деньги, вечером стулья

…Итак, продолжаем о бабках!

Предположим, вы соблюли, в смысле, выполнили все условия: вы работаете один и потому вас зовут на халтуры в далекие города совершенно спокойно. Вы не действуете на зрительный зал как нейтронная бомба, умеете считать и трезво оценивать свою популярность. И первые ваши выступления прошли прекрасно. Вы можете быть собой довольны! Конечно, если заранее позаботились о том, чтобы получить за них гонорар….Нет? Вам сказали, что ВЫДАДУТ ПОСЛЕ ПРОГРАММЫ?!! М-да…Нельзя же быть таким наивным…

Вот теперь вам предстоит настоящая борьба: выбивание своих кровных. Я в ней участвовал пару раз и больше не ввязываюсь, поскольку понял – никогда нельзя работать в кредит, гонорар надо брать вперед! И только получив бабосы, можно начинать что-то делать. Надо помнить два постулата: первый, ничто так не вселяет веру в человека, как стопроцентная предоплата; и второй, ничто не ценится так дешево, как уже оказанная услуга.

Получить бабки после того, как вы уже отработали, очень трудно и почти что невозможно. Поверьте на слово, что, как только наступает пора рассчитаться – даже у очень порядочных с виду людей нередко возникают проблемы: «заболеет кассир», «потеряется ключ от сейфа», и в офисе начнется пожар, в городе землетрясение, в стране разруха, а в мире экономический и экологический кризис, усугубленный птичьим гриппом, коровьим бешенством и обезьяньей чесоткой, и т. д. и т. п. И, вообще, зачем вам деньги? Давайте лучше выпьем. Может, девочек хотите? Нет?! Мальчиков?! Тоже нет?! Короче, вас не поймешь… Короче… Короче… Короче, вы попали. Так что скажите заказчикам еще перед своим приездом, что у вас есть правила брать весь гонорар полностью вперед, что без денег у вас пропадает кураж, слух и голос. А, кроме того, вдруг вам позвонят другие заказчики, способные заплатить моментально, а не потом когда-нибудь, а сейчас. И, кстати, ехать никуда не нужно!

Была у меня одна вечеринка в Питере, в уже несуществующем клубе. Тогда должны были выступать Володя Бухиник со своей модной коллекцией, группа «Манго-манго» и я в качестве ведущего. Денег нам заранее не дали, пообещав, что выдадут перед выходом на сцену. Но и перед выходом не дали, пообещав, что рассчитаются после программы. Мы все дружно, т. е. разом, отказались и попросили: «Капусту сейчас же или уходим». Арт-директор куда-то убежал, затем вернулся и сказал: «Половину сейчас, вторую – через месяц». Артисты начали собираться. Он опять убежал и, вернувшись, облагодетельствовал: «Половину сейчас, другую – через неделю». Народ ломанулся к выходу…

Деньги все-таки заплатили, но программа началась с опозданием на два с половиной часа. Но, заметьте, несколько часов – это не месяц! Так что истина не нова: утром деньги – вечером стулья, вечером деньги – утром стулья!

Теперь следующий пункт, т. е. вторая ловушка, на которую часто попадаются начинающие артисты (да и не только они), фраза: «У меня есть помещение и публика! У вас талант! Если мы объединимся в едином порыве, сольемся в экстазе, то вместе заработаем кучу бабла! Мы завтра дадим рекламу, начнем продавать билеты, а когда набьем полный мешок деньжищами, поделим его пополам! Вы получите гораздо больше, чем стоит ваш обычный выход!…» и «ля-ля-ля и тру-ля-ля». Если вам такое говорят, не верьте, не покупайтесь на «сумму бóльшую». Никто не даст артисту сверх того, что он стоит в данный момент. Никто не станет делить прибыль. Это все разводки. Кроме того, работать в толпе сложно, всегда надо помнить, что где-то в цепочке граждан, решивших «вместе заработать денег», может найтись слабое звено, и весь ваш труд отправится на помойку. Так однажды я приехал в город, где все вроде было чудесно. И владелец клуба, и его менеджер. И только совсем малозначительный персонаж, бедный студент, который должен был развесить афиши по городу, сплоховал. Он «чисто случайно», когда вышел их клеить, встретил друга и с ним нажрался, потом уснул и ни черта не сделал! По его мнению, он имел право на выходной. Он и так каждый день вешает афиши, все заборы в бумаге, ну не расклеишь один разок, поди, не заметят. И действительно – мой приезд не заметили. Народ не пришел в клуб. В итоге не было выручки, рассчитаться со мной заказчикам было нечем. И положение уже никак не исправить, хотя и артист не виноват, и принимающая сторона старалась, но одна махонькая неувязочка испортила большое дело.

А как-то я приехал работать в далекий-далекий город, а там…убили какого-то влиятельного человека из той самой компании, что пригласила меня. «Извини, друг, праздник отменился», – сообщили мне. Конечно, жалко их товарища, но я-то здесь при чем? Я прилетел к ним в пятницу. Помимо их у меня было два интересных предложения, от которых отказался, т. к. здесь предлагали больше. И вот сижу на бобах, что неправильно. Ведь никто из артистов не знает, как долго он будет на высоте, как долго будет хорошая тяга. Потому нельзя вставать в цепочку незнакомых тебе (да и знакомых) людей и зависеть от случая. Моей вины нет ни в чьей-то смерти, ни в чьем-то алкоголизме. Ни, даже, в чьей-то жадности. Мне неинтересно, у кого какие обстоятельства. Чтобы выжить в шоу-бизнесе, отношения там

должны быть такие же четкие, как и в обычном бизнесе: товар-деньги-навар. Со своей стороны, я готов вернуть все денюжки, если концерт сорвется по моей вине. Тем более, что ситуация, когда «кидает» артист, редкая. Ведь артиста разыскать не трудно, если он решит кого-либо обмануть. Профессия-то публичная. И все об этом прекрасно знают, потому и не боятся давать деньги вперед….Хотя я часто люблю подшутить над мелкими сотрудниками богатых заказчиков, которым гонорары артистов кажутся баснословными. Звонит мне чья-нибудь девочка-секретарша из Урюпинска и уточняет, на какой машине меня завтра встретят с самолета…

– Что? С какого самолета?!

– Ну, вы же завтра к нам должны прилететь…

– Я? К вам? А вы кто?!

– А-а-ах! – выдыхает она так, словно это был ее последний вдох.

Я слышу, как у нее перехватывает дыхание, и словно даже чувствую, что она покрывается холодным потом от вселенского ужаса.

– Да пошутил я.

Постоянная работа, или «Ах, кабаре, кабаре, кабаре…»

…Сказать точно, где подстелить соломинку, очень сложно. Особенно, если человек занимается чем-то необычным, ему и тяжелее вдвойне, и…легче вдвойне: – тяжело, потому что он первый и не понимает цену того, что делает, сравнить-то не с кем; зато люди, осознавшие всю возможную прибыль его проекта, всегда готовы наживаться на неведении. Но можно утешить себя тем, что за одного битого двух небитых дают;

– а легко потому, что именно у него больше шансов стать пионером; ведь он реализовал то, чего еще никто не делал. А лавры всегда получает первый. Остальных впоследствии станут сравнивать с тобой. Они могут быть лучше тебя, но ты уже снял все сливки. Последний же из тех, кто включается в игру, вообще все теряет. Более того, он еще и становится виновным во всех грехах предшественников. На своих программах я люблю цитировать Беранже, сказавшего, что жизнь подобна собачьей упряжке: если ты не лидер, картина никогда не меняется.

И, возможно, если я сейчас расскажу, как искал «себя в искусстве», как искал работу и как потом искал возможности свалить с этой работы живым, это вам что-то даст. Конечно, если моя биография вам до фонаря, можете эту главу и не читать.

…Ну, о многих вещах в самом начале карьеры я даже не догадывался. Мне просто надо было чем-то заниматься, а делать всегда лучше то, что ты умеешь и любишь. Что я умел?…Звезды

сложились так, что еще с детства я учился быть душой компании. Было трудно, судьба мне препятствовала: роста я был крошечного, водку пить меня не звали, бабы не давали, спортивных достижений за мной не числилось. Но зато понял важную вещь: я умею рассказывать анекдоты! Потому что люблю их, слушаю везде (тогда еще не было печатных сборников) и запоминаю в любых количествах. И к тому же это мне действительно нравится. У всех, наверное, так. Только кто-то увидел шахматы в пять лет, и его не оттащить. Кто-то нажал на клавишу компьютера и с тех пор от него не отходит, мой сын встает в шесть утра и садится играть на аккордеоне (а я так ни за что не садился за фортепьяно, пока мне не давали рубль). Каждый делает то, что ему нравится, и только тогда он находит свое лицо (если только его лицо не слеплено продюсером, но тут отдельная тема для беседы). И возможно, что другой работы, кроме как в клубе, судьба мне не уготовила.

Прошли годы, и я научился неординарно мыслить, был весел и находчив и ко всему прочему знал кучу анекдотов, которыми мог проиллюстрировать любую мысль, даже самую дебильную. Более того, я мог указать человеку его место при помощи тех же самых анекдотов. Многие заявляют: чего, типа, сложного?! Стоять на сцене и травить анекдоты или: «Да мы и сами с усами, тоже умеем материться»! Хочется для начала посоветовать посетить мое выступление. Судить о Трахтенберге по телевидению и радио так же глупо, как учить дзюдо по самоучителю (пусть даже и написанным самим Путиным). «Травля» анекдотов, один за другим, полная безвкусица. Анекдот может существовать только в гордом одиночестве и быть только иллюстрацией какой-то мысли, например афоризма. А мудрые мысли, используемые мною, взяты из классики. Прежде чем заявлять, что я со сцены несу ахинею, подумайте, а вдруг за фразой стоит всеми признанный автор, а вовсе не мое творчество. «Женщина – есть извращенная форма существования материи» – это Гегель. «Между прочим, все мы дрочим» – Бродский. И так далее. А если и использую мат, так еще народ заметил, что из песни слов не выкинешь. И главное, чтобы слова твои были точны и остры. Мат – это только форма.

В какой-то момент своей жизни (после армии, института, поездок по турецким рынкам и немецким кабакам) я уже являлся готовым конферансье: дайте мне труппу, и будет вам шоу. Но труппы не было, да и меня собственно никуда не звали. Тогда я решил мыслить «от противного», если у меня нет труппы, может быть, я могу вписаться в уже готовое шоу. И я начал поиски. Но клубы тогда делились на два типа: или стриптиз, или дискотека. Были еще рестораны, где я изредка работал в качестве тамады, но

на постоянную работу все равно не звали, а я ведь уже говорил, как важно иметь именно ее. И вдруг однажды мне подфартило: меня пригласили провести «Тату-конвенцию» в новый, только что открывшийся бар. Именно там кто-то из гостей послал меня по матери. И в этот момент, отвечая ему изысканной матерной тирадой, меня осенила мысль, что ведь мат может стать фишкой. Потому что народ прекратил жевать, пить и выпал в осадок.

По окончании программы, пытаясь удержать удачу за хвост, я предложил свои услуги хозяину этого самого бара, заявив, что, во-первых, я режиссер; во-вторых, у меня есть идеи. А в третьих… он послал меня по матери, заявив, что никакое шоу ему не нужно. У него просто маленький бар.

– Ну, может маленькое шоу? Совсем-совсем маленькое, очень-очень низкобюджетное? Я и четыре стриптизерши…

– Максимум две, – заявил хозяин.

– Ну, хорошо. Две и я. Им по тридцать долларов, мне двести.

– Им по двадцать, тебе – тридцать.

– Им по двадцать пять, мне – сто.

– Им по двадцать пять, тебе – пятьдесят.

– И такси до дома.

– По рукам. Приходи послезавтра, покажи, что ты умеешь.

– А бабы?

– Бабы будут.

С этого, пожалуй, все и началось. То, что я предложил, было ново и практически гениально, и что, наверное, сыграло главную роль – очень дешево. Через неделю вход в бар сделали платный, еще через две – удвоили цену за билет. А еще через месяц утроили. Буквально через два месяца в клуб стало не попасть.

Если вы думаете, что я сразу озолотился, ничего подобного. Да у меня был серьезный опыт работы в торговле, и я умел продавать и покупать товар, но как продать «конферансье в ассортименте» – я не знал. Меня взяли, я имел постоянную работу, и уже только это казалось счастьем. Я не решался ставить хозяину жестких условий. Я понимал только одно – сейчас можно раскрутиться. Приглашал журналистов, чтобы они что-то писали о моей работе. Отдавал им бесплатный ужин, который полагался мне. Они что-то писали, иногда в тему, иногда мимо, но «жизнь в искусстве» все равно понемногу начинала налаживаться. Хотя в личной жизни времена были очень тяжелые: у меня только родился ребенок, денег не хватало, случалось, что жена приходила ко мне на работу, и свой ужин я тогда отдавал ей.

* * *

Вот так часто все и начинается: практически с нуля, из ничего. Но и это «ничего» тоже можно пустить в дело.

…Однажды шоумен и ведущий программы «Парад парадов» и по совместительству преподаватель Института культуры Владимир Леншин спросил нас, студентов: «А, скажите-ка мне, у кого из вас есть концертный костюм?» Курс тяжело вздохнул. Ну откуда концертные костюмы у студентов?! Чтобы купить что-то нужное, надо сначала продать что-нибудь ненужное, а для того, чтобы иметь ненужное, его надо вначале купить, а у нас денег нет.

– Все ясно, вы просто не представляете себе, что такое концертный костюм. Он на самом деле есть у каждого: откройте шкаф, возьмите любые брюки, потом пиджак, который не сочетается с этим костюмом. Затем наденьте ботинки, не подходящие ни к костюму, ни к брюкам, и хорошо бы еще шляпку посмешнее – одолжите у пожилых родственников. Часто из таких подручных средств, – из того, что сумеете найти – и создается костюм для сцены. Главное – это идея. В Голливуде за идею платят деньги.

Самая правильная мысль, делать шоу из подручных средств. Программа поначалу была стандартной, хотя и не повторялась. Я произносил монолог, потом выходила баба, она танцевала, я молчал, она уходила – я говорил. Формула успеха на тот момент выглядела так: «один Трахтенберг, плюс две бабы, равняется четыре с половиной часа высокорентабельного шоу», приносящего хозяину пятьсот долларов прибыли в день! Только с билетов! А ведь люди еще при этом по-зверски пили и по-скотски жрали. Народу прибавлялось, а на сцене мы по-прежнему скакали втроем. Меня же постоянно посещала навязчивая идея сделать настоящее кабаре. Как в фильме у Фосса, произведшем в свое время неизгладимое впечатление на мою подростковую душу, концертные номера и мастерство конферансье буквально потрясли. К концу фильма ленинградский школьник точно знал, чем хочет заниматься: сделать в родном городе такое же заведение. И спустя много лет я вернулся к своей мечте. Для начала предложил хозяину добавить еще двоих танцовщиц. Надо сказать, что деньги уже не играли большой роли для него, и он благосклонно разрешил взять еще парочку. Нас стало пятеро. А я все мучительно размышлял, чем же еще можно разбавить программу: ЭВРИКА!!! КОНКУРСЫ!

Так между делом я стал играть со зрителями: кто выпьет больше пива, кто быстрее перекатит апельсин из одной штанины в другую и так далее. Это еще не являлось настоящим кабаре, но и переставало быть обычным стриптизом. Я продолжал

нововведения. В частности, поняв, что на сцене получается два разных шоу – танцевально-стриптизное и матерно-разговорное – решил все объединить в одно. Теперь я не уходил, когда бабы танцевали, а оставался комментировать происходящее для публики. В своих монологах я говорил о наболевшем: «Представляете, она мне не дала!…» И программа приобрела целостность и реалистичность. И вот тут хозяин приволок еще откуда-то йога и фокусника. Их обоих я тоже взял в оборот, и мы стали единым организмом под чутким руководством мозга, т. е. меня.

…Ну, а как же мечта, можете спросить вы, как же фильм «Кабаре»? У нас, знаете ли, тоже все шло красиво, но до этого уровня мы конечно недотягивали. К сожалению, когда начинаешь заниматься делом вплотную, то понимаешь, что сделать грандиозную программу в маленьком клубе нереально. Уровень киношных танцовщиц очень высок, чтобы танцевать, как в фильме, надо учиться лет двадцать. Живой оркестр из стебущихся жирных бабищ – нереализуемая фантазия. Конферансье подобного уровня стоит кучу денег. А кабаре – это всегда маленькие, от силы человек на семьдесят залы: чтобы окупать такое шоу, билеты должны стоить целое состояние. Так что идея полностью утопична, если только нет мирового кризиса, безработицы и конкуренции. СМЕРТЕЛЬНОЙ конкуренции за кусок хлеба.

Кабаре существовало всегда и будет существовать еще долгие годы, только не в таком прилизанном, глянцево-киношном варианте, а в усеченной и удешевленной форме. Кино – это миф; клуб – это жизнь. Жизнь суровая и, к сожалению, реальная. В фильме тебя убивают, а ты жив. В жизни – публика не пришла, и ты банкрот. Рассчитать бюджет кабаре очень легко: в зале не может быть больше ста пятидесяти мест (а у тебя вообще только пятьдесят), билет должен стоить порядка ста долларов, но все сто процентов зрителей не придут. Придет половина и у тебя будет две с половиной тысячи долларов, из которых ты можешь пустить на оплату шоу пятьдесят процентов. Ведь у тебя еще остаются официантки, бармены, повара, уборщицы и аренда помещения. Берешь пятерых танцовщиц – это двести пятьдесят долларов, парочку «оригинальников»

– это еще двести пятьдесят. Оркестр – еще пятьсот. И двести пятьдесят ведущему. Если цена соответствует качеству, получится неплохо. Если артисты говно – ты пролетаешь. Первый концерт может стать последним. Если повезло, и кто-то из вышеперечисленных работничков оказался молодым еще неоткрытым дарованием, ты обогатишься. Но это вариант для

Москвы, в провинции нужно исходить из пятисот рублей за билет. Пятьсот на двадцать пять получается двенадцать тысяч пятьсот рублей, то есть около четырехсот пятидесяти долларов. Что это означает? Только то, что ни приличной программы, ни денег вы не получите. Конечно, в принципе, может случиться чудо и соберется у вас толпа единомышленников, которые будут работать на голом энтузиазме. И тогда даже в Крыжополе вы сумеете прославиться, потом поедете на гастроли в районный центр, потом по союзным республикам, затем Москва – и вы богаты. Но поверьте моему опыту: на этом долгом пути ваши «звезды» покинут ваше созвездие, и в Москву вы приедете с одной голой идеей, за которую платят деньги…только в Голливуде.

Заниматься кабаре безумно интересно, так как это маленький и к тому же мобильный театр. А театр интересен сам по себе, ведь он живой и, несмотря на то, что пьеса одна и та же, каждый день там все происходит иначе. Сегодня актер так расставил акценты, завтра по-другому, в зависимости от настроения и от публики. Театр – энергетическая вещь. Но мне лично всегда хотелось заниматься театром не драматическим, а таким…облегченным. Что я и делаю, понимая, что юмор – дело серьезное. В кабаре только видимость легкости. На самом деле это серьезный труд и, что самое обидное, не все здесь зависит от ведущего. Здесь все завязано на импровизации, и если среди артистов кто-то напился, кто-то подрался, кого-то бросил муж, кто-то ушел от жены к другому мужчине, то программе – хана. Сегодняшней программе. А завтра – завтра будут взлеты или падения, кабаре – вещь непредсказуемая.

* * *

Итак, пусть и в таком не до конца идеальном варианте, но место моей постоянной дислокации постепенно становилось самым модным местом в городе. В Питере был моден интеллектуальный юмор, и Трахтенберг стал в нем апофигеем, героическим фетишем города-героя. Туристам говорили, что днем нужно посетить Эрмитаж, а вечером пойти послушать Трахтенберга.

Стиль моей программы (впрочем и любой другой) подразумевает, что и атмосфера в клубе должна ему соответствовать: и кухня, и интерьер, и персонал… Поскольку на сцене все называется своими именами (то есть, жопа жопой, а морда мордой и никак иначе), то и с залом все должно быть в гармонии. Ни дорогой хрусталь, ни французская кухня с ее

сложными вычурноиноземными названиями не прокатят. Названия блюд тоже являются продолжением программы: мясные рулетики должны называться «хуйнюшками», форель – «пиздикляусом», суп «бодягой» и т. д. и т. п. И, конечно, было бы дико, если бы эти блюдища подавали вышколенные официантки в строгой униформе с именами Елизавета, Анастасия… Одеты они должны быть тоже по-простецки и звать их должны также – Стопарик, Жопа, Грымза, Лапоть. А уж какие имена – такие и девки.

Вот поэтому, когда человек приходит в мое заведение, его удивляет все. Он окунулся в атмосферу юности, когда он с мятой трешкой в кармане приходил в ресторан, а халдей ему говорил, ну че будем пить? Самое дешевое? Пиво и водку? А сейчас он может себе позволить все заведения, но иногда ему хочется хамства-лайт, по отношению к нему, конечно. И, конечно же, на уровне игры.

Ты такой же, как и я. Мы такие же, как ты. «Ты к нам пришел. Если ты нам не дашь денег, то кто даст? Хочешь сказать, что у меня день прошел зря?…»

Наверное, сменится пара поколений, и такое кабаре не будет пользоваться спросом. Пока что оно существует за счет ностальгии. Мы все начинали с низов, политики и олигархи когда-то, совсем недавно, были бедными студентами и учеными. А ненормативная лексика – это язык, на котором говорили все, как в школе, так и во дворе.

На сегодняшний момент я являюсь единственным шоуменом, у которого есть свое клубное шоу. Остальные этого не могут. Поэтому так и ненавидят меня все эти «дроботенки» и «христенки». Они работают десятиминутный номер и не знают, что делать дальше. Ездят на концерты компаниями. Берут двадцать человек, каждый выходит на десять минут. За концерт дают двадцать тысяч, значит, у каждого только по тысяче выйдет. Заказчикам куда проще взять за десятку одного смешномена, болтающего два-три часа, еще пяток стриптизерок – и на тебе шоу!

Стакановцы

– Здравствуйте. Заходите, раздевайтесь.

– Зачем раздеваться?

– Ну, как же, вы ведь ебарь-надомник?

– Конечно, нет! Я пиздун-собеседник.

Москва, закрытая вечеринка «Жабы и цветы»

– Добрый вечер, дамы и господа, леди и джентльмены, сэры и сэрихи. Меня зовут Роман Трахтенберг и моя фамилия переводится совсем не так, как вы подумали… – начал я с приветствия, отработанного за много лет.

Когда выходишь на сцену, в первую очередь нужно поздороваться, представиться и представить партнера, вместе с которым придется вести программу. Вообще, конечно, лучше работать без партнера, в одиночестве. Но сегодня выбирать не приходится. Я ведь не на сцене своего клуба, а на частной вечеринке, устраиваемой владельцами «заводов-пароходов» и их нерядовыми друзьями. Заказчики вечеринки захотели, чтобы вместе со мной на сцене была Машенька Малиновская. О ней я мало чего знаю, ну да какая разница. Люди заплатили немалые деньги и хотят, чтобы им было весело.

– Сегодня вечером мы работаем вместе с Манькой Малиновской! – весело сообщаю публике и поворачиваюсь к девушке, – Манечка, скажи что-нибудь.

Секундная пауза, во время которой моя…гм «коллега» набирает в легкие воздух. И в зале вместо «здрасти» раздается романтическая фраза: «Пошел на х…!»

От неожиданности публика замолкает. Многие подняли головы, оторвавшись от стаканов. Такого поворота событий никто не ожидал.

– Машенька, ты обалдела? Ты чего в микрофон материшься? – меня, конечно, матом не удивить. Я тоже так умею, еще и похлеще. Только оскорблять-то зачем.

– Пошел на х…! – еще раз «изысканно» подрезает она.

Одного взгляда на «теледиву» хватает, чтобы понять, насколько Машенька пьяна: густо накрашенные глазки совсем остекленели, жирно намазанный ротик скривился, напудренный носик съехал набок. Интересно, что человек может сказать в таком состоянии?

Я рада вас приветствовать! Я с вами! Давайте зажигать! – вопит она в микрофон текст, заимствованный, наверное, у диджеев подростковых вечеринок. И снова поворачивается ко мне. – Пошел на х…!

Публика под такой призыв «зажигать» не спешит, здесь все давно выросли из школьной формы. Им интереснее, как буду реагировать я. А уж про грудастых блондинок столько сказано в мировом фольклоре: избитый персонаж. А эта еще и пьяная.

– Манечка, ты не пей больше. М-да, лично я знаю три стадии опьянения женщины. Первая, когда она кокетливо хихикает: «Какая я пьяная! Какая я пьяная!» Вторая, когда она заявляет: «Кто, бля, пьяная?!» И третья, когда на вопрос таксиста, куда ехать, она отвечает: «А тебя это ебет?» – комментирую я состояние Малиновской.

Не новый, но эффектный анекдот неизменно вызывает смех. А сейчас он еще и подкреплен «наглядным пособием». Неудивительно, что в зале заржали и зааплодировали.

Маня гневно поворачивается ко мне, судорожно открывает ротик, но сказать ничего не может. Ничего остроумного не приходит в ее светлую голову. Девушка даже в принципе не способна на какие-либо пикировки на сцене (если текст заранее ей никто не подготовил), а своих заготовок у нее нет, так что повернуть разговор в выгодную для себя сторону она не в силах. Однако это не мешает ей считать себя звездой разговорного жанра и запрашивать за свое появление огромненькие суммы.

– Да это шутка была, Манечка. Смотрите, я говорил, что бабы не понимают юмор. И вот показательный пример, Маша шутку не догнала, хотя мы с вами все поняли.

Осматриваю зал. Если там слишком много баб (особенно таких, которых я называю «пизда на цыпочках»), они могут помешать работе по моральному перевоспитанию «зазвездившейся» особы. Бабам кажется, что если на их глазах так прикладывают одну из них, то наносят оскорбление всему их бабскому отродью, и они начинают перекрикивать ведущего, срывая выступление. Но сегодня, оглядываясь, вижу, что все на моей стороне. Ну, тогда – держись!..

Манечка, ожидавшая, что станет звездой вечеринки, действительно стала ею. Но в ином ракурсе. И потому естественно озверела. В перерыве принялась пугать меня тем, что в зале находится ее любовник, который за нее убьет. Беда всех слабых людей – когда нечем крыть, они начинают угрожать. Только я-то никого не оскорблял, лишь подшучивал – разница большая. И я ее четко знаю (иначе меня бы давно не было в живых). Потому едва поднявшись после перекура на сцену, честно

выложил публике: «Меня обещают убить!»

– Рома, не бойся, мы с тобой! – завопили в зале. – Продолжай!

К сожалению, завершить начатое было уже невозможно. Красавица растворилась где-то среди столиков с дорогущим пойлом их… она забила на работу. Не царское это дело! Ну, а меня, конечно, никто в тот вечер не убил. Более того, случилось неожиданное: как выяснилось, Малиновскую даже наняли для того, чтобы мне было, кого обсирать. По мнению заказчиков, мне нужен объект, на котором удобно оторваться. Красивая, сисястая блондинка-Барби подходила, как нельзя лучше. А она еще и оказалась хорошей марионеткой, подыграла – задираться начала первой. Ну, как было не ответить?! В принципе – старый прием, двое клоунов, один бьет другого. Только сейчас он приобрел особую актуальность. Девочка ведь уверена, что она звезда. А всем хочется назвать ее словом, которое хорошо рифмуется со звездой.

Гости остались очень довольны.

Глупо думать, что туда заявились одни садисты, которым приятно видеть, как задирают неспособную отбиваться тетку. Ничего подобного! Просто, к счастью, там находились не совсем дурные люди, которые видят, КТО ЕСТЬ КТО. Видят и не отказывают себе в удовольствии донести до этого человека правду. Почему нет, если российский шоу-бизнес переполнен случайными мальчиками и девочками. Они попали в телевизор и уверены, что являются самыми умными, самыми красивыми, и т. д. и т. п. А всем остальным более здравомыслящим гражданам постоянно хочется спросить, и с чего им такое в голову взбрело?

* * *

…Домой отправился только под утро. Ехал и мысленно все возвращался к началу вечеринки….Ведь не в первый раз попадаю в подобную ситуацию. Так однажды я должен был работать на небольшой, но очень «нажористой» пьянке. Пригласили меня, Петьку Подгородецкого и группу «Динамит», которую, впрочем, еще надо было найти. Искать ее поручили мне, и я начал звонить Айзеншпису. Тот, будучи умным и тертым калачом, отказался везти группу, не переговорив вначале с заказчиком. «А чего с ним говорить? Цена вас устраивает, в чем проблема?» – пытался я отмазать клиента от странно-назойливого продюсера. Но не рассчитал его хватку. В итоге, он путем долгих и нудных упреков в «нечистоплотности» и «зарабатывании на нем и его светлом имени денег» принудил меня выдать телефон олигарха,

устраивающего праздничную феерию, и сам чрезвычайно ловко вдул миллионеру своего подопечного Диму Билана и какую-то второсортную группу. Пусть они никому не сдались на празднике жизни, зато заработок Айзеншписа увеличился сразу на триста процентов (а только это для продюсера и главное!).

…И фигня, что гости, взятые на измор «замечательными» певцами, не удирали с тусовки только из вежливости к хозяину дома. Они вежливо слушали всех музыкантов. Наконец, Димочка – «гвоздевое завершение программы» – закончил выть на сцене и уселся за стол рядом со своим боссом, который с удовольствием облизывал дорогое мороженое. Билан уставился на шефа влюбленными глазами. Картина маслом: Айзеншпис лижет. Билан глотает слюни. Айзеншпис лижет. Билан сглатывает… Томно вздыхает….Ну, твою мать! Смотрю на лица мужиков, понимаю, что сейчас всех начнет тошнить. И ситуация будет, как в том анекдоте: «А что это у вас салатик «Оливье» под столом?» – «Ой, извините. Вырвалось». Интуиция меня не подвела, и вскоре хозяин дома стал шептать мне на ухо:

«Рома, ну давай. Подколи их, а то вспоминать нечего будет!»

Мне и самому давно хотелось начать, но все повода не было. Дом чужой, мы просто нанятые артисты. Ну, а раз дают повод…

– Предлагаю тост за всех хороших артистов, украсивших собою этот вечер, и за тех, кто им заплатил….А много ли надо хорошему артисту? Может только пососать у продюсера….Его мороженое.

– Ой, Рома, что ты такое говоришь? – притворно возмущается хозяин дома, а под столом сует мне в руку пачку стодолларовых купюр. Гости тихо угорают. У вечеринки появляется новый и очень жизненный повод для веселья, посмотреть, кто как отреагирует. Что будет дальше?

– Трудно нам артистам. Про шоу-бизнес, чего только не говорят: будто там все голубые. Но к присутствующим здесь это конечно не относится. Да, Дима?

– Да-а, – говорит разомлевший Билан. Он даже не понимает, что происходит.

Понимает его продюсер, но ему по барабану. Он даже улыбается, все равно ведь он-то своего добился: покупателя развел как хотел. А я…ведь даже не прямо в лоб говорю. Ну, в конце концов, если он и обидится, отмажусь. Скажу, что люди сами просили. Даже денег дали. Клиенты же платят, чтобы их веселили.

Ну, а то, что слегка поглумились?.. Может, оно и не так грешно. В основном, богатые люди – это нормальные, добрые люди. Которые просто хотят, чтобы на празднике всем было

весело. И если в какой-то момент им становится скучно, они решают развлечь себя сами. А что им делать, если приглашенные артисты не справляются с поставленной задачей?!

Не стреляйте в пианиста

Как-то раз я даже наблюдал шутливую драку между именинником и музыкантом из кабацкой группы.

Группа эта вышла выступать уже после звезд, когда гости упились, и им было мало дела до музыки. Дело происходило в три утра: я приехал на день рождения из своего клуба, где отработал программу, а до своего клуба уже успел выступить здесь. Именинник очень просил вернуться назад, я не мог отказать ему, хотя подозревал, что гости будут уже никакие. И почти не ошибся. Войдя в зал, увидел картину маслом. Именинник, стоя возле сцены, бил пюпитром по голове солиста группы, приговаривая: «Фальшивишь, гад! Фальшивишь!»

Бил, впрочем, по-доброму. Как равного. Хотя сцена все равно выглядела странновато. Я так вообще ошалел и подошел к музыканту, едва тот освободился от экзекуции.

– А чего ты позволяешь себя бить?

– А какая разница? – пьяно удивился солист. – Он же все равно потом дает денег.

А возмущенный именинник тем временем уже сам взялся настраивать гитару. Дешевый китайский инструмент и не думал настраиваться.

– Хреновая гитара! Не строит, – заметил он.

Веселуха продолжилась разбиванием гитары, после

чего «обидчик» выделил музыканту тысячи три долларов на новую. Учитывая, что старая стоила шестьсот, всем в тот вечер было весело и хорошо…

В общем, иногда поглумиться над ближним – бывает не страшно, если ближний не внакладе. Самое главное – не перегибать палку, а то результат выйдет печальный. Впечатление испортится не только у артистов, но и у гостей. Никто не любит издевательства человека над человеком. И в то же время, если каких-нибудь «звездищ» со съехавшей крышей, чьи-то подколки слегка отрезвят – это очень даже неплохо!

Корпоративная вечеринка с участием первых звезд эстрады…

– …Конечно-конечно, Филипп Бедросович. Приезжайте, когда сможете. Мы вас все очень ждем и очень любим! – подобострастно говорил в трубку один из администраторов, отвечающих за вечеринку. Но едва он нажал на отбой связи, как тон его резко изменился: «Бл….дь!…мать…перемать!!!» – рявкнул он так, что все остальные администраторы замерли. Хотя только что носились дружной толпой за кулисами, создавая типичный

шухер: кричали друг на друга, улыбались известным артистам, сдержанно общались с малоизвестными, кивали неизвестным и все дружно ненавидели друг друга.

– Что случилось?

– Киркоров опаздывает на целый час!

…А я к тому времени, ожидая своего выхода, спокойно засаживал сотку-другую винно-водочных изделий и наблюдал за тем, как будут решать администраторы возникшую проблему. Решали они ее только тем, что забегали еще быстрее, отчего проблема никак не разрешалась. Верхушка мероприятия, оплатившая весь этот праздник, продолжала наполнять стопки и стаканы, а мозг «Командора» – то есть, меня – судорожно начал креативить. И в принципе ситуация решалась, поскольку бюджет у вечеринки был немалый, а на сцене пел Александр Иванов, вполне можно было доплатить ему за то, чтобы отработал лишние полчаса; пока не появится Киркоров.

– Саша, Саша, – шепотом позвал «командующий парадом» Александра Иванова, выступающего на сцене.

– Чего? – также шепотом ответил тот, во время паузы заглянув за кулисы.

– Надо еще полчаса поиграть – Киркоров задерживается! Мы доплатим.

– Не вопрос!

И тут как в страшной детской сказке, буквально «откуда ни возьмись», появляется Киркоров. За широкой спиной артиста весь его кордебалет в перьях и блестках.

– Я буду готов через две минуты! – надменно сообщает он.

Ни тебе извинений, ни каких-то объяснений. Администраторы, не встречавшиеся с таким поведением артистов, совсем потерялись: «Филипп, эээ… Тебе в гримерку принесли фрукты, шампанское. Отдохни пока, выпей, закуси. Тут все нормально. Не торопись».

– Я буду готов через две минуты! – срезает он, не прислушиваясь к словам администрирующего руководителя.

– Филипп, ну люди пока выступают.

– Я буду готов через две минуты!!!

Бл..дь!!! – написано в глазах всех присутствующих, хотя на лицах вежливые улыбки.

Жестами и знаками администратор вызывает со сцены Иванова, который успевает подойти между куплетами, и ему объясняют: «Слушай, Киркоров приехал. Ты заканчивай песню и уходи. А обещанные деньги тебе отдадут». Он кивает, мол, все понял, и возвращается на сцену. Допевает, поглядывая вбок, где за кулисами стоят Киркоров и компания: бьющая копытами

многочисленная подтанцовка. Иванов оглядывает их ленивым взором, раздумывая о чем-то, о своем, а потом поворачивается к публике и, вместо того, чтобы проститься, сообщает: «Продолжаем наш концерт. Следующая песня…»

– Блядь!!! – визгливо кричит, словно ужаленный в жопу, Филипп Бедросович и подпрыгивает, взмахнув руками. Подтанцовка вздрагивает от крика оскорбленного до глубины души начальника: «Мальчики! За мной! Девочки! За мной!» – вопит королевское величество и бежит вдаль, уводя свиту в перьях.

Бл..дь!!! – только и мог сказать администратор, потому что слов от возмущения у него не было.

Иванов – рок-н-ролльщик. Плевать ему на Киркорова. Он показал кто есть кто. Только х…ли теперь делать?! Что делать-то???!!! Опять бежит администратор за ответом к боссу. И уже не знает, как помягче преподнести ему возникшую между артистами ситуацию.

– Киркоров убежал? – удивляется тот. – Надо же!…А, ну и ладно.

– Как ладно? – ошалело спрашивает тот.

– А кому охота слушать Киркорова? – неожиданно заявляет он.

– Ну, вы же его позвали!

– Да. И главное, что он появился, и ВСЕ ВИДЕЛИ, что он. А то, что не спел, так и не надо. Гонорар завтра завезет, да и все.

…В тот вечер я окончательно понял смысл фразы: «Если бы понты могли светиться, в Москве тоже были бы белые ночи». Это в Питере люди приглашают только тех артистов, которых хотят видеть и действительно любят. А в Москве тех, которые стоят дороже. Отдают им немаленькие деньги только потому, что потом друзья – а главное, недруги – скажут: «У них на корпоративке пел Киркоров», что расшифровывается, как: «Гуляли богато!»

* * *

А Иванов повел себя адекватно ситуации, к тому же он старый рок-н-ролльщик. Его творческие пути никак не пересекаются с попсой и не зависят от нее, но если бы и пересекались, он вряд ли вел себя иначе. Рок-н-ролльщики – свободные люди, возможно, поэтому их редко приглашают на заказники. Особенно, если они происходят в других городах: неизвестно, как пройдет мероприятие, а деньги за него отданы. Да еще и за билеты.

А поутру они проснулись…

Три бабы смылись из дома под предлогом сходить в магазин, а сами пошли бухать на кладбище. Разговорились по-женски, мол, мужья совсем перестали обращать на них внимание и решили, дабы заставить мужей ревновать, принести домой по букетику. Поутру встречаются их мужья.

– Моя вчера пришла в дымину пьяная и с букетом искусственных цветов.

– Ну и что, а моя с целым ведром увядших роз домой вернулась.

– Это все фигня, вот у моей вообще на шее был венок с надписью «От братвы».

…Такой день мог стать началом конца в моей карьере, шагом в пропасть, в небытие. Скалой, о которую разбилось бы все, что так долго взращивалось, холилось, лелеялось и приносило плоды. Наша гастрольная поездка в один из южных дивных городков могла – не по моей вине – закончиться так плачевно, что разгребать последствия пришлось бы не один месяц.

А ведь изначально все шло более чем чудесно! Я показал чудеса продюсерского искусства, сумев продать за максимальную цену себя и всю свою труппу. Сумел, кстати, впарить и одного из своих друзей-музыкантов, тоже за очень приличные деньги, раза в три превышающие его обычный гонорар. Мы с рок-н-ролльщиком летели бизнес-классом, а моя труппа: танцовщицы и йог, естественно, в обычном салоне. Встречали нас великолепно: из аэропорта забрали на хороших машинах; поселили в приличных номерах в гостинице; еда и выпивка предлагалась из расчета – «все, что хотите, без отказа». Короче, вечеринка начиналась прекрасно.

То есть, я полагал, будто все зашибись, когда вышагивал по коридору шикарной гостиницы в поисках номеров, где поселили девочек. Шел и пока не слышал тревожных звоночков – признаков того, что все замечательное может в любой момент быть растоптано, убито, порвано на клочки. Первым слабым признаком стала одна из танцовщиц с распухшим от истерики лицом, по

которому черными пятнами расходилась косметика. На мой испуганный вопрос, что случилось, ответ был…абсолютно ничего. Просто она боится летать и поэтому чуть-чуть поревела в самолете. Остальные бабы, как оказалось, не боящиеся высоты, поддерживали ее алкоголем и подкреплялись сами… до тех пор пока в самолете увы, ничего не осталось. Поэтому и сообщили мне, что к началу программы (в семь часов), они не будут готовы.

– У вас еще два часа! Успеете! – от наглости я даже обалдел. Заказчики заплатили деньги, уже собираются в ресторане, ждут шоу, а артисты, выходит, нажрались и работать не могут? Но шоу в любом случае должно продолжаться. Так что велев им собираться, я пошел искать музыканта.

Тот сидел в ресторане и тоже разминался вискарем. Выпивая сто граммов, он тут же просил еще сто. И это притом, что мы еще не начали работать, и причем его выход последний! Как он доживет до рокового часа, и в каком виде предстанет перед уважаемой публикой?!…Но что я мог ему сказать? Он все знает сам. Именно этот человек учил меня, что нельзя напиваться перед работой и во время ее; что надо мешать вискарь со льдом, «бодяжить» его с чаем, чтобы и компанию поддерживать, и самому медленнее подходить к свинскому состоянию. Но все его учение в данный момент куда-то улетучилось.

Словно впервые оказавшись на гастролях; словно не зная, каковы последствия литра вискаря на килограмм массы тела; он пил его, как компот. Ежу было бы понятно, что с началом затягивать нельзя. Потому, поев и осмотревшись, я снова кинулся собирать баб по номерам, где все еще конь не валялся. Некоторые, правда, были накрашены; некоторые не умывались еще со вчерашней программы, но все в едином порыве собирались пойти для начала поесть и тоже «размяться», только кубанским вином…

…Через какое-то время вся эта шайка-лейка, наконец, дозрела, что пора начинать программу, тем более, что бедолаги-зрители ждали нас уже минут пятнадцать. И были вознаграждены за свое ожидание: я все-таки остался трезвым, язык не заплетался, юмор тоже доходил до аудитории, не успевшей, на мое счастье, окончательно надраться, чего о моей труппе сказать было нельзя. Танцовщица, вышедшая первой, едва удерживалась в вертикальном положении. Ноги ее разъезжались, глаза горели нездоровым блеском, волосы и юбка разлетались в разные стороны… Зрители несколько опешили и не сразу поняли, что это за диво дивное выписывает тут кренделя. Дальше было хуже. Вторая девочка, которая обычно никогда не напивалась до состояния нестояния, сегодня решила изменить своим правилам.

Да так, чтобы никому мало не показалось. И танцевала она, стоя на шпильках в двух сантиметрах от края сцены, и я все ждал, сдерживая ярость, когда же она грохнется вниз. Почему-то все сегодня решили, что они суперпрофессионалы. Дескать, профи не завалит халтуру, а старый конь борозды не испортит. Они «улеглись почивать на лавры», даже не вспомнив о том, что публика видит их впервые и не знает, хорошо или плохо они танцуют. Мы выступаем перед ними в первый раз, который легко может стать и последним…

Впрочем, пьяному человеку ничего не объяснишь. Разбор полетов будет завтра. Сегодня остается только работать, что я и делал. Пока не объявил перерыв, чтобы дать зрителям возможность передохнуть, спокойно перекурить, обсудить свои дела. Мне и самому нужно спуститься в зал, лично поздравить именинника. Кто же предполагал, что в перерывчике вся труппа, за исключением непьющего йога, упьется в мертвечину.

* * *

– Поздравляю, мы добрались до торжественного момента. Первый, да и последний в нашей сегодняшней программе конкурс на лучшее знание российских анекдотов! – объявил я, начиная второе отделение. – Вы начинаете анекдот, доходите до ключевой фразы и останавливаетесь. Если я эту фразу произношу – вы даете мне денежку, если нет, то бабки даю я. Ну, кто готов сразиться?

Публика оживилась. Но тут от входной двери раздался грохот, на который все и обернулись. Шум создавал музыкант, пытавшийся занять место в зале. Конечно, будь он человеком нормальным, – и понимая, что его коллега-артист, который, твою мать, и подкинул ему сегодняшнюю халтуру, то бишь я, работает, – прошел бы тихо и сел. Но ему правила вежливости оказались неписаны. Он демонстративно шагал через весь зал, отвлекая внимание от меня, стоящего как круглый дурак посреди зала с микрофоном. К тому же по ходу дела он пожимал протянутые руки и в довершение, как бы вместо фанфар, громогласно поздоровался и со мной, и наконец занял место в зале прямо по центру. Я продолжил монолог, но тут чудовище… неожиданно громко принялось комментировать мое выступление. Подобное поведение, как и опьянение, полностью противоречило его учению, что «мы здесь на работе», что «главные сегодня клиенты, и нельзя им мешать». Выпив, он решил, что стал единственным и главным героем вечеринки! Когда один из зрителей принялся рассказывать анекдот, он перебил его криком:

«Даже я знаю этот старый анекдот!»

– Ну, рассказывай! – вздохнув, разрешил я.

А как унять такую «великую звезду»? И звезда с умным видом рассказала анекдот, который не раз могла слышать, сидя в моем клубе или от меня лично.

– Правильно? – довольно поинтересовался он. – Тогда я выиграл! И отдайте мне деньги, которые выиграл. Да-да, передайте, пожалуйста, сюда.

Публика недоумевала, их что разыгрывают?

– Сюда деньги, – музыкант подогнал медливших зрителей. – Да-да, давайте.

Ему передали мой, заметьте, выигрыш. После чего мне все же пришлось вежливо сообщить в микрофон специально для него, что мы договаривались выступать по очереди. И его выход следующий, а пока работаю я.

– Хорошо, – согласился он и умерил количество своих замечаний. Реплики с места стали более редки, и программа была благополучно завершена. По окончании я вдул с аукциона за небывалые деньги свою жилетку – сорок пять тысяч рублей – и решил смыться в заказанную заранее сауну, захватив с собою баб. Они к тому же все равно не могли стоять на ногах, и лучшим решением было их увести. Я знаю, чем заканчиваются такие вечеринки, а кроме того не хотелось мешать музыканту, теперь ведь наступил его черед работать. Если вовремя не уйти из зала, народ побежит выпивать с тобой, а на следующего артиста положит. Хотя эта скотина и вредила мне, отвечать тем же сегодня совсем не хотелось. Тем более он уже усаживался за рояль с видом короля рок-н-ролла. Ну, что же…

– За эти мизерные деньги, которые вы, суки, мне заплатили, – неожиданно услышал я его реплику, – сыграю вам только двенадцать песен. И ни одной больше. А если захотите еще, то нужно доплатить.

«О-о, началось!» – понял я, и увеличил скорость выхода с поля боя в баню: от греха подальше. К счастью, гости, нарывшиеся не меньше его, не догнали, что им объявили.

…Из сауны я вернулся к концу выступления, чтобы поддержать великого артиста. Выглядел он очень недовольным, все его раздражало; а как может чувствовать себя человек, которому давно и невыносимо хочется лечь спать. Ведь он выпил литр вискаря еще до выхода и продолжал догоняться постоянно. Только вместо того, чтобы спокойно «отрубиться», он, превозмогая себя и свою лошадиную вискариную дозу, вынужден был работать.

– Кто поет в микрофон вместе со мной?! – неожиданно

остановив песню, спросил он.

А почему бы и не петь? Его же и приглашали, потому что его песни популярны. «Виновник» нашелся.

– А мне можно петь с тобой? – поинтересовался я.

– Можешь немного подвывать, но только когда идет музыкальный проигрыш, – милостиво разрешил он.

Ну, конечно, а как иначе. Только он здесь и звезда, а все остальные просто говно. Правда, если я еще готов плюнуть на его мнение обо мне, то как ко всему этому отнесутся заказчики – серьезные люди – оставалось только догадываться. На всякий случай я попытался утащить и его в сауну, с глаз долой. Только он сбежал из зала в неизвестном направлении. Бабы тоже вскоре испарились, так как им предложили деньги за то, чтобы они танцевали до конца вечера, и они полетели устраивать «лесбийский номер», потом «раздеть именинника и попрыгать на нем», потом сделать еще чего-нибудь, короче, пьянка требовала продолжения и развития. А мы с йогом остались сидеть в сауне, отдыхать, пока не заскучали. Тем более, что йог не пьет, а я в одиночестве много выпить не могу. Вот в этот славный момент мне бы лучше пойти спать, но черт меня дернул пойти посмотреть, как протекает веселуха.

…В гримерке две моих красавицы собирали вещи, чтобы поехать…покупаться в море. Нет, мы конечно находились на юге нашей родины, однако же на улице стоял февраль и температура воздуха минус пять, воды – примерно плюс пять, а сейчас вообще-то ночь, и море синее может несколько штормить. Как, впрочем, и их самих. Но они сообщили, что такая мелочь не способна остановить двух амазонок. Им надо освежиться, жаль, они не уверены, найдут ли сейчас машину. А если не найдут – способен ли администратор дать указание, чтобы их отвезли туда….Плюнув в сердцах на этих шизующих русалок – ни суп сварить, ни вые. ть, – я побрел спать. Но в коридоре гостиницы налетел на еще одну свою совершенно невменяемую танцовщицу, которая шастала по гостинице, в чем мать родила. Она искала аптеку, чтобы купить презервативы, вот только одеться забыла. Как танцевала в ресторане, так в «сценическом костюме» и ушла по делам. Ее лишь немного беспокоило, почему окружающие – простые жители пансионата и персонал – так странно смотрят на нее. Может, у нее помада размазалась? Впрочем, углубляться в этот вопрос ей было совсем некогда, и она побежала дальше.

«Мать-мать-мать!» – пронеслось в голове моей эхо. Чем кончится такая ночь, думать не хотелось, и я грохнулся спать.

* * *

С утра гостиницу лихорадило. Полагаю, весь персонал с замиранием сердца ждал, когда же, наконец, мы оттуда съе…ся?! Но, кажется, никто кроме меня и трезвого йога не спешил их радовать. Более того, начиналось самое страшное. Ко мне подлетел администратор и сказал, что девочек нет. Номера закрыты, трубки не берут. Хотя им всем сказано, что выезжать надо в девять утра.

– Да х… с ними! – объявил я. – Кто их должен нянчить?! Им дали возможность заработать, билеты купили, если просрут рейс, пусть сами добираются!

Но бледный администратор, вспоминая вчерашние подробности, не был точно уверен, что они просто спят в номерах.

– Ну, ладно поищем! – согласился я. – Они, поди, в ресторане уже.

И мы пошли искать их в ресторан.

Там завтракал только одинокий йог. С аппетитом и с чувством, понимая, что «питание включено». Он сообщил, что уже пытался достучаться до баб. Получилось только до одной. А где остальные, ему неизвестно. Наверное, в каких-то других номерах. Пришлось вызывать гостиничных тетек и просить их проверить, с какой стороны закрыты двери: с наружной, внутренней? Оказалось, что девочки явно в номерах. Правда, поднять с постели выпускниц блядских школ оказалось нереально. Они даже не слышали, как колотят в двери сердитые кулаки горничных.

– Улетаю без них, пусть сами добираются.

– Ну что вы, Роман, – добрый администратор все уговаривал меня еще чуть-чуть подождать. – Мы их разбудим и посадим. Вы успеете.

Оставалось надеяться на лучшее, вспоминая, что бог пьяных бережет. Я плюнул и сел в машину вместе с йогом. В соседнюю уселся музыкант. Ехать со мной в одной машине он категорически отказался после вчерашнего, хотя и не мог вспомнить, что же вчера было.

И, наконец, мы увидели сумевших проснуться артисток! Первая из них уверенно шла неуверенной походкой зомби, ничего не соображая. Глаза ее, совершенно остекленевшие, смотрели куда-то вдаль. Длинная шуба и длинные грязные волосы развевались, как у Ван Хельсинга. Если бы сейчас в коридоре находился экстрасенс, он бы, наверное, прочел на этом лице всю судьбу девушки: сколько она выпила за свою жизнь, сколько сможет выпить еще. По ходу из нее сыпались разные предметы, телефоны, помады, деньги… Следом за ней полз администратор,

подбирая все на ходу и складывая ей в сумочку. Она, разумеется, не благодарила, потому как вовсе не замечала благодеяний.

– Да брось ты все! – разозлился я. – Потеряла, значит – ее проблемы!

– Да ладно, ну что вы, мне не сложно, – уверял он.

Потом откуда-то нашлись и другие, они вылезали из нор как вампиры с красными глазами и желанием пусть не крови, но хотя бы вина. Полцарства за стакан!!! Времени до самолета оставалось в обрез, я уже только просил, чтобы девочек подогнали пинком под тощие зады и засунули поскорее в машины, предоставленные заказчиками. Наконец, «Лэндкрузер» и «Ауди-А8» сорвались с места и понеслись с безумной скоростью (опаздываем!) вперед по скользкой зимней дороге.

…Столкнулись мы где-то на середине пути. Водители вышли посмотреть, что с дорогущими машинами. Оказалось – обе они лишь поцарапались – и мы помчались дальше. Во второй раз машины столкнулись серьезней. Одна въехала в бок другой. Пока водители разбирались, что делать, одна из танцовщиц вылезла из машины и подошла ко мне: «А чего собственно мы едем? Вот у Макаки нет ни документов, ни билетов. Она все потеряла».

– Как?! – опешил я. – Где? Макака, иди сюда. Где ты все оставила?!

– Не знаю-ю-ю, – Макака рыдала навзрыд, издавая нечленораздельные звуки. Оказалось, она потеряла все: костюмы, косметику, сумку, билеты, паспорт и все деньги! Она потеряла даже свою шубку и стояла только в прозрачной маечке и джинсах.

– Ну, хотя бы шубу-то помнишь, где оставила?!

– Не помню-ууу…

Теперь наши водители принялись звонить в гостиницу, чтобы там все перетряхнули. Предположить, что девочку обворовали, было невозможно. Гуляли серьезные бизнесмены, кому там нужны Макакины концертные костюмы тридцать восьмого размера на рост метр сорок? По телефону нам сообщили, что обыск номеров и гримерки ничего не дал.

– Где ты шубу могла оставить? Нормальный человек может раздеться в номере и пойти в гримерку с костюмами, либо снять шубу в гримерке, если лень подниматься в номер?! – пытался добиться я.

Безрезультатно. Допускаю, что ночью они выходили покурить на улицу, ожидая машины к морю. А машин все не было, и, наверное, она, постелив шубу на землю, устроила пикник на обочине. Просить персонал обыскать окрестности – хамство. Пусть едет, в чем есть. Точнее, даже не едет, а ждет, когда вернется за ними наша машина, а я на ней помчался вперед в

аэропорт, надеясь задержать самолет и уговорить персонал пустить в самолет девочку без паспорта. И влетев в зал буквально за две минуты до конца регистрации, сообщил персоналу, что у нас авария. А мы едем одной компанией, билеты у нас туда-обратно. Подождите, сейчас еще наших подвезут.

– Ну, ладно подождем, – согласились они.

– А еще у нас девочка паспорт потеряла и билет, – тут же «обрадовал» я их. – Может, пропустите?

Они долго ломались, просили взять хотя бы справку в милиции, но какая милиция, если до вылета полчаса. Кое-как я уговорил и на то, чтобы посадили человека без паспорта. Они попросили только купить ей билет вместо утерянного.

Пока я уговаривал персонал, водитель уже съездил за компанией, оставшейся на дороге. То, что они вошли в зал аэропорта, я понял по внезапно наступившей в здании звенящей тишине. В этот момент в дверь вваливался известный всей стране музыкант с лицом человека, пившего года три не просыхая. Следом шла спящая «зомби», теряя на ходу свои вещи. За ней раздетая и сильно хромающая Макака – ей ударило ногу во время аварии – кроме того, из-за истерики глаза ее совсем заплыли. Красные точки в черных разводах туши смотрелись жалобно, а нос, распухший до размеров баклажана – угрожающе. Она вытирала сопли и икала, то ли от перепоя, то ли от мороза. Все ж таки зима на улице, не по сезону в маечке гулять.

Весь персонал у стойки аэропорта вытянул лица и разинул рты.

– А чего такого? – как мог я решил сгладить ситуацию. – Решила девушка выпить все вина Кубани! Но не успела! Пробыла всего один день.

Компания подгребала к стойке: «Мы нашли ее сумку, с костюмами и с документами! Все было в багажнике. Она, наверное, сама сложила и забыла».

…Если нормальные люди думают, что после того, как по вине проспавших «Макак» мы чуть не опоздали, девочки успокоились, они ошибаются. Праздник в одном отдельно взятом коллективе продолжался! А я, разумеется, пытался сбежать от торжества выпивки над разумом подальше, что удавалось с трудом. Нас с музыкантом-алкоголиком усадили, но, к несчастью, в ТУ-134 пассажиры эконома проходят через бизнес.

– Привет, жирная скотина! – радостно приветствовала меня танцовщица, первой дефилировавшая на свое место.

В нашем коллективе, где все шоу строится на ненормативной лексике, принято обращаться друг к другу запросто. И пусть я «поливаю» их на сцене, они тоже могут «трамбовать» меня…

Только, блядь, не сейчас! Когда все пассажиры с недоумением уставились на меня, все же вроде звезда, почему его так?

– Привет, толстый. Как головка, бо-бо? – поинтересовалась, проходя, следующая стерва. Она тоже не понимала, насколько неуместно все это сейчас выглядит.

И так они все брели и брели к своим местам…

Только одна из них – причем самая болтливая – не раскрыла рта, мне даже показалось, что у нее флюс, потому что одну ее щеку сильно раздуло. Спрашивать я не стал – от греха подальше – и потому, на свое счастье, лишь много позже узнал причины странного молчания. Во рту она прятала подаренный именинником пакетик с травой. Опасалась, что иначе его учуют собаки.

А я решил закрыть глаза и попробовать уснуть, что мне практически удалось. Только сон мой был краток. Прервала его стюардесса: «Простите, это ваши девочки в другом салоне? Успокойте их пожалуйста!» Сон сразу сняло как рукой. Почувствовав, что волосы на спине встали дыбом, я медленно и осторожно заглянул в эконом-класс. Макака – чья радость оттого, что все костюмы и деньги нашлись, рвалась наружу – сидела верхом на спинке кресла и, распевая какую-то дикую обезьянью песню, разливала вино в подставляемые одноразовые стаканчики. Другая красавица, шлявшаяся вчера голой по гостинице, искала иных, более острых удовольствий. То ли ее вчера никто так и не трахнул, то ли еще что, но сейчас она встала в проходе, расстегнув кофточку и демонстрируя всем свои новые – качественно сделанные – силиконовые сиськи: «Мужчинки! У меня никогда еще не было секса в самолете!…»

Половина салона – иностранцы просто, на их счастье, не понимают, чего от них хотят, демонстрируя бесплатный стриптиз, молчала. Половина русских понимающе хмыкала, баба пьяная – п…да чужая.

– Это не мои! – уверенно заявил я стюардессе. – Мои приличные! Вон они там дальше сидят.

– А эти чьи?

– Откуда мне знать? Мало ли в Москве проституток, – и пока эти шалавы не заметили начальника, быстро смылся на свое место.

Мучения мои на этом не закончились. Ведь по прилету в Москву всех пассажиров загрузили в один автобус: и я опять оказался среди своих.

– О, Ромка, как нам тебя не хватало! – тут же заверещали пьяные артистки. – Господа, смотрите! Вот он – главный ебарь России!

– Нет!!! Колька-йог лучше Трахтенберга! – заорала одна из них из самого дальнего угла.

– Ты что упала, что ли?! Трахтенберг самый лучший, бабы подтвердите!

– Арабы лучше! А Трахтенберг после них на первом месте.

– Что ты гонишь! Ты с йогом трахалась?!..

– Конечно!

– А сколько раз?

– Да уж больше, чем с Трахтенбергом! Их… у него больше.

Йог, стоящий с тубусом, уже в течение пяти минут строил из себя студента-чертежника, а теперь и вовсе попытался слиться с поручнем. Я был не в силах предпринять подобные маневры и ломанулся к выходу. Благо автобус уже остановился. Кошмар закончился. По крайней мере для меня. Не нужно думать, что так себя ведут только танцовщицы. Все мы, работники культуры, мазаны одним миром и все хороши без исключения: что в театрах, что на концертах, что на арене цирка.

Сев в такси, я вырубился. Потом проснулся, поднялся домой, выпил снотворного, и, подумав: «Бл…дь! Послезавтра еще одна гастроль!» – провалился в объятия Морфея.

Впрочем, гастроли еще будут не только послезавтра, но и через месяц, и через три, и через год, и через два года… И тогда, быть может, мы с Вами, любезный читатель, встретимся на одних подмостках, ну, если вы еще, конечно, ХОТИТЕ СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ.

Иллюстрации к сборнику

С мамой, 1970 г.

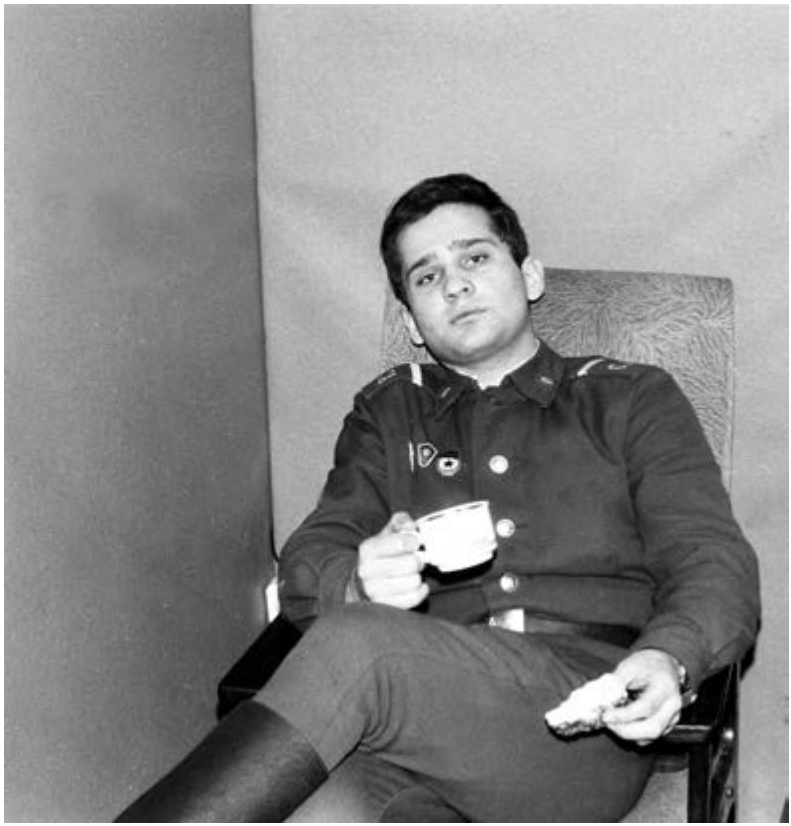
1970 г.

1975 г.

1973 г.

В хоре телевидения и радио под управлением С. Ф. Грибкова, 1979 г.

В армии, 1988 г.



1989 г.

1989 г.

1989 г.

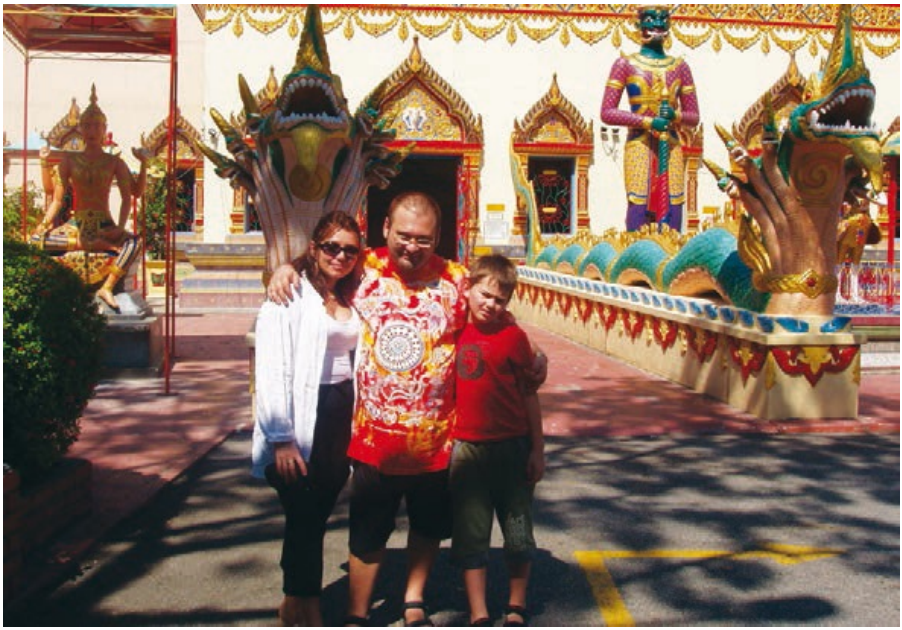
Новый год в кругу семьи, 1998 г.

С сыном, 1996 г.

1998 г.

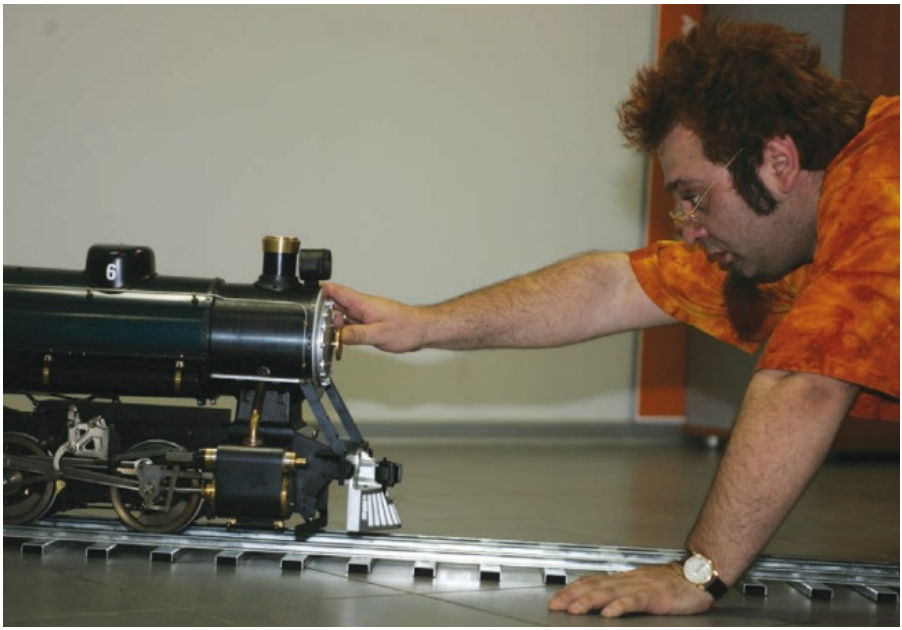
1998 г.

Египет, на отдыхе с семьей, 2000 г.



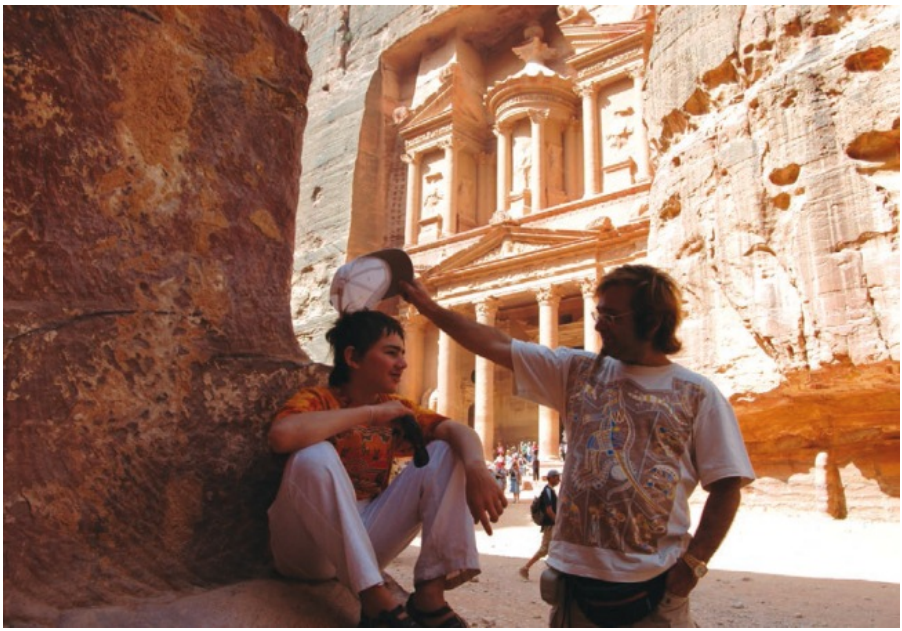
Сингапур.
На отдыхе с семьей, 2004 г.

С любимой собакой Мотей, 2009 г.



2008 г.

2008 г.



Сирия.
На отдыхе с сыном. Август 2009 г.

2008 г.

2009 г.

Роман – ведущий авторской программы на радио «Маяк», 2009 г.

2008 г.

На съемках фильма «Generation П», 2009 г.

На съемках фильма «Generation П», 2009 г.

На съемках фильма «Путь самца», 2007 г.

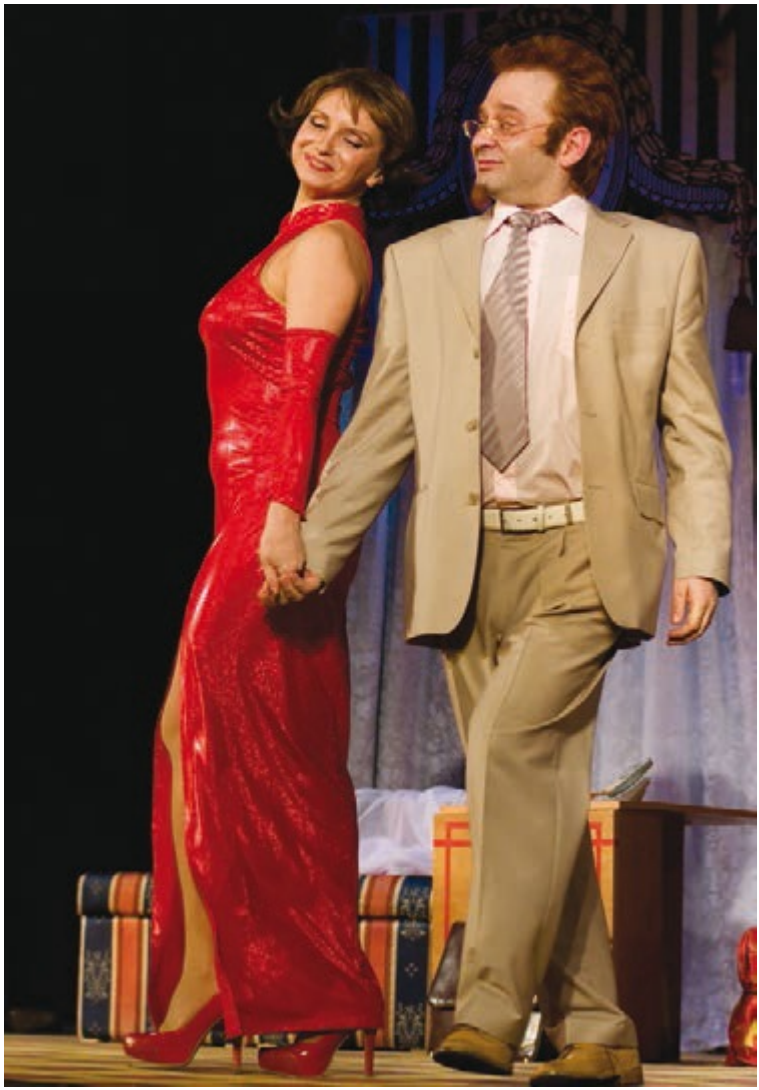
На съемках телепередачи «Слава богу, ты пришел!», 2009 г.

В «Трахтенберг-кафе», Москва.
Фотограф В. Жаров, 2005 г.

В «Трахтенберг-кафе». Фотограф В. Жаров, 2005 г.

Сцены из спектакля «Уикенд по-французски».

С партнершей по спектаклю актрисой Ириной Мазуркевич, 2009 г.



5 апреля ДК «ВЫБОРГСКИЙ»

ПРЕМЬЕРА!!!

100%-НЫЙ ХИТ ПОСЛЕДНЕГО СЕЗОНА!

От создателей «Папы в наличии», «Ограбления по-королевски» и «13-го номера»!

СУПЕР-КОМЕДИЯ!

С АБСУРДНЫМИ ТРЮКАМИ И ТАНЦАМИ

М.Кампоретти

«УИКЕНД ПО-ФРАНЦУЗСКИ»

Детям до 16-ти лет смотреть не рекомендуется!

Сергей Кузнецов

Наталья Лыжина | Наталья Круглова | Алексей Васильев | Роман Трахтенберг | Ирина Колганова

Музыка

Режиссер-постановщик

Художник-постановщик

Хореограф

Продюсеры

Билеты во всех театральных кассах!

bileter.ru 300-80-50

СОФИТ

Билеты с доставкой

Автограф-сессия на презентации книг «Путь самца» и «Вы хотите стать звездой?», 2006 г.

Лето, 2009 г.

С соведущей Еленой Батиновой.
Фото для календаря радио «Маяк», 2008 г.

2009 г.

Перед фотосессией «Боги как люди».
Фотограф В. Мальцев, 2009 г.

Фото из цикла «Боги как люди». Роман в образе бога Гелиоса.

Фотограф В. Мальцев (для издательского дома «СПИД-инфо»),

2009 г.

Фото из цикла «Боги как люди». Роман в образе бога Гелиоса.

Фотограф В. Мальцев (для издательского дома «СПИД-инфо»),

2009 г.

Примечания

1

Я хочу назад. (Нем.)

2

Добро пожаловать, сэр! (Англ.)

3

Туда. (Англ.)

4

Как дела, мой друг? Хорошо? Ты откуда? Немец, француз, швейцарец? (Англ.)

5

Русский. (Англ.)

6

Как твоё имя? (Англ.)

7

Добро пожаловать в Нубию. (Англ.)

8

Всё в порядке? (Нем.)

9

Всё в порядке? (Араб.)

10

Слава Аллаху! (Араб.)

11

Мой друг из России. (Англ.)

12

Нет проблем. Давай. (Араб.)

13

Только для моего друга. (Англ.)

14

Пять гиней. (Араб.)

15

Спокойной ночи. (Англ.)

16

Доброе утро! (Нем.)

17

Кофе? (Нем.)

18

Завтрак? (Англ.)

19

Меня зовут Мухаммед. Добро пожаловать, сэр! (Англ.)

20

Расслабься. Что будешь пить? (Англ.)

21

Конечно, сэр! (Англ.)

22

Король? (Англ.)

23

Республика. (Англ.)

24

Деньги не проблема. Нет денег – ты мой друг, я твой друг. (Араб, и англ.)

25

Не хорошие? (Англ.)

26

Не хорошие. (Араб.)

27

– Сколько стоит? (Англ.)

– Сколько стоит? (Араб.)

– Три гинеи. (Араб.)

– Три с половиной. (Англ.)

– Две. (Англ.)

– Две. (Араб.)

– Согласен. (Араб.)

– Две с половиной. (Англ.)

28

Договорились. (Англ.)

29

Ты сумасшедший. (Араб.)

30

Слушаюсь. (Нем.)

31

Добро пожаловать в нашу компанию! (Англ.)

32

Клёво! (Англ.)

33

До свидания. (Фр.)

34

Она хочет сладкую и вкусную клубнику. (Англ.)

35

Заходите. (Англ.)

36

Хорошо. Я очень тебя люблю… сумасшедший русский! (Англ.)

37

Крушение. (Англ.)

38

Кораблекрушение. (Англ.)

39

Выходной. (Англ.)